

Городские песни  
баллады и романсы



Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова  
Филологический факультет

*Городские песни,  
баллады, романсы*

Москва  
1999

## *Минувших дней очарование*

Мы то и дело спрашиваем себя, что с нами происходит (публицистику отбрасываю: там еще размышляют, что делать и кто виноват). А происходит вот что.

Собираемся на свадьбу, на именины, на вечеринку. Как хорошо, если ты не одинок. А мы не одиноки: застолье, шутки, шумная разноголосица; и подходит неуловимое для описания словами мгновение, когда ясно всем вдруг захотелось спеть. И раз все без уговоров согласны, начинается это очень легко. Тут все заодно и каждый свободен (свободен так, что даже не знаю, удачное ли это слово); все единогласны но без приказов и разнарядок; один басом, другой дискантом, вплоть до почти разнобоя, но это не раздражает и ни одного-то среди нас как оно там ну, «конформиста» или «винтика». Хорошо, хотя и не хор Пятницкого. Однако не успеем по-настоящему начать а начав, можно было бы и совсем спеться, как эх... а слова-то забыли...

Эта книга ее будущим сознательным обладателям пригодится не меньше, чем насущный хлеб. Ведь людей, для которых русская песня еще нужна, как хлеб и воздух, все-таки много.

*Сергей Небольсин*

ББК 84.Р1  
Горо70

Составление, подготовка текста  
и комментарии  
А. В. КУЛАГИНОЙ, Ф. М. СЕЛИВАНОВА

Вступительная статья  
Ф. М. СЕЛИВАНОВА

Иллюстрации и оформление  
Г. И. САУКОВА

- © Кулагина А. В., Селиванов Ф. М. Составление,  
подготовка текста, комментарии, 1997
- © Селиванов Ф. М. Вступительная статья, 1997
- © Сауков Г. И.  
Иллюстрации и оформление, 1997
- © Филологический факультет МГУ им. М. В.  
Ломоносова, 1997

ISBN 5-89042-021-6



## Народные городские песни

«Без песен мир тесен». Это давно поняли наши предки. Песня живет рядом с человеком от его первых дней до последних, и все надежды и чаяния, все горе и вся радость изливаются в песне.

Многие песни из нашего сборника знакомы читателям. Некоторые из них они слышали по радио или на грампластинках, другие пели или поют сами. Такие песни, как «Златые горы» или «Степь да степь кругом» в исполнении замечательной русской певицы Лидии Руслановой, стали национальным достоянием России.

Но мало кто из наших (особенно молодых) читателей слышал эти песни в исполнении деревенского хора: сейчас их почти уже не поют. Тот же, кому посчастливилось услышать «Чудный месяц», или «Ваньку-ключника», или «Ехали солдаты» в исполнении русского многоголосого хора (который был в каждой деревне), никогда не забудет того непередаваемого эстетического наслаждения, даже потрясения, вызванного их красотой и гармонией.

Поэзия возникла из песен, в которых слово и напев неразрывны. Стихи как самостоятельные произведения словесного искусства появляются уже при выделении литературы из фольклора.

Особенность развития русского литературного стихотворчества состоит в том, что на первых стадиях своего развития оно не опиралось на песенно-ритмическую народную речь. В XVII первой трети XVIII в. господствовали вирши (под влиянием польского стихосложения), сначала с неравносложными, затем с равносложными (силлабическими) стихами, с тяжеловесным искусственно-книжным языком. Эти вирши часто обрабатывались для пения (канты духовные, затем светские, панегирические и на любовные темы), но, культивируемые в духовной и придворно-светской среде, широкого распространения не получали, были недолговечными. После реформы русского стихосложения В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова (30-50-е годы XVIII в.), узаконившей силлабо-тоническую систему (равноударность, равностопность и равносложность строк или их сочетаний), более близкую к русскому песенному стиху (тоническому, равноударному в музыкальных периодах), стихи поэтов в качестве песен стали более или менее популярными в мелкопоместной и чиновничьей среде. Наиболее ранними, получившими здесь распространение, стали пасторальные (пастушеские) песни, в которых изображались влюбленные пастухи и пастушки, беззаботно резвящиеся на лоне природы. И в наше время остается распространенной одна из таких песен «Сережа-пастушок». Однако до принятия народом новых стихов в качестве своих песен было еще далеко.

В конце XVIII начале XIX в. поэты всех направлений

(сентименталисты, романтики, реалисты), используя фольклорные сюжеты и песенные лирические ситуации, создают народные песни, героями которых становятся добрые молодцы и красные девицы. При этом их создатели опирались на народную (или близкую к ней) символику, на композиционные, стилистические и лексические особенности народной песни. В истории литературы за песнями первой половины XIX в., создаваемыми поэтами, закрепилось название «русская песня». Сами авторы считали, что они пишут именно их: появлялись сотни стихов с названиями «песня», «русская песня». Ряд произведений из авторских русских песен дошел в устном бытовании до нашего времени. Это целая серия песен о ямщиках, песни А.Ф. Мерзлякова («Среди долины ровныя»), Н.Г. Цыганова («Не шей ты мне, матушка, красный сарафан»), Ф.Н. Глинки («Заваянные следы») и других поэтов первой половины XIX в. Достигнув высшей стадии развития в поэзии А.В. Кольцова, «русская песня» как целенаправленная авторская тенденция постепенно сходит на нет. Стихи более поздних поэтов часто становились песнями независимо от желания их создателей.

Авторские песни в XVIII первой половине XIX в. распространялись преимущественно в городской среде, более грамотной, нежели сельский мир. В то же время в мещанской среде наблюдается стремление создавать новые песни, «похожие» на литературные. Такие песни П.В. Киреевский и другие собиратели первой половины середины XIX в. называли «лакейскими» и, пожалуй, справедливо это были неуклюжие рифмованные поделки. Крутой поворот в расширении репертуара новых песен совершается во второй половине XIX в. В это время создается основной состав песен, написанных известными и неизвестными авторами, на это же время приходится всплеск творческой активности снизу. Безвестные авторы, более или менее усвоившие нормы литературного стихосложения, включаются в процесс создания новых песен. Литературный и народный потоки песнетворчества получают поддержку в новых способах распространения песен.

Если во второй половине XVIII - первой половине XIX в. песенники издавались для относительно образованной публики (дворянство, студенты, разночинная интеллигенция), часто с нотными приложениями (в романсовой обработке), то с середины XIX в., особенно к концу его, преобладающее место в популяризации песен нового типа заняли так называемые лубочные сборники. Это были дешевые маленькие книжечки (16-32 стр.), печатаемые массовыми (для того времени) тиражами в Москве, Петербурге и в провинции, затем распространяемые в городах и селах офенями (бродячими торговцами). В них печатались песни авторские (как правило, без указания на авторство) и анонимные, ставшие популярными или становящиеся таковыми. Песенники часто назывались

по одной из печатаемых в них песен: («Бывали дни веселые», «Златые горы», «Маруся отравилась» и т. п.), иногда получали интригующие

названия («Полночный ужас на кладбище у могильного креста»). Исследователи насчитывают до 1000 лубочных песенников, изданных до 1917 г.

Другой канал популяризации песен - эстрада, ресторанные и трактирные сценические площадки, уличные и ярмарочные певцы, «цыганские хоры». С появлением граммофона (конец XIX - начало XX в.) городская песня предельно расширила возможности своего самоутверждения в народном быту, тем более что на грампластинки часто записывали песни в исполнении первоклассных певцов. Например, выдающаяся певица Н.В. Плевицкая исполняла песни «Сухой бы я корочкой питалась», «Маруся отравилась», «Хас-Булат удалой» и другие. Эстрадные традиции, сложившиеся в конце XIX - начале XX в., продолжались еще в 20-е годы, но с 30-х годов «мещанский романс», как презрительно поименовали большинство городских народных песен в средствах массовой информации (радио, песенники), с эстрады почти исчезает.

Говорят: новое время - новые песни. Да, в 30-70-е годы XX в. поэты и композиторы сочиняли новые песни в небывалых в другие времена количествах, но не многие из них входили в народный повседневный репертуар, большая часть отвергалась, особенно деревней. Песни о счастливой любви на фоне великих строек и высоких урожаев, о зажиточной колхозной жизни при постепенном развале и гибели деревни были насмешкой над здравым смыслом. Если иметь в виду военную и послевоенную деревню с ее непосильным трудом, бабьим одиночеством и голодной жизнью, то советская профессиональная песня до таких тем не спускалась. Одна из деревенских певиц, В.Л. Комиссарова (д. Установка Юхновского р-на Калужской обл.), вспоминала: «А долго после войны горе не заживало, многие погибли тогда (деревня была полностью сожжена). Вот соберутся женщины и поют, бывало, «При бурной ночи». Тогда любимая песня была. Вдовы ее петь любили, тогда почти все вдовами остались». Безысходная боль, страдания и скорбь оставшихся одинокими и голодными женщин не могли не выразиться в песнях, но новых песен, которые выпевали бы их горе, не было. А «жестокый романс» (к которым относят и упомянутую песню) более соответствовал настроениям людей, чем искусственно-бодряческие «советские» песни.

Популярность песни на каком-то отрезке жизни общества не означает, что она закрепляется в народной памяти надолго. В последней четверти XVIII в. М.Д. Чулков издал обширный (в четырех частях) сборник, довольно полно охвативший репертуар «передовой» (осваивающей новые формы поэзии и песенной культуры) части общества. Популярнейшие во второй половине XVIII - начале XIX в. песни из этого сборника до нашего времени в устном бытовании не дошли (кроме, собственно, народных песен, включенных в настоящее издание) или сохранились в виде отдельных фрагментов, строк, вошедших в новые песни.

Исследователи народной поэзии, особенно И.Н. Розанов и наш современник В.Е. Гусев, провели большую работу по установлению авторства обращавшихся в устном бытовании песен. Результатом их работы стал ряд книг И.Н. Розанова<sup>1</sup> и два издания сборника В.Е. Гусева<sup>2</sup>.

В этих книгах представлен репертуар авторских песен, существовавших в устном обороте с конца XVIII до начала XX в., большая их часть сегодня забыта.

Все впервые публикуемые тексты в нашем сборнике записаны в 50-80-е годы XX века. Наличие песен в устном бытовании в эти же десятилетия стало критерием включения в книгу сюжетов из печатных источников (если не оказалось достойных вариантов среди свежих записей). Учитывая бурное развитие новой городской песни (авторской с не поддающимся учету шлейфом подражаний ей) в 50–80-е годы и ее качественное отличие от более ранней песни, составители поставили временной рубеж - середину XX в. Иначе говоря, песни литературного склада, сохранившиеся в устном обиходе во второй половине XX в., но возникшие до 50-х годов этого века, составили настоящий сборник. Единичные песни, сложившиеся позднее обозначенного рубежа, не выходят за пределы ранее сформировавшейся поэтической системы.

Песни нашего сборника, хотя в большинстве своем они городские по происхождению, записаны преимущественно от сельских жителей. Так уж сложилось, что собиратели фольклора и в XIX, и в XX в. работали главным образом в сельской местности. Записи в городах, особенно в крупных, относительно малочисленны и случайны. Городское население и менее отзывчиво на запросы фольклористов, и более бедно по памяти на старые песни.

Авторские тексты, проникнув в народный песенный репертуар, живут по фольклорным законам, то есть могут переосмысливаться, трансформироваться, причем пределы этих преобразований весьма широки - от изменения отдельных слов или строк до утраты видимой связи с исходным стихотворением (остаются единичные словосочетания и строки). Не затрагивая многообразия вариантов каждой конкретной песни, отметим наиболее показательные случаи изменения песен.

В стихотворении Ф.Н. Глинки «Заваянные следы» три четверостишия: герой «на златом песочке» долго берег следы «девы молодой», но вдруг раздался колокол, речка всколыхнулась, следы сметены; и заключительные строки:

Ах, девица в храм пошла:  
С ней другой венчался.

---

<sup>1</sup> Песни русских поэтов. Л., 1936 (Б-ка поэта, БС); Русские песни XIX века. М.: Гослитиздат, 1944; Русские песни. М.: Гослитиздат, 1952.

<sup>2</sup> Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта, БС); Песни русских поэтов: В 2 тт. Л., 1988 (Б-ка поэта, БС).



В народной песне «Над серебряной рекой» колокольный звон лишь пробуждает недоброе предчувствие у героя, который садится на коня, едет к церкви, где становится свидетелем венчания своей милой с другим, упрекает ее в измене, сетует на свою долю:

Остаюсь несчастный я  
Горькой сиротою.

В развернутом народном варианте вместо 12 авторских строк стало 38.

Другой пример того же плана. В песне на слова М. Н. Соймонова «Бабье дело» говорится о том, что к задремавшей на полюсе жнице пришел ее милый. В народный вариант «Раз полюску Маша жала», в котором 48 строк вместо 24 авторских (есть и более обширные варианты), введен и новый персонаж - идущий «из Китая» солдат, и развернутый диалог его с Машей. Комическое, слегка проступавшее в авторской песне, стало ведущим началом в народном варианте.

Обратный процесс, более частый, - сокращение авторских произведений. Простейший путь - изъятие из большого стихотворения (поэмы) соответствующего жанровому объему песни и содержательно завершенного фрагмента. Так, два отрывка - начальные части I и V глав из поэмы «Коробейники» Н.А. Некрасова стали самостоятельными песнями - «Ой полна, полна коробушка» и «Хорошо было детинушке»; отрывок из поэмы С.Д. Дрожжина «Дуняша» стал песней «Быстро тучи проносились». Более сложный путь - сокращение цельных стихотворений. 64 строки пушкинского «Романса» («Под вечер осенью ненастной») явно излишни для песни; «Романс» сжимается до 34 строк в варианте нашего сборника, даже до 20 - в варианте, напечатанном в сборнике Гусева. Возможно, что в случае с «Романсом» сыграла роль особенность памяти исполнителей. В других случаях из авторского текста формируется краткий и относительно стабильный, более упругий и динамичный вариант: из «Дум беглеца на Байкале», весьма растянутого стихотворения Д.П. Давыдова (12 строф), сложилась песня из пяти строф, вошедшая в классику русского песенного фольклора<sup>3</sup>.

Уже упомянутая песня «Над серебряной рекой», «надстраивая» авторский текст, привлекает некоторые строфы, слегка изменяя их, из другой известной песни «При лужке, лужке, лужке», которая, в свою очередь, опирается на ритм и отдельные строки стихотворения А.Х.

---

<sup>3</sup> В народном быту одна песня, когда ее поют «для себя», может исполняться очень долго (за счет повторений, припевов). Она не для современного городского слушателя-потребителя, которого утомляет длительное повторение одинаковых музыкальных периодов. Следствие такого отношения - усеченные варианты народных песен в сценическом исполнении, в записях на пластинках, на магнитной ленте. Иногда подобные усечения сопровождаются изменением основного смысла песни; например, песня «По Дону гуляет» обретает счастливый конец: предсказание цыганки не сбывается. Сокращения и изменения подобного рода, заслуживающие порицания, искажают смысл (хотя, по-видимому, нельзя исключить, что под влиянием таких исполнений стабилизируются краткие варианты народных песен).

Дуропа «Казак на родине».

В пределах традиционного песенного фольклора, как известно, повторяются одинаковые ситуации, фрагменты, словесные формулы. Будучи «литературными» по происхождению, песни, ставшие народными, вовлекаются в подобный процесс взаимного обмена, взаимопроникновения, смешения. По сходству темы, персонажей, напева, иногда и по случайным ассоциациям две песни объединяются в одну (контаминация). Так, в нашем сборнике явно соединены по две песни в текстах «Не ветер в поле воеет» и «Зачем сидишь до полуночи». Или идет обратный процесс размежевания песен. Так, «Спрятался месяц за тучку» и «Спрятался месяц за тучи», – варианты одной песни. Однако это не так. Оттолкнувшись от общего не только для этих песен начала, каждая из них развивает свою тему. Впрочем, размежевание может произойти на любом отрезке текста – в середине, в конце, и тогда появляются разные варианты и версии одной песни.

К народным песням неприменимо понятие плагиат. Вновь возникающие песни используют из более ранних не только отдельные словосочетания или строки, но и целые строфы, «пристраивают» свои начала и концы к уже существующим песням. Так появляются повторяющиеся из песни в песню словесные формулы, строфы, их сочетания.

Зачем же ты топчешь ногами  
Невинную душу мою?  
И будь же, анафем, ты проклят,  
Злодей, за измену свою!

*("Любила цветы полевые")*

Это четверостишие с незначительными изменениями находим в песнях «Глаза вы карие большие», «По тихим аллеям гуляли», «Сегодня я, милый, с тобою».

Забудь мой рост, мою походку,  
Забудь черты мово лица,  
Забудь, как я тебя любила,  
Забудь, забудь, прошу тебя!

*("Глаза вы карие большие")*

Эта же строфа встречается в песнях «Давным-давно я осиротела», «Поехал милый на машине», «Подул, подул холодный ветер». Нет надобности выписывать все сходные стихи, их достаточно много. Не меньше и сходных ситуаций, словесно оформленных не всегда одинаково. Не раз читатель встретится с любовником, кающимся у гроба (у могилы) погубленной им женщины; женщина бросается в море (в реку), затем картина плывущего мертвого тела. Отмеченные явления типичны для народной песни, одна из ее своеобразных черт.

Если же иметь в виду использование напевно-ритмической основы, то в этом плане народная песня вообще не имеет ограничений. В предвоенные и военные годы «Катюша», одна из самых популярных песен на слова М.В. Исаковского, породила сотни переделок и подражаний: письма Катюше и от Катюши, ответы на письма, песни о Катюше-пулеметчице, медсестре, партизанке и т.д.; о гвардейском миномете, прозванном солдатами «Катюшей», тоже пели на мотив известной песни.<sup>4</sup>

Чем песня популярнее, тем больше возникало подражаний ей. В нашем сборнике помещен ряд песен - подражаний «Кочегару» («Раскинулось море широко»: «Я встретил его близ Одессы родной», «Напрасно подружка ждет друга домой», «Раскинулись рельсы широко», «В широких немецких песчаных горах», «Напрасно Катюша ждет мужа домой» Используя при своем возникновении два четверостишия (не дословно) и ритмику небольшого и малоизвестного стихотворения Н.Ф. Щербины «После битвы» (впервые напечатано в 1844г.), песня уже в конце XIX - начале XX в. стала очень популярной и бытовала во множестве вариантов. В годы Великой Отечественной войны на основе «Кочегара» рождались новые песни о моряках и пехотинцах, летчиках и танкистах, саперах и артиллеристах, разведчиках и связистах, о пленных и о партизанах.

Ритмы пляски «Камаринская» породили ряд авторских и народных песен («Студенческая застольная», «Шел я улицей Варваркою» и т.п.). На популярный в 20–40-е годы частушечный напев «Семеновна» сочинены десятки песен («Жила девушка с родной матерью», «Тихо сияла луна» и др.), а в годы войны сложена песня о Зое Космодемьянской.

Создание новых песен на готовый напев - давняя традиция. Во второй половине XVIII - начале XIX в. авторы, сочинявшие тексты песен, часто ставили при них пометку «на голос» и указывали известную песню. Ссылки на популярный «голос» длительное время сохранялись в печатных изданиях.

В наш сборник включены только песни. Но это не песенник в общепринятом смысле слова. Он не дает «канонических» текстов. Может быть, таковыми являются лишь авторские стихи (которых очень немного - три на сотню), но и их как песни трудно назвать каноническими. В устном бытовании авторские стихи почти никогда не воспроизводятся точно: меняются слова и обороты, опускаются строфы или вводятся новые. А. Жигулин, приводя в повести «Черные камни» песню «Ванинский порт», утверждает, что именно его текст «канонический»<sup>5</sup>. В слышанном мною в 1951 г. варианте этой песни предпоследняя строфа имеет такой

<sup>4</sup> См. Розанов И.Н. Песни о Катюше как новый тип народного творчества

//Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л.: Наука. 1964. С. 310-325.

<sup>5</sup> Жигулин Анатолий. Черные камни. М.: Книжная палата, 1989. С. 144.

вид:

Я знаю, меня ты не ждешь  
И писем моих не читаешь,  
Встречать на вокзал не придешь  
И встречи со мной не желаешь.

Едва ли эта строфа слабее, чем в «каноническом» тексте. Вообще по отношению к народным песням (по происхождению или ставшим таковыми) понятие «канонический текст» неприемлемо. Народная песня исполняется в сотнях вариантов, кратких и полных, сильных и слабых, даже художественно беспомощных. И «каноническими», то есть более или менее устоявшимися, они могут стать лишь для какой-либо местности, социальной группы. Каждый из печатаемых в сборнике текстов (в новой записи или из печатного источника, но не авторский) - это один из множества вариантов, певшихся в народе. И пусть читателей, слышавших либо знающих те или иные песни, не постигнет разочарование, если они встретятся со знакомыми песнями в незнакомом виде.

Старинные народные лирические песни охватывали ряд тематических групп: любовные и семейные, рекрутские и солдатские, разбойничьи и тюремные, ямщицкие и некоторые другие. Все эти подразделения, так или иначе реализовались и в городской песне. Баллады и исторические песни, исконно эпические жанры, постепенно приобретали лирические признаки, становились лирико-эпическими; это качество унаследовали новые баллады и песни на исторические сюжеты.

Каждый раздел нашего сборника представляет определенную тематическую группу. Деление на жанры и жанровые разновидности для нас не имело первостепенного значения, и все же некоторые разделы оказались «жанровыми»: раздел «Злой рок и возмездие за злодейство» образовали новые баллады, т.е. произведения с драматическим конфликтом и «смертельным» исходом для главных (а иногда и второстепенных) персонажей (баллады без такого финала вошли в другие разделы); новые песни на исторические темы сосредоточились в разделах «Было дело» и «Солдаты и солдатки».

Среди городских любовных лирических песен исследователи выделяют группы элегические (грустные чувства, переживания без особых осложнений в отношениях влюбленных), драматические (конфликты в любовных отношениях, осложнение и даже прекращение их), «жесткие» (страдания оставленных влюбленных, ведущие к воображаемой, реже к реальной гибели главного персонажа)<sup>6</sup>. Если учитывать это деление, то и оно в определенной степени накладывается

---

<sup>6</sup> Зубова Н. П. Песни литературного типа в устной народной традиции. Автореферат канд. дисс. М., 1984. С. 6-9.



на нашу рубрикацию: разделы «Ах, любовь», «Спишь ты под землею», «Пролетела пора золотая» состоят из элегических песен, разделы «Пускай могила меня накажет», «Зачем ты, безумная, губишь?», «Разбита жизнь моя» - из драматических, раздел «Пускай могила меня накажет» образovali «жестокие» песни.

Могут вызвать недоумение некоторые группы песен: как выделенные в особые разделы («Проснись, душа»), так и образовавшие заметные пласты в других разделах (особенно в «Злом роке и возмездии за злодейство» и в «Разбойной воле и тюремной доле»). Формируя сборник, составители осознавали необходимость наиболее полного охвата материала, даже такого, который в более или менее представительном виде никогда не публиковался.

На Руси издавна публично исполнялись песенно-эпические произведения. Большой популярностью пользовались былины-повествования о героических подвигах могучих богатырей, духовные стихи-песнопения на библейские сюжеты, о деяниях святых мучеников, подвижников, чудотворцев (Егорий Храбрый, Алексей человек Божий и др.). К началу XX в. былины в устном бытовании угасали, но духовные стихи продолжали петь калеки переходные (нищие, слепцы, убогие) на ярмарках, у церквей, на монастырских дворах во время престольных праздников, просто при скоплении народа в разных ситуациях. После 1917г. эта традиция была прервана: монастыри и церкви закрывались и разрушались, а публичное исполнение «божественного» решительно пресекалось. Сама традиция, однако, возродилась, но с другим репертуаром. На пароходах и поездах, на базарах появлялись калеки, исполнявшие «жестокие» и «жалостные» песни о бытовых драмах. Это истории о том, как «отец дочку зарезал свою», как «брат сестру приглашает гулять» и ряд других. Репертуар калек (как и количество их) сильно пополнился в годы Великой Отечественной войны и после нее, а война давала много новых сюжетов: жена при муже на фронте заводит дома любовника; ждет домой мужа с орденами, а он пишет, что стал калеккой, и жена бросает его, и т.д. Песни этого типа исполнялись одним-двумя певцами (или один играет на гармони, баяне, другой поет), для хорового исполнения не предназначались. О том, что песни-истории рассчитаны на публику, свидетельствуют и их зачины: «Да что вы, граждане, припечалились», «Вот сейчас, друзья, расскажу я вам». Советские калеки, разумеется, не ограничивали свой репертуар такими песнями, но он формировался в первую очередь именно из них.

Другая группа песен - духовные стихи (раздел «Проснись, душа!»). Сначала об определении - духовные. В Древней Руси да и в более поздние времена понятие «духовный» соотносилось лишь с божественным в его христианском значении. С этой точки зрения все собственно народные (мирские) песни не были духовными - ими «беса тешили». Эпические песни на церковно-христианские сюжеты получили название духовных

стихов. Последние, как и вся народная песенная поэзия, продолжавшая продуктивное развитие, в XVIII–XIX вв. освоили новую, литературную форму, а вместе с тем из рода эпического перешли в лирику. Духовные стихи новой формации слагались преимущественно в старообрядческой и сектантской среде, то есть сфера их распространения была относительно узкой. Но поскольку песни этой группы, за годы советской власти в печать не попадавшие, представляют достаточно сильную струю и в современном песенном творчестве, составители ввели в сборник небольшую часть этих произведений.

«Что затуманилась зоренька ясная» - о романтической удали «благородного» и влюбленного разбойника, «Не слышно шуму городского» - о переживаниях узника, «Славное море - священный Байкал» - о дерзком побеге с каторги - эти и ряд других песен сложились на основе авторских текстов в XIX в. Профессиональная русская поэзия 20–40-х годов XX в. не может похвастаться шедеврами на такие темы, они были за пределами ее возможностей. Это не значит, что сами темы перестали существовать. Наоборот, раздвинулся до небывалых размеров диапазон преступности, с одной стороны, и карательных мер как против преступников, так и против невинных людей - с другой. Эти обстоятельства не могли не сказаться в песнях. В старых песнях преступление часто бывало вынужденным: человек попал на каторгу за убийство изменницы-жены («Далеко в стране Иркутской»); антигуманная сущность разбойничества обнажалась через роковое стечение обстоятельств: разбойник «случайно» убивает отца («Скажи-ка, скажи-ка, товарищ»), В новых песнях замечен переход от вынужденных преступлений к профессиональному и наследственному бандитизму; для воров и вообще преступников не стало каких-либо общих для них и других людей ценностей: у них особый мир, идеализация только их клановой порядочности и чести, и измена им карается не менее жестоко, чем преступления - государством. Мурка, которая сначала «воровскую жизнь вела», стала сотрудничать с чекистами; Колька-Ширмач, проработав на Беломорканале, «жизнь блатную навсегда он завязал». И Мурка, и Ширмач платят жизнью за измену воровскому делу. От «патриархального» Ланцова, который убежал из тюрьмы через трубу, разломав печку, а пойманный, был водворен опять в тюрьму («Звенит звонок насчет проверки»), до безнадежных групповых побегов из лагеря, когда всех пойманных расстреливают («Тюрьма, тюрьма, какое слово», «Мама, милая мама»), - не длительный во времени, но огромный путь нравственного одичания, освоения изощренности и жестокости как со стороны наказуемых, так и со стороны тюремщиков. Тюремные песни советского времени не утратили обычных для них жалоб на горькую долю и загубленную жизнь, мотивов тоски, одиночества, сочувствия родным и близким, покаяний перед ними за причиненные им горе и страдания. Обращаем внимание лишь на отдельные, весьма небезобидные

тенденции, в которых виноваты не столько песни, а жизнь, их породившая.

Тюрьма и лагерь 20–40-х годов не создали песен политического плана, чем прославились конец XIX и начало XXв. Однако в формировании репертуара тюремных и лагерных песен политические заключенные, по-видимому, принимали деятельное участие. Об этом свидетельствует ряд глубоко драматических и лишенных блатного ухарства песен («Этап на Север», «Таганка», «Ванинский порт» и др.) Всякое явление должно быть представлено в своей большей или меньшей целостности. Нельзя, например, судить о героях русского народного эпоса только по былинам об Илье Муромце. Этот богатырь, конечно, самый сильный и смелый, великодушный, спокойный, рассудительный; но ведь и Васька Буслаев - озорник, не верящий «ни в сон, ни в чох», бьющий правого и виноватого, кощунствующий, кающийся и снова плюющий на святых, - тоже воплощение русского национального характера, но другой его грани, нежели Илья Муромец. Точно так же без крайностей, сказавшихся в развитии народной песни «литературного» типа, то есть без новых «каличьих», «блатных» и тюремно-лагерных песен, без духовных стихов, представление о народных городских песнях было бы односторонним, в значительной степени обедненным.

Какая-то часть материала нашего сборника в исполнении с эстрады, на радио, телевидении, в магнитных записях (все это в последние годы возобновилось) именуется просто русскими народными песнями. Это преимущественно произведения, вошедшие в классический репертуар народной песни, принятые в свое лоно «высоким» профессиональным искусством («По диким степям Забайкалья», «Глухой неведомой тайгою», «Ах, зачем эта ночь», «Липа вековая», «Кочегар», «Пряха» и др.). Большую же часть наших песен средства массовой информации и научная литература называют мещанскими, или «жестокими» романсами. К этим названиям требуются пояснения.

Во-первых, едва ли правомерен термин романс: романс ориентируется «на сольное исполнение и музыкальное сопровождение на каком-нибудь инструменте»<sup>7</sup>. В сопровождении инструмента или без него предполагается профессиональное, полупрофессиональное исполнение романса одним лицом (двумя, тремя) для слушателей, для публики. Народные песни, в том числе и городские, как правило, исполняются хором (что не исключает одиночного пения), часто с опорой на традиционное народное многоголосие; слушатели могут быть, но они необязательны. Не случайно народные песни для музыкально грамотных людей печатались (и печатаются) в романсовой обработке. И обратный процесс: романс, перешедший в устное народное бытование, может

7

Гусев В.Е. Песни, романсы, баллады русских поэтов // Песни русских поэтов: в 2 тт. Т. I. С. 42

распеваться хором. Обойти собственно романсы составители не решились, но их в сборнике немного («Минувших дней очарованье», «Однозвучно гремит колокольчик», «Вернись, я все прошу», «Белой акации гроздь душные» и некоторые другие).

Во-вторых, среди городских песен есть «жестокие» - о расправах, об убийствах и самоубийствах, но немало и песен сентиментальных, «жалостных». Определение «жестокие», если его употреблять, относится главным образом к сюжетам, являющимся новейшей трансформацией традиционного жанра баллад. Лишь условно следует относить к «жестоким» песни раздела «Пускай могила меня накажет», в которых смерть или самоубийство совершаются в воображении страдающих персонажей.

В-третьих, сыграло свою роль длительное употребление в литературе, вообще в печати, определения «мещанский» в значении обывательский, низкопробный, пошлый, убогий по художественному вкусу. Возвращаясь к истинному, только социальному значению определения «мещанский» (все жители города, не принадлежавшие к дворянскому, духовному и купеческому сословиям, - мещане), осознаем необходимость уважительного отношения к самому многочисленному слою городского населения. В отличие от крестьян, представлявших в XIX в. в культурном отношении относительно однородную массу, в среде мещан расслоение по имущественному и образовательному (от безграмотной прислуги до студентов и людей с университетским образованием) уровню, особенно к концу XIX - началу XX в., было весьма значительным. Художественные вкусы этой среды разнообразны, в каждом из слоев мещан предпочитали свои песни. Принимая определение «городские» как синоним определения «мещанские» (вне его оценочного значения), мы представляем и по возможности анализируем эти песни как целостное явление, но в многогранности их содержательных и художественных качеств.

О фольклоре привыкли судить по произведениям, прошедшим через столетия устного бытования и отбора, следовательно, относящимся к высоким и высшим образцам искусства. Но мы не знаем, какое количество произведений рождалось и умирало в тысячах селений в течение многих веков. Живой фольклорный процесс очень сложен и противоречив. Уже на глазах науки и культурной общественности протекал процесс рождения и развития жанра частушки (со второй половины XIX в.). Среди частушек, которые еще в начале нашего века известный философ и искусствовед П.А. Флоренский поставил в ряд шедевров мировой лирики малых форм<sup>8</sup>, тысячи прекрасных текстов. Но известно не меньше частушек слабых и убогих в художественном отношении. То же можно сказать и о городских песнях. Немало их вошло

---

<sup>8</sup> Ф л о р е н с к и й П.А. Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1909. С. 13.



в классический репертуар народной песни, но хватает и таких, которые дали повод судить об их пошлости.

Эти суждения, не всегда справедливые, проистекают из недопонимания особой художественной системы народной песенной поэзии, в том числе и городской песни. К произведениям, включенным в эту систему, даже к авторским песням, подвергшимся устной обработке, неприменимы литературные оценочные критерии. В стихотворении М.Н. Соймонова «Бабье лето» изложение ведется от лица основного персонажа - «На полосынке я жала». В народной песне «Раз полоску Маша жала» о Маше повествуется в третьем лице, но остается строка: «На снопах я задремала». С литературной точки зрения допущена непоследовательность, а для поэтической системы народной песни немотивированная смена лиц, от имени которых ведется изложение, - норма.

Особенности художественного мира и поэтики, на которые мы пытаемся обратить внимание читателя, помогут ему доброжелательнее отнестись к городским песням.

У персонажей каждого из традиционных народных песенных жанров есть нормы любовных и семейных отношений, за пределы которых они не выходят. Песни свадебного обряда изображают должное: в первой половине его невеста выражает страх, скорбь, нежелание расставаться со своим домом, с родителями, идти в чужую семью; во второй - радость по случаю того, что у нее именно этот жених, эти свекор и свекровь, что она будет жить именно в этой семье. В хороводных и игровых песнях девушке (парню) первоначально достается недоросток, старик (старуха), а в конце выбор падает всегда на желанного (желанную); «замужние» и «женатые», недовольные своими супругами, наказывают их или совсем избавляются от них; желаемое здесь всегда достигается, но только в условно-игровом плане.

Собственно лирическая (преимущественно протяжная) песня на любовные и семейные темы изображает конфликты, которые сами персонажи не в силах разрешить. Парень или девушка жалуются на то, что кто-то или что-то им мешает видиться, их разлучают; муж или жена сетуют на нелюбимых супругов, собираются избавиться от них; однако страдания и невзгоды персонажей неизбывны, мечты неосуществимы; желаемое может реализоваться только в воображении, обычай, родители, деревенский мир не допустят выхода за границы дозволенного.

Среди городских песен и баллад есть сюжеты, в которых влюбленные решительно (собственной смертью) протестуют против власти родителей, препятствующих своим детям в выборе мужа или жены («Как во нашей во деревне»). Однако независимые от обычаев и строгих правил патриархального мира, казавшихся путами, персонажи предстают перед нами в большинстве песен. Их влечет «красивая» жизнь, они свободны в выборе возлюбленных. Иногда дочь советуется с родителями, но если они

противятся ее желанию, поступает по-своему («Мать совета не дала», - девушка все равно уйдет со сманившим ее уланом или матросом). Поскольку старшее поколение не может оказать влияния на поступки детей, родители часто вообще исчезают из поля зрения, в песне остаются он и она, оба вольные в своих поступках.

Жизнь мстит за свободный выбор. Избранник (избранница) оказывается неверным, бросает возлюбленную, часто с ребенком. Воля оборачивается страданиями, одиночеством да еще на «чужой стороне». Судьба наказывает преимущественно одну сторону, более слабую, - женщину; мужчина, руководствуясь теми же принципами «свободы», волен в своих дальнейших любовных похождениях. Его не пугает ни власть родителей, ни осуждение общества («обществу» просто нет дела до страданий отдельного человека), ни божьего суда; обольститель клянется «распятием креста», но проходит время, - он находит другую, изгоняя обманутую им Марию («Когда б имел златые горы»).

Сама пренебрегшая нравственными запретами, державшими устой патриархального общества (а большинство персонажей городских песен - свободные осколки этого начинающего рушиться мира), жертва обмана уже не может надеяться, что оно встанет на ее защиту. Убийство обольстителя - акт отчаяния брошенной женщины, за которым неминуемо следует или самоубийство, или гибель ее как личности. Катя-пастушка - едва ли не позднее ответвление образов пасторальных песен второй половины XVIII - начала XIX в., она ходит со стадом овец «по деревне», где овец не пасут, а лишь собирают по утрам и распускают по дворам вечерами. Да и гастроли «укротителя зверей», обольстившего пастушку, по деревням, сомнительны. Печальная судьба покинутой Кати-пастушки, ее злключения в городе и, наконец, месть «чернобровому подлецу» - все это можно бы обозначить как острый конфликт, трагически завершившийся. Но трагедии подлинной, как в старой народной балладе, нет... Декоративность обстановки, «театральность», «книжность» поведения действующих лиц, некоторая лексическая изысканность придают мелодраматическую окрашенность всему произведению.

И таковы многие городские песни. Все же не следует торопиться с приговором об их низком художественном уровне. Мелодраматизм, сентиментальность, давно получившие право на существование в профессиональном искусстве, - качества, вне которых трудно реализоваться некоторым группам народных городских песен.

Глубинные причины этого качества - отношение народа к изображаемым в них явлениям. Быстро капитализирующееся общество XIX - начала XX в. созрело для провозглашения идеи свободной личности. Сотни тысяч, миллионы молодых людей (если иметь в виду целое столетие), не вовлеченных в общественно-интеллектуальную жизнь (а таких всегда большинство), реализацию этой идеи увидели в свободном выборе спутника жизни. Разочарование наступало достаточно скоро.

Любовь, отгородившая нашедших друг друга парня и девушку, забывшая «внешнюю» по отношению к ней, утвержденную обычаями и нравственными императивами цель - продолжение семьи, племени, народа, - оказывалась недолговечной.

В произведениях народного творчества есть примечательная черта: сочувствие заблуждающемуся, а иногда и творящему недобрые дела человеку, милосердие к падшему. Былина о Василие Буслаеве, новгородском озорнике, драчуне и осквернителе святынь, повествует о нем с любовью и сожалением о напрасно растрачиваемых силах. Но в произведении, кроме «субъективного» отношения к герою, получает отражение и объективный народный взгляд на его дела: Василий, всегда поступавший наперекор общепринятому, обречен на гибель. Нечто сходное видим в городских песнях на любовные темы. Выражая сострадания к каждой конкретной жертве, они не находят необходимым само явление свободной любви; личные беды отдельных людей вызваны их собственным своеволием, которого можно было избежать. Бытовая вина каждого отдельного человека не перерастает в вину трагическую. Тяготение городской песни к мелодраматизму не столько ее порок, сколько следствие объективного народного взгляда на те поступки, которые в ней изображаются.

Социальный статус персонажей более или менее четко проступает в песнях эпического и лирико-эпического (балладного) типа (разделы «Солдаты и солдатки», «Злой рок и возмездие за злодейство», «Горькая судьба», «Разбойная воля и тюремная доля»). Это обусловлено тем, что во многих из них социальное положение или профессия являются конфликтообразующими элементами: солдат на службе - жена страдает или изменила ему; разбойник совершает свое привычное дело, но по «ошибке» убивает кого-либо из родных; узник раскаивается в преступлении, невинно осужден, мечтает о мести; сиротская доля; тяжкий труд, ведущий к увечьям и смерти; бедность и стремление достичь благополучия, приводящее к воровству или проституции; и т.п. В этих же песнях оказывается существенным географически «точное» место, а иногда и время действия: «Это было во Карпатах», «В одном городе близ Саратова», «Как по Чуйскому тракту большому», «Это было совсем лишь недавно, в Ленинграде вот этой зимой», преступнику грозит Сибирь. Последняя, впрочем, уходит от конкретной территориальной очерченности.

Бродяга Байкал переехал,  
Навстречу родимая мать.

Картина явно условная: на берегу стоит родительский дом, прямо к нему выплывает бродяга; Сибирь мыслится только к востоку от Байкала. Из слов матери «А брат твой давно уж в Сибири» следует, что земля западнее Байкала уже не Сибирь (основная часть Сибири как раз здесь)

и что Байкал - некая граница между нормальным и тюремно-каторжным миром. По-видимому, песня наследует обрядовое (из свадебных песен, похоронных причитаний) значение воды: переезд через реку, озеро, море символически свидетельствовал о переходе человека в иной мир.

У героев песен лирического и лирико-драматического типа, географически очень редко «закрепленных», какое-то неустойчивое социальное положение. С сельским трудом и бытом, за редкими исключениями, они не связаны. Единичные пастухи и пастушки далеки от реальных, они-наследие пасторальной лирики. Можно бы говорить о ямщиках как о главных персонажах многих песен, но большинство их восходит к авторским стихам и поется от имени седоков, не принадлежащих к ряду героев городской песни. Пряхи («В низенькой светелке», «С прялкой девица») и детина, который «вил веревочку» («Чернобровый парень бравый»), в реальном (не в символическом) плане - представители ремесленной среды; есть песни с девушками служанками, швеями...

Не по всем, но по разделу «Зачем ты, безумная, губишь?» (и отдельным текстам других разделов) уверенно можно говорить о социальной неустроенности, бедности (относительной) персонажей. В песнях этого раздела возлюбленная выходит (ее отдают) замуж за богатого, иногда еще и за старика; девушка теряет жениха, который предпочел ей богатую невесту. Хотя конкретные персонажи мечтают о браке по любви и осуждают браки по расчету, стремление к благополучию оказывается сильнее, как признается одна из вышедших за старика:

Бывало, я - в ситцевом платье.

Теперь я в атласном наряде.

*("Я знаю, ты тайно страдаешь")*

В целом же песенных героев привлекает не богатство само по себе, а внешняя сторона его - «красивая жизнь». Пряха мечтает о гусаре, который

...в Питер увезет,  
Для красоти-пяхи  
Бельэтаж наймет.  
Он ее научит  
Танцам и балам,  
И из пяхи выйдет  
Хоть куда мадам

*(«В низенькой светелке»)*

Кате-пастушке ее соблазнитель обещает «роскошную жизнь городскую». На первый взгляд, некоторые персонажи уже обрели ее:

Загорели люстры,  
Осветился зал



Заиграла музыка,  
И начался бал.

Эта и подобные ей картины скорее воображаемые для «населения» городских песен, которое живет в условно-романтическом мире. Картины «культурной» жизни так же декоративны, как и природный фон действия: сад, тенистые аллеи, скамейки и поющие соловьи, сияние лунное и безмятежная ночная тишина, поле и луг, где герои собирают цветы и плетут венки. Вот влюбленные «Со шелковые травы // Розаны срывали // Мы из розовых цветов // Венки совивали («Скрылось солнышко из глаз»). Едва ли на лугах среди травы растут розаны (комнатные розы), да и венки плести из цветов с колючками трудно. Но легко найти лубочную картину, раскрашенный ковер с немислимыми в природе сочетаниями цветов. Или:

У меня под окном расцветает сирень,  
Расцветают душистые розы...

*(«У меня под окном»)*

Соответствием воображаемой картины природы реальной песня не озабочена: в естественных условиях время цветения сирени - весна, роз - ближе к осени; главное - яркость цветов в их контрастности искусственного сочетания, характерного для лубочных картин прошлого и настоящего.

Мы можем с усмешкой воспринять портрет кавалера:

Сидит он, смотрит в книгу,  
Закручиват усы,  
Снимает черну шляпу,  
Сам смотрит на часы.

*(«Мне скучно жить без друга»)*

При часах, в черной шляпе уса́тый красавец, «культурный» («смотрит в книгу») - это щеголь XIX - начала XXв., приказчик или конторщик, мелкий чиновник - мечта швеек и прачек, прислуги и фабричной работницы. Мечты о красивой жизни ведут к уланам и гусарам, морякам и капитанам, позднее - к летчикам. Стремление к необычному, невиданному вовлекает в песенный репертуар «заграничные» сюжеты, в которых действующими лицами оказываются короли, королевы и принцессы, шуты и музыканты, романтические красавицы и лихие капитаны. Экзотические события, места действия и герои, роковые страсти, случайные и намеренные злодейства...

Поэт М.В. Исаковский вспоминал о неизгладимом детском впечатлении от новой для деревни (Ельнинский уезд Смоленской губ.) песни «Чудный месяц плывет над рекою»: было в ней все новое - и мелодия, и слова. «В самом деле, я до того вечера ни разу не слышал, чтобы кто-либо так говорил о месяце: ч у д н ы й месяц. Да и само слово ч у д н ы й едва ли

можно было встретить в тогдашнем деревенском лексиконе.

Но месяц, оказывается, не только чудный, но он еще плывет над рекою. Сказано не как-нибудь там: месяц взошел или месяц родился, а плывет над рекою. Вы только подумайте - плывет! Это казалось мне необыкновенно красивым, я как бы видел плывущий месяц, хотя и понимал, что месяц плавать не может.

Почти в каждой последующей строке песни я находил нечто такое, что меня изумляло, тревожило мое воображение, проникало мне в душу, хотя смысл отдельных строк и был для меня не совсем ясен.

И снова песня захватывает меня всего. Даже в совсем непонятном для меня выражении «но - увы!» я чувствую какую-то большую печаль женщины, которая хочет кого-то удержать возле себя, а тот, бесчувственный, безжалостный, все-таки уходит. И потому слова песни: «Так иди ж, пусть одна я страдаю, пусть напрасно волнуется грудь», - звучат для меня не только печально, но почти уже трагически<sup>9</sup>.

М.В. Исаковский тонко подметил языковую и образную новизну для крестьянской среды песен городского происхождения. Герои с их мечтами о роскошной жизни, страстной и верной любви говорят о себе, о своих взаимоотношениях с любимыми изысканным, со всевозможными красотами языком: «Светили звезды нам мечтательно и нежно» («Как хороша была та ночка голубая»); «Тебе из улыбок венки я плела» («Черную розу, эмблему печали»); «Сказкой волшебного мира // Друг, убаюкай меня» («Холодна, равнодушна, небрежна»); «Мне улыбались приветом весны // Милого карие очи» («Поздняя полночь пробилась давно»); «Был он приветлив со мною // Как солнышко майского дня» («Горит костер, пылает»). Эти перлы из арсенала изображения «блаженства рая», а оно, как правило, недолгительно. Клятвы любви до гроба завершаются часто, как в этой песне:

Сорвал он, как в поле цветочек,  
Сорвал и стоптал под ногой.

(*«Любила цветы полевые»*)

«Безумная любовь» и «страсть мятежная» ведут к «адским мукам»; «разбитые грезы» заставляют «истерзанное сердце» награждать изменщика самыми нелестными эпитетами: тиран, обольститель коварный и злой, подлец, негодяй.

Говоря о некоторой вычурности, книжности (влияние сентиментально-романтической и лубочной литературы) языка городских песен, нельзя не обратить внимание на противоположную тенденцию в его реализации.

Среда бытования песен неизбежно накладывает отпечаток на их язык, формы слов. В песнях мы встречаемся с диалектными, просторечными

---

<sup>9</sup> И с а к о в с к и й М. На Ельнинской земле. Автобиографические страницы. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 41

словами, падежными формами существительных и прилагательных (Вы пропойте унылую песню //Про ресторанскую жизнь мою; Колоду карт разложила, За железными дверями //За висящих трех замков, стяженными окончаниями глаголов и местоимений (Закручиват усы; мово, мому, твоово - вм.: моего, моему, твоего), смешением грамматических родов у незнакомых слов (Однажды сижу за роялей). Жаргонной лексикой обильно насыщены блатные песни (Последнюю малину //Накрыли мусора). Значения слов, уже утраченные в литературном языке, сохраняются в народном, а следовательно, и в песне; таково, например, значение слова «мечтатель» (думать, размышлять) в строках:

Я день и ночь о том мечтала,  
Что перестал меня любить.

*(«Ты вспомнишь, миленький, да поздно»)*

Традиционная русская народная песня-раздумье, не имеющая внешнего сюжета-действия, строится на ассоциативном принципе, при котором на первое место выходит не динамика события, а динамика размышления, переживания. При этом происходит как бы немотивированный перепад времен: поется, например, о нынешней встрече, а она, может оказаться, уже была или только предполагается в будущем, меняются при этом и глагольные времена. Городские песни (преимущественно неавторские) унаследовали это качество старых песен. Вот в песне «Зачем я тебя полюбила» сначала речь идет о прошлом и переходит в настоящее время: героиня когда-то полюбила, теперь проклинает сгубившего ее злодея; если причина проклятия только в том, что милый сегодня не пришел (что маловероятно), то упоминание этого факта должно бы предшествовать проклятиям. Дальше - переход к будущему, сначала к ближнему, затем к более отдаленному: девица собирается написать письмо с угрозой «лечь в могилу» и тем наказать изменщика. Наказы родителям о похоронах, совершаемые «сейчас», тоже относятся к будущему. И конечная сцена, предполагаемая в будущем, но переданная как имевшая место в прошлом:

Стояли у меня на могиле  
Отец мой и мать старики.  
Любили, ласкали девицу,  
Никак сберегти не смогли.

В цитируемой песне сохраняется один размышляющий персонаж, даже тогда, когда он, умерший, наблюдает, как стоят и рассуждают родители на его могиле. Чаше вместе со сменой времен или независимо от нее происходит и смена персонажа, от имени которого подается песня.

Вы, люди добрые, поймите  
Печали сердца моего!

Эта песня «Глаза вы карие, большие» начинается от имени девушки: она страдает оттого, что на ней долго не позволяла жениться возлюбленному его мать. Позднее благословение не спасло парня. При смерти «Он вспоминает ее имя»... «Я» героини перешло в третье лицо. К концу песни о ней говорится тоже только в третьем лице (она, плачущая «на краю могилы» и здесь же богу душу отдавшая). Обычны в песнях переходы от **я** одного персонажа к **я** другого.

Другая характерная особенность народных песен: «разгулье удалое» и «сердечная тоска» - два полюса, обозначенные А.С. Пушкиным («Зимняя дорога»), И дело не только в том, что это качества разных песен. Отмеченные крайности могут сосуществовать в одной песне. Собиратель и исследователь народных песен Н.М. Лопатин писал, что песня «Ах, вы сени, мои сени» несет в себе «скрытую скорбь, которой не в силах победить ни разгульные слова песни, ни веселый, плясовой характер ее напева», что во многих плясовых песнях «вливается затаенное глубокое горе, которое, прорываясь сквозь хороший напев, веселый и бодрый, сообщает песне грустный тон, столь чарующий свежей поэзией и изяществом музыкального выражения»<sup>10</sup>. П.А. Флоренский отмечал, что под веселым и разгульным напевом частушек часто кроются «слезы и боль разбитого сердца»<sup>11</sup>.

В упомянутых случаях скорбь и страдания как бы невольно пробиваются сквозь «чуждую» им словесно-музыкальную оболочку. Для городских песен возможно нечто обратное: сюжетно и словесно выраженное серьезное содержание обретает в исполнении смеховые или близкие к ним качества. В песне «Ухарь-купец» каждое четверостишие сопровождается одним из припевов (могут быть и другие):

Эх, живо, живо, подай пару пива,  
Подай поскорей, чтоб было веселей!

Или

Эх, в спальне моей поет соловей,  
Спать не дает он красотке моей!

Весьма прискорбное для крестьянской девушки и ее семьи событие растворяется в разгульно-бесшабашном пении. Завершившаяся смертью (самоубийством) главного персонажа песни «Как во нашей во деревне» исполняется иногда с добавлением после каждых двух строк двух слов: веселый разговор. И получается парадоксальное:

Он вынул саблю, вынул востру,  
Снял головушку свою, -

<sup>10</sup> Сборник русских народных лирических песен Н.М. Лопатина и В.П. Прокунина. Ч. I. М., 1889. С. 209, 211

<sup>11</sup> Ф л о р е н с к и й П.А. Собрание частушек. С. 13

веселый разговор!

«Осыпаются пышные розы» - грустная по содержанию (предсмертный монолог, переходящий в изображение предстоящих похорон) песня. Однако при каждом обращении к «дорогой» или при назывании ее действий (особенно в мужском коллективе) добавляется одно слово, и оно обращает драматичность ситуации в свою противоположность. Вот картина прощания:

И в последний ты раз поцелуешь, -  
дура!

Тогда крышкой накроют меня...  
И уста мои больше не скажут,  
Что прощай, дорогая моя, -  
дура!

В русле обозначенного свойства и конечные припевки, зафиксированные от певички В. Кочубаровой. Исполненные под гармонь грустные, даже скорбные по содержанию песни (проводы в солдаты - «Последний нынешний денечек», страдания покинутой возлюбленным девушки, готовой к самоубийству, - «Я вспомню глазки голубые» и т.п.), она завершается словами:

Конец, конец веселой песне,  
Спасибо гармонисту за игру!

Старинная русская народная песня не знала рифмы как обязательной нормы. Исходные тексты для городских песен, как правило, рифмуют две смежные или вторую и четвертую строки четверостишья. О том, что новые для народной песни ритмика (силлабо-тоническая) и рифмовка в какой-то мере стали предпочтительнее, свидетельствуют такие факты. Многие сочинявшиеся поэтами первой половины XIX в. под «народную» песни без рифм не стали народными. Из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», написанной народным стихом, ни один отрывок не запели, а ряд других стихов («Огородник», «Похороны», «Тройка» и др.), сочиненных по правилам литературного стихосложения, восприняли как песни. В народном репертуаре были очень популярны ямщицкая песня «Степь Моздокская» и баллада «Ванька-ключник»; первую песню переработал И.З. Суриков («Степь да степь кругом»), вторую - В.В. Крестовский. Обе авторские песни, сохранившие старую сюжетную канву, но преобразованные в новом, литературном стиле, постепенно вытеснили собственно народные песни. Известно, что А.С. Пушкин написал в народном стиле песню о Степане Разине и персидской княжне. Однако в устное бытование вошла другая песня («Из-за острова на стрежень»), сочиненная на основе того же предания о Разине Д.Н. Садовниковым. Сказанное не означает, будто новые, авторские, тексты

оставались в устном бытовании неизменными.

И все же нельзя сказать, что городская песня очень дорожит рифмой. Безразличие к ней, сложившееся в течение столетий, сказалось и в новой песне. Из десятка записей песни «У меня под окном расцветает сирень» едва нашелся один («У меня под окном») с «нормальной» рифмой в конце второй и четвертой строк третьего куплета: поскорее-горячее. В большинстве вариантов этой песни, причем из разных областей, третья строфа упорно отказывается от рифмы (во 2-й и 4-й строках) и поется так:

Так иди же, иди, наслаждайся ты с ней,  
Будь же счастлив ты с нею навеки,  
А меня позабудь, позабудь поскорей,  
Я забуду тебя, но нескоро...

В данном случае рифма утрачена в одном четверостишии. Немало записей, причем неплохих, где рифма потеряна во многих куплетах. В песне «Когда мне было лет шестнадцать» три строфы подряд (из восьми) лишены рифмы. И это в среде исполнителей не осознается как дефект.

Возможно, потеря рифмы обусловлена особенностями исполнителя песен. Иногда в них повторяются при пении не только две последние строки куплета, но и каждые две строки. Четверостишием оказываются только две строки (повторенные), а рифма в конце следующих двух строк отдалается и не осознается как элемент, связующий их с первыми двумя. Ослабление связи между первыми и вторыми полустихиями влечет потерю и самих полустихий. Ряд печатаемых вариантов, хотя в них от четверостиший остались лишь двустишия (или добавились новые), едва ли следует считать ущербными.

Городская песня, осваивая литературные формы стихосложения, с одной стороны, и наследуя логику художественного мышления народной песни - с другой, в определенной степени разрушила и то, и другое, создавая при этом качественно новое явление народной культуры. Разрушение-восстановление - постоянный для фольклора процесс. Произведение забывается-припоминается, искажается бестолковыми певцами или рассказчиками - по-новому воспроизводится талантливыми исполнителями; на более крупных временных отрезках происходит разрушение-восстановление и рождение новых жанров.

Одновременно с городской песней на тех же исходных основах происходило становление и развитие жанра частушки. Синтез фольклорных и литературных традиций в частушках привел к более высоким результатам: в крестьянской среде опора на традиционные художественные ценности была более прочной, нежели в разнородной мещанской среде, стремящейся порвать связи с «низкой» деревенской культурой и срочно приобщиться к «высокой» городской культуре.

Не случайно выше при рассуждениях об образной системе городских

песен проведена аналогия с лубочными картинками. Последние в среде, «социально и культурно чуждой народному творчеству», длительное время признавались художественно неполноценным, примитивным видом искусства. Ю.М. Лотман (и другие специалисты в цитируемой книге) показал, что лубочные картины представляют собой особо функционирующую художественную систему, «в принципе чуждую письменным формам культуры»<sup>12</sup>.

Тенденция к формированию особой художественной системы народных городских песен проявилась достаточно определенно, однако 100-150 лет, доставшихся на долю истории ее развития, вероятно, было маловато. Городская песня не стремилась стать «в принципе чуждой письменным формам культуры», поскольку на них формально ориентировалась и испытывала их постоянно растущее воздействие. Творческий синтез двух традиций, устной и литературной, оказался достаточно сложным и, возможно, незавершенным в некоторых второстепенных звеньях.

В XVIIв. в рукописных сборниках вместе с книжными повестями стали появляться записи былин, что означало начало конца устного бытования произведений этого жанра: грамотные люди осознали необходимость сохранения народных эпических песен хотя бы в письменном виде. Многочисленные записи живого исполнения былин в XIX - начале XXв., десятки печатных изданий их не остановили процесса затухания устного эпического творчества. Но былины в печатном виде стали ценнейшей частью национального культурного наследия. Многие песни нашего сборника будут жить долго и, надеемся, сохранятся в народном и профессиональном репертуаре до скончания века русского народа. Значительная часть песен, по-видимому, уйдет в фольклорное небытие. Песни, в течение 150 лет формирующие большую, а в некоторых социальных слоях и местностях большую долю народного песенного репертуара, заслуживают сохранения в виде культурного наследия. Пренебрегать им не стоит; хорошо оно или худо, оно наше кровное. Однако, уповая на культурологическое значение сборника, составители надеются, что он будет интересен прежде всего современникам - любителям народного творчества и русских народных песен.

Ф.М. СЕЛИВАНОВ

---

<sup>12</sup> Лотман Ю. Художественная природа русских народных картинок. Народная гравюра и фольклор в России XVII-XIXвв. Материалы научной конференции (1975) М.: Советский художник, 1976. С. 247.

# I. БЫЛО ДЕЛО



Шли облакам носились,  
 Кровь горячая лилась...



## 1

## НА РОДНОЙ ПОЧВЕ

Слышу песни жаворонка,  
 Слышу трели соловья...  
 Это – русская сторонка,  
 Это – родина моя!..

Вижу чудное приволье,  
 Вижу нивы и поля...  
 Это – русское раздолье,  
 Это – русская земля!..

Слышу песни хоровода,  
 Звучный топот трепака,  
 Это – радости народа,  
 Это – пляска мужика...

Уж гулять, так без оглядки,  
 Чтоб ходил весь белый свет,  
 Это – русские порядки,  
 Это – дедовский завет!..

Вижу дубы вековые,  
 А вон там сосновый бор...  
 Это – признаки родные,  
 Это – родины простор!..

Вижу горы–исполины,  
 Вижу реки и леса...  
 Это – русские картины,  
 Это – русская краса...

Вижу всюду трепет жизни,  
 Где ни брошу только взор...  
 Это матушки отчизны  
 Нескончаемый простор!..

Снова духом оживаю,  
 Снова весел, счастлив я  
 И невольно ощущаю  
 В сердце мощь богатыря



## 2

Ревела буря, дождь шумел;  
Во мраке молнии блистали,  
И беспрерывно гром гремел,  
И ветры в дебрях бушевали.  
И беспрерывно гром гремел,  
И ветры в дебрях бушевали.

Ко славе страстию дыша,  
В стране суровой и угрюмой,  
На диком берегу Иртыша  
Сидел Ермак, объятый думой.  
На диком берегу Иртыша  
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,  
Побед и громозвучной славы  
Среди раскинутых шатров  
Беспечно спали близ дубравы.  
Среди раскинутых шатров  
Беспечно спали близ дубравы.

«О, спите, спите, – мнил герой, –  
Друзья, под бурею ревущей,  
С рассветом глас раздастся мой,  
На славу и на смерть зовущий,  
С рассветом глас раздастся мой,  
На славу и на смерть зовущий».

Страшась вступить с героем в бой,  
Кучум к шатрам, как тать презренный,  
Прокрался тайною тропой,  
Татар толпою окруженный  
Мечи сверкнули в их руках –  
И окровавилась долина,  
И пала грозная в боях,  
Не обнажив мечей дружина...

Ермак воспрянул ото сна,  
И, гибель зря, стремится в волны,  
Душа отвагою полна,  
Но далеко от берега челны!  
Иртыш волнуется сильнее,  
Ермак все силы напрягает  
И мощною рукой своей  
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока,  
 Но сила року уступила,  
 И, закипев страшной, река  
 Героя с шумом поглотила.  
 Лишивши сил богатыря  
 Бороться с ярою волною,  
 Тяжелый панцирь – дар царя,  
 Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной  
 Иртыш кипящий осребрился,  
 И труп, извергнутый волной,  
 В броне медяной озарился,  
 Носились тучи, дождь шумел,  
 И молнии еще сверкали,  
 И гром вдали еще гремел,  
 И ветры в дебрях бушевали.

### 3

Из–за острова на стрежень,  
 На простор речной волны  
 Выплывали расписные  
 Стеньки Разина челны.

На переднем Стенька Разин  
 С молодой сидит княжной –  
 Свадьбу новую справляет,  
 Сам веселый и хмельной.

А она, закрывши очи,  
 Ни жива и ни мертва,  
 Молча слушает хмельные  
 Атамановы слова.

Позади их слышен ропот:  
 «Нас на бабу променял!  
 Только ночь с ней провозжался,  
 Сам наутро бабой стал».

Этот ропот и насмешки  
 Слышит грозный атаман  
 И могучею рукою  
 Обнял персиянки стан.

Брови черные сошлись –  
Надвигается гроза.  
Алой кровью налились  
Атамановы глаза.

«Ничего не пожалею,  
Буйну голову отдам», –  
Раздается голос властный  
По окрестным берегам.

«Волга, Волга, мать родная,  
Волга – русская река,  
Не видала ты подарка  
От донского казака.

Чтобы не было раздора  
Между вольными людьми,  
Волга, Волга, мать родная,  
На, красавицу возьми!»

Мощным взмахом подымает  
Он красавицу княжну  
И за борт ее бросает  
В набежавшую волну...

«Что вы, черти, приуныли?  
Эй ты, Филька, черт, пляши!  
Грянем, братцы, удалую  
На помин ее души...»

#### 4

#### ЗАЗНОБА

По посаду городскому,  
Мимо рубленых хором,  
Ходит Стенька каждый вечер,  
Переряженный купцом.

Зазнобила атамана,  
Отучила ото сна  
Раскрасавица Алена,  
Чужемужняя жена.

Муж сидит в ряду гостином  
Да алтынам счет ведет,  
А жена одна скучает,  
Тонко кружево плетет.

Стенька ходит, речь заводит,  
 Не скупится на слова;  
 У Алены сердце бьется,  
 Не плетутся кружева.

«Полюбилась мне ты сразу,  
 Раскрасавица моя!  
 Либо лаской, либо силой,  
 А тебя добуду я!

Не удержат ретивого  
 Ни запоры, ни замки...  
 Люб тебе я или не люб?  
 Говори мне напрямки!»

На груди ее высокой  
 Так и ходит ходунем  
 Перекатный крупный жемчуг  
 С золотистым янтарем.

Что ей молвить? Совесть зазрит  
 Слушать льстивые слова,  
 Страхом за сердце хватает,  
 Как в тумане голова...

«Уходи скорей отсюда! –  
 Шепчет молодцу она. –  
 Неравно старик вернется...  
 Чай, я – мужняя жена...

Нешто можно!» – «Эх, голубка,  
 Чем пугать меня нашла!..  
 Мне своей башки не жалко,  
 А его – куда ни шла!

Коль от дома прочь гоняешь,  
 Забеги через зады  
 В переулок, где разбиты  
 Виноградные сады...

Выйдешь што ли?» – «Неуемный!  
 Говорю тебе – уйди!  
 Не гляди так смело в очи,  
 В грех великий не вводи!..»

«Ну, коль этак, – молвит Стенька, –  
Так на чью–нибудь беду  
Я, непрощенный, сегодня  
Ночью сам к тебе приду!»

Отошел, остановился,  
Глянул раз, пообождал,  
Шапку на ухо поправил,  
Поклонился и пропал...

Плохо спится молодежи;  
Полночь близко... Чу... Сквозь сон  
Половица заскрипела...  
Неужели это он?

Не успела «ах» промолвить,  
Кто–то за руку берет;  
Горячо в уста целует,  
К ретивому крепко жмет.

«Что ты делаешь, разбойник?  
Ну, проснется, закричит!..» –  
«Закричит, так жив не будет...  
Пусть–ка лучше помолчит.

Не ошиблась ты словечком, –  
Что вводить тебя в обман:  
Не купец – казак я вольный,  
Стенька Разин – атаман!

Город Астрахань проведать  
Завернул я по пути,  
Чтоб с тобой, моя голубка,  
Только ночку провести!

Ловко Стеньку ты поймала!  
Так держи его, смотри,  
Белых рук не разнимая,  
Вплоть до утренней зари!..»

## 5

Точно море в час прибоя,  
Площадь Красная гудит...  
Что за говор, что там против  
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко  
От себя бросает тень...  
Нет ни облачка на небе,  
Блещут главы, ясен день.

Ярко с неба светит солнце  
На кремлевские зубцы,  
И вокруг высокой плахи  
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась,  
Проложил дорогу кнут,  
Той дороженькой на плаху  
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбриты  
Кудри черные, как смоль,  
Но лицо не изменили  
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,  
Как и прежде, смотрит он;  
Перед ним былое время  
Восстает, как яркий сон.

Дона тихое приволье,  
Волги–матушки простор,  
Где с судов больших и малых  
Брал он с вольницей побор.

Как он с силою казацкой  
Рыскал вихорем степным,  
И кичливое боярство  
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,  
Жжет огнем и давит грудь,  
Но тяжелые колодки  
С ног не в силах он спихнуть.

С болью тяжкою оставил  
В это утро он тюрьму...  
Жаль не жизни, жаль свободы,  
Жалко волюшки ему.

Не удастся Стеньке кликнуть  
Клич казацкой голытьбе  
И призвать ее на помощь  
С Дона Тихого к себе.

Как под городом Симбирском  
Думу думает Степан,  
Рать казацкая побита,  
Не побит лишь атаман.

Знать уж долюшка такая,  
Что не пал казак в бою,  
И сберег для черной плахи  
Буйну голову свою.

Вот сейчас на черной плахе  
Срубят голову мою,  
И казацкой алой кровью  
Черный помост я полью...

Вот и помост перед Стекой—  
Разин бровью не повел,  
И до верхней до ступеньки  
Гордой поступью пошел.

Поклонился он народу,  
Помолился на собор,  
И палач в рубашке красной  
Высоко поднял топор.

Ты прости, народ крещеный,  
Ты прости—прощай, Москва».   
И скатилась с плеч казацких  
Удалая голова



## 6

Есть на Волге утес – диким мохом порос  
От вершины до самого края...  
И стоит сотни лет, диким мохом одет,  
Ни заботы, ни горя не зная.

На вершине его не растет ничего,  
Только ветер свободно гуляет,  
Да свободный орел там гнездовье завел,  
И над ним он свободно летает.

Из людей лишь один на утесе том был,  
До вершины его добирался,  
И утес в честь его – человека того  
С той поры его именем звался.

И поныне утес там стоит и хранит  
Все заветные думы Степана,  
И на Волге родной вспоминают порой  
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси человек,  
Кто корысти житейской не знает, –  
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет,  
О Степане всю правду узнает.

Кто свободу любил, кто за родину пал,  
Кто на Волге за родину ляжет, –  
Тот утес–великан все, что думал Степан,  
Он тому смельчаку все расскажет.

## 7

Было дело под Полтавой,  
Дело славное, друзья!  
Мы дрались там со шведом  
Под знаменами Петра.  
Наш могучий император –  
Память вечная ему –  
Сам командовал полками,  
И, как сокол, он летал;  
Сам ружьем солдатским правил,  
Сам и пушки заряжал.  
Бой кипел: герой Полтавы,

Наш державный великан,  
Уж не раз грозою грянул  
На могучий вражий стан.  
Пули облаком носились,  
Кровь горячая лилась...  
Вдруг злодейка—пуля шляпу  
Прострелила сквозь на нем.  
Знать, что шведы промахнулись,  
Император усидел:  
Шляпу сняв, перекрестился,  
Снова в битву полетел.  
Вдруг еще злодейка—пуля  
В седло лошади впилась...  
Император не смутился,  
Взор, как молния блистал.  
Лишь, вздрогнувши от удара,  
Конь быстрее поскакал.  
Но как раз и третья пуля  
Повстречалась с Петром;  
Прямо в грудь она летела,  
В сердце сильное царя.  
Но, ударясь, отскочила  
С визгом прочь и без вреда:  
На груди царя высокой  
Чудотворный крест сиял.  
Было дело под Полтавой,  
Дело славное, друзья!  
Много шведов, много русских  
Там в сражении легло.  
Было дело под Полтавой,  
Сотни лет еще пройдут —  
Эти царские три пули  
В сердцах русских не умрут!

## 8

Шумел, горел пожар московский,  
Дым расстился по реке,  
А на стенах вдали кремлевских  
Стоял он в сером сюртуке.

И призадумался великий,  
Скрестивши руки на груди;  
Он видел огненное море,  
Он видел гибель впереди.

И, притаив свои мечтанья,  
Свой взор на пламя устремил  
И тихим голосом сознанья  
Он сам с собою говорил:

«Зачем я шел к тебе, Россия,  
Европу всю держа в руках?  
Теперь с поникшей головою  
Стою на крепостных стенах.

Войска, все созданные мною,  
Погибнут здесь среди снегов,  
В полях истлеют наши кости  
Без погребенья, без гробов».

Судьба играет человеком,  
Она изменчива всегда,  
То вознесет его высоко,  
То бросит в бездну без стыда.

## 9

Дело было под Артуром,  
Дело скверное, друзья:  
Тоги, Ноги, Камимура  
Не давали нам житья.  
Мы с красоткой темнолицей  
Подрались за царя...  
Полечу я вольной птицей,  
Я за синие моря.  
Там стоял «Варяг» железный,  
Охранял «Кореец» наш...  
Выходи-ка, друг любезный,  
Знать настал свиданья час!

Портартурцы проглядели,  
 Как на них нашла гроза—  
 Оглянуться не успели,  
 Как зима катит в глаза.  
 Приказали портартурцам  
 Удалиться в два часа,—  
 Пропадай моя телега,—  
 Все четыре колеса.  
 Вот пустился в путь—дорогу  
 Наш Макаров, наш герой...  
 Дам тебе я на дорогу  
 Образ чудный и святой.  
 Вот он прибыл с кораблями,  
 В море вышел наконец...  
 Рыболов ли взят волнами  
 Иль удалый молодец?!  
 Вот враги рукою властной  
 Потопили сразу двух...  
 Горемыка ли несчастный  
 Погубил свой грешный дух?!  
 Куропаткин горделивый  
 Прямо в Токио спешил...  
 Что ты ржешь, мой конь ретивый,  
 Что ты гриву опустил?  
 А наместник уезжает  
 Из Артура навсегда...  
 Птичка божия не знает  
 Ни заботы, ни труда.

## 10

### ПАМЯТИ «ВАРЯГА»

Наверх, о товарищи, все по местам!  
 Последний парад наступает!  
 Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,  
 Пошады никто не желает!  
  
 Все вымпелы выются и цепи гремят,  
 Наверх якоря поднимая,  
 Готовятся к бою орудий ряды,  
 На солнце зловеще сверкая.

Из пристани верной мы в битву идем,  
Навстречу грозящей нам смерти,  
За родину в море открытом умрем,  
Где ждут желтолицые черти!

Свистит, и гремит, и грохочет кругом  
Гром пушек, шипенье снаряда,  
И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»  
Подобьем кромешного ада!

В предсмертных мученьях трепещут тела,  
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,  
И судно охвачено морем огня,—  
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! С Богом, ура!  
Кипящее море под нами!  
Не думали мы еще с вами вчера,  
Что нынче уснем под волнами!

Не скажут ни камень, ни крест, где легли  
Во славу мы русского флага,  
Лишь волны морские прославят вовек  
Геройскую гибель «Варяга»!

## 11

Слышишь, рабочий,  
Война началась,  
Бросай свое дело,  
В поход собирайся!

Мы все на бой пойдем  
За власть советов  
И как один умрем  
В борьбе за это.

Слышишь, крестьянин,  
Война началась,  
Бросай свою соху,  
В поход собирайся!

Войны мы не хотим,  
Но в бой готовы,  
Ковать мы не дадим  
Для нас оковы.



Красноармеец  
На фронт уезжает,  
Жену молодую  
Одну оставляет.

Мы все на бой пойдем  
За власть советов  
И как один умрем  
В борьбе за это.

А вот и окопы,  
Трещат пулеметы,  
Но их не боятся  
Красные роты.

Войны мы не хотим,  
Но в бой готовы,  
Ковать мы не дадим  
Для нас оковы.

Вот и окопы,  
Рвутся снаряды,  
Но их не боятся  
Наши отряды.

Мы все на бой пойдем  
За власть советов  
И как один умрем  
В борьбе за это.

## 12

Товарищи, дружно, рубеж не сдавай!  
Горячее время настало,  
Немало боев нам пришлось испытать –  
Такого еще не бывало.

Рвутся снаряды и танки гремят,  
Над нами стервятники выются,  
Но мы порешили – ни шагу назад,  
Фашисты сюда не прорвутся.

Мы помним святую присягу свою,  
За нами друзья и родные,  
И в этом, быть может, последнем бою  
Мы будем стоять как стальные.

Помрем, но врага мы не пустим вперед,  
Дверей мы ему не откроем.  
Пусть знают фашисты, что русский народ  
Всегда остается героем.

Над Родиной песня, как птица, лети,  
И гордо скажи нашим людям:  
Пока мы живые – врагу не пройти.  
Помрем, но победу добудем.

### 13

Я встретил его близ Одессы родной,  
Когда в бой пошла наша рота.  
Он шел впереди с автоматом в руках,  
Моряк Черноморского флота.

Он шел впереди и пример всем давал,  
Он родом был сам из Ордынки,  
Лишь ветер атласные ленты трепал  
На черной его бескозырке.

«За Родину! – крикнул отважный моряк, –  
Пошады нет гитлерским гадам!»  
И врзался в группу фашистских солдат,  
Работая ловко прикладом.

В бою показал он сноровку свою,  
Он дрался геройски и пылко.  
Мелькала на жарких участках в бою  
Знакомая нам бескозырка.

Я встретил его после боя в селе,  
В просторненькой, чистенькой хате,  
Лежал он на докторском чистом столе  
В измазанном кровью бушлате.

Двенадцать ранений хирург насчитал,  
Все пули засели глубоко.  
В бреду лишь отважный моряк напевал:  
«Раскинулось море широко».

А в память вошел, он хирургу сказал:  
«Быть может, войдете в Ордынку,  
Жене передай мой прощальный привет,  
А сыну отдай бескозырку».

## II. Солдаты и солдатки



Написал тебе, Маруся,  
Десяносто два письма,  
А ты, ружная Маруся,  
Мне ответа не дала.



## 14

Солдатушки, браво – ребятушки,  
Где же ваши деды?  
«Наши деды – славные победы,  
Вот где наши деды!»

Солдатушки, браво – ребятушки,  
Где же ваши матки?  
«Наши матки – белые палатки,  
Вот где наши матки!»

Солдатушки, браво – ребятушки,  
Где же ваши жены?  
«Наши жены – ружья заряжены,  
Вот где наши жены!»

Солдатушки, браво–ребятушки,  
А есть у вас и тетки?  
«Есть у нас и тетки – две косушки водки,  
Вот где наши тетки!»

Солдатушки, браво–ребятушки,  
Где же ваши сестры?  
«Наши сестры – штыки, сабли остры,  
Вот где наши сестры!»

Солдатушки, браво–ребятушки,  
Где же ваши детки?  
«Наши детки – пули наши метки,  
Вот где наши детки!»

Солдатушки, браво–ребятушки,  
А где же ваша хата?  
«Наша хата – лагерь супостата,  
Вот где наша хата!»

## 15

Шел солдат с походу,  
Зашел солдат в кабак,  
Сел солдат на бочку,  
Давай курить табак.  
Здорово, брат служивый,  
Ты куришь табачок?  
Трубочка на диво,  
Давай курнем разок.  
Какая позолота,  
С резьбою по краям,  
Чудная работа:  
Продай, брат, трубку нам.  
Нет, сударь, не продажна,  
Работа не своя,  
Трубочка заветна—  
Продать не в силах я.  
Она у кирасира  
Отбита на войне.  
Память командира —  
Досталась трубка мне.  
Когда было сраженье,  
Под самым Кремчугом,  
Хранил я эту трубочку  
В сапоге своем.  
Наш полк вперед несется  
Всех рубит наповал.  
Выстрел раздается —  
Наш ротный с коня пал.  
Кровь хлынула из раны,  
Я соскочил с коня,  
Лучше б басурманы  
Убили бы меня.  
По счастью, деревушку  
Вблизи я увидал,  
Снес его в избушку  
И сам остался там.  
Жал мне он крепко руку  
И долго жить велел:  
«Друг души моей,  
Будь же ты владетелем  
Трубочки моей».

## 16

Помню, я еще молодухой была,  
Наша армия в поход куда-то шла.

Вечерело. Я стояла у ворот,  
А по улице все конница идет.

Вдруг подъехал ко мне барин молодой,  
Говорит: «Напой, красавица, водой!»

Он напился, крепко руку мне пожал,  
Наклонился и меня поцеловал...

Долго, долго я смотрела ему вслед:  
Оглянулся — помутился белый свет.

Целу ноченьку мне спать было невмочь:  
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

А потом уж, как я вдовушкой была,  
Четырех дочек замуж отдала,

К нам приехал на квартиру генерал...  
Весь изранен и так жалобно стонал...

Пригляделась — встрепенулася душой  
Это тот же прежний барин молодой!

Та же удаль, тот же блеск в его глазах,  
Только много седины в его усах.

И опять я молодешенька была,  
И опять я целу ночку не спала.

Целу ноченьку мне спать было невмочь:  
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь?



## 17

Звенит звонок, и тройка мчится,  
Несется пыль по столбовой.  
На крыльях радости стремится  
В дом кровных воин молодой  
Он с ними юношей расстался,  
Пятнадцать лет в разлуке жил.  
В чужих землях с врагом сражался,  
Стране, отечеству служил.

«Звени, звени, звонок, громчее,  
 Лихая тройка, вихрем мчись,  
 Ямщик, пой песни веселее.  
 Вот отчий дом. Остановись».  
 Звонок замолк, и пар клубится  
 С коней ретивых, удалых.  
 Нежданный гость под кров стучится,  
 Внезапно входит в круг родных.  
 Его родные не узнали,  
 Переменились в нем черты.  
 И все невольно вопрошали:  
 «Скажи, служивый, кто же ты?» –  
 «Я вам привез письмо от сына.  
 Здоров он, шлет со мной поклон.  
 Такого ж вида, роста, чина  
 И я точь–в–точь две капли он».–  
 «Наш сын, наш брат!» –тогда вскричали  
 Родные кровные его.  
 В слезах в восторге обнимали  
 Родного гостя своего.  
 Звенит звонок. Ямщик несется  
 В обратный путь уже один.  
 И песня снова раздается,  
 Вдали чуть слышится динь–динь.

## 18

Поехал далече казак на чужбину  
 На добром коне вороном,  
 Свою он краину навеки спокинул,  
 Ему не вернуться в отеческий дом.

Напрасно казачка его молодая  
 И утро, и вечер на север глядит.  
 Все ждет–поджидает с далекого края,  
 Когда ее милый казак прилетит.

Далеко отсюда, где выются метели,  
 Зимою трескучи морозы трещат,  
 Где сдвинулись близко и сосны, и ели,  
 Казачие кости под снегом лежат

Казак, умирая, просил и молил, чтоб  
 Насыпать курган у него в головах:  
 «Пушай на кургане родная калина  
 Красуется в ярких лазорьих цветах.

Пушай на калине залетная пташка,  
Она прошебечет порой обо мне,  
Что некогда жил здесь казак на чужбине  
И помнил о милой, родной стороне».

## 19

Раз полуночной порою,  
Сквозь туман и мрак,  
Ехал тихо над рекою  
Удалой казак.  
Фуражечка набекрени,  
Весь мундир в пыли,  
Пистолеты при кобуре,  
Шашка до земли.  
И копыта его стального  
Светится конец,  
В грудь упершись бороною,  
Задремал казак.  
Конь, узды своей не чуя,  
Шагом выступал.  
Потихоньку, влево, влево –  
Прямо к Саше в дом.  
«Выйди, Сашенька, скорее,  
Дай коню воды!» –  
«Я коня твоего не знаю,  
Боюсь подойти». –  
«Ты коня мово не знаешь,  
Знать, забыла ты меня!  
Ты коня мово не бойся,  
Он всегда со мной,  
Он спасал меня от смерти  
Для тебя одной!»



## 20

Вы послушайте, ребята,  
Я вам правду расскажу  
Я вам правду расскажу,  
Да про турецкую войну.  
Черный ворон – храбрый воин.  
Он недолго воевал,  
Он недолго да воевал  
Да свою голову поклат.

Свою голову поклад,  
 Да свою кровь проливал.  
 Ходит девка по кладбищу  
 Во двенадцатом часу...  
 «Отчего же да ты поздно ходишь,  
 Не боишься мертвеца?» –  
 «Отчего же да мне бояться? –  
 Здесь мой милый схоронен.  
 Схоронили да его тело  
 Во могилу глубоко,  
 На нем памятник тяжелый,  
 Девяносто шесть пудов.  
 На нем крест стоял высокий,  
 Весь облитый серебром».  
 Вдруг могила да сворохнулась,  
 Громким голосом сказал:  
 «Не плачь, девка, не плачь красна,  
 За себя замуж возьму».

## 21

Деревенски мужики –  
 Они просто дураки!  
     Невежи, калина,  
     Невежи, малина!  
 Пальцы рубят, губы рвут, –  
 В службу царскую нейдут.  
     Ваньку Хренова забрали –  
     Всей деревней завопили.  
 «Полно, маменька, тужить,  
 Не один пойду служить:  
     Пойдет Сидор, пойдет Влас,  
     Наберется много нас!»  
 На дороге на большой  
 Постоялый двор худой.  
     Лежит Хренов на боку,  
     Курит трубку табаку.  
 Он курит–таки, курит,  
 Дым в окошечко валит.  
     А старуха–щепетуха  
     Не любила того духа:  
 Платком морду завязала,  
 К капитану побежала.

«Капитаник молодой,  
Ты рассудливый такой!»  
Он судить-то рассудил,  
На конюшню проводил,  
На конюшню проводил,  
Сорок розог закатил.  
«Ты, старуха, не сердись,  
С солдатами помирись!»

## 22

Умер бедняга в больнице военной,  
Долго родимый лежал.  
Эту солдатскую жизнь постепенно  
Тяжкий недуг доконал.  
Рано его от семьи оторвали,  
Горько заплакала мать,  
Всю глубину материнской печали  
Трудно пером описать!  
С невыразимой тоскою во взоре  
Мужа жена обняла,  
Полную чашу великого горя  
Рано она испила.  
И протянул к нему с плачем ручонки,  
Мальчик, малютка грудной...  
Из виду скрылись родные избенки,  
Край он спокинул родной.  
В гвардию был он назначен, в пехоту,  
В строй наш на долгом пути,  
Сдали его в государственну роту  
Царскую службу нести.  
С виду он был новобранец хороший,  
Бойкий, смысленный, живой,  
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,  
Ну, молодец-молодцом.  
Цингу, и голод, и холод  
Русский солдат испытал,  
Все ж перед самою смертью  
Он Порт-Артур вспоминал.  
Крепость, ты крепость, была недоступная,  
Но все же пришлось нам отдать...

От павших твердынь Порт–Артура,  
С далеких манчжурских полей,  
Калека–солдат изнуренный  
К семье возвращался своей.  
Подходит к родному жилищу –  
Ему не узнать ничего:  
Другая семья в ней ютится,  
Чужие встречают его.  
Забилось сердце тревожно:  
«Неужто пришел я не в срок...  
Скажите, не знаете ль, братья,  
Где мать? Где жена? Где сынок?» –  
«Семья твоя... Сядь, отдохни–ка,  
Небось, твои раны болят...» –  
«Скажите скорее всю правду!» –  
«Мужайся, солдат!  
Толпа изнуренных рабочих  
Решилась идти ко дворцу,  
Защиты просить с челобитьем  
К царю, как к родному отцу...  
Надев свое лучшее платье,  
С толпою пошла и жена...  
И насмерть зарублена шашкой  
Твоя молодая жена». –  
«А где же мой мальчик остался,  
Мой мальчик, сынок мой родной!» –  
«Твой сын в Александровском парке  
Был пулею с дерева снят!  
А мать твоя также, старушка,  
Молиться к Казанской пошла,  
Избита казацкою плетью,  
Едва до утра дожила...» –  
«Не все еще, значит, пропало,  
Остался единственный брат,  
Мой брат, молодец и красавец». –  
«Красавец?! Мужайся, солдат!» –  
«Неужто и брата не стало?  
Погиб он в Цусимском бою?» –  
«О нет, не служил он в Цусиме,  
Не там погубил жизнь свою.  
Погиб он на Черном на море,  
Где наш броненосец стоял,



За то, что вступился за правду,  
 Своим офицером убит».  
 Ни слова солдат не ответил,  
 Лишь к небу он поднял глаза.  
 Была тут великая клятва,  
 И в будущем – месть и гроза.

## 24

Пыль клубится по дороге,  
 Едут служельцы домой,  
 Из набегу удалого  
 Все спешат под кров родной.  
 Они едут, веселятся,  
 Едут, свищут и поют,  
 Вот они уж близ станицы,  
 Жены, старцы и девицы –  
 Все навстречу им идут.  
 Градом сыплются вопросы  
 Из толпы со всех сторон,  
 Жив ли муж, жив ли сыночек,  
 Жив ли братец дорогой?  
 Лишь один боец не весел,  
 Он был круглой сиротой,  
 Буйну голову повесил  
 На вороного коня:  
 «Лучше б лечь на поле боя  
 Да не ехать бы домой,  
 Все равно моя могила  
 Не оплачется слезой».

## 25

Под ракитою зеленой  
 Русский раненый лежал,  
 Ко груди, штыком пронзенной,  
 Крест свой медный прижимал.  
 Кровь лилась из свежей раны  
 На истоптанный песок;  
 Над ним вился черный ворон,  
 Чуя лакомый кусок.

«Ты не вейся, черный ворон,  
Над моею головой!  
Ты добычи не дожدهшься,  
Я солдат еще живой!

Ты слетай в страну родную,  
Снеси маменьке поклон.  
Передай платок кровавый  
Моей женке молодой.

Ты скажи: она свободна,  
Я женился на другой:  
Я нашел себе невесту  
В чистом поле под кустом;

Моя сваха — востра сабля  
И венчал граненый штык;  
Взял невесту тиху, скромну  
И приданно небольшо.

Взял приданно небольшое —  
Много лесу и долин,  
Много сосен, много елок,  
Много, много вересин».

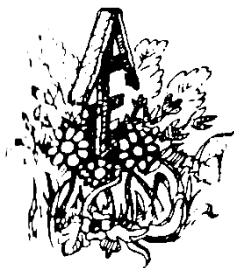
## 26

Черный ворон, черный ворон,  
Ты не вейся надо мной!  
Ты добычи не дожدهшься,  
Черный ворон, я не твой!

Что ты когти распускаешь  
Над моею головой?  
Иль добычу себе чаешь?  
Черный ворон, я не твой!

Завяжу смертельную рану  
Подаренным мне платком,  
А потом с тобой я стану  
Говорить все об одном.

Полети в мою сторонку  
К милой любушке моей,  
Ты скажи моей любезной,  
Что за родину я пал.



Отнеси платок кровавый  
Милой любушке моей,  
Ты скажи, она свободна.  
Я женился на другой.

Взял невесту тиху–скромну  
В чистом поле под кустом;  
Обвенчальна была сваха,  
Сабля вострая моя.

## 27

Последний нонешний денечек  
Гуляю с вами я, друзья!  
А завтра рано чуть светочек  
Заплачет вся моя семья,  
Заплачут братья, мои сестры,  
Заплачут мать и мой отец,  
Еще заплачет дорогая,  
С которой три года я жил.  
Карета к дому подкатила,  
Колеса о землю стучат,  
В карете старшие вскричали:  
«Готовьте сына своего!»  
Крестьянский сын давно готовый,  
Семья вся замертво лежит.  
«Прощай, папаша и мамаша,  
Прощайте, все мои друзья!  
Прощайте, все мои кусточки,  
Прощай, любимая моя!»

## 28

Последний нонешний денечек  
Гуляю с вами я, друзья!  
А завтра рано чуть светочек  
Вы все проводите меня.  
Мы ночь проспали, утром встали,—  
Нам неохота уходить.  
Поутру шли мы по деревне,  
Девчата песенки поют.  
А сзади шли мои родные,  
Они так горько слезы льют.  
А сбоку шла одна девчонка,  
Наверно, милая моя.

Я подозвал ее проститься,  
Она тихонько подошла.  
Она последний раз склонила  
Свою мне голову на грудь  
И тихо, тихо прошептала:  
«Меня, мой милый, не забудь.  
Ой трудно, трудно расставаться  
С своей родимой стороной.  
Еще труднее расставаться  
С тобой, залетка дорогой».  
Конец, конец веселой песне,  
Спасибо гармонисту за игру!

## 29

День и ночь сидим в окопах  
И в холодных блиндажах.  
Там снаряды часто рвутся  
И осколки дребезжат.  
Вот летит шестидюймовый,  
Только воздух шевелит;  
Как ударится в окопы,  
Наблюдатель вверх летит.  
Тут команда подалася:  
По цепи нужно стрелять.  
Вдруг снаряды зашумели,  
Стали трупы отлетать.  
Кто ползет с ногой отбитой,  
Кто с оторванной рукой,  
А кто лежит давно убитый  
И покинул дом родной.  
Бой прошел, и все затихло,  
Только раненых везут,  
Остальные все германцы  
Без оглядки в плен бегут.



Не ветер в поле воеет,  
 Военный гром гремит...  
 Никто так не сражался,  
 Как милый на войне,  
 Он пули не боялся,  
 Все думал обо мне.  
 Пришло письмо печально,  
 Что милый мой убит,  
 Убит, убит, изранен,  
 В чистом поле лежит.  
 Была бы вольной пташкой,  
 Слетала бы туда,  
 Собрала б кости вместе,  
 Во гробичек склала.  
 Во гробичек сложила,  
 Земельке предала.  
 На том на самом месте  
 Построю монастырь,  
 Сошью я платье черно  
 Монашенкой пойду.  
 Второе – голубое,  
 С милым гулять пойду.  
 Монашенкой быть можно,  
 Но пташкой никогда.  
 Все пташки–канарейки  
 Все жалобно поют,  
 А нам с тобой, мой милый,  
 Разлуку придают.  
 Разлука, ты разлука,  
 Чужая сторона,  
 Никто нас не разлучит,  
 Ни солнце, ни луна.  
 Только нас разлучит  
 Сырая мать–земля.  
 Не ветер в поле воеет,  
 Военный гром гремит  
 Никто так не сражался,  
 Как милый на войне.

## 31

Под крепким стенам Перемышля,  
С кровавых австрийских полей,  
Калека—солдат истомленный  
Плетется к деревне своей.

Он в битве участвовал часто,  
Врагов поднимал на штыки.  
Лишился он волею рока  
Кормилицы — правой руки.

И вот он идет и мечтает:  
Вот скоро родительский дом,  
А ветер шутливо играет  
Шинелью, пустым рукавом.

И вот затемнели овины,  
Хибары деревни родной...  
Он видит родную избенку,  
За ней небольшой огород.

В избе заколочены окна.  
Наверно, никто не живет.

«Соседушки, люди, скажите,  
Ответу я каждому рад:  
Где мать, дорогая супруга,  
Сестра и единственный брат?»

«Жену твою барин проезжий

В столицу увез за собой;

А мать твою с горя—кручины

В могилу ушла на покой;

Сестра ваша там, в лазарете,

Дежурит у коек, не спит,

А брат твой, лихой доброволец,

В бою под Варшавой убит».

Ни слова солдат не ответил,  
Лишь поднял он к небу глаза;  
Была в них великая клятва  
И будущей мести гроза.

Близ моря, германской границы,  
В ущельях кремнистой скалы,  
Там льются кровавы потоки  
С утра до вечерней зари.  
Там русское войско дерется  
За честь и за веру, царя...  
Идут они в бой обреченны,  
Но смерть храбрецам не страшна.  
А дома отец при кручине  
И с ним престарелая мать  
Читают военны газеты,  
Желают о сыне узнать.  
Из Люблина, пишут газеты...  
И брызнули слезы из глаз,  
Что сын ух убитый врагами,  
А кости зарыты в горах.  
Что кости в лесу их зарыты  
Вдали от родимой семьи...  
Никто не найдет той могилы  
Защитника русской земли.  
И, колыбельку качая,  
Склонилась над детищем мать;  
И мужа жена вспоминает,  
И катятся слезы из глаз.  
А дети играют, смеются,  
Не знают, о чем плачет мать.  
А вырастут, спросят: где папа,  
Хотим мы его повидать.  
А папы давно нет на свете,  
Убит подо Львовом в бою,  
Оставил одних он вас, дети,  
Живите на славу свою.

## 33

Горит свеча, в вагоне тихо,  
 Солдаты все, свернувшись, спят,  
 Поезд наш несется лихо,  
 Только слышно так–тик–так.  
 Один солдатик изнуренный,  
 Склонил он голову на грудь,  
 В тоске по родине далекой  
 Никак не может он уснуть.  
 Расставшись он с своей семьей,  
 Уже три года прослужил,  
 Утеряти здоровье, силу,  
 А что за это получил?  
 Проклятье мирного народа  
 За то, что он теперь солдат,  
 Но кто солдатик был до службы?  
 Он был ваш сын, он был ваш брат.  
 «Эх ты, мать моя родная,  
 Зачем на свет породила?  
 Несчастной долей наделила,  
 Шинель мне серую дала?  
 Шинель мне плечи отдала,  
 Шинель свободу отняла,  
 Шинель меня переродила,  
 Навек солдатом назвала.  
 Эх, Боже мой, что дальше будет,  
 Когда свободу заслужу?  
 Когда пойду я в бой кровавый,  
 За правду голову сложу?»

## 34

Любила меня мать, обожала,  
 Что я ненаглядный сынок,  
 В окопы меня провожала,  
 Давала с собой узелок.  
 Крестила дрожащей рукою,  
 А слезы лились, как вода,  
 Простила голубка со мною,  
 Простила она навсегда:  
 «Прощай, мой сынок ненаглядный,  
 Здоров и живехонек будь,  
 Сражайся с врагом беспощадно  
 И мать на войне не забудь».



Я долго стоял у вагона  
И долго с родимой молчал.  
Последнего матери стона  
За шумом колес не слышал.

А я тогда дрался, как воин,  
Герой, был у вас на виду...  
Теперь награжден костылями.  
В родную деревню иду.

Блеснула знакомая хата,  
Родная корова мычит,  
Играют в горелки ребята,  
И мать у колодца стоит.

Я бросился с криком к родимой  
И к сердцу прильнул головой.  
«Ах, здравствуй, сынок мой родимый,  
Вернулся ты снова домой!»

Потом от меня отшатнулась,  
В лице побледнела слегка.  
И ласково, тихо спросила:  
«А где же нога—то, нога?»

«Ах, маменька, тяжкую муку  
Геройски я вынес вполне  
И бедную левую ногу  
Оставил врагу на войне».

### 35

Это было во Карпатах  
Между двух высоких скал.  
Пробирался ночью темной  
Санитарный наш отряд.  
Впереди везут повозки,  
На повозках красный крест,  
А с повозок слышны стоны:  
«Скоро, скоро ли конец?»—  
«Погодите, потерпите»,—  
Утешала их сестра,  
А сама едва шагала,  
Вся измучена была.  
«Вот на станцию приедем,  
Напою вас, накормлю,  
Перевязки всем поправлю,  
Всем я письма напишу.  
Вот один боец диктует:  
«Здравствуй, милая жена,

Жив я, ранен неопасно,  
 Скоро дома буду я».

Вот второй боец диктует:  
 «Здравствуй, милая жена,  
 Жив я, ранен, но опасно,  
 Ты не жди домой меня».

А сестра все пишет, пишет,  
 Ей на сердце тяжело,  
 Ее муж давно убитый,  
 Сердце кровью облито.

Вдруг там стоны раздаются  
 У открытого окна,  
 И к больному поспешила  
 Милосердная сестра:

«А чего, голубчик, надо,  
 Иль воды тебе подать?»  
 «Ничего, сестра, не надо,  
 Я уж начал остывать...  
 Об одном прошу тебя я –  
 Напиши родным привет  
 От Ивана–партизана  
 И скажи, что в живых нет».

### 36

Кенареечка премлада,  
 Ты утешь горе мое,  
 Мое горе всем известно –  
 Мил уехал от меня.

Мил уехал, со мной не простился,  
 Знать, забыл он про меня.  
 Растворю я дверь у клетки,  
 Пташку на волю пушу.

На лету я вольной пташке  
 Два словечка накажу,  
 Два словечка, оба тайны:  
 «Слтай к милому к мому,  
 Сядь на яблоньку кудряву  
 И на ветку зелену.

Ты пропой ему про участь,  
 Ты про горькую мою».

Уж ты участь, моя участь,  
 Участь горькая моя,  
 До чего ты, моя участь,  
 До чего ты довела!  
 Довела ты меня, участь,  
 До позора, до стыда.

Ах ты бедный, ты бедный солдатик,  
Ты на службу попал с юных лет,  
Нелегка, брат, солдатская служба,  
Много вынес ты горя и бед.

Тебя рано на службу призвали,  
Ты любимчик был сын у отца,  
Служить ты пошел со слезами,  
Проклиная всю жизнь до конца.

Когда на службу тебя провожали,  
Горько плакала старая мать.  
С молодой женою прощался,  
Не мог слова, бедняга, сказать.

Погнали тебя в край суровый,  
Далеко от родимых полей,  
Ты служишь в бригаде стрелковой,  
На границе турецких земель.

Там гоняют тебя, как собаку,  
От зари и до поздних часов.  
Всю ты службу прослужишь, бедняга,  
Не услышишь ты ласковых слов.

Будет бить тебя взводный по морде,  
Фельдфебель наряды давать,  
Через них попадешь ты в штрафную,  
Тюремную жизнь испытать.

Тюремный порог переступишь,  
Будет голод тебя там томить.  
А потом все пойдет чередою,  
Ты будешь, как прочие, жить.

Будешь есть ты горячую пищу,  
Не будешь босой ты ходить.  
Но в награду за это начальство  
Жадно кровь из тебя будет пить.

И в тюрьме ты чахотку получишь,  
Будешь в койке ольничной лежать,  
В слезах втихомолку ночами  
Будешь родную мать вспоминать.

Ты не плачь понапрасну ночами,  
Горючие слезы не лей,  
А возьми ты, солдатик, винтовку,  
И все начальство свое перебей!

## 38

Братцы, песню дружно грянем,  
 Удаю в добрый час!  
 В мужиков стрелять не станем,  
 Не враги они для нас!  
 Только злые командиры  
 Заставляют нас их бить...  
 Чтоб солдатские мундиры  
 Этой кровью не срамить,  
 Брат пойдет ли против брата?  
 А крестьяне — братья нам,  
 И для честного солдата  
 Убивать их грех и срам.  
 Сердце нам сжимает болью  
 И не раз уж стон и плач...  
 Этой казни нам довольно,  
 Русский воин не палач.  
 Так затынем же, дружок,  
 Эту песню в добрый час!  
 В мужиков стрелять не станем,  
 Не враги они для нас!

## 39

Под частым разрывом гремучих гранат  
 Отряд коммунаров сражался.  
 Под натиском белых наемных солдат  
 В расправу жестоку попался.  
 Пред нами вышел палач—генерал.  
 Он суд объявил беспощадный,  
 И всех коммунаров он сам приглашал  
 К смертельной мучительной казни.  
 Мы сами копали могилу свою,  
 Готова глубокая яма;  
 Пред нею стоим мы на самом краю:  
 Стреляйте ж вернее и прямо!

## 40

Как на синий Терек, как на синий Терек  
 Ехали казаки, сорок тысяч лошадей.  
 И покрылся берег, и покрылся берег  
 Сотнями порубанных, пострелянных людей.

Эх, любо, братцы, любо,  
 Любо, братцы, жить!  
 С нашим атаманом  
 Не приходится тужить!

Как первая пуля, как первая пуля,  
 Как первая пуля ранила коня.  
 А вторая пуля, а вторая пуля,  
 А вторая пуля, братцы, ранила меня.

Эх, любо, братцы, любо,  
 Любо, братцы, жить!  
 С нашим атаманом  
 Не приходится тужить!

Жена погорюет — выйдет за другого,  
 Выйдет за другого и забудет про меня...  
 Жалко только волюшку во широком полюшке,  
 Жалко мать-старушку да буланого коня.

Эх, любо, братцы, любо,  
 Любо, братцы, жить!  
 С нашим атаманом  
 Не приходится тужить!

## 41

На горизонте заря догорала,  
 Ярким был виден закат...  
 А на руках у сестры умирает  
 Краснобалтийский моряк.  
 Только недавно осколком снаряда  
 Рану ему нанесли  
 И в лазарет его в серой шинели  
 С палубы тихо внесли.  
 Доктор вошел, покачал головою,  
 Тихо сказал: «Не жилец.  
 Раны тяжелы, не вынесет боли,  
 Скоро настанет конец».  
 В белом халате, обрызганном кровью,  
 Тихо сестра подошла —  
 Мигом родимого брата узнала,

Плач ее нежный встревожил больного:  
 «Брось, перестань ты рыдать,  
 Много погибло из нашей команды,  
 Каждый готов умирать»  
 На горизонте заря догорела,  
 Бледный был виден закат...  
 А на руках у сестры уже умер  
 Краснобалтийский моряк.

## 42

Далеко от родимого края,  
 Среди серых обрывистых скал,  
 Где поют перелетные птицы  
 И порой завывает шакал,  
  
 Там на камне лежит, умирает  
 В грудь раненный красный солдат.  
 Он, рану рукой зажимая,  
 Только вымолвил: «Тихо, мой брат».  
  
 Кровь из раны текла по шинели,  
 Тяжело он, бедняга, дышал;  
 И хотел приподняться на камень,  
 Как он снова на землю упал.  
  
 И никто про солдата не знает,  
 Не придет к нему родная мать.  
 Только ворон могучий, холодный  
 Стал сильнее над трупом летать.  
  
 Так и умер бедняга на камне  
 Среди серых обрывистых скал,  
 Где поют перелетные птицы  
 И порой завывает шакал.

## 43

«Знаю, ворон, твой обычай:  
 Ты сейчас от мертвых тел  
 И с кровавою добычей  
 К нам в деревню прилетел  
 Горько рыдать начала.  
 Где же ты летал по свету,  
 Где кружил над мертвецом,  
 Где похитил руку эту,

Руку белую с кольцом?» –  
 «Расскажу тебе, невеста,  
 Не таясь перед тобой,  
 За Уралом есть там место,  
 Где кипел кровавый бой.  
 Бой кровавый, пир богатый,  
 Буду помнить целый век...  
 И пришел туда с лопатой  
 Ненавистный человек.  
 Закопал в одну могилу  
 Всех бойцов–богатырей.  
 Звери их теперь не тронут,  
 Над могилой тишина.  
 Над могилой ходят, плачут  
 Сестры, матери, отцы».  
 Вышла Маша на крылечко,  
 Пошатнулася слегка  
 И узнала по колечку,  
 Чья у ворона рука!  
 «Эта рука мила друга,  
 Золото кольцо мое.  
 Я зарою руку в землю,  
 А кольцо возьму себе».



## 44

Ночь прошла в полевом лазарете,  
 Где дежурили доктор с сестрой,  
 На весеннем на раннем рассвете  
 Помирает от раны герой.

Он собрал все последние силы  
 И диктует сестре, что писать.  
 Сам был близок той страшной могилы  
 И не хочет родных забывать.

Вот в окошке заря догорает,  
 Сестра пишет и плачет сама,  
 Все странички промокли слезами,  
 Она пишет последни слова:

«Малых деточек крепко целую  
 И хочу я их крепко обнять,  
 А еще горячо поцелую  
 Дорогую, родимую мать.

А жене вы моей напишите,  
 Что ей скуку хочу разогнать,  
 Уж я ранен во правую руку,  
 Не могу я письмо написать.

Брату вы моему напишите,  
 Что я честно сражался в бою,  
 Уж я честно и храбро сражался,  
 Я за власть и за землю свою.

Вот снаряд прилетел, разорвался,  
 Оторвало с пленелью плечо.  
 И на этом писать я кончаю  
 И целую родных горячо».

## 45

Здравствуй, милая Маруся,  
 Здравствуй, цветик голубой!  
 Мы приехали обратно  
 С Красной Армии домой.

Написал тебе, Маруся,  
 Девяносто два письма,  
 А ты, милая Маруся,  
 Мне ответа не дала.

Или, милая Маруся,  
 Не умела написать?  
 Ты б любого попросила,  
 Он не смел бы отказать.

По глазам, Маруся, видно,  
 Что меня ты не ждала,  
 Кари очи опустила,  
 Сердце бьется у тебя.

Куда делся твой румянец,  
 Куда делась красота?  
 Ты другого полюбила,  
 Он же высушил тебя!

Ой ты, милая Маруся,  
 Ой ты, цветик голубой,  
 Ты бросай-ка свою друга,  
 Я желаю быть с тобой!





Не пора ль, дорогая, расстаться,  
Вот ударил последний звонок...  
Вам желаю счастливой остаться,  
А сам еду за смертью в окоп.

Спокидаю я дом свой родимый,  
Спокидаю отца я и мать,  
Спокидаю тебя, дорогая,  
А я еду в окопы страдать.

В край далекий я еду сражаться  
Проливать свою алую кровь,  
И прошу я тебя, дорогая,  
Не забудь нашу прежнюю любовь.

Оторвут мне там ноги и руки,  
На носилках в больницу свезут,  
А за эти несчастные муки  
Красный орден на грудь мне дадут.

И тогда ты, моя дорогая,  
Ты уж будешь меня избегать,  
А я, бедный несчастный калека,  
По тебе буду долго страдать.

Соберутся друзья в день воскресный,  
Пойдут в сад все зеленый гулять,  
А я, бедный несчастный калека,  
За Расею я буду страдать.

И с другим ты пойдешь по аллее,  
А я буду смотреть на тебя...  
Сердце кровью мое обольется,  
Вспоминая про прежни года

Позабудешь ты прежнюю клятву  
И с другим ты пойдешь под венец,  
А я, бедный несчастный калека,  
Буду ждать своей жизни конец.



## 47

У каждого дома осталась подруга,  
 Осталась молодая семья.  
 Зачем меня пуля так ранила рано?  
 Почему я лежу весь в крови?  
 Зачем санитары меня подобрали,  
 Зачем в лазарет повели?  
 Сестрица, сестрица, подай мне водички,  
 Подай мне холодной воды.  
 Сестрица, сестрица, давай лист бумаги,  
 Хочу я родным написать.  
 Родные получат письмо, прочитают,  
 Узнают, что ранен лежу.  
 Как вырастут дети, у матери спросят:  
 «А где же наш папа родной?»  
 А мать отвернется, слезами зальется:  
 «Убит на германской войне.  
 Убитый, убитый германским снарядом,  
 Зарыт на советской земле».

## 48

Дул холодный порывистый ветер,  
 И во фляге застыла вода.  
 Нашу встречу и тот зимний вечер  
 Не забыть ни за что никогда.  
 Был я ранен, и капля за каплей  
 Кровь горячая стыла в снегу.  
 Наши близко, но силы иссякли,  
 И не страшен я больше врагу.  
 Мне казалось, последни минуты,  
 Шел по-прежнему яростный бой.  
 Медсестра, дорогая Анюта,  
 Подползла, прошептала: «Живой?  
 Поднимись, посмотри на Анюту,  
 Докажи, что ты парень-герой,  
 Не сдавайся ты смертушке лютой,  
 Посмеемся над ней мы с тобой».  
 И взвалила на девичьи плечи,  
 И во фляге согрелась вода.  
 Нашу встречу и тот зимний вечер  
 Не забыть ни за что никогда.

В чистом поле, в поле под раkitой,  
Где клубился по ночам туман,  
Там лежит в сырой земле зарытый  
Комсомолец красный партизан.

Я сама героя провожала  
В дальний путь на славные дела,  
Боевую саблю подавала,  
Вороного коника вела.

Ехал Миша с конной из разведки,  
Он не знал, что враг взял на прицел...  
Боевую песню напевая,  
До конца пропеть он не успел.

Враг ударил залпами по Мише,  
Сразу он раненье получил.  
Сердце Миши билось все тише,  
Даже ран своих он не лечил.

Он упал на травушку степную,  
Волос русский стлался по земле;  
Из груди его стальной геройской  
Кровь лилась по стоптанной траве.

Пистолет он взял во праву руку,  
Приложил к головушке своей.  
Говорил: «Живьем врагу не сдамся,  
Жизнь отдам для Родины своей».

В чистом поле, в поле под раkitой,  
Где клубится по ночам туман,  
Там лежит в сырой земле зарытый  
Комсомолец красный партизан.

На опушке леса  
Старый дуб стоит,  
А под этим дубом  
Партизан лежит

Он лежит, не дышит  
И как будто спит,  
Золотые кудри  
Ветер шевелит.

А над ним старушка  
Мать его стоит.  
Она горько плачет,  
Сыну говорит:

«Я ж тебя растила,  
Но не сберегла,  
А теперь могила  
Сбережет тебя.

А когда родился,  
Батька немцев бил,  
Где-то под Одессой  
Голову сложил.

Я вдовой осталась,  
Семеро детей.  
Ты же самый младший,  
Милый мой Андрей.

Был ты самым храбрым,  
Немцев крепко бил,  
Орден за геройство  
В награду получил.

Ой, болит сердечко  
По тебе, Андрей.  
Ты скажи словечко  
Матери своей».

Позади старушки  
Командир стоит,  
Ласково и тихо  
Он ей говорит:



«Ты не плачь, родная,  
Он героем пал»,—  
И с земли старушку  
Тихо приподнял.

«За страну родную  
Пал он не один.  
Мы фашистским гадам  
Крепко отомстим».

## 51

Напрасно подружка ждет друга домой  
В бушлате с двумя орденами,  
А друг к ней вернется домой без ноги,  
В протезе с двумя костылями.

Мать родная увидит сынка своего,  
Увидит, слезами зальется,  
Подруга пройдет и руки не пожмет,  
Пройдет и слегка улыбнется.

За Родину дрался он крепко, как лев.  
А с жизнью своей не считался.  
Надежный товарищ ведь был у меня,  
И тот надо мной посмеялся.

О ком эта песня,—обида берет:  
За что же? За Родину дрался,  
За землю родну, за подругу свою,  
Навеки калекой остался.

## 52

Как быстро лето пролетело,  
Пришла осенняя пора.  
Настало время призыванья,  
Пришла и очередь моя.

Повестку дали мне явиться  
В военкомате, в большой зал,  
Меня начальство осмотрело,  
И доктор «годен» мне сказал.

Пришел домой, родные дома.  
Отец стал спрашивать меня:  
«Скажи, скажи, сыночек милый,  
Куда зачислили тебя?»

Ответ мой ясен был и краткий:  
«К военной службе годен я».  
И мать здесь в обморок упала,  
Сестренка плакать начала...

Не плачь, не плачь, моя родная  
Сестра, тоски не наводи,  
А лучше завтра утром рано  
В поход далекий проводи.

И мы собрались утром рано,  
Девчата песенки поют,  
А позади идут родные  
И горько, горько слезы льют.

А в стороне идет уныло,  
Ведь это милая моя!  
Я отозвал ее проститься,  
И она тихонько подошла.

Своими белыми руками  
Меня за шею обняла;  
Глаза наполнились слезами,  
И говорить мне начала:

«Как тяжело тебе расстаться,  
С своей родною стороной,  
Еще труднее расставаться  
С тобой, мой милый, дорогой».

Пришли мы к станции вокзала,  
Девчата песенки поют,  
А дорогая запевает  
«Последний нынешний денек».

В вагон товарный нас посадят,  
Шинели серые дадут;  
Винтовку пулями зарядят  
И в бой кровавый поведут.

Какой-то буду я вояка,  
Ведь мне всего семнадцать лет,  
В руках винтовки не бывало  
И не видал я пистолет

Товарищ мой, нас только двое,  
И служим мы в одном полку,  
Меня убьют, тебя поранят—  
Пиши на родину мою.

Счастливым тот, кто там остался,—  
 Пойдет с девочками гулять,  
 А я, молоденький мальчишка,  
 В земле сырой буду лежать.

## 53

Жил на свете хорошенький мальчик,  
 Этот парень был просто краса:  
 Кудри черные, черные брови,  
 Голубые большие глаза.

Лучше не было парня на свете,  
 Этих ласковых, миленьких глаз...  
 Вдруг настало суровое время —  
 Над страной нависла гроза.

Взяли в армию милого парня,  
 Голубые большие глаза.  
 Дни за днями идут чередой.  
 Вот проходит и месяц и год...

Только что-то наш парень не пишет,  
 Даже девушке писем не шлет.  
 Как-то поздней ночью одною  
 Кто-то тихо стучится в окошко.

Этот парень вернулся домой,  
 Перед матерью стал в изумленье,  
 Будто чей незнакомый, чужой;  
 Кудри черные были уж сбиты,  
 Пулей выбит был глаз голубой.

«Я, мамаша, вернулся калека.  
 Может, в этом я буду не прав...»  
 Только вместо руки его правой  
 Одиноко болтался рукав.

## 54

Между гор, среди долины  
 Жила там бедная семья.  
 Отец мой был хороший пахарь,  
 И вместе с ним работал я.  
 Но вот случилось несчастье:  
 Напали немцы на село,  
 Сожгли огнем все население,  
 Все живое померло.  
 Отца убили в первой схватке,  
 А мать сожгли тут на костре;  
 Я спас сестру свою малютку  
 И с нею поплыл по реке.  
 Но вдруг в кустах зашевелилось,  
 Раздался выстрел боевой –  
 И сердце больше уж не билось  
 Сестры–красавицы моей.  
 Прощайте, горы и долины,  
 Прощай, красавица–сестра,  
 Тебя я больше не увижу,  
 В донские волны брошусь я.

## 55

Солнце жжет, тиха долина,  
 Прогремел в долине бой.  
 «Где ты, дочка, где ты, Лина,  
 Что случилось с тобой?

Иль твое не слышит ухо,  
 Иль дошла ты до беды...  
 Отзовись! – старушка–мама  
 Принесла тебе воды».

Дочь молчит, не отвечает,  
 Не выходит наперед,  
 Мать родную не встречает,  
 Ключевой воды не пьет.

Спит она под солнцем жгучим,  
 Спит она с ружьем в руке,  
 На сыпучем, на горячем,  
 Окровавленном песке.

Платье девичье измято,  
 И потрепана коса;  
 И, не двигаясь, куда–то  
 Смотрят темные глаза.



Мать сама глаза закрыла,  
Молчалива и проста,  
Мать сама ее зарыла,  
У зеленого куста.

Положила серый камень  
На могилку на ее,  
Прядь волос взяла на память,  
А еще ружье ее.

И по горным перекатам,  
Через камни и пески,  
За своим пошла народом,  
За советские клинки.

За страну она родную,  
За великие дела.  
И за воду ключевую,  
Что не выпита была.

## 56

Раскинулись рельсы широко,  
По ним эшелоны спешат,  
В чужую сторонку далеко  
Везут украинских девчат.

Прощай, дорогой город милый,  
Прощай, дорогая семья,  
Прощай, черноглазый мальчишка,  
Не видеть мне больше тебя.

Прощайте, зеленые парки,  
Мне больше по вам не гулять,  
Я буду в Германии страшной  
Свой век молодой доживать.

Я знаю: вернется с победой  
Мой брат—черноморец, герой,  
Тогда вы ему расскажите  
О горе сестры молодой.

Нам слез не забыть материнских  
И лица суровых отцов,  
Которые нас провожали,  
Как будто живых мертвецов.

Напрасно старушка ждет дочку домой,  
Напрасно на картах гадает,  
Она будет письма от нас получать,  
Но правды о нас не узнает.

## ПЕСНЯ О ВОЕННОПЛЕННЫХ

В широких немецких песчаных горах  
Баракы большие стояли.  
Не сотни, а тысячи русских бойцов  
Голодных в тифу помирали.

Лежали в бараках, в соломе сырой,  
Дышали известкой вонючей,  
Вокруг тех бараков в два ряда столбы  
Обтянутых дротом колючим.

Ветер бушует, снег вихрем летит,  
Баракы насквозь продувает,  
А пленные в страшном тифозном бреду  
На мокром снегу умирают.

Вдруг щелкнул замок, открылася дверь,  
И немцы пришли с автоматом:  
Больных расстреляли сначала в упор,  
Голодных кормили прикладом.

«Тащи за барак,—закричал офицер,—  
Пускай на снегу заночуют,  
Их ночью шакалы проведать придут,  
А завтра вороны учуют».

Над трупами кружатся стаи ворон  
И щелкают клювом кровавым,  
А солнце дрожит, и бледнеют лучи  
Над этой кошмарной расправой.

Напрасно их дети, жена или мать  
Из плена домой ожидают:  
Они не вернутся с «культурной» страны,  
Их кости шакалы глотают.

Пусть крепко запомнит весь русский народ  
Эти кровавы расправы,  
А также погибшим положит венок  
На эти могилы кровавы.

Ой да вы, девочки, ой да вы, девчоночки,  
Не влюбляйтесь в военных ребят,  
Бо военные – все женатые,  
В заблужденье заводят девчат.

Одна девочка лет семнадцати,  
Лет семнадцать девчонка была,  
Прогуляла год и не взяла в толк,  
Что в доме его есть жена.



Раз пришел он к ней, говорит он ей:  
«Оля, Оля, люблю я тебя,  
Собирайся ты, и поедem мы,  
И поедem в родные края».

Собирались, распрощались,  
Распрощались с родными ее.  
Только с горочки они спустились,  
Мать кричала: «Дочь Оля, вернись!»

До вокзала шли –любовались,  
Любовались, как только могли,  
В руки дал он ей чемодан пустой  
И сказал: «Пять минут обожди».

Обошел кругом, сел в вагон другой  
Долго, долго на Олю смотрел:  
«Ты не жди меня, не вернуся я,  
У меня есть и дети, жена...»

Так осталася бедна Оленька  
С чемоданом дорожным в руках,  
Залилась слезой и пошла домой –  
Так пропала вся жизнь молода.

На позицию девушка  
Провожала бойца,  
Темной ночью прощалася  
На ступенях крыльца:

«Уходи без сомнения  
И громи ты врага,  
Чтоб с тобой ни случилось,  
Я навеки твоя».

Не успел за туманами  
Промелькнуть огонек,—  
На крылечке у девушки  
Уж другой паренек.

Парня весело встретила  
Фронтная семья:  
Всюду были товарищи,  
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу  
Позабыть он не мог:  
Где ж ты, милая девушка,  
Где ж ты, мой огонек?

Не прошло еще полгода,  
Парень шлет письмецо:  
«Оторвало мне ноженьку  
И сожгло все лицо».

«Очень жаль, без сомнения,  
Но любви той уж нет:  
Мне другой уж понравился  
Не печалься, мой свет.

Ковыляй помаленечку,  
Про меня позабуди,  
Заживет твоя ноженька,  
Проживешь как-нибудь».

Не отрадно, не весело  
На душе у бойца  
От такого паскудного  
От ее письмеца.

Не успел за туманами  
Промелькнуть огонек,—  
Из боев возвращается  
Молодой паренек.



С золотыми погонами,  
И вся грудь в орденах,  
И с веселой улыбкою,  
На обеих ногах.

Снова с девушкой встретились  
На ступеньках крыльца.  
Говорит: «Извини меня,  
Вновь люблю я тебя».

Отвечает ей с гордостью  
Молодой паренек:  
«Между нами все кончено,  
И погас огонек.

Ты любовь свою верную  
Променила на ложь,  
И теперь извиняешься  
И обратно ты врешь.

И теперь извиняешься  
И обратно ты врешь.  
Ковыляй помаленечку,  
Как-нибудь проживешь».

## 60

На позицию девушка  
Уходила одна,  
А с позиции девушка  
Принесла пацана.

Раньше были товарищи,  
Раньше были друзья,  
А теперь эта девушка  
Никому не нужна.

Подходил к ней сначала  
Сам начальник полка,  
А потом лейтенант,  
Наконец, старшина

Да и кто виноват из них  
Наконец, ты пойми!  
Все отцы от наследника  
Отказались они.

Бедна девушка думает,  
Целу ночку не спит,  
Над ребенком склонилась,  
В колыбельку глядит.

Ой, хоть думай, не думай ты,  
Хоть и знаешь его,  
По закону по новому  
Не возьмешь ничего.

Носик точно как будто бы  
Командира полка,  
Ротик точно как будто бы,  
Как у Васи—бойца.

А глазенки—то, глазоньки,—  
Ну а чьи же они?  
Ведь такие же, кажется,  
У Петра—старшины.

## 61

Темная ночь.  
Всех испортила женщин война...  
И теперь вот иные слова  
в этой песне поются.  
Танцы, кино,  
маскировкой закрыто окно,  
Но в квартире военных полно —  
от сержанта и выше.  
Ты меня ждешь,  
а сама с капитаном живешь.  
И от детской кровати тайком  
ты в кино убегаешь.  
Ты не ждала —  
я случайно попал в Ленинград  
И у детской кровати тебя  
не застал, не увидел.  
В доме застал  
я висячий замок на двери,  
А кровать, где сын мой лежал,  
опустела навеки.  
Годы пройдут,  
будет тихая мирная жизнь...  
Знаю, встречусь с любовью моей,  
но уж к ней не вернуся.  
Я не вернусь,  
где бы стены встречали меня;  
Больше ты не увидишь меня,  
чтоб со мной ни случилось.

## 62

Тихонько поезд громыхает  
Вечерней позднею зарей.  
В вагонах песни раздаются,  
Солдаты едут все домой.

Один солдат нахмурил брови,  
Поник он буйной головой;  
И он запел про кари очи,  
Про очи девушки одной:

«Ах очи, очи голубые,  
Вы сокрушили молодца,  
Зачем, зачем вы, люди злые,  
Вы их разрушили сердца?

Она меня крепко любила,  
И я ухаживал за ней...  
Теперь она меня забыла,  
Не быть уж ей теперь моей.

Когда в солдаты провожала,  
Она слезами залилась;  
Теперь письмо мне прислала –  
За брата замуж собралась.

Приду домой я на свиданье,  
Заколет сердце, как иглой.  
А брат подумает с насмешкой,  
Что опоздал соперник мой.

Пройдут года, родятся дети  
И будут дядей меня звать...  
Они не знают, что их дядя  
Любил когда-то вашу мать».

## 63

Скорей, скорей бы было темно,  
Скорей залетку увидеть.  
За лесом солнышко садилось,  
Я собиралась гулять.  
Ко всем девчатам шли мальчишки,  
Мово мальчишки не видать.  
Сажусь и думать начинаю:  
«Ой, почему ж он не пришел?

Наверно, он другую любит  
 И на свиданье к ней ушел.  
 Он обещал на мне жениться,  
 Он обещал меня любить.  
 Но все мечты его пропали –  
 Уходит в армию служить.  
 За что прошли мои три года,  
 За что прошла моя любовь?  
 Ой, лучше б я тебя не знала  
 И невлюбленная была.  
 Мое бы сердце не болело,  
 И я б спокойная была.  
 Теперь ты, милый, уезжаешь,  
 Возьми, возьми меня с собой». –  
 «Я взял бы, взял тебя с собою,  
 Но ты запросишься домой.  
 У нас в казарме грязно, сыро,  
 И нет постели пуховой.  
 Ложимся спать на голы нары,  
 Шинель положим в головах, –  
 Там одеваться остаются  
 Одни худые рукава.  
 В чужом краю чужие люди;  
 Чужая мать, чужой отец.  
 Чужая маменька не скажет:  
 «Вставай, сынок, попей чайку!»  
 Чужой папашенька не скажет:  
 «Вставай, сыночек, похмелю!»  
 А чужой девушке не скажешь:  
 «Пойдем, до дому провожу».  
 Конец, конец веселой песне,  
 Спасибо гармонисту за игру.

## 64

### ПИСЬМО СОЛДАТА

Привет из далекого края,  
 Где одежду бесплатно дают,  
 Где за тридцать секунд одевают  
 И в столовую строем ведут.  
  
 Ты идешь на учебу спокойно,  
 В это время тревога у нас,  
 А когда спишь в постели спокойно,  
 Я стою на посту в этот час.



А когда молодые ребята  
Вечерами целуют девчат,  
Я стою, о тебе я мечтаю,  
Прижимая к груди автомат.

Ты танцуешь под музыку танго,  
В это время я бегаю кросс,  
Косы черные ты заплетаешь,  
Я в окошко смотрю без волос.

Ты ругаешься, сидя с начальством,  
Я навтыяжку смирно стою,  
Ты уходишь оттуда спокойно,  
Я иду от него строевым.

Тебя вежливо будит динамик,  
Мне дневальный на ухо кричит,  
А пока ты работаешь ложкою,  
Я раз пять сто дорог оббегу.

Я кончаю писать, до свидания.  
«Построенье!» – кричит старшина.  
Выпей рюмку, меня дожидая,  
До свиданья, целую тебя.

# III. Ах, любовь ...



Так оно все и συμβολεя,  
 Скоро и милый пришел,  
 Надег ей на руку калевко...

Вечор поздно из лесочку  
Я коров домой гнала  
И спустилась к ручеечку  
Близ зеленого лужка.  
Слышу: едет с поля барин  
На буланой лошади,  
На буланой на лошадке,  
Две собачки впереди,  
Две собачки впереди,  
Два лакея позади.  
Одна маленька собачка  
Наперед большой бежит,  
Наперед большой бежит,  
Она лает и скулит.  
Я собачки напугалась,  
А барина ничего.  
Поравнявшись со мной, барин  
Кинул взор свой на меня:  
«Здравствуй, милая красотка,  
Из которого села?»  
«Вашей милости крестьянка»,—  
Отвечала я ему,  
Господину своему.  
«Не тебя ль, моя красотка,  
Егор за сына просил?  
Егоров сын тебя не стоит,  
Не ему ты рождена».  
В нашем Шуевском соборе  
В большой колокол звонят,  
Нашу милую Парашу  
Венчать с барином хотят.  
С вечера была крестьянка,  
А наутро —госпожа!

## 66

Я вечер в лужках гуляла,  
 Грусть хотела разогнать,  
 Я цветочков там искала,  
 Чтобы к милому послать.  
 Долго, долго я ходила,  
 Погасал уж солнца свет;  
 Все цветочки находила,  
 Одного лишь нет как нет.  
 Нет цветочка дорогого  
 Ни в долинах, ни в лужках.  
 Без цветочка дорогого  
 Я домой было пошла.  
 Шла домой я, шла уныло...  
 Недалеко от ручья,  
 Вижу, тут цветочек милый,  
 Вмиг его я сорвала.  
 Я сорвала и сказала:  
 Не забудь меня, мил друг,  
 Не дари меня ты златом –  
 Подари лишь сам себя,  
 И в подарке мне богатом  
 Ты скажи: «Люблю тебя!»

## 67

Что он ходит за мной,  
 Всюду ищет меня,  
 А навстречу глядит  
 Так лукаво всегда?  
 Что смешного во мне,  
 Я понять не могу,  
 А за мною ходить  
 Кто дал право ему?  
 Как-то, помню, давно  
 У знакомой был бал –  
 Он со мною всю ночь  
 Без ума танцевал.  
 Слова нет, он хорош:  
 Брови, нос и лицо,  
 А глаза – за глаза  
 И так ярко горят,  
 Точно яду полны,  
 Точно съесть нас хотят.  
 Не следите за мной,  
 Не ищите меня,  
 Ваших дьявольских глаз  
 Я боюсь, как огня.



## 68

Вдоль по улице метелица метет;  
За метелицей мой миленький идет.

Ты постой, постой, красавица моя,  
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

На твою ли на прекрасну красоту,  
На твое ли да на белое лицо.

Ты постой, постой, красавица моя,  
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

Красота твоя с ума меня свела,  
Иссушила добра молодца меня.

Ты постой, постой, красавица моя,  
Дай мне наглядеться, радость на тебя



## 69

Вот мчится тройка удалая  
Вдоль по дорожке столбовой,  
И колокольчик, дар Валдая,  
Звенит уныло под дугой.

Ямщик лихой, он встал с полночи,—  
Ему взгрустнулося в тиши,  
И он запел про ясны очи,  
Про очи девицы—души:

«Ах, очи, очи, голубые,  
Вы сокрушили молодца,  
Зачем, зачем, о люди злые,  
Вы их разрознили сердца?»

Теперь я горький сиротина!» —  
И он взмахнул по всем по трем —  
То тройкой тешился детина,  
Сам заливался соловьем.

## 70

Вот мчится тройка почтовая  
По Волге—матушке зимой,  
Ямщик, уныло напевая,  
Качает буйной головой.

«О чем задумался, детина? —  
Седок приветливо спросил.—  
Какая на сердце кручина,  
Скажи, тебя кто огорчил?»

«Ах, барин, барин, добрый барин,  
Уж скоро год, как я люблю,  
А нехристь—староста, татарин,  
Меня журит, а я терплю.

Ах, барин, барин, скоро святки,  
А ей не быть уже моей,  
Богатый выбрал, да постылый —  
Ей не видать отрадных дней...»

Ямщик умолк и кнут ременный  
С досадой за пояс заткнул.  
«Родные, стой! Неугомонны! —  
Сказал, сам горестно вздохнул.—

По мне лошадушки взгрустнутся,  
Расставшись, борзые, со мной,  
А мне уж больше не промчатся  
По Волге—матушке зимой!»

## 71

Вот мчится тройка удалая,  
За нею пыль, вьясь, столбом.  
Вечерний звон помалу тает,  
Безмолвье мертвое кругом

Там по пути село большое,  
Туда ямщик мой поглядел,  
Его забилося ретивое,  
И потихоньку он запел:

«Твоя краса меня прельстила,  
Сейчас мне цельный свет постыл;  
Скажи, зачем приворожила,  
Коль я тебе совсем не мил?»

Знать, этой песней удалою  
 Недолго тешишь ездока,  
 Быть может, скоро под землею  
 Сокроют тело ямщика!

По мне лошадушки взгрустнутся,  
 Расставшись, бодрые, со мной,  
 Они уж больше не промчатся  
 Вдоль по дороге столбовой.

И ты, девица дорогая,  
 Быть может, только и вздохнешь;  
 Кладбище часто посещая,  
 К моей могиле подойдешь.

В тоске, в кручинушке сердечной,  
 Лицо к сырой земле склоня,  
 Споешь ты мне: «В разлуке вечной,  
 С тобой красавица твоя».

Из глаз уж слезы показались,  
 Но их бедняк не утирал –  
 Поколь до места не домчались,  
 Он волю полную им дал.

Уж, говорят, его не стало,  
 А бедна девушка в тоске.  
 Она безвременно увяла,  
 Грустя по бедном ямщике

## 72

Тройка мчится, тройка скачет,  
 Вьется пыль из-под копыт,  
 Колокольчик то заплачет,  
 То хохочет, то звенит.

Еду, еду, еду к ней,  
 Еду к любушке своей.  
 Еду, еду, еду к ней,  
 Еду к любушке своей.

Вот вдали село большое –  
 Сразу ожил мой ямщик,  
 Песней звонкой, удалою  
 Залился он в тот же миг.

Еду, еду, еду к ней...

Динь–динь–динь!..И тройка встала  
У знакомого крыльца,  
Красна девка подбежала  
И целует молодца.

Еду, еду, еду к ней,  
Еду к любушке своей.  
Еду, еду, еду к ней,  
Еду к любушке своей.

### 73

Запрягу я тройку борзых,  
Темно–карих лошадей.  
И помчусь я в ночь морозну  
Прямо к любушке своей.

По привычке кони знают,  
Где сударушка живет,  
Снег копытом разбивают,  
Ямщик песенки поет.

Эй вы, кони удалые,  
Мчитесь, соколы, быстрее!  
Не теряйте дни златые –  
Их немного в жизни сей!

### 74

Скачет тройка по дорожке,  
Заливается ямщик...  
Эх, у ворот в большой тревоге  
Девка красная стоит.

Динь–динь–динь, динь–динь–динь,  
Девка красная стоит.

«Эх, не Степан ли мой удалый  
Почту с города везет?  
Обещался ленту алу  
Привезти на Новый год».

Динь–динь–динь, динь–динь–динь,  
Привезти на Новый год.



Снег скрипит, возок несется,  
 Парень правит, сам не свой,  
 Эх, трелью звонкой раздаётся  
 Колокольчик под дугой.

Динь–динь–динь, динь–динь–динь,  
 Колокольчик под дугой.

Мои соколы родные,  
 Вы меня не выдавай!  
 Эх, сёдоки тут не простые,  
 Господа – дадут на чай!

Динь–динь–динь, динь–динь–динь,  
 Господа – дадут на чай!

Эх, динь–динь–динь, и тройка встала,  
 Спрыгнул парень с передка,  
 К нему девка подбегала,  
 Обнимала ямщика.

Динь–динь–динь, динь–динь–динь,  
 Обнимала ямщика.

## 75

### НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

Над конями да над быстрыми  
 Месяц птицею летит,  
 И серебряными искрами  
 Поле ровное блестит.

Веселей, мои бубенчики,  
 Заливные голоса!  
 Ой ты, удаль молодецкая,  
 Ой ты, девичья краса!

Гривы инеем кудрявятся,  
 Порошит снежком лицо.  
 Выходи встречать, красавица,  
 Мила друга на крыльцо.

Веселей, дружней, бубенчики...

Ляг, дороженька, удалая,  
Через весь—то белый свет.  
Ты завейся, вьюга шалая,  
Замети за нами след.

Веселей, мои бубенчики...

Нас свела не речь окольная,  
Бабий нюх да бабий глаз:  
Наша сваха — воля вольная,  
Повенчает месяц нас.

Веселей, дружней, бубенчики...

Глянут в сердце очи ясные —  
Закружится голова.  
С милой жизнь что солнце красное,  
А без милой трын—трава.

Веселей, мои бубенчики...

Словно чуют — разъярились  
Кони — соколы мои.  
В жарком сердце реки вскрылись  
И запели соловьи.

Веселей, дружней, бубенчики,  
Заливные голоса!  
Ой ты, удаль молодецкая,  
Ой ты, девичья краса!

## 76

### УХАРЬ—КУПЕЦ



Ехал из ярмарки ухарь—купец  
Ухарь—купец, удалой молодец.  
Заехал в деревню коней напоить,  
Своею гульбою народ удивить.  
Эх, живо, живо подай пару пива,  
Подай поскорей, чтоб было веселей!  
Старых и малых он потчевал вином:  
«Пей, пропивай,— пропьем, наживем!»  
Красные девки до доньшка пьют,  
Пляшут, гуляют и песни поют.  
Эх, в спальне моей поет соловей,  
Спать не дает он красотке моей!  
К одной лишь девчонке купец пристаёт,  
Целует, милует, за ручку берет.  
Стыдно красавице, стыдно подруг,  
Рвется она из купеческих рук.

Эх, живо, живо подай пару пива,  
 Подай поскорей, чтоб было веселей!

А девкина мать расторопна была,  
 С стыдливою речью к купцу подошла:  
 «Стой же ты, купчик, стой, не балуй,  
 Дочку мою не позорь, не целуй!»

Эх, в спальне моей поет соловей,  
 Спать не дает он красотке моей!

Вышел на улицу весел и пьян,  
 В красной рубашке, красив и румян,  
 Вытащил бумажник, тряхнул серебром:  
 «Эту нам не надо, другую найдем!»

Эх, живо, живо подай пару пива,  
 Подай поскорей, чтоб было веселей.

А старый старик тут дело смекнул,  
 И старую старуху ногой оттолкнул:  
 «Твое ли это дело, старая карга?  
 Пускай погуляет, она молода!»

Эх, в спальне моей поет соловей,  
 Спать не дает он красотке моей!

По всей по деревне погасли огни,  
 Старые, малые спать легли.  
 В одной лишь избушке не гаснет ночник,  
 Спит на печи подгулявший старик.

Эх, живо, живо, подай пару пива,  
 Подай поскорей, чтоб было веселей.

В красной рубашке, в синих штанах,  
 Скомкана шапка лежит в головах.  
 Эх, в спальне моей поет соловей,  
 Спать не дает он красотке моей.  
 По всей по деревне славушка прошла,  
 Что Маша—красотка на зорьке пришла.  
 Маша—красотка на зорьке пришла  
 И целый подол серебра принесла.

Эх, живо, живо, подай пару пива,  
 Подай поскорей, чтоб было веселей.

«Вот тебе, батюшка, на белого коня,  
 Только не бей, не ругай ты меня!  
 А вот тебе, маменька, на белую шаль, Только дитю  
 ты мою покачай!»

Эх, в спальне моей поет соловей,  
 Спать не дает он красотке моей!

## 77

Что стоишь, качаясь,  
Горькая рябина,  
Головой склоняясь  
До самого тына?

А через дорогу,  
За рекой широкой,  
Так же одиноко  
Дуб стоит высокий.

«Как бы мне, рябине,  
К дубу перебраться?  
Я б тогда не стала  
Гнуться и качаться.

Тонкими ветвями  
Я б к нему прижалась  
И с его листьями  
День и ночь шепталась

Но нельзя рябине  
К дубу перебраться –  
Знать, мне, сиротине,  
Век одной качаться».



## 78

«Ой, полна, полна коробушка,  
Есть и ситцы, и парча,  
Пожалей, моя зазнобушка,  
Молодецкого плеча!

Выйди, выйди в рожь высокую!  
Там до ночки погожу,  
А завижу чернооую,  
Все товары разложу.

Цены сам платил немалые,  
Не торгуйся, не скупись:  
Подставляй–ка губки алые,  
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,  
Ждет удалый молодец.  
Чу, идет! пришла желанная,  
Продает товар купец.

Катя бережно торгуется,  
Все боится передать.  
Парень с девицей целуется,  
Просит цену набавлять...

Знает только ночь глубокая,  
Как поладили они.  
Распрямись ты, рожь высокая,  
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,  
Плеч не режет ремешок!  
А всего взяла зазнобушка  
Бирюзовый перстенок.

Дал ей ситцу штуку целую,  
Ленту алую для кос,  
Поясок – рубаху белую  
Подпоясать в сенокос,—

Все поклала ненаглядная  
В короб, кроме перстенька:  
«Не хочу ходить нарядная  
Без сердечного дружка!»



## 79

В низенькой светелке  
Огонек горит,  
Молодая пряжа  
У окна сидит.

Молода, красива,  
Карие глаза,  
По плечам развита  
Русая коса.

Юная головка,  
Думы без конца:  
Вот она ласкает  
Старого вдовца.

Старый... Что такое!  
Пусть осудит мир,—  
Он гусар, притом же  
Ротный командир.

Он красотку—пряжу  
В Питер увезет,  
Для красотки—пряхи  
Бельэтаж наймет.

Он ее научит  
Танцам и балам,  
И из пряжи будет  
Хоть куда мадам.

Пряха моя, пряха,  
Пряха ты моя,  
Вспомни, что твердила  
Тебе мать твоя:

«Не ленись, работай,  
Знай себе пряди,  
На мужчин лукавых  
Зорко не гляди.

Хитры все мужчины,  
Знают, чем прельстить;  
Будет локоть близок,  
Да не укусить».

В низенькой светелке  
Огонек горит,  
Молодая пряха  
У окна сидит.



## 80

Не брани меня, родная,  
Что я так люблю его.  
Скучно, скучно, дорогая,  
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое  
Вдруг случилось со мной,  
Что так бьется ретивое  
И терзается тоской.

Все оно во мне изныло,  
Вся горю я, как огнем,  
Все немило мне, постыло,  
Все страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды  
И богатства всей земли...  
Кудри молодца и взгляды  
Сердце бедное зажгли...

Сжался, сжался же, родная,  
Перестань меня бранить.  
Знать, судьба моя такая —  
Я должна его любить!

## 81

На той знакомой улице  
Я помню старый дом,  
С высокой темной лестницей,  
С завешенным окном.

Никто не знал, какая там  
Затворница живет,  
Какая сила тайная  
Меня туда влечет.

Какая чудо–девица  
Зовет на час ночной;  
Меня встречала бледная  
С распущенной косой.

Какие речи детские  
Она твердила мне  
Об обществе, о музыке,  
О дальней стороне.

И так по–детски пламенно,  
Прильнув к устам моим,  
Она тогда шептала мне:  
«Послушай, убежим!»

Теперь мы птицы вольные,  
Меня не стерегут,  
А ты, мой друг, не женщина,  
Тебя не проклянут».

## 82

Эта лунная ночь так была хороша,  
А на небе луна разгоралась.  
На скамейке в саду я сидела одна,  
Чей–то голос вдали раздавался.

Это он, это он, это миленький мой,  
Я походку, шаги его знаю.  
Он придет, он прильнет к моей белой груди,  
И не будет конца поцелуям.

У меня, молодой, нет родней никого,  
Старый муж только деньги считает  
И не любит меня, и ревнует меня,  
Даже в церковь одну не пускает.

Я пойду, я пойду, я пойду помолюсь  
К молодому монаху во келью.  
Я головку свою на решетку склоню,  
Расскажу я всю правду монаху.

А монах говорит: «Поллюби ты меня,  
За любовь я грехи все прощаю».  
Эта лунная ночь так была хороша,  
И на небе луна разгоралась.

## 83

Ты еще не умеешь любить,  
Но порою готов я забыться,  
Чтоб с тобою слегка пошутить  
И в тебя не на шутку влюбиться.

Я влюбляюсь в тебя не шутя,  
Ты, кокетка, шалить начинаешь:  
И как будто ты любишь меня,  
И тоскуешь, и томно вздыхаешь.

Я хочу заглушить и забыть  
Твои ласки, минутные страсти.  
Ты еще не умеешь любить,  
Мой ребенок, мой ангел прекрасный.

## 84

Краснобай ты мой,  
Удалец лихой,  
Красна песнь твоя,  
Да не верю я!

Ты поешь ее  
Уж не в первый раз  
И звездой зовешь  
Ненаглядною.

Так не пой же ты  
Сладких песен мне,  
Не проси любить,  
Не проси ласкать.

Ведь тебя любить  
Мне заказано.  
Ведь тебя любить –  
Целый мир забыть.



«Много ясных звезд  
В небе светится,  
Но одна из них—  
Ты —ярчее всех!

Много девушек  
На белом свету,  
Я не выберу  
Ни одну из них».

## 85

Зачем твое сердце как камень?  
Зачем ты не любишь меня?  
Зачем надо мной ты смеешься?  
Ты в гроб загоняешь меня.  
Ты знаешь, тобой я увлекся,  
Ты знаешь, тебя я люблю,  
Ты знаешь, какое страданье,  
Ты знаешь, ведь я не терплю.  
Прошу я тебя, дорогая,  
Прошу я с открытой душой:  
Приди ты ко мне на свиданье,  
Приди ты, меня успокой.  
О, если б пришла, дорогая,  
Ох, если б пришла ты ко мне,  
Ох, если б любовь ты открыла,  
Ее отдала бы ты мне!

## 86

Грусть и тоска безысходная  
В сердце уныло поет...  
И никто мою грусть, грусть глубокую  
Никогда ни за что не поймет.

Точно дерево в бурю свирепую  
Клонит ветер к земле, чтоб сломить,  
Так и сердце мое несогретое  
Разрывается, стонет, болит.

Так приди же, приди, ненаглядный ты мой,  
Нежной лаской мне сердце согрей,  
Залечи мои раны сердечные...  
Так приди же, приди поскорей!

## 87

Гаснут звезды, месяц полный  
Закатился в облака,  
Тихо шепчут сказки волны  
Под дыханье ветерка.

Дремлют в поле незабудки,  
Пташки дремлют, розы спят.  
Ты сойди ж, моя голубка,  
В задремавший, темный сад.

Ты сойди, я весь цветами  
Стройный стан твой обвою,  
Тихозвучными стихами  
Про любовь тебе спою.

Как дитя, тебя качая,  
На руках снесу в челнок,  
И умчит нас, дорогая,  
Полуночный ветерок.

Он умчит нас так далеко,  
Чтоб не знал никто другой.  
Как мы любим, как мы верим,  
Как мы счастливы с тобой...



## 88

Волга—матушка широка,  
Я пришла к тебе с тоской,  
Мой сердечный друг далеко,  
Унесло его волной.

Ты беги, волна, стремися,  
Другу весть скорей снеси,  
Ты стрелой к нему помчися,  
Два словечка накажи.

Ты скажи, как я страдаю,  
Как я мучаюсь по нем,  
Плачу, мучаюсь, рыдаю,  
Слезы катятся ручьем.

## 89

Весенний закат золотится,  
Зорька алеет вдали...  
Что—то мне ночью не спится,  
Сердце трепещет в груди.

Дума ползет в душу змейкой,  
Сердце чего-то все ждет –  
Это весна–чародейка  
Покоя ему не дает.

Слышится птиц щебетанье,  
Веет прохладой ночной...  
Милый, спешу на свиданье  
В рощу заветной тропой.

Там соловьи залились  
Песней весны молодой.  
Где ты, мой друг, отзовися!  
Рада побыть я с тобой!



Нежной чарующей силой  
Льется с цветов аромат.  
Как я люблю тебя, милый,  
Трудно о том рассказать!

Близок уж час расставанья,  
Слышатся звуки гудка,  
Кончилось наше свиданье –  
Майская ночь коротка...

## 90

В темной аллее заглохшего сада,  
Сидя вдвоем на дерновой скамье,  
В жизни впервые нашел я отраду,  
Тут я впервые добился любви.

Только луна в этот миг появилась,  
Ветер лениво ракитой играл...  
Ты на плечо мне головкой склонилась,  
Страстно и нежно тебя я лобзал.

Помню, приветно трещал нам соловка,  
Миг тот на сердце всегда сохраню,  
Ты на плечо мне склонила головку  
И прошептала тихонько: «Люблю».

## 91

Если друг постоянно при встрече  
О безумной любви говорит,  
Ты не верь его пламенной речи:  
Любит тот горячо, кто молчит.



Милый взгляд лучше всяких признаний,  
Он может сердцу тебе подсказать,  
Что в душе его буря страданий,  
Что не в силах он это сказать.

Нет, не тот любит всюю душою,  
Кто тебе о любви говорит!  
Расточает слова пред тобою,  
Поцелуем горячим дарит.

## 92

Моя любовь для вас забава,  
Зачем смеетесь надо мной?  
Но, милый мой, вам стыдно, право,  
Так издеваться надо мной!

Вас разлюбить не в состоянье,  
Хоть муки адские терплю,  
Вы для меня одно страданье,  
Но все ж я вас боготворю.

Вы никогда любви не знали,  
Не знали, как любить, страдать,  
Страданий тех не понимали,  
Какие может любовь дать.

Но, может быть, и вам случится,  
И вы узнаете любовь,  
Она к вам в сердце постучится,  
И вам взволнует страстью кровь.

Узнаете вы муки ада,  
Страданья те, что я терплю,—  
То будет для меня награда,  
Но все ж я вас боготворю.

## 93



Я надену веселое платье.  
Не придумать такого во сне...  
Только буду, наверно, страдать я,  
Если милый не выйдет ко мне.

Не спала я всю ночь до рассвета,  
Распевали в саду соловьи...  
А мой милый не шлет мне привета,  
Как не знает моей он любви.

Мне признаться нисколько не стыдно,  
 Что любовь в моем сердце живет,  
 Только будет мне очень обидно,  
 Если милый меня не поймет.

Встречу милого как-нибудь летом  
 И спрошу я, волнение тая:  
 «У кого мне узнать, дорогой мой,  
 Почему ты не любишь меня?»

На вопрос ничего не ответит,  
 Он, наверно, сторонкой пройдет.  
 И опять же мне будет обидно,  
 Если он ничего не поймет.

## 94

Осыпаются пышные розы,  
 В том саду не поют соловьи...  
 Ты бледна, и горячие слезы  
 Затуманили глазки твои.

Ни речей задушевных, ни песен  
 Уж не слышит таинственный сад.  
 Или мир уже стал тебе тесен,  
 Или в сердце закралась печаль?

Но, голубка моя дорогая,  
 На край света тебя увезу,  
 И тебе, моя радость земная,  
 Буду жемчуг дарить, бирюзу.

Чудный сад рассажу над рекою,  
 В том саду будет петь соловей,  
 Под душистою веткой сирени  
 Я ласкать тебя буду нежней.

Все несчастья, бывшие невзгоды  
 Ты забудешь в объятьях моих,  
 Запоешь свои песни свободно,  
 Свои чувства ты выразишь в них



## 95

Помнишь ли, милый, ветви тенистые,  
Ивы над сонным ручьем?  
Тихо катилась струя серебристая,  
Там мы сидели вдвоем

Там мы поклялись при лунном сиянье  
Вечно друг друга любить.  
Помнишь ли, милая, наши свидания?  
Впрочем, их трудно забыть.

Пел соловей свою песню могучую,  
Стан твой сжимал я рукой,  
Ты мне дарила лобзания жгучие,  
Я разделял их с тобой.

В этот же миг луна появилась,  
Я этот миг сохраняю.  
Ты на плечо мне главою склонилась  
И прошептала: «Люблю».

Пел соловей свою песню могучую,  
Громко свистал меж ветвей,  
А у меня слезы горькие, жгучие  
Лились тогда из очей.

## 96

При лужке, лужке, лужке  
При широком поле,  
При знакомом табуне  
Конь гулял на воле.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,  
Пока не споймаю,  
Как споймаю, зауздаю  
Шелковой уздою.

Как споймал парень коня,  
Зауздав уздою,  
Вдарил шпорами под бока,  
Конь летел стрелою.

Ты лети, лети, мой конь,  
Смотри, не споткнися,  
Возле Сашина двора  
Стань, остановися.

Конь остановился,  
 Топнул копытами,  
 Чтобы вышла красна девка  
 С черными бровями.

Но не вышла красна девка,  
 Вышла ее мать:  
 «Здравствуй, здравствуй, милый зять,  
 Пожалуйте в хату».

А я в хату не пойду,  
 Пойду во светлицу,  
 Разбужу я крепким сном  
 Спящую девицу.

А девица не спала,  
 Молодца встречала,  
 Правой ручкой обняла,  
 Крепко целовала.

А наутро все село,  
 Все село узнало,  
 Что казачка казака  
 Крепко целовала.

## 97

Быстро тучи проносились  
 Темно-синей грядой,  
 Избы снегом задушились:  
 Шел морозец молодой.

Занесла кругом метелица  
 Все дороги и следы...  
 Из колодца красна девица  
 Достает себе воды, —

Достает и озирается,  
 Молодешенька, кругом,  
 А водица колыхается,  
 Позадернутая льдом...

Вдоль по улице, как павушка,  
 Красна девица идет,  
 А навстречу ей Иванушка  
 Показался из ворот;

И, взглянув ей в очи ясные,  
Тихо молвил на пути:  
«Бог на помощь, девка красная,  
Дай мне ведра понести!»

Вдруг ведерочки дубовые  
Стал Ванюша подымать  
И с улыбкой чернобровую  
Обнимать и целовать.

Поцелуем красна девица  
Заглушила поцелуй...  
Разгуляйся ты, метелица,  
Ветер в сторону подуй!

## 98

«Погадай–ка мне, цыганка,  
Я давно тебя ждала».  
Чернобровая, в лохмотьях,  
Ко мне цыганка подошла.

Подошла и просит ручку:  
«Дай на ручку посмотреть».  
Посмотрела прямо в очи,  
Покачала головой.

Разнесчастная девчонка,  
Участь горькая твоя:  
Берегись, тебя твой милый  
Замышляет разлюбить.

Нет! Меня он не разлюбит,  
У нас мысли с ним одни.  
Я вчера в соседнем саде  
Сорвала в траве цветок.

Я срывала, лепетала:  
Любит миленький меня.  
Любит? Нет. Не любит? Любит?  
Весь оборванный цветок.



## 99

Когда я в люлечке качалась,  
 Когда я маленька была,  
 Одной бараночкой питалась  
 И той довольна я была.  
 Двенадцать лет мне миновало,  
 Я ленту в косу заплела,  
 Пятнадцать лет мне миновало,  
 С подружкам я гулять пошла.  
 Пастух скотину загоняет,  
 Она с гуляньица идет...  
 Мамаша дочке говорила:  
 «Смотри ты, дочка, берегись,  
 Не будь в любви так тороплива,  
 Смотри, впросак не попади».  
 А дочь мамаше отвечала:  
 «Мужчин терпеть я не могу».  
 Сама себе в уме держала,  
 Что я достойного люблю.

## 100

Сама садик я садила,  
 Сама буду поливать;  
 Сама милого любила,  
 Сама буду забывать.  
 А что же это за садочек,  
 Сад зелененький такой?  
 А что же это за мальчишка,  
 Разбессовестный такой?  
 Пустил славушку худую,  
 Все соседи говорят,—  
 За глаза меня ругают,  
 А в глаза меня хвалят.  
 При народе в хороводе  
 Парень девушку обнял,  
 А девчонке стало стыдно,  
 Стала плакать и рыдать.  
 А мальчишке жалко стало,  
 Стал девчонку унимать,  
 Вынул беленький платочек,  
 Стал ей слезы вытирать:  
 «Не плачь, девка, не плачь, красна,  
 Будешь вечно ты моя.  
 Разгорится мое сердце,  
 Возьму замуж за себя».

## 101

Спрятался месяц за тучку,  
 Не хочет он больше сиять...  
 «Дай—ка мне правую ручку  
 К пылкому сердцу прижать.  
 Что нам до шумного света,  
 Что нам друзья и враги,  
 Было бы сердце согрето  
 Жаром взаимной любви.  
 Право, мой друг, не возьму я  
 Сокровищ за все никаких,  
 Жажду я лишь поцелуя  
 С розовых губок твоих.  
 Когда ты бываешь с другими,  
 Я взглядом слежу за тобой,  
 Жалею, зачем же ты с ними,  
 Жалею, зачем не со мной.  
 Когда я бываю с тобою,  
 Я робко с тобой говорю,  
 Но ты и без слов понимаешь,  
 Как страстно тебя я люблю».  
 «Милый, спеши же скорее,  
 В тучи закрылась луна:  
 Здесь нас никто не увидит,  
 Здесь расцелую тебя!  
 Сказкой волшебною мира,  
 Друг, убаюкай меня,  
 Сладко усну я в объятьях,  
 Ванечка, жду я тебя.  
 Милый, я ждать истомилась,  
 Дай же ты сердцу покой,  
 Видишь, туманом покрылись  
 Лес и тростник над рекой».

## 102

Спрятался месяц за тучи,  
 Не хочет он больше гулять...  
 «Дай мне, красавица, ручку,  
 Я могу тебе все отгадать».  
  
 Долго цыганка смотрела  
 На нежну девичью ладонь,  
 А потом, улыбнувшись, сказала:  
 «Не грусти, ведь он скоро придет.

Не грусти, он уже недалеко,  
 Не грусти, вот он скоро придет,  
 Он наденет на ручку колечко  
 И своею тебя назовет».

Так оно все и сбылось,  
 Скоро и милый пришел,  
 Надел ей на ручку колечко  
 И в ней жизнь и счастье нашел.

Не спрятался месяц за тучку...  
 Они вышли оба гулять,  
 Он взял у своей милой ручку,  
 Чтоб к пылкому сердцу прижать.

### 103

Володя, ты Володя,  
 Вишневенький цветок,  
 Пойдем, пойдем, Володя,  
 В зелененький садок.

В зелененьком садочку  
 Там соловьи поют,  
 Они же нам, Володя,  
 Разлуку придают.

Никто нас не разлучит,  
 Ни солнце, ни луна,  
 А только нас разлучит  
 Чужая сторона

Пойду я до подружки,  
 Попрошу совет.  
 Подружка отвечает:  
 «У меня совета нет».

«Неужели ты, подружка,  
 В любви не была,  
 Неужели ты не знаешь,  
 Как любовь тяжка?»

Своим я надоела,  
 Чужим я не нужна.  
 Мил любить бросает,  
 Что делать я должна?

Мил всходит на крылечко,  
 Накручиват усы,  
 Снимает темну шляпу  
 И смотрит на часы.

«Скажи, скажи, мой милый,  
Скажи, который час,  
Еще скажи, мой милый,  
Когда разлучат нас?» –

«Не бойся ты разлуки,  
Хорошая моя,  
Подойди поближе,  
Я обниму тебя».

# 104 ФЛОРИДА

Три подружки шли гулять,  
Шли по улице Мадрида:  
Донна Лора, донна Рес  
И красавица Флорида.

И на площади большой  
Нищий в рваном одеянье,  
Нищий грязный и босой  
Попросил на подаянье.

Донна Лора так щедра –  
Нищему дала реалу,  
Донна Рес еще щедрей –  
Ему дала реалов пару.

А Флорида так бедна –  
Нет у нее реалов,  
Вместо золота она  
Нищего поцеловала.

И откуда ни возьмись,  
Продавец цветов душистых,  
И его остановил  
Взглядом нищий.

За букет душистых роз  
Отдал нищий три реала  
И той девушке поднес,  
Что его поцеловала.

С той поры пошла молва,  
Что на улицах Мадрида  
Есть красавица одна,  
И зовут ее Флорида.



Бездомный бродяга по свету скитался,  
Всю жизнь с малолетства на скрипке играл,  
Он брал свою скрипку, а скрипка играла,  
И тонкою струйкой лился романс.  
А как подрастал он, из бедной деревни  
Он в город огромный и шумный пошел,  
Там много бродило оборванных нищих,  
И должность лакея себе он нашел.  
У графа служил он и службу лакейскую  
Нес аккуратно во время балов;  
Граф часто к себе приглашал офицеров,  
Купцов, генералов и разных господ.  
У графа была одна дочь Валентина,  
Любимая графа и графских господ,  
Она на рояле играла и пела  
И всех их пленила своей красотой.  
Был вечер осенний, луна серебрилась,  
И тонкою струйкой лился фонтан.  
Одна Валентина по саду гуляла,  
Вдруг кто-то на скрипке в саду заиграл.  
На чудные звуки графиня спешила  
И в темной аллее лакея нашла.  
Всем сердцем и чувством к лакею прижалась:  
«О, милый лакей, как люблю я тебя!»  
Наутро лакея в тюрьму посадили  
За то, что на скрипке так чудно играл,  
За то, что в нем чувства богатые жили,  
За то, что он графскую дочь целовал.  
«За что же вы, судьи, меня посадили,  
За то, что не граф я, а графский лакей?  
Неужто вы, судьи, о том позабыли,  
Что чувство любви есть у каждого людей?  
Вот время настанет, проснутся народы,  
Слетят с голов ваших златые челы,  
Судите же, судьи, лихие тираны,  
Судите жестоко меня, подлецы.  
Я рос сиротою из бедной деревни,  
За хлеб заставляла работать нужда,  
Я брал свою скрипку, и скрипка играла,  
И горе, и радость я в ней выражал».

## 106

## МОРЯЧКА

На берегу сидит девица,  
Она платок шелками шьет.  
Работа чудная такая,  
А шелку ей недостает.  
Навстречу парус белый вьется,  
На брег скользнул в сияньи дня.  
«Моряк любезный, нет ли шелку  
Хотя немножко для меня?»  
«Ну как не быть, такой красоте  
Всегда готов служить я вам!  
У меня есть шелк и белый, алый,  
Какой же цвет угоден вам?»  
«Мне надо самый алый, нежный,  
Я для самой принцессы шью».   
«Так потрудитесь же подняться  
Ко мне на палубу мою».   
Она взошла, парус поднялся,  
А шкипер шелку не дает  
И про любовь в стране далекой  
Ей песню чудную поет.  
Под звуки песни, волн могучих  
Она заснула крепким сном;  
А пробудившись, видит море,  
Все море синее кругом.  
«Моряк, пусти меня на берег,  
Мне шумно от волны морской».   
«Проси что хочешь, но не это,  
Мы не расстанемся с тобой».   
«Нас три сестры: одна за графом,  
Другая герцога жена,  
А я, всех младше и красивей,  
Простой морячкой быть должна?»  
«Не беспокойся, дорогая,  
Оставь печальные мечты,  
Ты не морячкою простою,  
А королевой будешь ты.  
Я восемь лет искал повсюду  
Тебя, прелестная моя,—  
Я всей Британии великой  
Считаюсь сыном короля».

## 107

Чайхана красивая у моря,  
С палисадником цветущих роз.  
С палубы английской канонерки  
Как-то раз зашел сюда матрос.

Он пришел сюда по всем законам,  
Как и подобает моряку,  
Столик заказал на две персоны  
И окинул взглядом чайхану.

А в углу красивая японка  
Что-то тихо пела о любви.  
А когда окончился тот вечер,  
Вместе, обнявшись, они пошли.

А наутро гавань зазвучала,  
Канонерка выбросила флаг.  
Отчего так плакала японка?  
И чему так весел был моряк?

Десять лет, как в сказке, пролетели,  
У японки мальчик подрастал,  
Щуря свои карие глазенки,  
Он японку мамой называл.

И он часто спрашивал о папе,  
Теребя в руках английский флаг.  
Отвечала с гордостью японка:  
«Твой отец английский был моряк».

## 108

Чудный месяц плывет над рекою,  
По долинам царит тишина.  
Милый друг, ты гуляешь со мною,  
Для меня теперь осень – весна.

Милый друг, не спеши расставаться,  
Не спеши на свиданье к другой.  
Хорошо нам с тобой любоваться  
Безмятежной ночной тишиной.

Но я вижу –спешишь на свиданье,  
Ты спешишь на свиданье к другой.  
Ну иди, пусть одна я страдаю,  
Ну иди, уходи и прощай.

«Не прощай, говори «до свиданья»,  
Завтра утром к тебе я явлюсь,  
Не увижу твоего я страданья,  
На другой никогда не женюсь!»

Чудный месяц плывет над рекою,  
По долинам царит тишина.  
Милый друг, ты остался со мною,  
Для меня теперь осень – весна.

## 109

Холодна, равнодушна, небрежна,  
Отравляешь ты душу мою.  
Так зачем же так пылко, так нежно,  
Так безумно тебя я люблю?

И зачем, чуть касаясь паркета,  
В вихре вальса с другим ты летишь?  
И зачем среди шумного света  
На меня ты тогда не глядишь?

И загубит судьба безнадежно  
Все надежды мои и мечты,  
И в объятья холодные мужа  
Упадешь, нелюбимая, ты!

## 110

Ты слишком много мне принес  
Разбитых грез, горячих слез...  
Но, помирая, не солгу,  
Что одного тебя люблю.

Пусть соперница моя  
Осыплет ласками тебя,  
Но все ж ты мой, и в тишине  
Мечты твои летят ко мне.

У ног твоих блаженства жду,  
У ног твоих рабой помру.  
Ты мучь меня, терзай меня,  
Одно прошу – люби меня.





## 111

Ворожить и гадать мастерица,  
Ты, цыганка, на то создана.  
Ты неведомых духов царица,  
Тебе власть прорицанья дана.

Так разгони мою грусть, мою скуку,  
От бессонных ночей излечи,  
Кучу золота дам тебе в руку,  
Лишь один наговор нашепчи.

Нашепчи, чтобы сердце не ныло,  
Чтоб бессонных ночей мне не знать,  
Чтобы девица вновь полюбила,  
Не заставила долго страдать

«Не спеши с обещаньем награды,  
Я не в силах тебя исцелить...  
Не найдешь если в сердце отрады,  
Не заставишь насильно любить».

## 112

Полно, полно мне кручиниться,  
Все по милому тужить,  
Перестань ты, сердце, биться,  
Об любви говорить.  
Сердце бьется голубочком,  
Слезы катятся ручьем...  
Протекает моя младость,  
Словно мутная вода.  
Людам счастье, людам доля,  
А мне, молодой, грусть–тоска.  
Пойду с горя во садочек,  
Где мой миленький гулял;  
Я сорву там тот цветочек,  
Что долину украшал;  
Я найду ли в тот замочек,  
Где мой миленький жилал;  
Стукну–брякну по колечку:  
«Выйди, милый, на часок».  
Долго милый не выходит  
И ответа не дает,  
Ни ответа, ни привета,—  
Знать, сердит он на меня.  
Его глазки голубые  
Плохо смотрят на меня.



## 113

Поздняя полночь пробила давно,  
 Спать уж пора, да не спится,  
 Диким и жалобным стоном в окно  
 Ветер осенний стучится.  
 Тихо и жалобно, ветер, не вой,  
 Слушать тебя не могу я.  
 Скоро ли, скоро ль настанет конец,  
 Скоро ли, скоро ль умру я?  
 Раньше не знала тревоги в груди,  
 В эти осенние ночи,  
 Мне улыбались приветом весны  
 Милого карие очи.  
 На милые карие очи твои  
 Дай наглядеться мне вволю,  
 Дай прислониться головкой к груди,  
 Выплакать тяжкую долю.  
 Ох, как безумно люблю я тебя,  
 Любишь ли ты, я не знаю.  
 Чувство любви глубоко я храню  
 И терпеливо страдаю.  
 Нет, я не сделаю этого, нет.  
 Слишком горда для признанья.  
 Я не хочу, чтобы знал белый свет  
 Гордого сердца страданья.

## 114

Милые, кроткие очи твои...  
 Дай наглядеться мне вволю,  
 Голову к груди твоей приклонить,  
 Выплакать горькую долю.  
 Ах, как безумно тебя я люблю,  
 Любишь ли ты, я не знаю...  
 И горделиво любовь я таю,  
 Молча страданья скрываю.  
 Ах, как несчастлив мой жизненный путь,  
 Сердце во мне все изныло.  
 А если б не ты, милый ангел, со мной,  
 Жизнь для меня бы постыла.  
 Что же мне делать? К ногам разве пасть?  
 Плакать, просить ли с мольбою?  
 Или ж услышать твой гордый отказ,  
 Услышать твой смех надо мною?

Нет, нет не сделаю этого я,  
Я слишком горда для признанья.  
Я не хочу, чтобы весь свет узнал  
Пылкого сердца страданья.

## 115

«О чем грустишь, красавица,  
Печально вниз глядишь?  
Иль жизнь тебе не нравится?  
Скажи, о чем грустишь».

«Зачем было выпрашивать  
Печаль моей души?  
За прочими ухаживать,  
Я знаю, любишь ты.

Вчерась тебя я видела,  
Гуляя ты со другой,  
Тебя я ненавидела,  
Терзало грудь тоской».

В углу лампада теплится,  
Кругом ночная тьма,  
Все люди спят спокойным сном,  
Не сплю лишь только я.

Пойду схожу на кладбище  
Я к матери родной,  
Скажу: «Вставай, родимая,  
Поговори со мной».



## 116

Нравится мне твоя поза унылая,  
Робкий, задумчивый взгляд,  
Нравятся мне и глаза твои милые,  
Так они дивно горят.

Нравится голос твой тихий и нежный,  
Смуглое личико твое.  
Да, я люблю тебя страстно, безумно,  
С тобою все счастье мое!

Дай наглядеться, послушаться вволюшку  
Ласковых, добрых речей.  
Дай пережить мне минуты страдания,  
К груди припавши твоей.

Нет в моей жизни ни счастья, ни радости,  
 Нет и секретных друзей:  
 И дни беззаботной сияющей младости  
 Ночи осенней мрачней.

Напрасно ты встречи со мной избегаешь,  
 Напрасно ты хочешь меня позабыть,  
 Напрасно меня на другого меняешь,  
 Он ведь не будет тебя так любить.

Тихо сойду я в могилу холодную,  
 Тихо закрою глаза...  
 Кто ж пожалеет тебя, одинокую,  
 Чья же скатится слеза?

### 117

Мама, мама, что со мною,  
 Я вижу милого во сне,  
 Я вижу милого с другою,  
 Сама горю, как пыл в огне.

Лягу спать, а мне не спится,  
 Любовь покою не дает.  
 А душа во мне стремится,  
 Как час свиданья настает.

Выйду в сад я, погуляю –  
 Все пустынно для меня.  
 Где поплачу, порыдаю,  
 Кому скажу, что влюблена?

Не один в меня влюблялся,  
 Не один меня любил,  
 Не один мне ложно клялся,  
 Не один мне изменил.

### 118

Я по садику гуляла  
 Цвет рябины сорвала.  
 Красоту свою сорвала  
 И парнишке отдала.

Ты мамаша, ты мамаша,  
 Ты мне есть родная мать,  
 Ты сошила бело платье  
 И хочешь замуж отдавать.

Ты папаша, ты папаша,  
Ты мне есть родной отец,  
Ты купил мне желты туфли  
И поставил под венец.

Я под венчиком стояла –  
Не могла свечу держать.  
Я священнику сказала:  
«Перестань меня венчать!»

И священник обернулся,  
Громким голосом сказал:  
«Раз невеста не согласна –  
Не могу ее венчать!»

Хорошо в море купаться,  
Когда теплая вода.  
Хорошо в парня влюбляться,  
Когда умна голова.

Развяжите мои крылья,  
Дайте волю полетать.  
Я девчонка молодая,  
Мне охота погулять.

Много звездочек на небе,  
Но одна ясней горит.  
Много парней есть на свете,  
Об одном сердце болит.

## 119

Кто поверит моей скуке,  
Кто потужит обо мне?  
Живу с милым я в разлуке –  
Я в деревне, он в Москве.  
Только вижу я милого  
В темной ночи, в сладком сне.  
Я милому говорила  
Сердешному своему:  
«Если я тебе по нраву,  
Возьми замуж за себя;  
Если я тебе не нравлюсь,  
Сошли в сторону меня.  
Возьми в руки пистолетик,  
Прострели ты грудь мою;  
Я и тем буду довольна,  
Что покончил жизнь мою».

## 120

Кругом, кругом ночная тьма  
 И тихое молчание...  
 Лишь только вечер настает,  
 Спешу я на свидание.  
 Родные дома все бранят,  
 Безумной называют,  
 О милом плакать не велят,  
 Молиться заставляют.  
 А я молиться – не молюсь,  
 А сердцу больно, больно,  
 Любовь заставила меня  
 Его любить невольно.  
 Не уговаривай же, мать, –  
 Уговорить не сможешь,  
 Я все равно его люблю,  
 Ты только растревожишь.  
 Речка в гору не течет,  
 А все в подгорье льется,  
 Раньше мил меня любил,  
 А сейчас смеется.  
 Где те розовы цветы,  
 Которы поливала?  
 Где те милого уста,  
 Которы целовала?  
 А там опять ночная тьма  
 И тихое молчание...  
 Лишь только вечер настает,  
 Спешу я на свидание.

## 121

Глаза вы карие, большие,  
 Зачем я полюбила вас?  
 А вы изменчивые, злые,  
 Зачем страдаю я от вас?  
  
 Хожу, ищу я вас глазами  
 По улицам, садам, лесам,  
 Молюсь я Богу со слезами  
 Все по тебе, мой дорогой.  
  
 Тебе рекою счастье льется,  
 Тебе завидует весь свет,  
 А надо мной судьба смеется  
 Не день, не два, а много лет.

Тебя судьба, как мать родная,  
 Всем наделила, все дала,  
 А мне —как мачеха лихая,  
 Все притеснила, все взяла.

Тебе срывать цветы весною  
 И слушать песню соловья,  
 А мне с безвременной тоскою  
 Шептать, о чем страдаю я.



## 122

Вы мной играете, я вижу,  
 Для вас смешна любовь моя,  
 Порою вас я ненавижу,  
 Порой молюсь за вас, мой друг.

Вас позабыть не знаю средства,  
 Я сердцем искренне скорблю,  
 Хоть в вас царит одно кокетство,  
 Но я вас все—таки люблю.

Немало душ вы погубили,  
 Ах, это вам не все ль равно?  
 Ах, никогда вы не любили,  
 И вам любить не суждено!

Надежда мне лишь в утешенье,  
 Но я надеюсь и терплю;  
 Бездумны вы, в том нет сомненья,  
 Но я вас все—таки люблю!

Наступит время, может статься,  
 Вам в сердце вкрадется любовь,—  
 Вы перестанете смеяться,  
 И страсть взволнует вашу кровь.

Страданья ваши созная,  
 Свой мученья искуплю.  
 И вам таких же мук желаю,  
 Но я вас все—таки люблю!

## 123

Все говорят, что я многих любила,  
 Все говорят, что я ветрена была,  
 Многих я любила, всех позабыла,  
 Одного я забыть не могла.  
 Сколько я писем ему ни писала,  
 Он говорит, что он их не получал;  
 Сколько я ни плакала, сколько ни рыдала,  
 Он говорит, что он слез не видал.  
 Пусть он походит, пусть он поищет,  
 Пусть он найдет красивее меня:  
 Сердцем милее, глазом веселее,  
 Личиком белее – не так, как у меня.  
 Все говорят, что я многих любила,  
 Все говорят, что я ветрена была.  
 Многих я любила, всех позабыла,  
 Одного я забыть не могла

## 124

## КИРПИЧИКИ

На окраине где-то города  
 Я в рабочей семье родилась,  
 Горе мыкая, лет пятнадцати  
 На кирпичный завод нанялась.

Было трудно мне время первое,  
 Но зато, проработавши год,  
 За веселый гул, за кирпичики  
 Полюбила я этот завод.

На заводе том Сеньку встретила...  
 Лишь, бывало, заслышу гудок –  
 Руки вымою и бегу к нему  
 В мастерскую, накинув платок.

Кажду ноченьку мы встречались,  
 Где кирпич образует проход...  
 Вот за Сеньку-то, за кирпичики  
 Полюбила я этот завод.

Но, как водится, безработица  
 По заводу ударила вдруг:  
 Сенька вылетел, а за ним и я  
 И еще двести семьдесят штук.



Тут война пошла буржуазная,  
Огрубел, обозлился народ,  
И по винтику, по кирпичику  
Растащили кирпичный завод...

После вольного счастья Смольного  
Развернулась рабочая грудь,  
Порешили мы вместе с Сенькою  
На знакомый завод заглянуть.

Там нашла я вновь счастье старое:  
На ремонт поистративши год,  
По советскому по кирпичику  
Возродили мы с Сенькой завод...

Запыхтел завод, загудел гудок,  
Как бывало, по-прежнему он.  
Стал директором, управляющим  
На заводе товарищ Семен.

Так любовь моя и семья моя  
Укрепилась от всяких невзгод.  
За веселый гул, за кирпичики  
Полюбила я этот завод.

## 125

### МАША



Хмуришь брови, Маша,  
Сердишься ты зря:  
Злость твоя напрасна,  
Я ж люблю тебя.

Улыбнись же, Маша,  
Ласково взгляни,  
Жизнь прекрасна наша,  
Солнечные дни.

Солнце так сияет,  
И сирень цветет,  
Птичка распевает  
Целый день поет.

Брось сердиться, Маша,  
Ласково взгляни,  
Жизнь чудесна наша  
В солнечные дни.

Хмуришь брови, Маша,  
Сердишься ты зря:  
Злость твоя напрасна  
Я ж люблю тебя.

## 126

Мне здесь скучно, моя дорогая,  
Я не знаю, куда мне пойти,  
Не влечет меня больше другая,  
Но такой, как тебя, не найти.

Досталось в обстановке военной,  
Когда землю терзали враги...  
Расставаясь, ты мне говорила:  
«Для меня ты себя сбереги».

У калитки заветная груша,  
Где всегда целовал я тебя.  
Где ж теперь ты, моя дорогая,  
Сероглазая Чайка моя?

И в землянке, занесенной снегом,  
Часто вижу тебя я во сне;  
Твое имя в лесу перед боем  
Ножом вырезал я на сосне.

Вот покончу с фашистской ордою,  
И окончится яростный бой.  
Обещаю тебе, дорогая,  
Что с победой вернусь я домой.

Если хватит терпенья – дождешься,  
А не хватит – тому так и быть.  
Целовать тогда будешь другого,  
Но другой так не будет любить.

## 127

Тот платочек с розовой каемкой  
Был подарен парню одному.  
Чтобы этот маленький подарок  
Мог напомнить обо мне ему.  
Восемь лет проходит незаметно,  
Двадцать пять исполнилось мне лет,  
О платочке помню я заветном,  
Но не знаю, помнит он или нет.  
Вот однажды еду я в вагоне,  
Поезд мчится прямо на восток.  
Тишину в вагоне нарушает  
Паровозный жалобный гудок.

А на койке спит спокойный летчик,  
 Молодой красивый паренек.  
 Из кармана выпал незаметно  
 С той каемкой с розовой платок.  
 Я платок проворно поднимаю  
 И смотрю на вышивку свою  
 И в любимом летчике—герое  
 Я своего друга узнаю.  
 И не описать мне этой встречи,  
 Не найти мне подходящих слов...  
 Только после этой нашей встречи  
 Нас связала крепкая любовь!

## 128

Шел казак на побывку домой,  
 Через речку дорожкой прямой,  
 Обломила доска, подвела казака —  
 Не вернется он больше домой.  
 Вышел он да на крут бережок,  
 По—над речкой костер разожег.  
 Мимо девушка шла, к казаку подошла:  
 «Что случилось с тобою, дружок?»  
 Отвечает казак молодой:  
 «Осетра я ловил под водой.  
 Очень речка быстра, не поймал осетра,  
 Искупался в воде ледяной».  
 Отвечает дивчина ему:  
 «Ты домой не спеши, сапоги просуши,  
 Разведем мы костер на дому».  
 А казак—то ведь был молодой,  
 А притом же он был холостой...  
 Эх, дощечка—доска, подвела казака,  
 Не вернется домой холостой.

## 129

## ХУТОРЯНОЧКА

Сыпал снег буланому под ноги,  
 В спину дул холодный ветерок.  
 Ехал долгожданною дорогой,  
 Заглянул погреться в хуторок.

Встретила хозяйка молодая,  
 Как встречает родного семья,  
 В горницу любезно пригласила,  
 Ласково глядела на меня.

А наутро встал я спозаранку,  
 Вышел я буланого поить.  
 Вижу: загрустила хуторянка  
 И не хочет даже говорить.

В горницу вошла и ни словечка,  
 Только молча руку подала...  
 И тогда я снял с коня уздечку,  
 Расседлал буланого коня.

Так и не доехал я до дому,  
 Затерялся след мой в хуторке.  
 Что же делать парню молодому,  
 Коль пришла девчонка по душе?

### 130

Тамара, Тамара,  
 Послушай гитару –  
 Гитара расскажет  
 Про нашу любовь.

Служебные годы  
 Прошли, словно воды,  
 Влюбился, женился,  
 Домой прилетел.

Иду по бульвару,  
 Навстречу Тамара,  
 Последний разочек  
 Ей песенку спел.

Тамара, Тамара  
 Послушай гитару –  
 Гитара расскажет  
 Про нашу любовь.

# IV. ПУСКАЙ МОТИЛА МЕНЯ НАКАЖЕТ



Глаза вы карие большие,  
Зачем я полюбила вас?

Пускай могила меня накажет  
За то, что я его люблю!  
А я могилы не боюсь –  
Кого люблю я, с тем умру.

Он подходил ко мне с улыбкой  
И руку жал, меня ласкал;  
Он называл меня голубкой  
И в алы губки целовал.

И поцелуй тот был прощальный,  
Когда настал жестокий час...  
А я, дитя, любви не знала,  
Не знала, как любить, страдать.

В постели я лежу больная,  
А мне всего семнадцать лет,  
А завтра лягу я в могилу...  
Пускай все скажут – меня нет.

А зажигай же, мать, лампаду,  
Вот скоро, скоро я помру:  
Весь белый свет я покидаю,  
В могилу хладну жить пойду.

Мою могилу землей зароят,  
В которой буду я лежать.  
И приходить будешь, мой милый,

И вот придешь ты на кладбище  
И спросишь деда-старика:  
«Могила эта чья такая,  
И чья такая померла?»

«А тут лежит одна девица  
И от любви померла,  
От любви, от чахотки  
В сырую землю жить пошла».

В сырой земле, там нет измены  
И нет коварных, злых людей,  
И там залечатся все раны,  
Которы есть в груди моей.



Я сижу и люблюсь тобою,  
Дорогая моя, все тобой.  
Чудный месяц плывет над рекою,  
Все объято ночной тишиной.  
Ничего мне на свете не надо,  
Только видеть тебя, милый мой,  
Только видеть тебя бесконечно,  
Любоваться твоей красотой.  
Но, увы, коротки наши встречи –  
Ты спешишь на свиданье к другой.  
Ну иди, пусть одна я страдаю,  
Пусть напрасно волнуется грудь!  
Для кого я жила и страдала  
И кому я всю жизнь отдала?  
Как цветок ароматный весною,  
Для тебя одного расцвела.  
Ты поклялся любить меня вечно  
И ласкать, как голубку, одну,  
А теперь, насмеясь надо мною,  
Насмеявшись, всю жизнь загубил.  
Я просила тебя, умирая,  
Приди, милый, проститься со мной,  
Но могила моя одинока,  
Не придешь, не поклонись ей.  
Только ясное солнце высоко  
Над крестом моим бедным взойдет...  
Белый камень лежит одинокий,  
Точно сторож могилы моей.  
И почему не проснешься ты снова,  
Как цветок ароматных полей?

## 133

В голове моей мозг иссыхает,  
Сердце кровью мое облило;  
За измену неверного друга  
Пострадать, знать, мне время пришло.

Ох, зачем утешать меня поздно?  
Пусть волнуется сердце в груди...  
Только дай мне наплакаться вволю  
И минуты с тобой провести.

Проклинаю тот день, как впервые  
Образ твой в мою душу проник,  
Роковое с тобою свиданье,  
Проклинаю тот сладостный миг.

И ту рошу, тот сад, ту аллею,  
Где хотел неустанно ходить,  
И судьбу, что меня допустила  
Безрассудно тебя полюбить.

О, прости меня, милый, не слушай,  
Я сказала тебе не в укор.  
Ох, и как глубоко я страдаю,  
Ведь на долю мне выпал позор!

Вижу, градом внезапные слезы  
Из очей покатались твоих.  
О, к чему же ты плачешь, скажи мне,  
О грехе иль страданиях людских?

Опостылел мне мир в этой вилле,  
Всех я радостей стала чужда;  
С кем была, не могу я остаться,  
И женой мне не быть никогда.

О, прижми свое сердце больное  
К моему еще раз, еще раз...  
Поцелуй в эти впалые щеки,  
На которых румянец угас.

Еще раз и в последний, мой милый,—  
Подкосились колени, прощай...  
На кладбище, где буду лежать я,  
Не ходи, надо мной не рыдай.

Пускай жавронок звонкою песней  
Оглушает весь воздух полей.  
Целый день будет петь не смолкая  
Над могилою бедной моей.

Эта влажная зелень долины  
Скроет бедное сердце мое.  
Что любило тебя так безумно,  
Как тебя не полюбит ничье!



## 134

Вдали над озером, в тумане  
 Скиталась дева—красота.  
 Кляла жестокого тирана,  
 Хотела жизнь отдать волнам.

«Зачем тебя я полюбила,  
 Зачем клялась любить тебя?  
 Свою я молодость сгубила,  
 Навеки счастье погребла...

Услышь, Отец, услышь, вселенной  
 Ты сделай милость для меня:  
 Ты выкинь на берег известный,  
 Туда, где милый мой, туда».

Сказала это — и упала.  
 Раздался плеск морской волны.  
 Ее уж нет, ее не стало,  
 Она на дне морском лежит.

## 135

Глаза вы карие, большие,  
 Зачем я полюбила вас?  
 А вы изменчивые злые —  
 Зачем страдаю я по вас?

Ищу, ищу я вас глазами  
 По улицам, садам, полям,  
 Молюсь я Богу со слезами  
 Все по тебе, хороший мой.

Ты для меня милей богатства,  
 Дороже всех моих родных —  
 Милей сестры, дороже брата,  
 Дороже матери—отца.

Не быть, не быть во божьем храме  
 И не стоять нам под венцом,  
 Не обручаться нам кольцами  
 И мне не быть твоей женой.

Ты зажигай, мама, лампаду,  
 Ведь скоро—скоро я помру,  
 И белый свет я покидаю,  
 В могилу холодную уйду.

Прощай ты, мать моя родная,  
Прощай, венчальное кольцо,  
Могила ждет меня сырая,  
Могила ждет меня давно

## 136

Зачем я тебя полюбила  
И душу тебе отдала?  
На свете я все позабыла,  
Но счастья с тобой не нашла.

Зачем же ты клялся, божился,  
Хотел, мил, до гроба любить?  
А сейчас ты, злодей, надсмеялся  
И хочешь меня позабыть.

Смотрите—ка, добрые люди,  
Что сделал злодей надо мной:  
Сорвал он, как с розочки, цветик,  
Сорвал, истоптал под ногой.

Зачем же ты топчешь ногами  
Безвинную душу мою?  
И будь же проклят словами,  
Злодей, за измену твою!

Сегодня у нас воскресенье,  
А милый ко мне не пришел.  
Наверно, милой рассердился,  
Себе он другую нашел.

Нашел себе миленькой другую,  
А я все еще его люблю.  
Подайте перо и чернила,  
Я другу письмо напишу.  
Навеки я лягу в могилу,  
Злодей, за измену твою.

Не шейте мне черного платья,  
Не буду его я носить.  
Сошейте мне желтого цвета,  
Я с миленьким в разлуке буду жить.

Сошейте мне белое платье,  
Во гроб повалите меня,  
Снесите меня на кладбище,  
Заройте сырою землей.

Стояли у меня на могиле  
 Отец мой и мать старики.  
 Любили, ласкали девицу,  
 Никак сберегти не смогли.

## 137

Зачем я встретила с тобою?  
 Зачем твой взор прельстил меня?  
 Когда тебя я увидела,  
 Сердце замерло во мне.  
 Душа невольно трепетала,  
 И я горела как в огне.  
 Одной мечтою сердце ныло,  
 Когда сидел возле меня...  
 Я с нетерпением ожидала,  
 Когда пройдет мимо меня...  
 Ты не проходишь, Бог с тобою,  
 Мне недолго стало жить.  
 Я опущусь на дно морское  
 И перестану говорить.

## 138

Не говори, что молодость стубила –  
 Ты ревностью истерзана моей;  
 Не говори: близка моя могила,  
 А ты цветка весеннего нежней.

Тот день, когда меня ты полюбила  
 И от меня услышала «люблю»,  
 Не проклинай, близка моя могила –  
 Поправлю все, все смертью искуплю.

Я знаю, ты другого полюбила,  
 Щадить и ждать наскучило тебе.  
 Не проклинай, близка моя могила...  
 Начал-то я и кончить дай судьбе.

Лишь только вечер настает,  
Спешу я на свидание.  
Кругом, кругом ночная тьма  
И тихое молчание.  
Родные все меня бранят,  
Безумной называют,  
По милом плакать не велят,  
Молиться заставляют.  
А я молиться не молюсь,  
И сердцу больно, больно...  
А мать сказала: «Дочь моя!  
Ты бойся этой муки –  
Он полюбил тебя шутя  
И целовал от скуки».  
Не уговаривай ты, мать,  
Уговорить не сможешь,  
Лишь только ты больную грудь  
И сердце растревожишь.  
Ко мне и доктор не ходи,  
Болезни не узнаешь;  
Хотя поймешь мою болезнь,  
Но вылечить не сможешь.  
Вогнал, вогнал во гроб меня  
Своей любовью тайной...  
А не придет ли милый мой,  
Скажите – померла я.  
Пускай на кладбище зайдет  
Найдет мою могилу.  
И когда высохнет река,  
Источники повсюду,  
На камне вырастет цветок  
Тогда его забуду.  
Завяли розовы цветы,  
Которы поливала...  
Застыли милого уста,  
Которы целовала.

Меня бранят, меня ругают,  
Мне не велят его любить,  
Но сердце бедное страдает,  
Я не могу его забыть.

Вспомню, в комнате уютной,  
Когда сидели мы вдвоем,  
Тебя я нежно целовала  
И называла: «милый мой».

Ты мне дарил венец и славу  
И, как ребенка, вдаль манил;  
Завлек, завлек ты для забавы,  
А сам другую полюбил.

Ты полюбил, а нас ведь двое,  
И ты не знаешь, какую любить,  
Одну ты ласкою прельщаешь,  
Другую счастьем ты даришь.

Ты полюбил, милый, брюнетку,  
Но я блондинкой рождена...  
Я знаю, ты меня забудешь,  
Но не забуду я тебя.

Ты полюбил, милый, богату –  
Про это знаю, знаю я.  
Богачка золотом займется  
И позабудет про тебя

Вот скоро, скоро, друг мой милый,  
Венок терновый мне сплетут,  
Венок терновый, гроб дубовый  
Со мной на кладбище снесут.

Там жестко спать, там нет измены,  
Там нет коварных, злых мужчин,  
И там залечит сердце раны,  
Которы есть в груди моей.

Моя терновая могила  
Травой зеленой зарастет;  
Кого я страшно так любила,  
Ко мне он больше не придет.

## 141

Ты вспомни комнатку уютную,  
 Когда сидели мы вдвоем,  
 Тебя я крепко целовала  
 И называла «милый мой».

Ты обещал венец и славу  
 И как малютку вдаль манил;  
 Увлёк, увлёк ты для забавы,  
 А сам другую полюбил.

Уехал ты в страну чужую,  
 Оставил здесь меня одну.  
 Одну ты счастьем услаждаешь,  
 А мне ты сына подарил;  
 Меня ты, бедную, оставил  
 Среди товарищей своих.

Пушай богачка тебя любит,  
 Пушай владеет она тобой,  
 Она любить так не сумеет,  
 Как я любила, милый мой!

Богачка золотом займётся,  
 Она забудет про тебя...  
 А если в жизни что коснется,  
 Меня уж нет, скончалась я.

Моя терновая могила  
 Травой зеленой зарастет,  
 Кого я страстно так любила,  
 К моей могиле не придет.

## 142

Отворите окно, отворите,  
 Мне не долго осталось жить!  
 Ещё раз на свободу пустите,  
 Не мешайте страдать и любить!  
 Вот уж год, как лежу я болею  
 И не может никто подойти;  
 Подойди, дорогая подружка,  
 Всю я правду тебе расскажу.  
 Из-за вас, дорогая подружка,  
 Из-за вас я милого люблю,  
 Из-за вас, из-за вас умираю,  
 Из-за вас в сыру землю иду.

Если были бы легкие крылья,  
 Улетела бы к милому вдаль,  
 Где растут засмоленные сосны,  
 Где не вянет трава никогда,  
 Где поют перелетные пташки,  
 Не умолкая свои голоса.

## 143

Заразилась я чахоткой,  
 И все лечиться мне велят...  
 Я людей слушать не буду,  
 А что мне люди говорят.  
 Вы не шейте бело платье,  
 Ох, под венец я не пойду,  
 Ох, лучше выройте могилку  
 Во зеленом во саду.  
 Куда милый ни поедет,  
 Ко мне в садик завернет,  
 Коня к кустику привяжет,  
 Сам к могилке подойдет;  
 Горько—нагорько заплачет,  
 Крест руками обоймет:  
 «Померла моя надежда,  
 Ох, померла моя любовь!»  
 Зачем было так влюбляться  
 С молодых семнадцать лет?

## 144

Что так сильно, сердце, бьешься,  
 Иль знакомишься с тоской?  
 Или ты на волю рвешься  
 Вон из груди молодой?

Нет моей печальной доли  
 Не тоска меня гнетет,  
 Мне не надо вашей воли—  
 Воля счастья не дает.

Я любила, обожала,  
 Счастье гнала от себя;  
 Я любила, понимала,  
 Но не понял ты меня.

Зачем вы, черненькие глазки,  
 Очаровали вы меня?  
 Зачем вы клятву мне давали,  
 Зачем обманывал, любя?

Шутил, смеялся надо мною  
И думал ты, что я глупа...  
Так веселись иди с другими,  
Быть может, я не хороша.

Быть может, ты брюнетку любишь,  
А я блондинкой рождена;  
Быть может, ты меня забудешь,  
А я навеки, никогда.

Забудь тот миг, когда сошлись,  
Забудь про то, не вспоминай,  
Мое—то имя с простотою  
Друзьям в насмешку не давай.

Девушка к морю подходила,  
И волны с шумом раздались...  
С крутого берега упала,  
И волны с нею унеслись

И громким голосом вскричала  
Подругам милым своим:  
«Гуляйте, милые подружки,  
Пока краса ваша цветет,  
Моей вы участи страшитесь —  
Она к гибели ведет!»

И, может быть, злодей вспомнёт,  
Но не услышит голос мой;  
И нам уж больше не придется  
Гулять по-прежнему с тобой.

### 145

Все говорят, что я в чахотке,  
Все говорят, что я больна;  
Я не в чахотке, не больная,  
Я в мальчишку влюблена.  
По докторам вы не ходите,  
Я лекарства не приму...  
А как умру, похороните,  
В цветах положьте вы меня.  
А ты, мой тятенька—голубчик,  
Кругом ограду заведи,  
А ты, подруженька—злодейка,  
Златые буквы напиши.  
А кто пройдет, тот прочитает,  
Отчего я умерла —  
Умерла не от болезни,  
А от проклятой от любви.



## 146

«Напрасно, девица, страдаешь,  
Напрасно думаешь о нем,  
Напрасно день и ночь мечтаешь,  
А он мечтает о другой.

Тебе любить его не в силах,  
Он любит карты и вино...  
Тебя тоска сведет в могилу,  
Ему, бродяге, все равно.

Ты брось, подруга, прибаутки,  
Забудь ты милого навек,  
Возьми себя ты крепко в руки  
И будешь снова человек».

Подруга слушать не хотела  
И продолжала все любить...  
И вот чахотку получила  
И скоро, скоро умерла.

Подруги в трауре рыдали...  
Гроб черным бархатом обит,  
Горели свечи восковые,  
Во гробе дева крепко спит.

А перед гробом на коленях  
Стоял красавец молодой,  
Шептал он бледными устами:  
«Прости, что сделал я с тобой.

Я знал, что ты меня любила,  
Любовь была твоя верна...  
И что же сделала могила? –  
Тебя отняла у меня».

## 147

Ты вспомнишь, миленький, да поздно,  
Ты вспомнишь, тяжело вздохнешь...  
На свете многих любить можно,  
Меня милее не найдешь.  
Я столько случаев искала  
С тобой, мой друг, поговорить,  
Я день и ночь о том мечтала,  
Что перестал меня любить.

Любить не стал, так жалко стало,  
 Печально сердце у меня,  
 Шутить, смеяться перестала  
 И горько плакать начала.  
 Народ больной меня считает,  
 И все лечиться мне велят,  
 Мою болезнь не понимают –  
 «Чихотка, верно»,—говорят.  
 Моя болезнь очень большая:  
 Дружок любил, да изменил,  
 Изменил дружочек верный,  
 А я вовеки, никогда.  
 Я умру, меня украсят,  
 Мою могилу во цветах.  
 Поставят крест большой чугунный  
 И по две розы на боках.  
 Забейте крест до медных слов,  
 Что умерла через любовь.  
 Через любовь, через дружка,  
 Через дружка Иванушка.

## 148

Когда осенью листья сухие  
 Зашуршат под ногой у тебя,  
 О дитя! Вспомни дни золотые,  
 Что с тобой мы делили любя.

Отыщу уголок тот далекий,  
 Где твой друг вечным сном мирно спит,  
 Там увидишь мой крест одинокий  
 И цветы среди каменных плит.

Ты нарви их рукой белоснежной  
 Для твоих золотистых кудрей,  
 Они вскормлены страстью мятежной,  
 Они вскормлены кровью моей.

Те цветы пропоют тебе внятно,  
 Что при жизни я спеть не успел,  
 И без слов тебе станет понятно  
 Все, что высказать я не сумел.

## 149

Старик высокий, черноокий,  
 А я как розочка цвела...  
 Старик дарил мне все подарки –  
 Браслеты, кольца, жемчуга.

А я по глупости не знала –  
 Брала подарки старика;  
 И незаметно я влюбилась  
 Во седого старика.

Вот год прошел – никто не знает,  
 Не знал отец, не знала мать.  
 Узнал отец – прогнал из дома,  
 А мать навеки прокляла.

Я пошла по той дороге  
 И повстречалась с стариком,  
 Перед ним упала на колени:  
 «Старик, ты –мой, а я – твоя».

Старик толкнул меня ногою:  
 «Уйди, девчонка, от меня.  
 Неужли, глупая, не знала,  
 Что я старик, а ты –дитя!»

И я пошла по той аллее,  
 Аллея к линии вела.  
 Я долго–долго на перроне  
 Стояла, поезда ждала.

Вот мчится поезд пассажирский,  
 И я на линию легла;  
 И быстро жизнь свою сгубила  
 Из–за седого старика.

## 150

Бывали дни веселые –  
 Гуляла дева я,  
 Не знала тоски–горюшка,  
 Как розочка цвела.

Бывало, порой летнею  
 Устанешь от работ,  
 У маменьки отпросишься,  
 На улицу пойдешь.

Идешь широкой улицей,  
 Навстречу мил идет,  
 В руках гармошка венская  
 Играет и поет.



Он взял меня за рученьку,  
Всю ночь продержал,  
Он клялся и божился мне,  
Взять замуж обещал.

А я ему поверила,  
Его глупым словам...  
Теперь сижу и думаю:  
Прошли златые дни.

Прошло златое времечко,  
Настал тяжелый час...  
А слезы льются, катятся  
У девицы из глаз.

Задумала я девица  
Покончить, жизнь с собой,  
Взяла я два ведерочка,  
Пошла я за водой.

Я встала среди озера,  
Над самой глубиной;  
На церковь перекрестилась  
И скрылась под водой.

Приди, приди, мой миленький,  
К крутому берегу,  
Из-за тебя, мой миленький,  
Кончаю жизнь свою.

## 151

Весь был дом освещен в сад зеленый окном,  
Растворенным чией-то рукою.  
Кто сидит у окна и сидит так давно,  
Весь подавлен безумной тоскою?

Разве можно грустить в такой праздник большой,  
Где так весело музыка льется?  
И веселая пара одна за другой  
Вихрем вальса шумливо несется.

Вот и он отошел, не взглянул на меня,  
С ней уносится в вальсе веселом,  
Сильно ей увлечен, дела нет до меня...  
А душа моя в полном волненье.

«Ах, не лучше ли мне в сад зеленый уйти  
От людей и от шумного бала?»  
Незаметно скользнула сквозь группу людей,  
На скамью со страданьем упала.

И в ту сторону сада смотрела она,  
Где был дом освещен среди ночи...  
Вдруг послышалось ей – чей-то голос пропел  
Про любовь и про карие очи.

«Ах, давно ли он мне то же самое пел,  
Ах, давно ли мы вместе гуляли?  
А теперь навсегда отошел от меня,  
Очи карие черными стали».

И, шатаясь, к обрыву реки подошла,  
И со вздохом крестом осенилась.  
И нагнувшись к реке, и руками всплеснув,  
Она тихо на дно опустилась.

Весь был дом освещен в сад зеленый окном,  
Затворенным чией-то рукою.  
Там был он и она и не вспомнил о ней,  
Он все время был занят другою.

## 152

### КОЛЕЧКО

Потеряла я колечко,  
Потеряла я любовь,  
А по этом по колечке  
Буду плакать день и ночь,  
Где девался тот цветочек,  
Что долину украшал,  
Где мой миленький дружочек,  
Что словами обольщал?  
Обольстил милой словами,  
Он уверил навсегда:  
«Не плачь, девица, слезами –  
Будешь вечно ты моя».  
Мил уехал и оставил  
Мне малютку на руках,  
Как взгляну я на малютку,  
Так слезами и зальюсь:  
Чрез тебя, моя малютка,  
Пойду в море утоплюсь.  
А тебя, мой злой мучитель,  
Я навеки прокляну.  
Долго русою косою  
Трепетала по волне,  
Правой рученькой махала:  
«Прощай, миленький, прощай!»  
Ни на что так не взидала,  
Как на этот темный бор.  
Ни о ком так не страдала,  
Как о миленьком своем.

## 153

Я за девушкой ухаживал три года,  
 Она дочка была кузнеца.  
 И на все же она соглашалась,  
 Потому что любила меня.  
 Раз я выпил с друзьями по привычке  
 И пошел на свиданьице с ней.  
 Долго—долго по улице гуляли,  
 А потом пригласила меня в сад.  
 В том саду было тихо и спокойно,  
 Сквозь деревья светила луна;  
 На зеленом ковре мы сидели,  
 Целовала Наташа меня.  
 Тут Ванюшкина кровь разыгралась,  
 И Наташу он стал обнимать.  
 А Наташа сквозь слезы отвечала:  
 «Ваня, Ваня, не трогай меня.  
 Ты привык с посторонними знаться,  
 Ты привык посторонних любить,  
 А ко мне ты пришел насмеяться,  
 Молодую мне жизнь загубить».  
 На заводе гудки прогудели,  
 Время было четыре часа.  
 А что в эту минуту случилось,  
 Догадайтесь сами, друзья.  
 Вы возьмите мово малого сына,  
 Доведите его до ума,—  
 А я скроюсь от людского позора,  
 Чтобы здесь не судили меня.

## 154

Когда я в люлечке качалась,  
 Тогда я маленька ж была;  
 Сухой бараночкой питалась,  
 Один стакан чаю пила.  
 Когда семнадцать лет сровнялось,  
 С подружками гулять пошла.  
 Пастух скотину выгоняет,  
 А дочка с улицы идет...  
 Мамаша бьет дочку, ругает,  
 Папаша гонит со двора:  
 «Иди—иди, дочь—негодяйка,  
 Теперь ты больше не нужна».  
 Ребят на белом свете много,  
 А верных нет ни одного:

Они сполубят и покинут,  
 А ты все бедная одна.  
 Я лучше в море утоплюся,  
 И легче сердцу моему...  
 Девчонка к морю подходила,  
 Со страсти волны раздались...  
 Девчонка в море опускалась,  
 Прощалась с матерью, с отцом;  
 Еще троично повторила:  
 «Прощай, прощай, изменник мой!»  
 А ей изменник отвечает:  
 «Плыви ты, сволочь, не нужна!»  
 «Ну на ж тебе мое колечко,  
 И вспоминай меня всегда».

## 155

По темным аллеям гуляли,  
 Гуляли мы с милым вдвоем,  
 Нас темные липы скрывали,  
 И знали они обо всем.

Но времечко то миновало,  
 Мой милый ко мне не пришел,  
 А сердце мое так упало:  
 Наверно, другую нашел

Зачем же твои поцелуи  
 Звучали в ночной тишине?  
 И знали те темные ночи,  
 Как милый ласкался ко мне.

Подружки ко мне не приходят,  
 Когда я больная лежу.  
 Наряды мне ваши не надо,  
 Я с милым в разлуке живу.

Шумели листочки над лесом  
 Ненастной осенней порой,  
 Мой гроб опускали в могилу  
 С моей отравленной душой.

Зарыли без плача–рыдания,  
 И все удалились прочь...  
 И только луна над могилой  
 Печально светила в ту ночь.

По тихим аллеям гуляли,  
Гуляли мы с милым вдвоем;  
Нас темные розы скрывали  
И знали об этом о всем.

Зачем я тебя полюбила  
И душу тебе отдала?  
На свете я все позабыла  
И счастья с тобой не нашла.

Ведь был ты приветлив со мною,  
Как утро для майского дня,  
И душу с такою мольбою  
Ты вынул, злодей, из меня.

Зачем же ты топчешь ногами  
Невинную душу мою?  
Так будь же ты проклят врагами,  
Злодей, за измену твою!

Подружки ко мне приходили,  
А я уж больная лежу...  
Не надо мне ваши наряды,  
Я с милым в разлуке живу.

Цвела я, как пышная роза,  
Но скоро не будет меня...  
Пойду я и лягу в могилу,  
Изменник, забудь про меня!

Не плачьте по мне, все родные,  
Не плачь по мне, родная мать,—  
Мне жизнь молода надоела,  
Довольно же мне так страдать.

Вы сшейте мне белое платье,  
Нарвите букет мне цветов,  
И гроб мой в могилу поставьте  
В вечерний закат под луной.

И тихо без плача заройте  
И все удалитесь прочь!  
Мне только луна над могилой  
Спокойно сиять будет ночь.



## 157

Сегодня я, милый, с тобою,  
 И нас озаряет луна,  
 А завтра я лягу в могилу,  
 И буду лежать там одна.  
 И буду лежать я, молиться,  
 И буду святых умолять,  
 Чтоб тебе ни на ком не жениться  
 И век ни о ком не мечтать.  
 Любила цветы полевые,  
 Любила я их собирать,  
 Любила глаза голубые,  
 Любила я их целовать.  
 Вы, добрые люди, поймите,  
 Что сделал злодей надо мной,  
 Сорвал он, как в поле цветочек,  
 Сорвал и стоптал под ногой.  
 Зачем же ты топчешь ногами  
 Невинную душу мою?  
 И будь же ты проклят врагами,  
 Подлец, за измену твою!  
 Зеленая роща шумела,  
 Шумела весенней порой,—  
 Мой гроб опускали в могилу,  
 С моей отравленной душой.  
 Когда опустили в могилу  
 И все удалились прочь,  
 Лишь только луна освещала  
 Ненастную, тусклую ночь.

## 158

Бедная девица, горем убитая,  
 Плачет, рыдает, грустит:  
 «Милая маменька, сердце разбитое,  
 Милый не хочет любить».—  
 «Брось, перестань, моя деточка милая,  
 Брось, перестань ты грустить:  
 Время пройдет, ты полюбишь другого,  
 Счастлива будешь с ним ты».—  
 «Ой, не могу же я, милая маменька,  
 Ой, не могу я забыть:  
 Вспомню те ласки, те серые глазки,—  
 Сердце болит и болит.

Я полюбила любовью горячей,  
 Жизнь я ему отдала...  
 Мне ж за любовь та измена жестокая  
 Только ответом была».

Тихо на берег взошла, покачнулася,  
 Кто ж ее горе поймет?  
 В темной пучине вода всколыхнулася,  
 Женское тело плывет...

Тело бедняжки о берег вдаряется,  
 Мертво смотрели глаза;  
 Платье бедняжки о корни цепляется,  
 В ветвях сплелись волосы.

Ой бедная, бедная, кто ж тебя бросил  
 В те хмурые волны реки?  
 Иль полюбила кого недостойного  
 Всем чистым сердцем души?

Но я же, мальчишечка, в том невиновен,  
 Что ты полюбила меня...  
 Спи ж, моя деточка, спи, дорогая,  
 А я помолюсь за тебя.

## 159

И вот подул холодный ветер,  
 И зашумел зеленый сад.  
 Девчонка по саду гуляла  
 Кругом ракитова куста.  
 Ой, мама ты моя родная,  
 Зачем такую родила,  
 Судьбой несчастной наградила,  
 Плохую долю мне дала?  
 Меня миленький дружок не любит,  
 Пускай несет меня волна.  
 У подружки милый спросит:  
 «Где Марусенька моя?»  
 А подруженька ему ответит:  
 «Унесла ее волна».–  
 «Ох, лучше б лодочка моя втонула,  
 Чем Марусенька моя;  
 Лодку новую себе построю,  
 А Марусю никогда».

## 160

Гуляла с милым по садочку,  
 Имела тайную любовь.  
 Про ту любовь никто не знает,  
 Одна подруга дорога.  
 Я у подруги ночевала,  
 Подруга косу мне плела.  
 И за ворота провожала,  
 Шутя водою облила.  
 Куда пойду, сама не знаю,  
 Кому я горе расскажу.  
 Иду домой, а мать ругает;  
 А братья гонят со двора:  
 «Иди, сестра, иди, родная,  
 Иди туда, где ночь была,  
 Где ночку ты да ночевала,  
 Кому ты счастье отдала!»  
 Подруга злая доказала, –  
 Пойду я в море утоплюсь,  
 Пойду я в море утоплюся  
 Напротив милого двора.  
 Когда я к морю подходила,  
 И взволновались моря,  
 Когда я в море опускалась,  
 Кричала: «Белый свет, прощай!»  
 Своими белыми руками  
 Я буду волны разбивать,  
 Своими русыми косами  
 Я буду берег украшать,  
 Своими карими глазами  
 Я буду море освещать,  
 Своими горькими слезами  
 Я буду море наполнять.

## 161

Ночка темна, ночка темна,  
 Кругом горели огоньки,  
 А я с миленочком сидела  
 На крутом берегу реки.  
 И я у милого просилась:  
 «Пусти меня, милой, домой!»  
 Милой до дому не пускает,  
 А все словами говорит:  
 «Будем, милочка, жениться,  
 Буду я тебя любить».  
 Мы поднялись, и я тихонько  
 К своему дому побрела.

Когда я к дому подходила,  
 А дверь закрытая была.  
 Я постучала, мать открыла,  
 Я тихо в комнату зашла;  
 Цветы на стол я положила  
 И тихо плакать начала.  
 Мамаша сразу догадалась,  
 Что дочь обманута была.  
 Мамаша крепенько ругает,  
 А братья гонят со двора:  
 «Иди, иди, сестра-бродяга,  
 Иди туда, с кем ночь вела!»  
 Пойду я в море, утоплюсь  
 Напротив милого двора.  
 Пускай посмотрит мой хороший,  
 Как я буду утопать,  
 Своими горькими слезами  
 Я буду море наполнять.  
 Своими белыми руками  
 Я буду волны разгребать.  
 Своею лентой голубою  
 Я буду море украшать.

## 162

Любила меня мать, уважала,  
 Что я ненаглядная дочь,  
 Я с милым дружкой убежала  
 В осеннюю темную ночь.  
 Бежала я лесом дремучим,  
 Бежала я рощей густой,  
 Взглянула на небо, вздохнула  
 И вспомнила дом свой родной.  
 На что мне зеленая роща,  
 На что мне и свет голубой?  
 Заслышу я милого речи,  
 Зальюсь я горькой слезой.  
 Долго я думать не стану,  
 Запруся я в спальню одна,  
 В стакане я яд размешаю  
 И выпью отраву до дна.  
 Подруги, ко мне приходите,  
 Я буду лежать на столе...  
 Прошу вас, меня не судите,  
 Заройте мой труп в тишине.

## 163

Ах, бедная жертва, как дорого ты  
За радость свою заплатила,  
За то, что не знала мирской суеты  
И страстно его полюбила.

А он, обольститель коварный и злой,  
Осыпал богатством и лаской,  
Хотел тебя сделать поддельной женой...  
Игра его стала опасной.

Добился той цели, погасла любовь —  
Девушка ему надоела...  
Как грязную тряпку, ненужную вещь  
Бросает тогда он навеки.

Не смела бедняжка в родительский дом  
Спешить, подойти с покаяньем...  
Отец ее проклял, и мать прокляла.  
И осталась бедняжка в страданье.

И вдруг перед нею раскрылась дверь,  
Родительского дома обитель.  
И первый попавший ей плюнул в лицо,  
Ее негодяй-обольститель.

Но что же я вижу? В полночь на мосту  
Девушка так шла торопливо;  
В глазах ее слезы, наряд ее плох,  
Идет, озираясь пугливо.

Дошла до середины, кругом тишина,  
Лишь только блистала волна голубая.  
«Прости меня, Боже»,—сказала она  
И скрылась в волнах, утопая.

## 164

Сажусь за стол, беру я карты,  
Сама себя развеселю.  
Довольно в них я понимаю,  
Что милый разлюбил меня.  
И разлюбил меня неверный —  
До гроба пострадала я.  
Сидела вечером поздненько,  
И дождик капал на меня...  
Я всем подругам говорила:  
«И вы не делайте, как я —  
С парнями рядом не садитесь,  
Парней вы бойтесь, как огня.

А парень любит и разлюбит,  
 А потом девушка страдай».

Куда ж мне, девице, деваться,  
 Куда мне скрыть свои глаза?  
 Нельзя к родным мне приютиться,  
 Родные гонят прочь меня...

Пойду я в лес и заблужуся,  
 Пускай поищут там меня.  
 Нет, лучше в море утоплюся,  
 Пускай несет меня волна.

Девица к морю подходила,  
 А ветер сильный бушевал;  
 Девица на море упала,  
 Сказала: «Белый свет, прощай!  
 Прощайте, кустики, березки,  
 Прощай, родная сторона,  
 Прощайте, милые подружки,  
 Прощай, изменник, навсегда!»  
 Платочком беленьким махнула,  
 Сама на дно моря ушла.

## 165

Раз в цыганскую кибитку  
 Мы случайно забрели;  
 Шали красные внакидку,  
 К нам цыганки подошли.

Одна цыганка молодая  
 Меня за руку брала,  
 Колоду картов разложила,  
 Ворожить мне начала.

«Любишь крепко ты блондина,  
 И он у вас всегда в глазах,  
 А жить вам с ним и не придется,  
 Затопчешь свадьбу ты в ногах».

Он любит девушек красивых,  
 Он любит карты и вино;  
 А ты с тоски пойдешь в могилу,  
 Ему, злодею, все равно.

И с огорченною обидой  
 Я вышла в поле погулять,  
 Нарвала цветочков много  
 И начала на них гадать.

Любит –нет, не любит –любит,  
 Все срывала лепестки,  
 И каждый малый лепесточек  
 Казался признаком любви.

Любит –нет, не любит –любит,  
 Нет, не любит он меня,  
 Цыганка верно мне гадала,  
 Цыганка верная была.

Горели свечи восковые,  
 Гроб черным бархатом обит,  
 Родные в трауре стояли,  
 Она в гробу так крепко спит.

А перед нею на коленях  
 Стоял мальчишка молодой,  
 Он плакал горькими слезами:  
 «Прости, что сделал я с тобой!»

Когда в могилу гроб спускали,  
 Едва мальчишка устоял.  
 Когда землею засыпали,  
 Он как ребенок зарыдал.

## 166

Светит месяц так ясно  
 В путь–дорожку дружку.  
 Где бы дружка увидеть  
 Да два слова сказать?  
 Как одно слово тайно  
 Да другое в тиши.  
 Ты отдай, мой хороший,  
 Мне колечко с руки.  
 Не отдашь, ты уедешь,  
 Я умру от тоски.  
 Схороните младеньку  
 Против церкви святой,  
 На могилу поставьте  
 Вы мне крест золотой.  
 Когда милый ни пройдет –  
 На могилу зайдет  
 И потужит, поплачет  
 И побудит меня.  
 «Ты уйди, мой хороший,  
 Я теперь не твоя...  
 Я теперь не твоя же,  
 К сырой земле предана...»

Шумел камыш, деревья гнулись,  
И ночка темная была...  
Одна возлюбленная пара  
Всю ночь гуляла до утра.  
А поутру рано проснулась –  
Кругом помятая трава...  
Но не одна трава помята,  
Помята девичья краса.  
«Придешь домой, родные спросят:  
Где, дочка, ночку провела?  
А ты скажи: в саду гуляла,  
Тропинкой к тетушке зашла.  
А если мать – то не поверит,  
Приди обратно, я буду здесь».  
Пришла домой, родным не спится,  
И мать встречает у крыльца:  
«Ой, дочка, тише, дочка, тише,  
Смотри отца не разбуди!  
Зайди в прихожую, разденься  
И тихо в комнату войди».  
Взошла в прихожую, разделась  
И тихо в комнату вошла.  
Отец услышал дочкин топот  
И громким голосом вскричал:  
«Уйди, уйди, дочь – негодяйка,  
Уйди и шлейся, где была!  
А с хулиганом ты связалась,  
Чего хорошего нашла?»  
Пошла туда, его уж нету –  
Вот он какой – изменник мой!  
Куда ж мне, девушке, деваться,  
Куда ж мне скрыть свои глаза?  
Пойду я в лес, там заблужусь,  
Пускай доищутся меня.  
Пойду в больницу просить яду  
И отравлю сама себя.  
Пошла в больницу просить яду,  
Больница яду не дала.  
Пойду я в море утоплюся,  
Пускай доищутся меня.  
Когда я в море опускалась,  
Сказала: «Белый свет, прощай!  
Прощайте, все мои подружки,  
Прощай, изменник милый мой!»



Я как вспомню, меня уважали,  
У подруг я любимой была,  
Отец с матерью мною дышали,  
Все родные любили меня.

Я росла как малый ребенок  
У отца и у мамы родной,  
До семнадцати лет не гуляла  
И не знала любви никакой.

А семнадцать лет миновало,  
Полюбила душой одного;  
Я даже гордость свою потеряла,  
Для того чтоб ласкать мне его.

Он говорил, что будешь моею,  
Моею верною женой,  
А теперь изменил, стал с другою,  
И ко мне стал совсем он чужой.

Все подружки меня избегают,  
А отец ненавидит меня,  
Мать со света совсем изживает...  
Что же делать теперь я должна?

Только ты моя, матушка–Волга,  
Помоги мне позор схоронить,  
Укажи, где глубокое место,  
Чтоб меня от позора укрыть.

А наутро мой труп рыболовы  
В дом отцовский в сетях принесут.  
Ты услышишь, мой милый, рыдания,  
Как меня хоронить понесут.

У моей у холодной могилы  
Будут липы большие стоять,  
Будет солнце сиять надо мною,  
А я буду в могиле лежать.

## 169

Ах, бедное сердце, куда ты стремишься?  
 Ведь там презирают тебя!  
 Напрасно ты рвешься, напрасно томишься,  
 Он больше не любит тебя.

Подружка твоя его приласкала,  
 Она ему шепчет: «Люби!»  
 И с ним расточает любовные речи,  
 Навеки покинута ты.

Вся в белом одета, распущены косы,  
 Цветочный венок на главе,  
 Шла дева младая ночью порою,—  
 Чуть слышно в ночной тишине.

Пришла она к берегу синего моря,  
 Цветочный венок сняла  
 И вдаль она быстро с тоской посмотрела,  
 Как будто кого-то ждала.

«Шумите, шумите, вы волны морские,  
 Вы бейтесь о берег крутой!  
 Страдания и муки ему передайте»,—  
 И скрылась она под водой.

И ветер промчался над быстрой волною,  
 И где-то шумел очерет...  
 А там, между тиной, тиной морскою,  
 Мертвое тело плывет.

Ах, бедная девица, что тебя бросило  
 В бездну морской глубины?  
 Любила ли ты ненаглядного друга  
 Иль люди тебя довели?

## 170

В лес девицы за грибами  
 Гурьбой собрались  
 И дошли они до леса —  
 Все поразбрелись;  
 Грибов они не собирают,  
 Топчут лишь траву,  
 А по лесу раздается  
 Весело ау!  
 На пригорке, в чаще леса  
 Ручеек бежит...  
 Там одна из них девчонка  
 Притаясь сидит

И печальными глазами  
Вдаль она глядит.  
Она грибов не собирает  
И цветов не рвет;  
Об одном она мечтает,  
Что-то он нейдет.  
Вот в кустах раздался шорох –  
Бедная дрожит...  
Перед ней красивый мальчик,  
Наклонясь, стоит.  
«Ждешь ты, ждешь, моя родная», –  
Нежно он сказал  
И привлек ее в объятия,  
Крепко целовал.  
«Не целуй ты меня, милый,  
Жизни не губи,  
А другую, городскую,  
Лучше полюби.  
Много в ней найдешь ты счастья  
И счастливым будь,  
Меня, бедную девчонку,  
Навсегда забудь». –  
«Нет, тебя я не забуду,  
Радость ты моя!  
Как вернуся я со службы,  
Возьму за себя». –  
«Побожись, мой ненаглядный,  
Если ты не врешь! –  
Меня, бедную крестьянку,  
За себя возьмешь!»  
И он с клятвой роковою  
С руки перстень снял,  
Пояс шелковый с кистями  
Тут ей передал.  
«Верю, верю тебе, милый,  
Если ты не врешь,  
Меня, бедную девчонку,  
За себя возьмешь...»  
Нежны ласки и объятия  
Тут же наяву,  
А по лесу раздается  
Весело ау!  
Вот уж осень наступила,  
А его все нет;  
То на пояс, то на перстень  
Она слезы льет.  
А еще того и боле  
Она узнает:  
Под ее больным сердечком

Горюшко растет...  
 И теперь никто в деревне  
 Замуж не возьмет,  
 А семья ее родная  
 День и ночь грызет...  
 На пригорке в чаще леса  
 Береза стоит,  
 А на этой на березе  
 Труп ее висит.  
 Пояс шелковый с кистями  
 Шею ей стянул,  
 Перстенок, дружком дареный,  
 На руке блеснул.  
 Вот вам, девушки, наука,  
 Как в лесок ходить.  
 Вот вам, девушки, другая,  
 Как ребят любить.

## 171

В эту лунную ночь во мне не было сна.  
 Предо мною цыганка стояла.  
 Она просила меня, чтобы я ей помог,—  
 У костра ее дочь умирала.  
 Вот пошел я за ней и увидел ее —  
 На лохмотьях цыганка лежала;  
 А из-под шали цветной, из груди молодой  
 Струйка алая крови бежала.  
 Вот открылись глаза, губы стали шептать:  
 «Как безумно его я любила!  
 А он ушел от меня, он не любит меня—  
 И кинжал себе в грудь я вонзила.  
 Мать родная моя, табор свой догоняй,  
 Ведь ушел он еще недалеко.  
 И пусть цыганки поют эту песню мою  
 И меня под нее похоронят».

## 172

Танцевали мы танцы,  
 Садилися в ряд.  
 Ко мне так поспешно  
 Девчонка подошла.  
 Берет меня за ручку  
 И смотрит в лицо:  
 «Ах, милая Шура,  
 Как жаль мне тебя,—

Студент твой неверный  
 Обманет тебя,—  
 Вчерась он на бале  
 Другую прельстил».

Заплакала Шура  
 И в залы пошла.  
 Писала записку  
 И клала на стол.  
 Взяла ливольвертик,  
 Стреляла в себя.  
 Здесь выстрел раздался  
 По залу гостей,  
 И здесь все так спешно  
 Сбежались к ней.  
 Студент ее неверный  
 Вперед прибежал.  
 Он упал на колени,  
 Прощенья просил:  
 «Ах, милая Шура,  
 Прости ты меня.  
 Ты здесь не виновна,  
 Виновен лишь я».  
 Ох, Шура взглянула,  
 Ох, кончилась.  
 «Ах, милая Шура,  
 Мне скучно без тебя».

### 173

#### ЛИЛЯ

На берегу сидела Лиля,  
 А рядом с нею капитан:  
 «Поверь ты, Лиля, дорогая,  
 Поверь, что я люблю тебя».

Я завтра, Лиля, уезжаю  
 И через годик приплыву—  
 Поверь ты, Лиля, дорогая,  
 Поверь, что я тебя люблю».

Прошел уж год, моряк не едет,  
 А Лиля ждет его, все ждет.  
 На берегу она все ходит,  
 Унылу песенку поет.  
 Выйди, выйди, луна ночная,  
 И освети морское дно:  
 Красотка Лиля утонула,  
 Ее не видно все равно.

Солнце скрылось за горою,  
Сияет месяц над водой...  
С красивой девушкой–блондинкой  
Прощался парень молодой

Проехал станцию Одессу,  
Проехал Киевский вокзал...  
На вокзале остановка;  
Вскричал: «Блондиночка, прощай!

Прощай, быть может, на неделю,  
Прощай, быть может, навсегда,  
С тобой нам больше не видаться,  
И я прошу забыть меня».—

«Ах, как же я тебя забуду,  
Когда портрет твой на стене?  
Ах, как же я тебя забуду,  
Когда малютка на руке?» —

«Портрет ты скинешь и забросишь,  
Малютку в детский дом отдай.  
А ты, девчонка молодая,  
Как гуляла, так гуляй».

Он отвернулся, усмехнулся,  
Сам пошел гулять с другой.  
Она осталась на вокзале,  
Стоит с малюткой на руках.

Стояла долго, размышляла  
И умывалась в слезах;  
Тихонько землю ковыряла  
В своих поношенных туфлях.

Настанет вечер, потемнеет,  
Уйдут все люди по домам,  
А мы с тобою на вокзале:  
Куда деваться сиротам?

Стояла долго и мечтала  
И к синю морюшку пошла.  
На все сторонки поглядела,  
Потом малютку обняла.

На берег стала, зарыдала,  
Бушует ветер над водой;  
Свою малютку целовала  
И скоро скрылась под волной.

Желтый лист задумался о чем-то,  
Нежно подставляя ветру грудь...  
На перроне плакала девчонка,  
Вызывая у прохожих грусть.

От волненья вздрагивали губки,  
Но она не верила в обман,  
Никогда он с нею не был грубым –  
Обнимал и нежно целовал.

Но уехал, даже не простился...  
Не своя домой она пришла.  
И не слышно было даже смеха,  
Страшной в этот день она была.

А наутро мать пришла усталой –  
На столе записка в пару слов:  
«Мамочка, прости, — она писала, —  
Что настал для смерти ранний срок».

Отшумели шумные вокзалы,  
И на рельс легла ее щека.  
Скорый очень быстро показался,  
Что увез куда-то паренька.

Мать на переезд огнем бежала,  
Но ведь бессердечны поезда...  
И, обняв бездыханное тело,  
Вскликнула и смолкла навсегда.

И не мог понять старик-обходчик,  
С колеса косынку сняв в крови,  
Что последним рейсом этой ночью  
Двое стали жертвою любви.

Желтый лист задумался о чем-то,  
Нежно подставляя ветру грудь...  
На перроне нет в слезах девчонки,  
Лишь осталась маленькая грусть.

## 176

Течет речка по песку  
С Дальнего Востока...  
За уланочкой улан  
Едет издалека.

«Вы, уланы, молоды,  
Где же ваши кони?  
Обседлайте мне коня,  
Я боюсь погони».–

«У нас есть хороший конь –  
Вороная грива;  
Если хочешь быть женой,  
Обседлай мне живо!» –

«За советом я пойду  
К маменьке родимой...  
Ты скажи, родная мать,  
Что делать с уланом?»

Мать–то дочке говорит:  
«Слушай, дочь, совета –  
Улан замуж не возьмет,  
Помни, дочка, это».–

«Я совета твоего,  
Мать, не принимаю,  
А с уланом молодым  
Завтра уезжаю».

Не послушалась она  
Родного совета.  
И отправилась она  
С уланом на край света.

Год прошел, настал другой,  
Дочь идет уныла,  
На руках она несет  
Уланенка–сына.

«Прими, маменька, меня,  
Прими, дорогая,  
Вырастет и будет звать  
«Бабушка родная».–

«А ты совета моего  
Слушать не хотела,  
Так иди же, дочь, туда,  
С кем совет имела».–



«Ах, куда же я пойду –  
 Всем стала чужая,  
 Прими, маменька, меня,  
 Прими, дорогая».

Ох, сыночек дорогой,  
 Нас не принимают...  
 Сине море глубоко,  
 Там нас ожидают.

## 177

«Ах, моряк, моряк, моряк,  
 Аленькие губки,  
 Ты возьми меня с собой,  
 Я во рваной юбке».—

«Если хочешь, прокачу,—  
 Ты садись со мною,  
 Я на юбку шелку дам,  
 Будь моей женою».

«Ох, пойду—ка я спрошу  
 Матери совета;  
 И тогда поеду я  
 Плавать вокруг света».

Не послушалась она  
 Матери совета,  
 И поехала она  
 Плавать вокруг света.

Через года полтора  
 Дочь идет уныло,  
 На руках она несет  
 От матроса сына.

«Ты прими же, мать, прими –  
 Семья небольшая!  
 Будет внучек звать тебя:  
 «Бабенька родная».—

«Вот ступай, дочка, ступай,  
 С кем совет имела.  
 Ты свою родную мать  
 Слушать не хотела».—



«Уж пойдем, сынок, пойдем,  
Здесь нас не примают.  
Сине море глубоко –  
Там нас ожидают».

Она к морю подошла,  
Море колыхнулось;  
Крепко сына обняла,  
В море утонула.

Как по синему по морю  
Труп ее несется,  
А моряк на корабле  
Едет и смеется.

Вот вам, девушки, наказ,  
Как в ребят влюбляться;  
А еще вот вам наказ,  
Как с моряками знаться.

### 178

Девушку из маленькой таверны  
Полюбил суровый капитан,  
Девушку с глазами дикой серны  
За улыбку и красивый стан.

Полюбил за пепельные косы,  
Алых губ нетронутый коралл,  
В честь которых brave матросы  
Поднимали не один бокал

Каждый год с апрельскими ветрами  
Из далеких, из волшебных стран  
Белый бриг, наполненный коврами,  
Приводил суровый капитан.

И она с улыбкой горделивой  
Принимала ласковый привет,  
Но однажды гордо, торопливо  
Бросила безжалостное: «Нет!»

Он ушел суровый, безмятежный,  
Вниз поникнув гордой головой...  
А наутро чайкой белоснежной  
Белый бриг умчался вдалеке домой.

И с тех пор с апрельскими ветрами  
Из далеких, из волшебных стран  
Белый бриг, наполненный коврами,  
Не привел суровый капитан.

И никто не знает, как в июне –  
Даже сам хозяин кабака –  
Девушка в ту ночь, как накануне,  
Бросилась в море с маяка...

# V. РАЗЛУКА, ТЫ, РАЗЛУКА ...



Прощайте, расковые воязы,  
Прощай, мой милый,  
дорогой...

Последний час разлуки  
С тобой, мой дорогой,  
Не вижу, кроме скуки,  
Утехи никакой.  
Одна была утеха –  
Мил плакать не велел...  
Гуляла я в садочке,  
Гуляла в зеленом,  
Искала те следочки,  
Где мил гулял со мной.  
Следов не находила,  
Садилась под кусток,  
Под тот кусток кудрявый  
На мягкую траву.  
Летели две голубки,  
Летели две сизых,  
А я, млада, вздохнула  
По милом по своем.  
И где ж моя отрада  
Сережа–пастушок?  
Ходил гулять от стада  
На крутый бережок;  
Носил с собой забаву,  
Серебряный рожок.  
Сыграй, сыграй, Сережа,  
В серебряный рожок,  
Утешь мое сердечко  
Остатний вечерок.

## 180

Сама я розочку садила,  
 Сама я буду поливать;  
 Сама я милого любила,  
 Сама и буду забывать.  
 Прощайте, ласковые взоры,  
 Прощай, мой милый, дорогой,  
 Разделят нас долины, горы,  
 Врозь будешь жить теперь со мной.  
 Одна я буду в чистом поле,  
 Когда придет разлуки час,  
 Прольются слезы поневоле,  
 Улыбка скроется из глаз.  
 Я в эту горькую минуту  
 Молиться буду за тебя  
 Услышит Бог мое моление,  
 И мы увидимся опять,  
 Опять пойдем мы в воскресенье  
 С тобой в зеленый сад гулять.  
 В зеленом садике прекрасном,  
 Как на возвышенном холме,  
 Где на горе счастливо, ясно  
 Склонялся ты на грудь ко мне.  
 Отдам тебе кольцо я в руку,  
 Скажу: «Прощай, любезный мой,  
 И сохрани его в разлуке,  
 И принеси его домой».  
 Прощайте, ласковые взоры,  
 Прощай, мой милый, дорогой.

## 181

Из-за Питера штафет –  
 Да присылает мил конверт.  
 Я конвертик получала,  
 С удовольствием читала.  
 Пишет миленький мне знать,  
 Да чтобы я пошла гулять.  
 Я без спросу–дозволенья  
 Не ходила никуда.  
 Позволение мать дала,  
 С милым свидеться пошла.  
 Не успела выйти вон –  
 Мил стоял передо мной.  
 Мил стоял передо мной  
 Да разговаривал со мной:  
 «Здравствуй, лапушка милая,  
 Долго ждал я здесь тебя.  
 Долго ждал я, дожидался,

В путь–дорожку отправлялся».  
 Говорил, что не печалься.  
 В путь–дорожку проводи;  
 Говорил, что не печалься,  
 Не печалься, не тужи,  
 Да я опять буду сюды.  
 «Я из Питера приеду,  
 Тебе подарок привезу,—  
 Я на белу грудь цепочку,  
 А на шею жемчужок,  
 В руки муфточку соболью —  
 На здоровье носи!»

## 182

Что печально сидишь,  
 Что на сердце таишь?  
 Не тоскуй, не горюй,  
 Моя миленькая,  
 Из прелестных очей  
 Слез горячих не лей,—  
 Нам не надо тоски,  
 Нам не надо ее.  
 Нам расстаться должно  
 На два года всего.  
 Есть за Волгой село  
 На крутом берегу —  
 Там отец мой живет  
 И неродная мать  
 Сына в гости зовет.  
 Я поеду к отцу,  
 Я поеду к отцу,  
 Поклонюся ему.  
 И согласия возьму  
 Обвенчаться с тобой,  
 Моя миленькая.  
 Снарядись, уберись  
 В свой наряд голубой  
 И на плечи накинь  
 Шаль с каймой расписной,  
 Пусть блистает кольцо  
 У тебя на руке,  
 Пусть пылает лицо,  
 Как наутро заря.

## 183

Раздели ты со мной мою долюшку,  
Хоть утешь—ка словечком одним,  
Дай наплакаться досыта, вволюшку,  
Дай упиться страданием своим.

Ты одна у меня утешение,  
Только ты одна любишь меня,  
Только ты одна знаешь мучения  
И одна понимаешь меня.

Я уеду, но ты позабудешь...  
Повстречаемся ль снова с тобой?  
И с улыбкой ты мне говорила,  
Что теперь я тебе как чужой.

Будь со мной ты, как прежде бывала,  
И скажи—ка словечко одно,  
Чтоб душа в этом слове сыскала,  
Что хотелось мне слышать давно.

«Если любишь меня, дорогой мой,  
Если любишь и помнишь меня,  
Приходи, я уйму твое горе  
И утешу тебя навсегда.

Если можно надежде таиться,  
В моем сердце она оживет,  
Если может слеза появиться  
На очах, то она упадет».

## 184

Все я глазки проглядела,  
Дружка дожидавши;  
И головка заболела,  
Ноченьки не спавши.

Распрощался мой любезный,  
Сказал: «Ворочуся».  
Знать, меня он обездолил,  
Его не дождусь я.

Он на дальней на сторонке  
Полюбил другую.  
Он не ведает, не знает,  
Как о нем тоскую.



Я тоскую, убиваюсь,  
Слезы проливаю...  
Я ничем не утешаюсь,  
Дружка поджидаю.

Воротися, мой любезный,  
Вспомни, как бывало,  
Я любила и ласкала,  
Крепко целовала.

### 185

Прощаюсь, ангел мой, с тобою,  
Прощусь со счастьем моим...  
Увы, я принужден судьбою  
Под сводом неба жить один.

Настал последний час разлуки,  
Прости, душа моя, прости.  
В печали, горести и скуке  
Я должен дни свои вести.

Ах, нет, прости, я не жалею,  
Что дни свои с тобой гублю;  
Пусть я от любви истлею,  
Со словом я умру «люблю!».

Любил, любить тебя я буду,  
В какой бы ни был стороне,  
Тебя до гроба не забуду,  
С тобой я рай найду везде.

### 186

Пришел тот час, пора расстаться  
С тобой, мой милый, навсегда...  
Я буду плакать, огорчаться,  
Быть может, встретимся когда.

Я пред тобою на коленях,  
У ног твоих я, как дитя,  
И плачу горькими слезами,  
Ах, милый мой, люблю тебя!

Я подарю тебе колечко –  
Его с своей руки сняла...  
Своей я нежною рукою  
Кольцо милому отдала.

А тут уж троечка промчалась,  
И колокольчик прозвенел...  
Я сказать что-то хотела,  
А мой язык уж обнемел.

## 187

## ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ



Мой костер в тумане светит,  
Искры гаснут на лету...  
Ночью нас никто не встретит,  
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет – и спозаранок  
В степь далеко, милый мой,  
Я уйду с толпой цыганок  
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою  
Ты на мне узлом стяни!  
Как концы ее, с тобою  
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?  
Кто-то завтра, сокол мой,  
На груди моей развяжет  
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,  
Друга милого любя,  
Будет песни петь, играя  
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит,  
Искры гаснут на лету...  
Ночью нас никто не встретит,  
Мы простимся на мосту.

## 188

Кари глазки, где вы скрылись?  
 Мне вас больше не видеть...  
 Куда вы скрылись—удалились,  
 Навек заставили страдать?  
 Я страдала в жизни долго,  
 Страдать долго еще мне.  
 Тебя, мой милый, не забуду,  
 В какой бы ни был стороне.  
 В каком бы храме ни молился,  
 Всегда бы думал обо мне.  
 Но вот какая злая сила  
 Меня заставила любить?  
 Ах вы, звери—крокодилы,  
 Любовь смогу ли я забыть?  
 Напишу письмо милому,  
 Другу милу моему...  
 Милый примет, прочитает,  
 Вспомнит, что его люблю,  
 Что я всегда об нем страдаю,  
 Молодую жизнь гублю.  
 Пойду с горя в чисто поле,  
 Отыщу дремучий лес:  
 Вы, леса, леса дремучи,  
 Вы склоняйтесь к земле!  
 Уж вы звери, злые звери,  
 Собирайтесь все ко мне!  
 Вы подите растерзайте  
 Тело белое мое!  
 Вы подите отнесите  
 Другу милому в постель.  
 Мил проснется, ужаснется,  
 Вспомнит, что его люблю,  
 Что всегда об нем страдаю,  
 Молодую жизнь гублю.

## 189

Вечер догорал, а мы прощались,  
 По щекам твоим текла слеза,  
 Аленькие губы надувались,  
 Голубые плакали глаза.  
 Вечер пролетел тот, словно птичка,  
 Что прошло, тому уж не бывать.  
 Этот вечер долго будет сниться...  
 Губ мне больше тех не целовать.

Где же этот вечер, столь печальный,  
Где же та унылая слеза?  
Где же поцелуй наш тот прощальный,  
Голубые где ж глаза?

Если бы опять ко мне вернулись  
Голубые милые глаза,  
Счастье бы, как прежде, улыбнулось,  
Радости бы не было конца.

### 190

Не пой же, не пой, соловейко,  
Не пой же так рано на заре,  
Не дай же на сердце досады,  
Что я на чужой стороне.  
Чужая сторона незнакомая,  
Ой, тяжело без родины жить...  
Как выйду на площадь широку,  
Деревня большая стоит;  
Как взгляну на реченьку, на Важну,  
Про милого сердце болит.  
Куда же ты, мой милый, уезжаешь?  
Куда ж оставляешь ты меня?  
Оставь же, мой милый, на память,  
Оставь хоть портретик для меня;  
Оставь свои черные брови,  
Которые завлекали меня;  
Оставь свои алые губки,  
Которые целовали меня;  
Оставь свои нежные ручки,  
Которые прижимали меня;  
Оставь свои стройные ножки,  
Которые провожали меня!

## 191

Прощай, жестокое страданье!  
 Терзает сердце так больно грудь...  
 Ты уезжаешь, меня бросаешь!  
 Ну, что же делать! Счастливый путь!

Скажи, когда вернешься снова?  
 Скажи, когда мне ожидать?  
 Мне что-то сердце предвещает:  
 Тебя мне больше не видать!

Твоих друзей я буду видеть,  
 Но не увижу я тебя;  
 Твой голос нежный я не услышу,  
 Не донесется он до меня.

Я буду ждать, я буду верить,  
 Я буду плакать и рыдать.  
 Часы считать, минуты мерить,  
 Я научилась в разлуке ждать!

## 192

«Скажи, скажи, когда вернешься,  
 Скажи, скажи, когда встречать.  
 Но что-то сердце мне предвещает:  
 Тебя мне больше не увидать.

Твоих друзей я буду видеть,  
 Но не увижу я тебя—  
 Твой нежный голос я не услышу,  
 Не донесется он до меня.

Прощайте, локоны витые,  
 Прощайте, русы волоса,  
 Прощайте, глазки вы голубые,  
 Я не увижу вас никогда.

Прощайся с дальнею дорогой,  
 Терзает сердце, мою грудь,  
 Ты уезжаешь, меня бросаешь,  
 Ну что же делать, счастливый путь».

Она на грудь ему упала:  
 «Прощай, меня ты не забудь!» —  
 И слезы горьки проливала  
 На разволнованную грудь.

«Я буду ждать, я буду верить,  
 Я буду помнить и любить,  
 Годы считать, минуты мерить  
 И так привыкну в разлуке жить».

Он ей не мог не любоваться,  
И от груди своей отнять,  
Но час пришел: пора расстаться,  
Последний раз поцеловать.

### 193

Зачем, зачем волшебной силой  
Меня твой взор очаровал?  
Зачем, зачем твой голос милый  
Глубоко в сердце мне запал?  
Глаза твои, глаза – отрада.  
О них, о них мечтаю я,  
И взором взор ловлю я жадно,  
Люблю, люблю, страдаю я.  
Я притворяться не умею,  
Душа моя тобой полна,  
Знать, не судьба мне быть твоею,  
Забудь, забудь, прошу тебя.  
Забудь, и пусть воспоминанье,  
Для нас останется одно;  
А кроме тяжких воспоминаний  
Нам ничего не суждено.  
Дай ручку мне в последний раз,  
Сожму ее я на прощанье,  
И проведем хоть этот час.  
С тобой, мой друг, не посижу  
В минуту позднюю ночную,  
К груди вас больше не прижму,  
Прелестных уст не поцелую!

### 194

Глаза вы карие, большие,  
Зачем я полюбила вас?  
А вы, неверные злодеи,  
Зачем страдаю я по вас?  
  
Зачем тебя я полюбила?  
Зачем узнала я тебя?  
Душа в страданиях вся изныла,  
И нет отрады для меня.  
  
Когда и где я ни бываю,  
Всегда я взор встречаю твой,  
И говорить с тобой желаю,  
Сойдусь и слов не найду.

Твою неверность я узнала,  
 Но не виню я в том тебя,  
 Зачем тебя я полюбила?  
 Теперь клянусь сама себя!

Забудь все прошлое со мною,  
 Забудь, прошу, не вспоминай,  
 Мое ты имя с простотою  
 Другам в насмешку не давай!

Придет то время, и ты вспомнишь,  
 Но не услышишь голос мой.  
 Прощай, уж больше не увидишь  
 Меня по-прежнему с собой.

Забудь мой рост, мою походку,  
 Забудь черты моего лица,  
 Забудь, как я тебя любила,  
 Забудь, забудь, прошу тебя!

Не быть, не быть нам в божьем храме  
 И не стоять пред алтарем,  
 Не обручаться нам кольцами,  
 Тебе не звать меня женой.

## 195



Все пташки, канарейки  
 Так жалобно поют –  
 А нам с тобой, мой милый,  
 Разлуку все дают.

Разлука, ты, разлука,  
 Чужая сторона...  
 Никто нас не разлучит,  
 Как мать сыра земля.

Зачем нам разлучаться,  
 Зачем в разлуке жить?  
 Не лучше ль обвенчаться,  
 Друг друга любить?

Моя рука писала,  
 Не знаю для кого,  
 А сердце мне сказало:  
 Для милого своего.

Подружка моя Катя,  
Соперница моя,  
Зачем же ты отбила,  
Ты друга у меня?

Подружка моя Катя,  
Соперница моя,  
Люби мово ты друга,  
Люби его, как я.

### 196

Все равно нам с тобой не встречаться,  
Все равно нам на сердце печаль,  
Все равно нам придется расстаться,  
Но расстаться с тобою мне жаль.  
С первой встречи тебя полюбила,  
С первой встречи понравился ты,  
За тебя я все силы вложила,  
Чтобы часто ты снился во сне.  
Как хитро ты умел притворяться,  
Как хитро ты умел говорить,  
Не любил, а влюбленным казался,  
Не любил, а «люблю» говорил.  
Разгадала злодея я поздно,  
Но не в силах была я забыть,  
Притворяться, как ты, не умела  
И старалась всем сердцем любить.  
Ты не стой предо мной на коленях,  
Не терзай мои раны в груди  
Ты сказал – для тебя я чужая,  
Ну и ты, как подлец, отойди.  
Замолчите, проклятые струны,  
Дайте сердцу больному уснуть,  
Чтоб не капали крупные слезы  
На мою изболевшую грудь.

### 197

Ах, голубые глазки,  
Дайте помереть.  
Ах, нет уж больше силы  
Мне на вас смотреть.

Рано загубили  
Вы молодость мою,  
Вы мне изменили,  
Но я вас люблю.



Огонь горит—пылает,  
 Любовь сильнее огня;  
 Огонь зальешь водою,  
 Любовь залить нельзя.

Пойду схожу к подружкам,  
 Совета попрошу.  
 Подружка не сказала,  
 Совета не дала.

Ужели ты, подружка,  
 В любви не была?  
 Ужель тебе, подружка,  
 Любовь сердце не жгла?

Подруга, ты, подруга,  
 Соперница моя,  
 Отбила мово друга,  
 Люби его, как я!

Вот входит милый в залу,  
 Растрепаны усы...  
 Снимает черну шляпу  
 И смотрит на часы.

Взгляни, взгляни, мой милый,  
 Взгляни, который час...  
 Быть может, мы с тобою  
 Сидим в последний раз.

Возьми свое колечко,  
 Отдай мою любовь,  
 Ты вынул мое сердце,  
 И высушил ты кровь.

## 198

«Давным—давно я осиротела,  
 Отец и мать в сырой земле...  
 К кому склонюсь на грудь главою,  
 Кому скажу, что сирота?

Я притворяться не умела,  
 Всегда была тебе верна,  
 Но не велят мне быть твоею,  
 О милый друг, забудь меня!

Забудь мой рост, мою походку,  
 Забудь черты мово лица.  
 Забудь, как я тебя любила.  
 Забудь с начала и до конца.

Я помню все: и голос милый,  
И ласки, ласки без конца;  
Я буду помнить до могилы  
Черты любимого лица.

И сад я помню над рекою,  
Когда в беседке при луне  
Ты целовал усталы очи  
И все твердил – люблю тебя.

Но я чахоткою страдаю,  
Не нынче–завтра я помру,  
Болезнь мою никто не знает,  
Но все лечиться мне велят.

Вот под крестом моя могила,  
А на кресте моя любовь,  
Ты будь богатый и счастливый,  
Моя любовь – среди гробов».–

«Зачем мне тройку удалую,  
Когда на этой я промчусь?  
Зачем мне милую другую,  
Когда на этой я женюсь?»

## 199

Ты, моряк, красивый сам собою,  
Тебе от роду двадцать лет.  
Полюби меня, моряк, душою,  
Что ты скажешь мне в ответ?

По морям, по волнам –  
Нынче здесь, завтра там.  
По морям, морям, морям, морям, эх!  
Нынче здесь, а завтра там.

Ты, моряк, уедешь в сине море,  
Оставляешь меня в горе,  
А я буду плакать и рыдать,  
Тебя, моряк мой, вспоминать.  
По морям, по волнам... и т. д.

«Ты не плачь, моя Маруся, –  
Я морскому делу научуся.  
И не стоит плакать и рыдать,  
Меня так часто вспоминать».  
По морям, по волнам –  
Нынче здесь, завтра там.  
По морям, морям, морям, морям, эх!  
Нынче здесь, а завтра там.

## 200

А со вчерашнего похмелья  
Болит буйная голова.  
Со веселой долинки  
Горит печальная луна.  
Не слышу голосу родного,  
Не чую песню ямщика...  
Ямщик, песенку запевши,  
Сам гонит тройку лошадей.  
Тройка скачет, ямщик плачет,  
Да седоки песни поют...  
В саду гуленька порхает,  
Летит к дружочку своему.  
Красива девушка вздыхает,  
Сидит в высоком терему.  
Она вздохнула, вздох тяжелый,  
Катятся слезы из очей.  
Катись, катись, слеза горяча,  
Катись по белому лицу —  
Я выну беленький платочек,  
Прелестны очи оботру.  
Своим я голосом несмелым  
Печальну песню запою:  
Куда мой миленький девался,  
Куда хороший мой ушел?  
Ушел во дальнюю сторонку,  
Хотел меня с собою взять,  
Хотел меня с собою взять,  
Хотел служаночкой держать.  
Обернулся, поклонился,  
Сам пуховую шляпу снял,  
Сам пуховую шляпу снял же,  
Сказал: «Сударушка, прощай!»  
Прощайте, все мои родные,  
Прощайте, мать и мой отец,  
Прощай, страна моя родная,  
Прощай ты, любушка моя!..

## 201

Минуты горести настали,  
О милый друг, прости, прости...  
Судьба разлуку нам послала,  
Не в силах я ее снести.

Прошло мое очарованье,  
Я всей душой люблю тебя;  
С другою милою в объятьях  
Ты позабудешь про меня.

Желала б вечно тебя видеть,  
И не в разлуке с тобой быть,  
Желала б всех–всех ненавидеть,  
Лишь одного тебя любить.

Я вас люблю безумно, страстно,  
Всей пылкостью молодой души,  
Ох, может быть, я уж несчастна,  
Другую любите уж вы.

## 202

Минута горести настала,  
Ах, милый друг, прости, прости,  
Судьба разлуку нам послала,  
Я не могу перенести.

Я пред тобою на коленях  
Стою, как малое дитя.  
Заплачу горькими слезами,  
Ах, милый друг, люблю тебя.

Прошли мои очарованья,  
В груди моей застыла кровь.  
Но где же прежние свиданья,  
Но где та прежняя любовь?

## 203

«Минута горькая настала,  
Ох, милый мой, прости, прости.  
Судьба разлуку нам послала,  
Я не в силах ее снести»,—  
«Гуляй, милая, веселися,  
Пока не знаю ничего.  
А как узнаю —берегися  
И бойся взгляда моего.

При первой встрече, как увижу,  
 Кинжал вонзится в грудь твою,  
 Пускай меня тогда осудят  
 Ну хоть на двадцать пять и лет,  
 А я и там доволен буду:  
 Кто изменил, того уж нет».

## 204

Забудь, забудь и без упрека  
 Дай руку мне в последний раз...  
 А после, в жизни одинокой,  
 Я буду плакать каждый час.

Глаза твои, глаза отрады,  
 О них одних мечтаю я.  
 И взором взор ловлю я жадно,  
 Люблю, люблю, страдаю я.

Минута горести настала,  
 Ах, милый друг, прости, прости!  
 Судьба разлуку нам послала,  
 Не в силах я ее снести.

Но не судьба разводит нас —  
 Мы сами ищем разлученья,  
 Тебя манит безумный свет,  
 Меня — мое уединенье.

Как светлый вестник бытия,  
 Явился ты передо мною,  
 Душа смирилася моя —  
 И как пред Богом, пред тобою.

Дай руку мне в последний раз,  
 Ее сожму я на прощанье,  
 И проведем хоть этот час  
 Без мук, без слез и без страданья.

Ой, неужели сердца муку  
 Ты беспощадно осмеешь  
 И братски поданную руку,  
 Скажи, ужели оттолкнешь?!

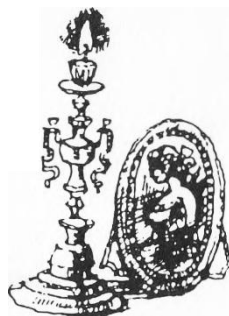
## 205

Цвела, цвела черемуха  
 На белой на заре.  
 В ту пору друг мой миленький  
 Стучал в окно ко мне:

«Вставай, вставай, любимая,  
 Сон сладкий позабудь,—  
 Нежданно и негаданно  
 Я еду в дальний путь.

Не знаю, долго ль буду я  
 На дальней стороне,  
 А ты, моя любимая,  
 Попомни обо мне».

Опять цвела черемуха,  
 Опять роняла цвет,  
 А милого, любимого  
 Все не было и нет.



## 206

Дым клубится над Невой,  
 Шумно плещет пароход...  
 Я бегу за ним с тоской,  
 Он умчал дружка в поход.

Друг мой милый, друг хороший,  
 Не скучай, друг, обо мне.  
 Вся природа веселится,  
 Одной мне отрады нет...

Пойду с горя на то море,  
 Сяду на берег крутой,  
 Погляжу на сине море —  
 Вижу тень свою в воде.

Я спрошу у этой тени,  
 Для чего я рождена,  
 Для кого я порождена  
 И в кого я влюблена.

## 207

Свисточек одинокий,  
 Его мне не слышать,  
 А пароход далекий,  
 Его мне не видеть.

Мой милый уезжает,  
Подарок мне принес:  
Колечко золотое,  
Букет из белых роз.

Колечко распаялось,  
Букет из роз завял.  
Мы с миленьким расстались  
И мне сказал: «Прощай!»

## 208

Поехал милый на машине  
На Севастопольский вокзал.  
На полустанке становился,  
Сказал: «Блондиночка, прощай!  
Прощайте, глазки голубые,  
Прощай, блондиночка моя,  
И я вас больше не увижу  
И попрошу забыть меня.  
Забудь мой рост, мою походку,  
Забудь черты мого лица,  
Забудь, как мы с тобой влюблялись,  
Забудь с начала до конца». –  
«И как же я тебя забуду,  
Когда портрет твой на стене?  
И как же я любить не буду,  
Когда малютка на руке?» –  
«А ты возьми, моя блондинка,  
Портрет со стенки разорви,  
А ты возьми, моя блондинка,  
Малютку в море утопи».

## 209

«Миленький ты мой,  
Возьми меня с собой,  
Там в краю далеком  
Назовешь ты меня женой!» –

«Милая моя,  
Взял бы я тебя,  
Да там в краю далеком  
Есть у меня жена». –

«Миленький ты мой,  
Возьми меня с собой,  
Там в краю далеком  
Назовешь ты меня сестрой». –

«Милая моя,  
Взял бы я тебя,  
Да там в краю далеком  
Есть у меня сестра».—

«Миленький ты мой,  
Возьми меня с собой,  
Там в краю далеком  
Назовешь ты меня чужой».—

«Милая моя,  
Взял бы я тебя,  
Да там в краю далеком  
Чужая ты мне не нужна».



## 210

Вечер догорал, а мы прощались,  
По твоей щеке текла слеза.  
Аленькие губки улыбались,  
Голубые плакали глаза.

Первою тебя я полюбила,  
Дар души тебе я отдала,  
До тебя ни с кем не подружила;  
Коля, милый, я люблю тебя.

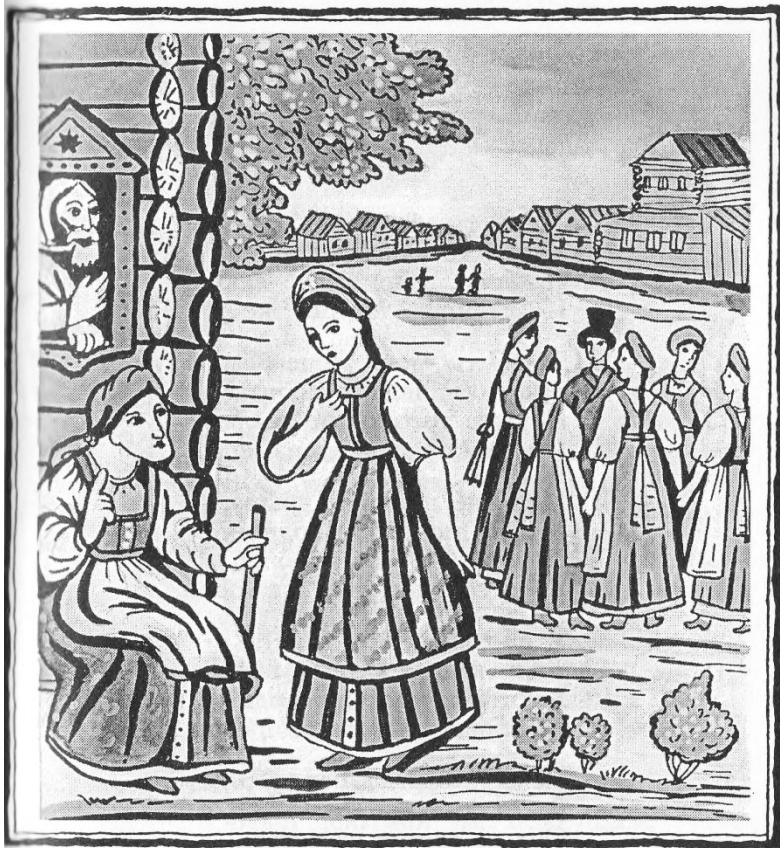
Нравится мне Колина улыбка,  
Нравятся мне Колины глаза,  
Нравится мне Колина походка,  
Коля, милый, я люблю тебя.

Хочется к груди твоей прижаться,  
Хочется обнять, поцеловать,  
Хочется навек с тобой остаться,  
Хочется и плакать и рыдать.

Милый мой, запомни эту фразу:  
Чувствами не надо торговать.  
Если тебе нравится другая,  
Я заставлю сердце замолчать.



# VI. ЗАЧЕМ ТЫ, БЕЗУМНАЯ, ГУБИШЬ?



А мне цыганочка сказала:  
 "Мой милый венчается  
 с другой"

## 211

Зачем ты, безумная, губишь  
Того, кто увлекся тобой?  
Наверно, меня ты не любишь,  
Не любишь, так Бог же с тобой.

Зачем ты меня завлекала,  
Зачем заставляла любить?  
Неужто того ты не знала,  
Как тяжело любовь изменить?

Меня не полюбит другая,  
Я буду мечтать об одной;  
Поверь же, моя дорогая,  
Всем сердцем увлекся тобой.

У церкви стояла карета,  
Там пышная свадьба была.  
Все гости роскошно одеты,  
На лицах их радость цвела.

Невеста была в белом платье,  
Букет был приколот из роз;  
Она на святое распятие  
Тоскливо смотрела сквозь слез.

Горели венчальные свечи...  
Невеста стояла бледна,  
Священнику клятвенной речи  
Сказать не хотела она.

Я видел, как бледный румянец  
Покрыв молодое лицо,  
Когда ей священник на палец  
Надел золотое кольцо.

Из глаз ее горькие слезы  
Ручьем по лицу потекли...  
Завянут прекрасные розы,  
Напрасно их так берегли.

Я слышал, в толпе говорили:  
«Жених неприятный такой,  
Напрасно девицу сгубили».  
И вышел я вслед за толпой.

Мне стало так тяжело и больно,  
Что жизни своей был не рад;  
Тогда же сказал я невольно:  
«Счастливый соперник богат».

Она, как статуя, стояла  
В наряде пышном под венцом  
И с изумлением смотрела  
На лик истерзанным лицом.  
Он – властелин, она – рабыня,  
Она – ребенок, он – старик...  
О, как поругана святыня!  
О, как ничтожен этот миг!  
Когда священник тихо, внятно  
Спросил, клялася ли она,  
Она ужасно побледнела,  
Сказала тихо: «Клялась, да».  
Ответ деньгами был подкуплен,  
Ее уж не спросили вновь.  
Обряд венчальный совершился,  
Здесь гибнет счастье и любовь.  
И вот «Исаия» запели  
И вокруг наложницы повели;  
Она на лик Христа смотрела,  
Шептала: «Боже мой, внемли!»  
По церкви слышны были вздохи,  
Но их никто не понимал;  
Лишь понял тот, кто за колонной  
О ней ужасно так рыдал.  
Но вот уж третий раз пропели  
И их из церкви повели;  
Толпа роскошная спешила,  
Им поздравленья поднесли.  
Невесты взгляд, он был суровый,  
По церкви долго так блуждал  
И наконец остановился –  
И он нашел, кого искал.  
Любил ее блондин–красавец,  
Стоял всего в пяти шагах,  
Она, увидя, заметалась,  
Сказала: «Вот где жизнь моя».  
И с ног подкошенных упала  
Подругам на руки она.  
Блондину громко прокричала:  
«Была и буду век твоя!»  
Вчера родные веселились,  
Сегодня плачут уж они.

Вчера им пели: «Многи лета!»  
 Сегодня память им поют;  
 Вчера им музыка играла,  
 Сегодня хор ей отпевал.  
 И умирающих букетом  
 Ее украсили кругом.  
 Букет из алых роз блондина  
 Ей положили на груди...

## 213

Пишу письмо и жду ответа,  
 Ответ, я знаю, не придет...  
 Пойду к цыганке, погадаю,  
 Все говорят, цыганка врет.  
 А мне цыганочка сказала:  
 «Твой мил венчается с другой».  
 И я не помню, как бежала  
 Искать злодея по церквам.  
 Во первую церковь я вбежала –  
 Стоял злодей мой под венцом;  
 Стоит злодей с другой невестой,  
 К себе священника он ждет.  
 Венчанья я не нарушаю,  
 Всегда приветствую вам жить!  
 А за твое, мил, обещанье  
 В сырую землю уйду жить.  
 И я упала на колени,  
 Я стала плакать, как дитя.  
 Злодей с печальными глазами  
 Велел родным поднять меня.  
 Его родные поднимали,  
 Меня на паперть повели.  
 Когда на паперть приводили,  
 То я без памяти была.  
 И в эту горькую минуту  
 Ко мне цыганка подошла:  
 «Не правду ль я тебе гадала,  
 Не правду ль я тебе врала,  
 Не правду ль я тебе сказала,  
 Что мил венчается с другой?»  
 Теперь я всем цыганкам верю:  
 Они всю правду говорят.

Подул, подул холодный ветер,  
И зашумел зеленый сад.  
Во том зелененьком садочке  
Я с ним знакомство завела.

Своей рукой он мою руку  
К груди он крепко, сильно жал,  
А сам готовился к разлуке,  
Рукой обнял, потом сказал:

«Пора, красавица, расстаться,  
Пора расстаться нам с тобой;  
Не надо плакать, надрываться,  
Ты познакомишься с другим».

Пойду к цыганке погадаю,  
Все говорят, цыганки врут.  
Меня цыганка уверяла,  
Что мил венчается с другой.

«Иди, девчонка, в первую церковь,  
Его застанешь под венцом».  
Я прихожу у первую церковь:  
Злодей венчается с другой.

И я упала на колени  
Перед иконою святой.  
Злодей увидел мои слезы  
И взял венчанье прекратил.

Не прекращай, злодей, венчанье,  
Уже покончена любовь!  
Я выхожу из этой церкви,  
Едва—едва иду домой.

А он нагнал меня с другою:  
«Садись, милая, подвезу!»—  
«Не смейся, сволочь, надо мною,  
Я без тебя домой пойду!»

Брось и забудь мою походку,  
Забудь черты моего лица,  
Брось и забудь, как мы влюблялись,  
И все —с начала до конца!»

## 215

Пойду к цыганке погадаю,  
Все говорят, цыганки врут,  
А мне цыганка нагадала:  
«Кого ты любишь – позабудь».

Тут от цыганки я убежала  
По темной улочке домой.  
Случайно в церковь заглянула –  
Венчался миленький с другой.

Тут на колени я упала  
И плакать горько начала;  
И в эту горькую минуту  
Ко мне цыганка подошла:

«Не правду ль я тебе сказала?  
Ведь я ничуть не соврала:  
Счастливой будешь, замуж выйдешь,  
На свадьбу пригласишь меня».

Пойду в аптеку, куплю яду...  
Аптека яду не дает:  
«Така молоденька девчонка –  
И без любви не проживет!»

Пойду я к морю, утоплюся –  
Пускай накроет меня волна!  
Ах, Коля, Коля, Николаша,  
Ведь это все из-за тебя!

Родится дочь – любить не буду,  
Назлю Тamarкой назову;  
Родится сын – любить я буду,  
На память Колей назову.

Тамара вырастет большая,  
Пойдет по садику гулять,  
И привлекут ее ребята,  
Как привлекали ее мать.

Тамара – гадкая девчонка,  
Отбила мужа моего...  
Так отбивай же, черт с тобою,  
Я обойдуся без него!

## 216

При хорошей при погоде  
Мы гуляли при луне,  
Расхорошенький мальчишка  
Не отходит от меня.  
Он идет со мною рядом,  
Про любовь все говорит.  
А я слушала, молчала,  
Дальше, дальше за ним шла.  
В незнакомую аллею  
Я не помню, как пришла...  
Он упал мне на колени  
И сказал: «Люблю тебя». –  
«Глянь–ка, миленький, на небо,  
На небе светится луна,  
Если люди нас увидят,  
Нам с тобой будет беда». –  
«Что нам люди, что нам люди,  
Если я люблю тебя?  
Разгорится мое сердце,  
Возьму замуж за себя!»  
Прихожу домой я поздно.  
И потихоньку спать легла.  
А поутру мать узнала,  
Начала меня ругать.  
«Довольно, дочка, гулять поздно,  
Надо замуж отдавать». –  
Не прошло и дня четыре,  
Мать придано собрала  
И за старого, седого  
Дочку замуж отдала.  
А я старого, седого  
Я до страсти не люблю,  
А мальчишку молодого –  
Его забыть я не могу.  
Дайте кисти, дайте краски,  
Живопиской буду я:  
Нарисую кари глазки  
И оставлю для себя.  
Не сумела, не успела  
Кари глазки срисовать...  
Кари глазки, где вы скрылись?  
Мне вас больше не видеть!  
Шумит море, бьет волною,  
Среди моря плыву я...  
Поздно маменька схватилась  
Уговаривать меня.

Над серебряной рекой,  
На златом песочке  
Долго девы молодой  
Я искал следочки.  
Там следов знакомых нет,  
Нет как не бывало...  
Я увидел вдалеке –  
Речка всколыхнулась,  
У меня ли, молодца,  
Сердце встрепенулось  
Я услышал в высоте –  
Колокол раздается,  
У меня ли, молодца,  
Сердце так и бьется.  
Мигом сел я на коня,  
Шевельнул уздою,  
Дал я шпоры под бока –  
Конь летел стрелою.  
Перед церковью святой  
Конь остановился,  
Скинул шляпу я с себя,  
На храм перекрестился.  
Я на папертку взошел,  
Богу помолился.  
В церковь двери отворил,  
Там народ толпился.  
Вижу, милую мою  
Водят вокруг налою.  
Пред иконою святой  
Бросился с мольбою:  
«Ты, изменница моя,  
Зачем изменила?  
За другого замуж шла,  
А меня забыла?  
Дай же, дай же Бог тебе  
Счастья и покою –  
Остаюсь, несчастный я,  
Горькой сиротою».





## 218

Ты любовь моя, любовь,  
Любовь сердечку злая!  
Почему же ты, любовь,  
Раньше не сказала?  
Часто времечком порой  
Плакать заставляла?  
Не влюбляйся в черный глаз,  
Черный глаз изменчив;  
Не влюбляйся в голубой,  
Голубой обманчив.  
Ты влюбися в алый цвет,  
Алый цвет приветлив.  
Над серебряной рекой,  
На златом песочке  
Долго девы молодой  
Я искал следочки.  
Тех следов знакомых нет,  
Нет, как не бывало...  
Верно, милая моя  
Здесь и не гуляла.  
Вот завидел я вдали  
Речка всколыхнулась,  
В поднебесной высоте  
Благовест раздался.  
Сел я, мальчик, на коня,  
Конь стрелой помчался,  
Конь летит быстрее стрелы,  
Кустики мелькают.  
У ограды у святой  
Конь остановился.  
Я на паперть ту вошел,  
Богу помолился,  
В церковь двери растворил,  
Там народ толпою;  
Вижу, милую мою  
Водят круг налою.  
Я к иконе ко святой  
Бросился с мольбою:  
«Боже, счастье ей пошли  
И любовь святую!  
А мне дай, Бог, пережить  
Участь роковую!»  
Тут изменница моя  
На меня взглянула –  
Слезы брызнули из глаз,  
Тяжело вздохнула.

## 219

«Родимый ты мой батюшка,  
 Жениться я хочу!» –  
 «Не шутишь ли, Иванушка?» –  
 «Ей–богу, не шучу:  
 Соседа девка славная,  
 Болит моя душа  
 Позволь, родимый батюшка,  
 Взять замуж за себя». –  
 «Послушай ты, Иванушка,  
 Она ведь нас бедней,  
 Одна икона Спасова  
 Приданого за ней.  
 Послушай ты, Иванушка,  
 У мельника есть дочь,  
 А за тебя, бездельника,  
 Отдать ее не прочь.  
 Хотя она горбатая  
 И не дошла умом,  
 Зато девка богатая,  
 Приданого–то с дом.  
 Коровушку, лошадушку  
 И несколько овец,  
 И будешь жить, Иванушка,  
 Богатый, что купец».  
 «Родимый ты мой батюшка,  
 Я лучше утоплюсь,  
 А на горбатой дурочке  
 Ей–богу не женюсь!»

## 220

Глаза вы карие, большие,  
 На что я полюбила вас?  
 А все изменники вы злые,  
 Зачем страдаю я по вас?  
  
 Не вижу вас –по вам скучаю,  
 Увижу –слов не нахожу,  
 Что говорю – сама не знаю,  
 Только в глаза я вам гляжу.  
  
 Вы для меня дороже злата,  
 Дороже всех моих родных,  
 Дороже пышного наряда,  
 Дороже матери–отца.

Не быть, не быть нам в божьем храме  
 И не стоять нам под венцом,  
 Не обручаться нам кольцами,  
 Все и с тобой, мой дорогой

Все, может быть, я буду в храме,  
 Стояти буду под венцом,  
 Но обручуся я кольцами,  
 А я со старым стариком

## 221

Вы, люди добрые, поймите  
 Печали сердца моего!  
 И всю вы грусть во мне поймите,  
 Ох, как любила я его!

А я любила его нежно,  
 И пылко он меня любил,  
 И мы искали в мире счастье,  
 А враг навек нас разлучил.

Родная мать не захотела,  
 Чтоб счастье наше совершить,  
 И строго сыну приказала  
 Меня навеки позабыть.

А сын не вытерпел разлуки,  
 Он слег в постель, болен стал  
 И перед самою кончиной  
 Заплакал, матери сказал:

«Родная мать, благослови ты,  
 А с той, котору я люблю,  
 Вы наше счастье совершите  
 Быть может, я и оживу».

Благословила мать, но поздно,  
 А сыну смерть была близка...  
 Он вспоминает ее имя,  
 А сам навек закрыл глаза.

Кругом все тихо: лес, аллеи —  
 Кругом царила тишина...  
 Между теми деревьями  
 Пробиралася она.

Она взошла на край могилы  
 И слезно плакать начала,  
 На камень голову склонила  
 И Богу душу отдала.

## 222

Вспомни, вздумай, мой любезный,  
 Мою прежнюю любовь,  
 Как с тобой мы обещались  
 Вечно друг друга любить.  
 А тепере что случилось?  
 В один час мог изменить,  
 Изменил священну клятву,  
 Сам женился на другой.  
 Ты женись, женись, мой милый,  
 Дозволяю я тебе,  
 Дозволяю, поздравляю  
 С нареченною женой.  
 Поведут дружка к венчанью,  
 А меня следом понесут,  
 А меня следом за тобою,  
 И поставят пред налой.  
 На тебя венцы наденут,  
 А надо мной свечи зажгут;  
 Тебя круг налож поведут,  
 А мне вечну память пропоют.

## 223

«Не шей ты мне, матушка,  
 Красный сарафан,  
 Не входи, родимая,  
 Попусту в изъян!  
 Рано мою косыньку  
 На две расплетать,  
 Прикажи мне русую  
 Лентой убирать.  
 Пускай не покрытая  
 Шелковой фатой  
 Очи молодецкие  
 Веселит собой!» –  
 «Дитя мое, дитятко,  
 Дочка милая!  
 Головушка победная,  
 Неразумная,  
 Не век тебе пташечкой  
 Звонко распевать,  
 Легкокрылой бабочкой  
 По цветам порхать!  
 На цветах заблекнут  
 Маковы цветы,

Прискучат забавушки,  
 Стоскуешься ты!  
 А мы ведь и при старости  
 Себя веселим:  
 Младость вспоминаючи,  
 На детей глядим».

## 224

Я у матушки выросла в холе  
 И не знала кручинушки злой,  
 И счастливой девической доле  
 Позавидовал недруг лихой.

Стал нашептывать речи лукавы,  
 Стал нашептывать ночью и днем.  
 Мне наскучили смех и забавы,  
 Мне наскучил и матушкин дом.

Я с постели вставала больная,  
 И, бывало, всю ночь напролет  
 Под окошком кого-то ждала я,  
 И мне чудилось, кто-то идет.

И ждала, дождалась я милого,  
 И как тут полюбился он мне!  
 Молодца не видала такого,  
 Право, я никогда и нигде:

Очи карие бойко смотрели  
 На меня из-под черных бровей  
 И узнать они, верно, хотели,  
 Что в душе затаено моей.

И, узнавши, что я уж готова  
 Для него на погибель была,  
 Я за милым из дома родного,  
 Точно малый ребенок, ушла.

И не думала я, не гадала,  
 Что любви моей скоро конец...  
 Знать, постыла я милому стала.  
 Что с другой он пошел под венец.

Не румяным лицом, не красотою  
 Приманила злодейка его –  
 Приманила богатой казною,  
 Много взял он за нею всего.



И теперь точно солнышка нету –  
 Все глухая осенняя ночь...  
 И я жду не дождуся рассвета,  
 Как ни плачь, а беде не помочь!

С красотой своей распростилась –  
 Не узнает теперь меня мать.  
 Ни кровинки в лице не осталось,  
 Точно дали мне яду принять.

## 225

Я вечер в лужках гуляла,  
 Шла я садом зеленым...  
 Молодой гусар гвардеец  
 Про любовь мне говорил.  
 А я слушала, внимала,  
 За ним дальше, дальше шла...  
 Я пришла, все дома спали,  
 Потихоньку спать легла.  
 Потихоньку, полегоньку,  
 Чтобы было не слышать;  
 А мамаша рано встала,  
 Начала дочку ругать:  
 «Раным–рано гулять стала –  
 Надо замуж выдавать!»  
 И за старого, седого  
 Дочку замуж отдала.  
 Уж я старого седого  
 Не могу его любить:  
 Уж я старого, седого  
 Крепкой водкой опую,  
 Молодого я гусара  
 Опять снова полюблю.

## 226

«Мать, тебя я умоляю,  
 Сжался, сжался надо мной!  
 Жить не в силах с нелюбимым,  
 Он же дряхлый и седой.

Что с того, что он богатый,  
 Что в шелках буду ходить,  
 Жить не в силах, лучше снова  
 Будем мы нужду делить». –

«Не противься, дочь, послушай,  
На меня хоть раз взгляни.  
Видишь ты, уж я старуха,  
Сочтены мои уж дни».

Под венец пошла бедняжка  
С старым, дряхлым стариком.  
Все терпела, хоть частенько  
Горько плакала тайком.

И ее, как травку в поле,  
Иссушила грусть—тоска;  
И навек ее закрыла  
Гроба темная доска.

Одиноко близ дороги  
Крест глубоко в землю врыт,  
У креста, ломая руки  
И рыдая, мать стоит.

Горько плачет и рыдает,  
Видно, сильно дочку жаль...  
И стон матери несчастной  
Ветерок уносит вдаль.

## 227

«Немилото, мама,  
Не буду любить,  
Как трудно, родная,  
С постылым жить,  
Вести с ним беседу,  
При людях ласкаться,  
Не лучше ли, мама,  
В девицах остаться?» —  
«Ах, милая дочка,  
Взгляни на меня:  
Я старая стала,  
В могилу пора.  
Глаза мне закроют,  
Что будет с тобою?  
Натерпишься горя,  
А слез будет вдвое».  
«Ах, милая мама,  
Не плачь, не рыдай,  
Готовь полотенца,  
Платки вышивай,

И я за немилым  
 Года буду тратить;  
 Все будут смеяться,  
 А я буду плакать».  
 Прошло лишь два года,  
 Она померла.  
 Оставила сына  
 И мужа—вдовца.  
 У старой часовни  
 Лампада горит,  
 Пред ней на коленях  
 Старушка стоит.  
 «Ах, Боже мой, Боже,  
 Откройся, могила!  
 Дитя дорогое,  
 Тебя я сгубила!  
 Сгубила, родная,  
 Навеки сгубила,  
 А ты за немилым  
 Года проводила».



## 228

Скрылось солнце под горою,  
 Стоит казачка у ворот  
 И в дальний путь глядит с тоскою,  
 И слезы льются из очей.  
 «О чем, о чем, казачка, плачешь?  
 О чем, голубушка, грустишь?» –  
 «Одна беда всему виною:  
 Велят мне милого забыть.  
 Ах нет, его я не забуду,  
 Он к нам на родину придет,  
 В живых меня он не застанет,  
 В могилу холодную снесут».  
 А мать казачку утешала:  
 «Не плачь, родная дочь моя,  
 Ты женихом будешь счастлива,  
 Ты будешь в золоте ходить.  
 А он собой богат, красивый,  
 И ты должна его любить».–  
 «Я буду, маменька, покорна  
 И все исполню для тебя.  
 Тогда ты будешь виновата,  
 Несчастье сделавши со мной».



Поутру с горькими слезами  
 Ведут казачку под венец,  
 Она дрожащими устами  
 Произнесла: «Судьбе конец».  
 Казачку в землю опускали,  
 И гроб усыпали цветы,  
 И долго, долго горевали,  
 Поплакали, домой пошли.  
 Казак умчался в чисто поле  
 На своем вороном коне,  
 С другой казачкой обручился  
 В своей родимой стороне.

## 229

На паперти народ толпился,  
 И церковь вся освещена,  
 Но не пришел народ молиться,  
 Хотя и церковь вся полна.  
 Священник, дьякон в белых ризах,  
 Пред алтарем нагой стоит;  
 А любопытство на всех лицах,  
 И вся толпа наверх глядит.  
 В толпе народ заволновался,  
 И входит с образом кадет;  
 За ним невеста показалась,  
 За ним идет толпа гостей.  
 Бедняжка дико озиралась,  
 Как грустно ей, как грустно ей!  
 Убор невесты все смотрели –  
 Вся в бриллиантах и цветах,  
 А слезы крупные блестели  
 В ее измученных глазах.  
 Жених, жених, о как ты страшен:  
 Плешивый, старый и седой,  
 Зато богат, зато он знатен,  
 Гордится он своей казной.  
 Своею старческой походкой  
 К своей невесте подошел  
 И с гордой старческой улыбкой  
 К наложу он ее подвел.  
 Вот начался обряд венчанья,  
 «Апостол» дьякон стал читать,  
 И громко певчие запели,  
 Невеста, вздрогнув, замерла.  
 Даст ли она священну клятву  
 До гроба быть ему верна?

Она сказала «да» невнятно  
 И зарыдала, как дитя;  
 Ее родные окружили,  
 И сваха спирту подала.  
 Прощай, красавица–невеста.  
 Тебе карета подана...  
 Ты истерзала грудь поэта  
 И старику ж ты продана.

### 230

Я знаю, ты тайно страдаешь,  
 Я знаю, ты любишь меня,  
 Я знаю, ты ждешь и мечтаешь,  
 Чтоб я полюбила тебя.

Не жди, не мечтай понапрасну,  
 Чтоб я полюбила тебя,  
 Люблю я ужасно другого,  
 Другому я жизнь отдала.

Бывало, я в ситцевом платье,  
 А щечки, как розы, горят;  
 Теперь я в атласном наряде –  
 Любовь старику отдала.

Женою я не бывала,  
 А матерью ребенку была,  
 Под сердцем ребенка носила,  
 С проклятьем его родила.

### 231

Я на острове родилась,  
 В Новом городе росла.  
 Я попала жить в деревню –  
 Мне казалась жизнь тюрьмой.

Ветры дуют, ветры стонут,  
 А я рвуся злой тоской,  
 А я рвуся, слезой льюсь  
 По тебе, голубчик мой.

Я не верила подружкам,  
 Что на свете есть любовь,  
 А тепере я поверю –  
 Есть мучитель у меня:

Есть мучитель, сокрушитель,  
Иссушил совсем меня.  
Вспомни, вздумай, мой любимый,  
Нашу прежнюю любовь.

Как мы с тобой обещали  
Вечно друг друга любить,  
А теперь уж что случилось?  
В один час мог изменить.

Изменил священным клятвам,  
Сам женился на другой,  
Сам женился, разорился,  
Не по нраву жену взял.

Не по нраву, не по мысли,  
Всему дому не мила,  
Всему дому, всему миру,  
Точно лютая змея.

## 232

### КОЛЬЦО

Она посмотрела  
Мне грустно в лицо  
И молча надела  
На руку кольцо.

«На что мне подарок? –  
Сказал я любя, –  
Отдай лучше сердце,  
Отдай мне себя!»

Стыдливо девица  
Закрыла лицо.  
«Храни мне, – сказала, –  
Златое кольцо.

И ежели будет  
Колечко блистать,  
То властен ты будешь  
Своей называть.

Но если потускнет,  
Прощайся тогда  
Со мною, мой милый,  
Со мной навсегда!»



И годы промчались,  
И дни протекли;  
Чего мы искали,  
Того не нашли.

Колечко потускло,  
И дева моя  
С другим улетела  
В чужие края.

И грустен с тех пор  
Я, хожу сиротой,  
Смотрю на колечко  
И плачу порой.

### 233

С прялкой девица  
Сидит у окна.  
Нитка напряглась,  
Жужжит веретене.

#### П р и п е в :

Надо прясть—то туго,  
Туго, да не обрывать;  
Надо любить друга,  
Век не забывать.

Милого с дровами  
На барже угнали,  
Плакал уж он, плакал,  
Когда провожали.

#### П р и п е в :

Через три дня новый  
Жених подвернулся,  
Девка уж и рада —  
Злодей приглянулся.

### 234

Я больна, я в больнице лежала,  
Я всю ночь напролет не спала,  
Под окошком я милого ждала,  
А дожждаться его не могла.  
Слышу, слышу — шаги раздались,  
Это, верно, мой милый идет,

Он идет, а ко мне не заходит,  
 На свиданье спешит ко второй.  
 А наутро ко мне он заходит  
 И с насмешкой слова говорит:  
 «Что ты стала такая худая,  
 Куда делась твоя красота?  
 Куда делся твой прежний румянец,  
 Куда делся руса коса?  
 Не подумай, моя дорогая,  
 Что пришел тебя брать под венец.  
 А пришел лишь с тобою проститься  
 И сказать, что женюсь на другой!» –  
 «А я сяду на лодку, поеду,  
 На невесту твою погляжу,  
 При народе тебя опозорю,  
 На невесте цветы все порву.  
 Разведу я в стакане карбиту  
 И карбитом глаза ей залью!»

## 235

Чернобровый парень бравый  
 На завалинке сидел,  
 Вил веревочку детина,  
 Песню громкую он пел

«Вейся, вейся, не развейся,  
 Ты, веревочка моя  
 Для чего ж ты пригодишься,  
 Той судьбы не знаю я.

Может быть, ты пригодишься  
 Поздней осенью бурлакам,  
 Или раннею весною  
 Парня свяжут по рукам.

Будь легка, как нить шелкова,  
 Ты, веревочка моя!  
 Завтра рано на базаре  
 Я продам купцу тебя.

Накуплю своей красавице  
 Я гостинцев у купца,  
 Как за эти за гостинцы  
 Расцелую у крыльца».



Не пришлось мальчугану  
Той веревочки продать,  
Не пришлось той красавице  
Алы губки целовать.

Со стариком пошла, изменница,  
Все со старым под венец,  
А на этой на веревочке  
Жизнь покончил молодец.

Ой, вилась, вилась веревочка,  
Ой, вилась до конца,  
Ой, зачем же загубила  
Ты такого молодца?

## 236

Цвети, цветочек аленький,  
Цвети, не подсыхай.  
Люби меня, мой миленький,  
Люби, не забывай!

В семнадцать лет не знала  
Любови никакой,  
Теперь же я спознала  
Мальчишку одного.

Клялся милой, божился,  
Что вечно будет мой,  
А я ему поверила  
Беспечною душой.

Пошла гулять я к мосту,  
Навстречу милый мой,  
Навстречу недалече –  
С супругой молодой.

В лице я изменилась  
И встала перед ним.  
«Послушай, друг мой милый,  
Что стану говорить.

Задумал ты жениться,  
Зачем было любить,  
Молоденьку девчонку  
Зачем было губить?»



## 237

Тонкую рябинушку  
 Клонет и качает,  
 За рекой детинушка  
 Голову склоняет.  
 Как бы мне, детинушке,  
 К дому перебраться,  
 Не стала бы рябинушка  
 Гнуться и ломаться.  
 Во зеленом садике  
 Травушку косила,  
 Увидавши Шурочку,  
 Я его спросила:  
 «Дорогой мой Шурочка,  
 Почему не весел,  
 Буйную головушку,  
 Миленький, повесил?»—  
 «Дорогая Маня,  
 Чему же веселиться,  
 Предлагает тятенька  
 Осенью жениться.  
 Только не с тобою  
 Колечком обручиться».—  
 «Дорогой мой Шурочка,  
 Что это за горе,  
 Если не желаете,  
 Я вас не неволю».

## 238

Солнышко светило  
 За теплою весной...  
 Дуняша выходила  
 На бережок крутой;  
 Смотрела, любовалась  
 На быструю реку.  
 На быстрой на речке  
 Там пташечки поют,  
 Поют они, порхают  
 И вьются надо мной.  
 Повейтесь, вольны пташки,  
 Повейтесь надо мной!  
 Меня повеселите  
 Последний вечерок.



Сегодня вечерочком  
Хотели гости быть,  
Нежданы и незваны,  
Хотели сговорить,  
Со старым и с новым  
Хотели обручить!  
Мне старый муж неровня,  
Гулять с ним не пойду,  
С молоденьким, с хорошеньким  
Гуляю—веселюсь!

## 239

Скакал казак через долину,  
Через манчжурские края;  
Скакал он садиком зеленым,  
Кольцо блистало на руке.  
Кольцо казачка подарила,  
Когда казак пошел в поход;  
Она дарила, говорила:  
«Я через год буду твоя!»  
Вот год прошел—казак стрелю  
В село родное прискакал.  
Навстречу шла ему старушка  
И что-то тихо говорит:  
«Тебе казачка изменила,  
Второму счастье отдала!»  
Он повернул коня налево  
И в чисто поле поскакал.  
Он снял с себя свою винтовку,  
Убил коня, потом себя...  
«Пускай казачка вспоминает,  
Меня, донского казака!»

## 240

Катя, Катерина,  
Купеческая дочь,  
Где ж ты прогуляла  
Всю темную ночь?  
Пришла на рассвете,  
Ложилась спать,  
Ее разбудила  
Неродная мать.  
Вставай ты, Катюша,  
Пора уж вставать:  
Пришли пароходы,  
Хотят тебя взять.



Один парус белый,  
 Другой – голубой.  
 Один матрос старый,  
 Другой – молодой.  
 Молодой матросик  
 Жених будет твой.

## 241

Месяц плывет над вершиной,  
 Над долиной царит тишина.  
 «Милый мой, ты гуляешь со мною,  
 Мне с тобою и осень – весна.

Не спеши, милый друг, расставаться,  
 Не спеши разлучаться со мной,  
 Хорошо будет нам любоваться  
 Безмятежной ночной тишиной.

Но одна из счастливых минуток  
 Лишь окончилась в жизни моей,  
 Я погибну от горя и муки,  
 Если только не буду твоей».—

«Нет, моею ты, верно, не будешь,—  
 Так мой миленький мне отвечал,—  
 У меня есть невеста другая,  
 Взять родитель ее приказал».

«Так иди же, иди поскорее  
 К той счастливой невесте своей,  
 Тебе будет там с ней веселее,  
 Но прошу я, меня позабуди!»

## 242

Ах, зачем эта ночь  
 Так была хороша!  
 Не болела бы грудь,  
 Не страдала душа...

Ароматной весной  
 Повстречался я с ней.  
 Расцветали цветы,  
 Сладко пел соловей.

Полюбил я ее,  
 Полюбил горячо,  
 А она на любовь  
 Смотрит так холодно.

Всей душою отдался,  
Лишь одной ею жил,  
Целовал, миловал  
И безумно любил.

Не внимая мольбам  
И рыданиям моим,  
Вдруг пошла под венец  
Не со мной, а с другим.

И никто не видал,  
Как я в церкви стоял,  
Прислонившись к стене,  
Безутешно рыдал.

Звуки вальса лились,  
Веселился весь дом.  
Я к каморке своей  
Пробирался с трудом

Так к чему ж мне страдать,  
Для чего же мне жить,  
Коль ее злой судьбой  
Не дано мне любить?!

## 243

Бывали дни веселые,  
Гулял я, молодец,  
Не знал тоски–кручинушки,  
Как вольный удалец.

Бывало, вспашешь пашенку,  
Лошадок уберешь,  
А сам тропой знакомою  
В заветный дом пойдешь.

Иду, и дожидается  
Красавица моя –  
Глаза полуоткрытые,  
Румяна и бела.

Однажды в конце осени  
Пришел любви конец:  
А к ней приезжий с ярмарки  
Присватался купец.

Тогда моя хорошая  
 Забыла про меня,  
 Забыла мою хижину,  
 В хоромы жить пошла.

Живет у черта старого,  
 Как в клетке золотой,  
 Как куколка снаряжена,  
 С распущенной косой.

Остался в одиночестве,  
 Я точно опьянел:  
 И всю я ночь темную  
 В раздумьях просидел

И пала мысль злодейская –  
 Во тьмах нашел топор,  
 Простился с отцом, с матерью,  
 Сам вышел через двор.

Иду, а ночь темная,  
 Вдали журчит ручей...  
 И дело совершилось –  
 С тех пор я стал злодей.

Теперь в Сибирь на каторгу  
 Угонят молодца  
 За деву черноокою,  
 За черта за купца!

## 244

По Мурманской дорожке  
 Стояли три сосны...  
 Со мной прощался милый  
 До будущей весны.

Он клялся и божился  
 Со мной одною жить,  
 На дальней на сторонке  
 Одну меня любить.

А я ему внимала  
 Беспечною душой,  
 Слова те повторяла  
 Той клятвы роковой.

И вдруг он вострепнулся,  
 Последний раз обнял,  
 Взглянувши в мои очи,  
 Меня поцеловал.

Сел на коня, умчался  
В туманную он даль –  
Оставил мне на сердце  
Тоску лишь да печаль.

А я о нем скучала,  
Все ночи не спала;  
Все выйду на крылечко –  
Все милого ждала.

Однажды мне приснился  
Тревожный, страшный сон,  
Что будто бы мой милый  
Женился на другой.

А я над сном смеялась  
При ясном свете дня:  
Не может же случиться,  
Чтоб мил забыл меня.

Но сон мой скоро сбывся...  
Той раннею весной  
Мой милый возвратился  
С красавицей женой.

Я на крыльце стояла,  
Когда он проезжал, –  
Меня в толпе народа  
Он взглядом отыскал.

Взглянувши в мои очи,  
Глаза вниз опустил, –  
Узнал, злодей проклятый,  
Что жизнь мою сгубил.

Сгубил жизнь молодую,  
Зачем на свете жить?  
Не лучше ли мне будет  
Саму себя сгубить?

Пойду я в лес дубовый,  
Там реченька течет, –  
В холодные объятия  
Она меня возьмет.

Когда меня достанут  
С того речного дна,  
Тогда злодей узнает,  
Что клятве я верна.

Вспомни, милка дорогая,  
Как начинали мы гулять,  
Как начинали и кончали  
С тобою, милая моя.  
Пришел в деревню –было тихо,  
Кругом ночная тишина.  
Что-то не видно и не слышно:  
Наверно, милка спать легла.  
С ее я домом поравнялся –  
Она сидела у окна.  
Сидела, маму умоляла:  
«Пусти–ка, мама, погулять!  
Ко мне придет сегодня милый,  
Его мне нужно увидеть».–  
«Иди, иди, дочь, ненадолго,  
А то не выйду открывать!»  
Тихонько дверца заскрипела,  
Выходит милая моя;  
Выходит милка не весела  
И праву руку подает.  
«Что ты, милка, не весела,  
Ай не любишь ты меня?» –  
«Что мне, милый, веселиться? –  
Меня просватали вчера»,–  
«Но разреши–ка, дорогая,  
Последний раз поцеловать!» –  
«Ни раз, ни два не разрешаю,  
Кончаю я с тобой гулять!»

## VII. Спишь ты под землёю



*Кто судьбы моей не знает,  
Никак меня не жаль...*

## 246

## ТРИ СПУТНИКА

Три спутника в гости к старушке вошли:  
 «Прими, приюти нас на темную ночь!» –  
 «Принять, приютить вас готова, друзья». –  
 «Но где же красавица дочка твоя?» –  
 «Скончалась красавица дочка моя!»  
 В светлице красавица в гробе лежит  
 Первой, открывая покров гробовой,  
 На мертвую смотрит с унылой душой.  
 Второй покрывало на гроб наложил,  
 Сам горько заплакал и взор устремил.  
 Третей покрывало на гроб налагал  
 И мертвую бледну в уста целовал:  
 «Тебя я любил, мне тебя не забыть,  
 Тебя я извечности буду любить!»

## 247

Всю вселенную я проехал,  
 Не нашел своей милой...  
 Во Россию воротился –  
 Чуть живую захватил.  
 Тут лежит моя милая  
 Во светлице под окном,  
 Грудь накрыта полотном.  
 К сердцу ручки приложила  
 И сказала: «Прощай, друг,  
 Я навечно лягу спать.  
 Вы пойдите принесите  
 Ключевой свежей воды  
 Вы обмойте мое тело  
 Ключевой свежей водой;  
 Эх, да вы пойдите приведите  
 Вы священника–попа...»  
 Поп–священник со кадилом  
 Да мой милый со свечой...  
 Эх, да все певчие запели,  
 А мой милый зарыдал.

Горе мое, горюшко,  
Что на свете жить?  
Что запоневолушке  
Другом дорожить?  
На горе высокой  
Два креста стоят;  
Под доской дубовой  
Два друга лежат.  
Часто со слезами  
Спрашивала я:  
«Нет ли между вами  
Милого дружка?»  
Могила отвечает:  
«Здесь нету никого».  
Голубок воркует,  
Что голубки нет;  
Девушка тоскует,  
Что милого нет.  
Часто со слезами  
Спрашивала я:  
«Нет ли между вами  
Места для меня?»  
Могила отвечает:  
«Еще ты молода,—  
Узнай про горе, нужды,  
Потом приди сюда.  
Вот тебе дорога,  
Вот тебе и путь —  
Люби кого хочешь,  
Про меня забудь!»  
Во сырой земелюшке  
Лежать—то тяжело,  
Милого дружочка  
Забывать—то не легко.



## 249

Как хороша была та ночь голубая,  
 И как приветливо светила нам луна...  
 Ты говорила мне, от страсти замирая:  
 «О милый, милый друг, как я люблю тебя!»  
 Светили звезды нам мечтательно и нежно...  
 О милый, милый друг, я верил и любил.  
 Прошли, как сон, года, тиха твоя могила,  
 И над тобой черемуха цветет;  
 Сквозь ветви белые твой крест глядит уныло,  
 И над тобой малиновка поет.  
 Я посетил тебя такой же ночью чудной,  
 Склоняясь, до утра я плакал, как дитя...  
 Твой голос мне звучал, звучал, как эти струны,  
 Он звал, манил и говорил: «Пора!  
 Пора, мой друг, пора, сойдемся до рассвета,  
 Одной тобой душа моя полна...  
 Как хороша была та ночь голубая,  
 И как приветливо светила нам луна...»

## 250

Когда я на почте служил ямщиком,  
 Был молод, имел я силенку.  
 И крепко же, братцы, в селенье одном  
 Любил я в ту пору девчонку.

Сначала не чуял я в девке беду,  
 Потом задурил не на шутку.  
 Куда ни поеду, куда ни пойду,  
 Я к ней забегу на минутку.

И любя она, да покоя—то нет,  
 А сердце болит все сильнее...  
 Однажды начальник дает мне пакет:  
 «Свези, мол, на почту живее».

Я вырвал конверт и скорей на коня  
 И по полю вихрем помчался.  
 А сердце щемит и щемит у меня,  
 Как будто с ней век не видался...

И что за причина? — понять не могу,  
 И ветер так воеет тоскливо...  
 И вдруг словно замер мой конь на бегу  
 И в сторону смотрит пугливо...

Забилось сердце тогда у меня  
И взглянул вперед я в тревоге.  
Потом соскочил с удалого коня  
И вижу я труп на дороге.

А снег уж совсем ту находку замел,  
Метель так и пляшет над трупом...  
Разрыл я сугроб—то и к месту прирос,  
Мороз заиграл под тулупом!

Под снегом—то, братцы, лежала она,  
Закрылися карие очи...  
Налейте, налейте скорее вина.  
Рассказывать больше нет мочи!..

## 251

Заныло сердечко  
В разлуке, в тоске,  
Блеснуло колечко  
На правой руке,  
Кольцо золотое  
Мне мил подарил,  
Кольцо распялось —  
Не быть мне за ним.  
Сказали: «Мил умер,  
Не придет ко мне».  
Не придет, не будет,  
Руки не примет,  
Письма не напишет  
И вести не шлет.  
Умоюсь слезами,  
Утрюсь я платком,  
Накинусь я шалью  
И выйду тайком.  
Мне месяц укажет  
Дорогу к нему,  
Укажет, не скажет  
Про то никому.  
Пусть люди смеются,  
Я буду молчать —  
Мне милого видеть,  
Два слова сказать;  
Забыл меня милый,  
Забыл навсегда,  
Но я не забуду  
Его никогда.



## 252

Липа вековая  
На горе стоит...  
Песня удалая  
Вдоль реки звучит.

Луг покрыт туманом,  
Точно пеленой,  
Слышно за курганом  
Клик сторожевой.

Этот звук унылый,  
Память прошлых дней,  
Пробудись, что было,  
В памяти моей.

И все миновало,  
С другой под венцом –  
Молодца сковали  
Золотым кольцом.

Только не с тобою,  
Милая моя,  
Спишь ты под землею,  
Спишь из-за меня.

Горюшка такого  
Милка не снесла,  
И в сыру могилу  
Милка жить пошла.

У твоей могилы,  
Милая, стою,  
И унывну песню,  
Милая, пою.

У твоей могилы  
Соловей поет...  
Скоро и твой милый  
Крепким сном заснет.

Расколись ты, липа,  
На четыре пня!  
Милая, проснися  
И возьми меня!

Но не раскололась  
На четыре пня,  
Милка не проснулась,  
Не взяла меня.

## 253

На дерновой скамье перед бледной луной  
 Они поздней порою сидели.  
 А над ними тогда громко пел соловей,  
 Липы тихо ветвями шумели.  
 Склонившись тогда, говорила она:  
 «Мне немного уж жизни осталось.  
 Постарайся скорее забыть ты меня,  
 Позабудь и будь счастлив с другою.  
 А я верю в тебя и сердечно люблю,  
 Я и мертвая буду с тобою».  
 И на этом тогда ее речь прервалась,  
 Голова ее низко склонилась;  
 Потускнели глаза, побледнели уста,  
 Сердце реже и реже забилося.  
 А я с грустью в душе все смотрел ей в лицо,  
 Как угасает моя дорогая...  
 А как любил я ее, как любил горячо,  
 Но судьба беспощадная, злая.  
 На дерновой скамье перед бледной луной  
 Они поздней порою сидели.  
 А над ними тогда громко пел соловей,  
 Липы тихо листвою шумели.

## 254

## ПЕСНЯ ВДОВЫ

Никто судьбы моей не знает,  
 Никому меня не жаль,  
 Никто меня не пожалеет,  
 Мне не с кем разделить печаль.  
 Пойду поплачу на то место,  
 Где любезный Саша уверял  
 И своей верной невесте  
 Верну клятву он давал.  
 Саша, друг мой неизменный,  
 Неужель забуду про тебя?  
 Я тогда тебя забуду,  
 Когда закроются глаза,  
 Когда руки свои белы  
 Себе на грудь я положу;  
 Когда тело мое бело  
 Закроют белым полотном;  
 Когда шелковой травой,  
 Могила зарастет моя,—  
 Тогда, друг мой неизменный,  
 Я забуду про тебя.

## 255

С печальным взором у могилы  
Стоит красавица в слезах;  
Она упала на колени,  
Венок дрожал в ее руках.

С дрожаньем, плачем и мольбою  
Склонила голову она;  
В могиле этой безвозвратной  
Любовь была погребена.

Зачем ты рано лег в могилу,  
Уснул, мой милый, вечным сном?  
Оставил все без сожаленья,  
Весь мир людской и мать с отцом.

Прошу тебя, мой незабвенный,  
Возьми меня под саван свой –  
И больше жить я не желаю,  
Мне жизнь стала не мила.

Всегда я плачу и рыдаю,  
Себя совсем я извела...  
И вдруг могила задрожала,  
Из гроба голос слышен был:

«Уйди, уйди прочь от могилы,  
Оставь в покое здесь меня!  
Ты знаешь, что я похоронен,  
Из гроба мне уже не встать...»

## 256

За лесом солнышко сияло,  
И путь–дорожка пролегла,  
По той по торной по дорожке  
Одна красавица прошла.  
Зашла на самый край могилы,  
Главой на памятник легла.  
Своим унылым голосочком  
Будила милого дружка:  
«Вставай, вставай, мой разлюбезный!  
Я без тебя жить не могу».  
Но вдруг могила задрожала,  
Из гроба голос раздался:  
«Уйди, уйди прочь, негодяйка!

И не тревожь моих костей.  
 А мое тело все сотлело,  
 Одни лишь косточки лежат».  
 Она заплакала, завывала,  
 Ой, да по милому своему.  
 «На что, на что было влюбляться,  
 На что кольцо злато дарить?  
 Твое колечко золотое  
 В моей коробочке лежит».

## 257

При бурной ноченьке прохладной  
 Скрывался месяц в облаках...  
 На ту зелененьку могилку  
 Пришла красавица в слезах.  
 Она пришла и зарыдала,  
 Главой на памятник легла,  
 Своим унынным голосочком  
 Будила милого дружка.  
 «Вставай, вставай, дружочек милый,  
 Я без тебя жить не могу!»  
 Как вдруг могилка задрожала,  
 Из гроба голос раздался:  
 «Уйди, уйди прочь от могилы,  
 Твой друг ужасно крепко спит».  
 А я заплакала, завывала  
 И от могилки прочь пошла...  
 Да шла дорожкой, размышляла:  
 Приду домой, убью себя.  
 Зачем я раньше завлекала,  
 С руки колечко отдала?  
 Да золото мое колечко  
 Да на огне будет гореть,  
 Мое ретиво-то сердечко  
 Да всегда будет болеть.



## 258

За рощей тенистой  
 С крутых бережков,  
 Там источник чистый  
 С ключевой водой.  
 Там есть могила,  
 Заросла травой.  
 Памятник унылый

И кругом цветы,  
Там лежит Елена,  
Друг души моей.  
Я в ее влюбился,  
Ею я прельстился,  
С отцом ее спознался я,  
Ох, ручки попросил.  
Отец был жестокий,  
Ручки мне не дал,  
За любовь за дружбу  
Отец дочь проклял –  
Во сырую землю  
Жить ее послал.  
Во сырой земельке  
Жить нехорошо:  
Ничего не слышно  
И свету не видеть,  
Там милого нету,  
Не с кем погулять.

## 259

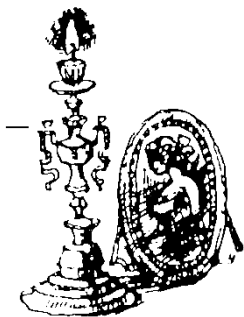
Когда мне было лет шестнадцать,  
Я не любила никого,  
А исполнилось двадцать –  
Полубила одного.

Тайно я его любила,  
Тайно он любил меня,  
Наше счастье не свершилось –  
Злой враг навеки разлучил.

Мать сыну строго наказала  
Меня, несчастную, забыть.  
Сын с такой большой печали  
Заболел, в постелю слег.

Перед самой перед смертью  
Сын заплакал и сказал:  
«Наше счастье совершите –  
Взять, которую люблю».

Мать дозволила, но поздно –  
Сыну смерть была близка.  
Вспомянул мое он имя  
И навек закрыл глаза.



Была тихая погода,  
Светила яркая луна...  
Между частыми крестами  
Пробиралась она.

Его свежая могила...  
Она тихо подошла,  
Низко голову склонила,  
На могиле умерла.

Добры люди, вы внимлите  
Горю сердца моего,  
Белу грудь мою разрежьте,  
Как любила я его!

## 260

Осыпаются пышные розы  
И в саду не поет соловей...  
Только ты лишь, моя дорогая,  
Все сидишь у постели моей.

Ах, зачем ты меня целовала,  
Жар безумный в груди затая,  
Ненаглядным меня называла  
И клялась: «Я твоя, я твоя»?

Я сегодня больной и бессильный,  
Нету в сердце бывшего огня...  
Скоро, скоро, моя дорогая,  
Скоро, скоро не будет меня.

Вот настанет осеннее утро,  
Будет дождик слегка моросить...  
Ты услышишь прощальное пенье, –  
То меня повезут хоронить.

Из друзей моих верных, наверно,  
Знать, никто не пойдет провожать,  
Только ты лишь, моя дорогая,  
Слезно будешь над гробом рыдать.

И в последний ты раз поцелуешь,  
Тогда крышкой накроют меня...  
И уста мои больше не скажут,  
Что прощай, дорогая моя.

Осыпаются пышные розы  
И в саду не поет соловей...  
Только ты лишь, моя дорогая,  
Все сидишь у постели моей.



## 261

Вечер вечерееет,  
Наборщицы идут.  
Маруся отравилась –  
В больницу повезут.  
В больницу привозили  
И клали на кровать,  
Два доктора с сестрицей  
Старались жизнь спасти.  
«Спасайте, не спасайте,  
Мне жизнь не дорога:  
Я милого любила,  
Такого подлеца!»  
Давали ей лекарства –  
Она их не брала,  
Давали ей пилюли –  
Она их не пила.  
Приходит к ней мамаша  
Свою дочь навестить.  
А доктор отвечает:  
«При смерти уж лежит».  
Приходит к ней любезный  
Марусю навестить,  
А сторож отвечает:  
«В часовенке лежит».  
В часовню он заходит,  
Там белый гроб стоит,  
А в этом белом гробе  
Марусенька лежит.  
«Маруся, ты Маруся,  
Открой свои глаза!  
Но если не откроешь,  
Умру с тобой и я.  
Кого ты сполубила,  
Чего ты испила?»  
Бедную Марусю  
На кладбище везут,  
А милый идет сзади,  
Кричит: «Маня, прощай!  
Прости, прощай, Маруся,  
Прости, прости меня!  
Я знаю, что Маруся  
За меня и в гроб пошла».  
Вечер вечерееет,  
Все с фабрики идут,  
А бедную Марусю  
На кладбище везут.

На рыбалке росла и увяла  
Наша первая с Сашкой мечта...  
Ах, зачем я его целовала  
Первый раз в молодые уста?

Зачем Сашеньку я полюбила,  
Зачем Сашеньку я завлекала?  
Ай, за черные кудри густые,  
Ай, за жгучие злые глаза.

Было море спокойно и тихо,  
И прибой у калины шумел...  
А наутро, когда шторм поднялся,  
В море ехать никто не хотел.

Вдруг забилося сердце у Саши  
Да еще у самих моряков:  
«Не боимся мы шторма лихого,  
Соли вам привезем сто пудов!»

Вот, возмахнувши густыми кудрями,  
Саша первый на катер взошел,  
Распростился со мной, с моряками,  
Саша веселую песню завел.

Катер дальше и дальше уходит,  
Остается тоскующий взгляд...  
Мое сердце тогда предсказало:  
Не вернется мой Саша назад.

А наутро, когда шторм поднялся,  
Первый раз, говорят моряки,  
С этим штормом пришло мое горе:  
Не вернулись назад моряки.

Ах ты море, Японское море,  
При тебе я три года жила,  
При тебе я увидела горе  
И все время при горе была!

Все Японскому морю прощаю,  
ибель Саши простить не могу...  
Я у моря стою и рыдаю,  
Потому что я Сашу люблю.

## 263

В одном городе жила парочка.  
Он был шофер, рабочий, простой,  
А она была кочегарочка,  
Всем известна своей красотой.

Как-то раз они повстречались,  
Он не мог отвести от ей глаз...  
И всю ноченьку ему снилось,  
Как увидел ее первый раз.

«Кочегарочка черноокая,  
Ты мой ранний весенний цветок,  
Ты пойми любовь одинокую,  
Приласкай, поцелуй хоть разок!»

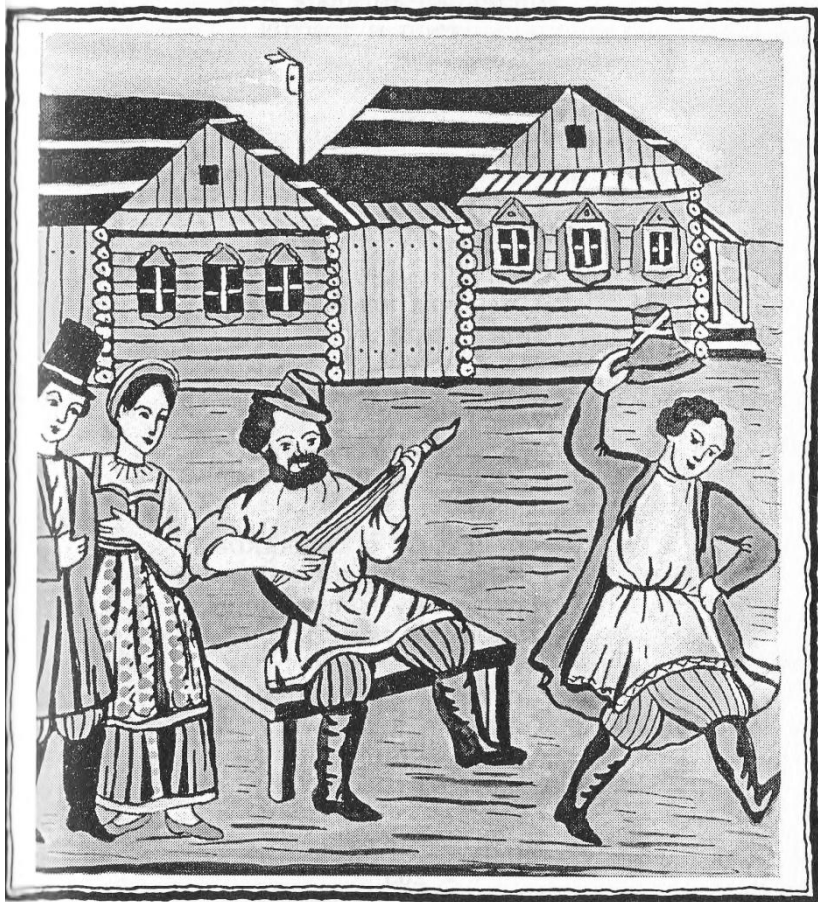
Кочегарочка усмехнулась:  
«Ой, какой ты смешной, паренек,  
Неужели я так жестокая?  
Так давай поцелую разок».

Но судьба на нее покачнулася,  
А судьба та была такова,  
И молодая жизнь покончалася —  
Под машину попала она.

Прибежал он к ней и упал на грудь,  
На весенний, измятый цветок;  
Целовал ее губы алые,  
Целовал ее красный платок.

«Кочегарочка черноокая,  
Ты навеки закрыла глаза,  
Ой, машинушка ты жестокая,  
Ты зачем кочегарку взяла?!»

# VIII. РАЗБИТА ЖИЗНЬ МОЯ



Странники раненые  
 Упали со стола,  
 Упали и разделись —  
 Разбита жизнь моя.

## 264

Стаканчики граненые  
 Стояли на столе.  
 А парочка влюбленная  
 Сидела при луне.

Стаканчики граненые  
 Упали со стола,  
 Упали и разбились –  
 Разбита жизнь моя.

Ах, некому стаканчиков  
 Граненых подобрать;  
 Ах, некому мне горюшка,  
 Печали рассказать!

Вот ветер занавесочку  
 Тихонько шевелит...  
 А милый под окошечком  
 С другою говорит...

## 265

Горит костер, пылает...  
 Цыганский табор спит.  
 Цыганка молодая  
 Цыгану говорит:  
 «Зачем было влюбляться.  
 Зачем было любить?  
 Не лучше ли расстаться,  
 Цыганку позабыть?»  
 Родился цыганенок,  
 Весь вылитый отец,  
 Танцует он цыганочку,  
 Какой он молодец!  
 А мать сидит, рыдает,  
 По литру слезы льет...  
 А мальчик–цыганенок  
 Играет и поет.

## 266

Звезды мои, звездочки,  
 Будет вам сиять!  
 Прошли дни счастливые,  
 Что их вспоминать?  
 Третий день тоскую я –  
 Мил забыл меня.  
 Он забыть–то не забыл,  
 А другую полюбил.  
 Другая–то разлучница  
 Или лучше меня?  
 Или лицом белее?  
 Карие глаза?  
 Приманила молодца,  
 Я не знаю чем,–  
 Или красным яблочком,  
 Или чем другим?  
 Дайте с горя снадобья  
 Дружка воротить;  
 Или сердцу бедному  
 Запретить любить...  
 Нет запрету девице,  
 Нет в любви конца...  
 Чем же я прогневала  
 Вышнего Творца?  
 Мама, моя маменька,  
 Солнышко мое,  
 Пожалей, родимая,  
 Я дитя твое!

## 267

Люди добрые, скажите,  
 Как мне милого забыть;  
 Научите, помогите,  
 Как его мне разлюбить.

Мать, отец мне пожелали  
 Наше счастье с ним узнать.  
 Строго сыну приказали,  
 Чтob несчастной отказать.

Ты погибель мне устроил,  
 Чем доволен был, тиран,  
 И лишил меня покоя,  
 Совершил свой злой обман.

Ты притворными словами  
 Дух невинный тронул мой  
 И навек меня, несчастну,  
 Злодей–варвар обманул.

## 268

Послушай, товарищ, я вижу, ты плачешь,  
 И с рюмкой своею понурясь сидишь...  
 Но брось, голова, далеко не ускачешь,  
 Коль мрачно на мир и людей ты глядишь.

«Скажу про себя, уж когда не обидно,—  
 Я жил и трудился, как вол, до сих пор;  
 Припомнишь лишь только, так будет обидно,  
 А в сердце почуешь такой, брат, укор.

Жизни не рад, так ложись хоть в могилу,  
 Но правду подумать, и бросишь печаль...  
 Конечно, выходит все то через силу,  
 Но что будешь делать, и правда мне жаль.

Лет десять назад я на святках женился,  
 Красавицу в жены тогда себе взял;  
 Из бедной семьи, но поди как влюбился,  
 Что, помню, и ум с ней совсем потерял.

С полгода проживши с женой молодою,  
 Смотрю на нее, все идет ничего;  
 Достатки имел я, не знался с нуждою,  
 А жену я любил, голова, до того,

Что всякую прихоть, желанье пустое  
 С охотою жаркой всегда исполнял,  
 Но дело заметил я, брат, непростое —  
 Жену мою кто-то, голубчик, отнял.

Потом ко мне уж совсем охладела,—  
 Бывало, прижму, обниму я ее,  
 Она же смотреть на меня не хотела,  
 Как будто не видит страданье мое.

Смотрю на нее — все куда-то убегает,  
 А куда, и не скажет, придет и молчит,  
 А деньги все время на что-то мотает,  
 А скажешь ей слово, она заворчит.

Корить ее начал, она усмехнулась:  
 «Любил ты меня, говорит, ну и брось,  
 Не век же любить», — и спиной повернулась...  
 С тех пор и пошло у нас с нею все врозь».

## 269

Пойте вы, клавиши, пойте,  
Звуки, неситесь смелей,  
Тайну вы в сердце откройте  
Жизни печальной моей!

Много я в жизни страдала,  
Много я слез пролила.  
Много я чувств растеряла,  
Но мало сочувствий нашла.

Был он приветлив со мною,  
Как солнышко майского дня,  
Сердце с любовью, с мольбою  
Взял он тогда у меня.

Шаткости чувств я не знала,  
Верила в счастье свое,  
Но вскоре я с горем узнала,  
Что счастье то не мое.

Он заповедные чувства,  
Данные мне, позабыл:  
Сердца простое искусство  
Нагло другой подарил.

Теперь уж с другой он не вспомнит  
Бедную Аню свою...  
Кто же мне в жизни наполнит  
Счастьем душу мою?



## 270

Зачем сидишь до полуночи  
У растворенного окна?  
Кого ты ждешь, о ком мечтаешь,  
Скажи, в кого ж ты влюблена?  
Что вам знать, о ком мечтаю?  
Что вам знать, кого люблю?  
Кого люблю, того здесь нету,  
Его не будет никогда.  
Зачем вечернею порою  
Выходишь часто на крыльцо?  
Своей горячею слезою  
Смываешь белое лицо?  
Твоя слеза на руку капнет,  
И распаяется кольцо.  
Мое дареное колечко –  
Оно в коробочке лежит,



Мое загубленное сердце –  
 Оно по милому болит.  
 Разбушевлася погода,  
 Разволновалася река.  
 На берегу синего моря  
 Сидела девица одна.  
 А на руках у ней ребенок,  
 К груди прижавшись, крепко спит.  
 Она ребенка так ласкает,  
 Сама так тихо говорит:  
 «Куда ж деваться мне с тобою?  
 И где искать отцовский дом?  
 Отец–подлец ребенка бросил,  
 Забыл меня, забыл о нем».  
 И только с этими словами  
 Девчонка к морю подошла,  
 Ребенка в море опустила,  
 Сама от моря прочь пошла.  
 Она видала, как он тонет,–  
 И горько плакать начала.  
 И вдруг в кустах раздался шорох,  
 И кто–то тихо прошептал:  
 «Ребенок в этом невиновен,  
 А виноват мальчишка я;  
 Не надо было бы влюбляться,  
 Не надо было бы любить».–  
 «Ты знал о том, что расставаться.  
 Тогда зачем было губить?»  
 Конец, конец веселой песне,  
 Спасибо гармонисту за игру.

## 271

Рано, рано я влюбилась –  
 Теперь страдаю я по нем;  
 Веселье все мое пропало,  
 Утехи нету никакой.  
 Все говорят, что я больная,  
 Все лечиться мне велят...  
 А мне болезнь–то не простая,–  
 Она любовью облегла.  
 Мил уехал, меня оставил  
 Несчастну девицу, меня...  
 Пойду к мамаше на могилку,  
 Нарву душистых я цветов,  
 Зальюся горькими слезами,  
 Скажу: «Мамаша, грустно мне».  
 Скажу: «Мамаша, как мне грустно,

Скучно стало без тебя.  
 Родные все меня ругают,  
 Разгульной девицей зовут;  
 Подружки тоже дорогие  
 С собой в компанию не берут,  
 С собой в компанию не берут,  
 Все сиротинушкой зовут.

## 272

На родимую сторонку  
 Ясный сокол прилетел,  
 И на елку молодую  
 Тихо, робко он присел  
 «Отчего же ты не весел,  
 Сизы крылья опустил,  
 Вниз головушку повесил,  
 Хвост печально распушил?» –  
 «Там за морем, морем синим,  
 Соколицу я любил;  
 Где ни взялся, черный ворон  
 От меня ее отбил.  
 От меня отбил милую,  
 Навек счастья лишил».

## 273

Зачем ты, мать, зачем, родная,  
 Зачем ты родила на свет?  
 Или, судьбину проклиная,  
 Я должен мучиться весь век?  
 Лежишь ты, мать, в гробу спокойно,  
 Лежишь, не слышишь ничего...  
 Услышь ты, мать, как сердцу больно  
 Любить, страдать, любить ее!  
 Любить жену с душой разврата,  
 Любить наложницу свою!  
 Ей жить со мною стало тесно –  
 Мне изменила и ушла.  
 Она ушла в вертеп разврата,  
 Где вечно золото блестит,  
 Где сердце кровью обливает,  
 И вечный демон там царит.

Взгляни на небо, там известно,  
Из нас кто прав, кто виноват.  
Ты вспомни страшный суд небесный,  
Тебя скорее обвинят!

## 274

Горит ламапада тусклая,  
Кругом ночная тьма,  
Все люди успокоились,  
Лишь я не сплю одна.

Не сплю, не сплю и думаю,  
Как милого забыть?  
А сердце во мне пламенем  
Мучительно кипит.

Сегодня день субботний,  
Не знаю, что начать...  
Пришел ко мне мой миленький  
И стал меня ласкать.

На что твое ласкание,  
На что твоя любовь?  
Сегодня ты со мной сидишь,  
А завтра ты с другой!

Мужчины, вы мужчины,  
Неверная душа,  
Вы любите словами,  
А сердцем никогда.

А дайте волю полную  
Мужчин всех отравить,  
А мне вот, бедной девице,  
Про милого забыть.

Забыть, забыть с надеждою.  
Я все это могу,  
Сама я, бедна девица,  
В могилу жить уйду!

## 275

На горе уродилась,  
 Несчастливая выросла,  
 В изменщика влюбилась —  
 В тирана—подлеца.  
 Зачем, тиран, тиранишь  
 И мучаешь меня?  
 Сама про то я знаю,  
 Не любишь ты меня!  
 Не любит меня милый,  
 Чего мне еще ждать?  
 Катитесь, горьки слезы,  
 Катитесь вы из глаз.  
 Целуй меня, мой милый,  
 Целуй последний раз.  
 Сегодня вечерочком  
 Гуляла с ним вдвоем.  
 Пошла гулять я к мосту —  
 Навстречу мил идет.  
 Навстречу издалече  
 С подружкой молодой.  
 В лице я изменилась  
 И встала перед ним.  
 «Послушай, друг мой милый,  
 Что буду говорить:  
 «Надумал ты жениться,  
 Не надо бы любить.  
 Молоденьку девчонку  
 Зачем было губить?»  
 Махнул милый рукою,  
 Сказал: «Иди домой!»  
 А я ему ответила,  
 «Прощай, изменщик мой!»  
 Огонь горит—пылает —  
 Любовь жарчей огня:  
 Огонь тушат водою,  
 Любовь —ничем нельзя.

## 276

Любила цветы полевые,  
 Любила по полю собирать,  
 Любила я милого очи,  
 Пришлось их теперь забывать.  
  
 Зачем я тебя полюбила  
 И душу тебе отдала?  
 На свете я все позабыла  
 И счастья с тобой не нашла.

Смотрите вы, добрые люди,  
 Что сделал злодей надо мной:  
 Сорвал он, как в поле цветочек,  
 Сорвал и стоптал под ногой.

Зачем же ты топчешь ногами  
 Невинную душу мою?  
 И будь же, анафем, ты проклят,  
 Злодей, за измену свою!

Не шейте мне белое платье,  
 Оно мне теперь ни к чему,  
 А шейте мне желтого цвета –  
 В разлуке я с милым живу...

## 277

«Когда б имел златые горы  
 И реки, полные вина,  
 Все отдал бы за ласки, взоры,  
 И ты б владела мной одна»,–

«Не упрекай несправедливо,  
 Скажи всю правду ты отцу,–  
 Тогда свободно и счастливо  
 С молитвою пойдем к венцу».–

«Не раз, Мария, твою руку,  
 Просил я у отца, не раз...  
 Отец не понял мою муку,  
 Жестокий сердцу дал отказ.

Проси у сердца ты совета,  
 Страданием тронута моим».  
 И он мне шепчет на рассвете:  
 «Давай, Мария, убежим!» –

«А как я брошу и спокину  
 Семью, родную сторону?  
 Ты заведешь на край–чужбину  
 И бросишь там меня одну».

«Клянусь, Мария, пред тобою,  
 Клянусь распятием Христа,  
 Что будешь ты моей женою,  
 Поверь, любовь моя чиста».

Тогда бежать я с ним решилась,  
 Поверив клятве роковой...  
 На Божий храм перекрестилась,  
 С слезой взглянув на дом родной.



Умчались мы в страну чужую,  
А через год он изменил...  
Забыл он клятву ту святую,  
А сам другую полюбил.

Потом сказал, стыдясь измены:  
«Ступай обратно в дом отца!  
Оставь, Мария, мои стены,  
Я провожу тебя с крыльца.

Ты знай, что я богач ужасный,  
Я награжу тебя конем –  
Уздечка блещет золотая,  
Седельце шито жемчугом».

«На кой мне черт твое богатство!  
Оно все прахом полетит.  
А ты, изменщик–обольститель,  
Ко мне обратно прикатишь!»

И вот проходит год с неделей...  
И что случилось потом?  
С пустой котомкой за плечами  
Стучится кто–то под окном.

Мария двери отворила  
И видит друга пред собой;  
И шибко, громко закричала:  
«Уйди, уйди, изменщик злой!

С пустой котомкой за плечами  
Ты не войдешь в отцовский дом!  
Ты пропил горы золотые  
И реки, полные вина!

Теперь уж гор златых не стало  
И не течет вина ручей,  
И той красавицы не стало,  
И не слышать ее речей».

## 278

Я вспомню, глазки голубые  
Порой смотрели на меня...  
Кругом тянулись аллеи,  
И ночка темная была.  
А милый мой своей рукою  
Меня обнял и мне сказал;  
А сам готовился к разлуке,  
Любить меня он не желал:  
«Готовься, милая, к разлуке,  
Пора расстаться нам с тобой;  
Ты знаешь, что любовь не вечна,  
Я познакомился с другой».—  
«Иди, гуляй, милый, с другою,  
Она не лучше ведь меня;  
Она не лучше и не краше,  
Такая гордая, как я.  
Ты с нею счастье потеряешь,  
Порой вспомняешь про меня,  
Но я, девчонка молодая,  
Могу все скоро позабыть,  
И ровно через две недели  
Могу другого полюбить».  
Ручей журчит, а я мечтаю,  
Сижу одна, наедине;  
Тебя я, милый, вспоминаю,  
Приди, пожалуйста, ко мне.  
Приди на тихое свиданье...  
А сколько горя у меня!  
Ты успокой мое сердечко,  
Ты успокой мою любовь.  
Твоя краса меня сгубила,  
Твоя улыбка привлекла,  
Твоя курчавая головка  
Страдать заставила меня.  
Но я тогда тебя забуду,  
Когда ручей кончит журчать,  
Когда в ручье воды не станет,  
На пашне вырастет трава.  
Тогда глаза свои закрою,  
Тогда забуду я тебя.  
Конец, конец веселой песне,  
Спасибо гармонисту за игру!

Я вспоминаю, глазки голубые  
Порой глядели на меня.  
А в эти глазки голубые  
Была я рано влюблена.  
Мы назначали с ним свиданья  
У быстрой речки на скамье,  
Где соловей над головою  
Веселую пел песню мне.  
И каждый вечер там, у речки,  
Я долго милого ждала...  
И вот приходит ко мне милый,  
Дает мне ручку, как всегда:  
«Сымай–ка, милая, перчатки,  
Отдай дареное кольцо;  
Ты разорви мои все письма,  
Давай расстанемся с тобой».  
Перчатки медленно сымала,  
Кольцо я в руки отдала;  
Залетка скрылся за аллею,  
А я домой одна пошла.  
Пришла домой, стучу в калитку –  
Мне мать калитку отперла.  
Родная мать меня спросила:  
«Ты почему рано пришла?»  
Я ей ни слова не сказала,  
Разобралась и спать легла.  
Когда родная мать уснула,  
Я горько плакать начала.  
Не перенести мне это горе,  
И я решу сама себя...  
Наган со стенки я сымала,  
Перекрестилась и пошла.  
Я пошла на ту скамейку,  
Где расставалась с милым я.  
Спасибо, девки, за подпевки,  
А гармонисту –за игру!



## 280

Не ходи так часто  
И не мучь меня,  
Я и так несчастна,  
Что люблю тебя.

Вот мне миновало  
Восемнадцать лет;  
Я искала счастья,  
А его все нет.

Я была знакома  
С мальчиком одним,  
Часто возле речки  
Я гуляла с ним.

Он такой был милый,  
Все со мной шутил,  
Про любовь и ласки  
Он мне говорил.

И с таким восторгом  
На колени пал,  
Жал мне праву ручку,  
А потом сказал:

«Аня, ангел милый,  
Я люблю тебя!  
Всей душой и сердцем  
Осчастливь меня!»

Ах, что же случилось?  
Не хватает сил...  
Счастье улетело,  
Милый изменил.

## 281

Чем завлек ты меня, я не знаю.  
Только знаю одно, что завлек...  
Что ты сделал теперь надо мною,—  
Несчастной мне в жизни урок.  
Ах, грешница, мало молилась.  
Божий храм для меня опостыл.  
А теперь буду ждать справедливо,  
А потом я пойду в монастырь.  
Может, жизнь улыбнется мне снова,  
Может, вспомнишь ты, милый, меня.  
Мои горькие слезы прольются,  
Тогда вспомнишь и ты про меня.

## 282

Чем увлек ты меня, я не знаю.  
 Только знаю одно, что увлек.  
 Сделал то, что теперь я страдаю...  
 Не идти мне с тобой под венец.  
 Наша тайна теперь уж открыта,  
 Забранят меня мать и отец.  
 Молода, мало Богу молилась,  
 Божий храм мне тогда был не мил.  
 А теперь я бы рада молиться,  
 На уме только ты, мил, один.  
 Пойте, подруженьки, пойте,  
 Звуки, неситесь быстрее!  
 Тайна моя уж открыта,  
 Тайна любви моей.  
 Выйду я в сад и сажуся  
 На заветную мою скамью.  
 Жду я его не дожуся...  
 Со слезами домой я пойду.  
 Прихожу я домой не на радость,  
 Начинает бранить меня мать:  
 «Что ж ты, дочка, печальная ходишь?  
 Про тебя люди все говорят;  
 Над тобой все подружки смеются,  
 Что ты стала худа и бледна,  
 А когда ты в постелю ложишься,  
 Вся подушка потонет в слезах.  
 А поутру с постели встаешь ты,  
 Говоришь со слезам на глазах;  
 Полно плакать, родимая дочка,  
 Помолися иконам святым.  
 Может, милый к тебе и вернется,  
 И поможет страданиям твоим».

## 283

Сухой бы я корочкой питалась,  
 Холодную бы воду я пила,  
 Тобой бы, мой милый, наслаждалась  
 И тем довольна бы была.  
 Сними мне, миленький, квартиру,  
 И лишь одна я буду жить,  
 И ты ходи хоть раз в неделю,  
 Я все равно буду любить.  
 Зачем ты мне клялся пред иконой,  
 Что вечно буду я твоя?

Клятву ты топчешь под ногами  
И ты совсем забыл меня.  
Пускай она тебя полюбит,  
Как любила я тебя,  
Пускай она себя погубит,  
Как погубила я себя.

## 284

Зачем, зачем я вас узнала,  
Зачем я полюбила вас?  
Я раньше муки той не знала,  
Теперь страдаю каждый час.

Я вас любила до безумья,  
А ты любовью все играл.  
Скажи, зачем так безрассудно  
Мое ты сердце истерзал?

Твои слова меня прельстили,  
Твой взор – совет моей мечты,  
Меня без жалости оставил...  
Скажи, чего желаешь ты?

Иль жертв ты новых ожидаешь,  
Или думаешь, что я глупа...  
Быть может, ты о том мечтаешь,  
Что слез я мало пролила.

Я притворяться не умела,  
Я навсегда была твоя;  
Но не судьба мне быть твоею,  
Прошу, скорей забудь меня.

Ты вспомни те большие ночи,  
Когда гуляли мы с тобой.  
Ты целовал уста и очи  
И говорил: «Навеки твой».

Шутил, смеялся надо мною,  
Ты думал, я еще глупа.  
Ты веселись, гулай с другою –  
Теперь я больше не твоя.

## 285

Вспомни, милый, осенний тот вечер,  
 Где сидели с тобою вдвоем,  
 Мы сидели с тобой на скамейке,  
 И над нами пропел соловей.  
 Он пропел нам унывную песню  
 И разлуку давал нам с тобой...  
 Прихожу я на ту ль на скамейку  
 Бессердечного друга свою.  
 Надо мною подружки смеялись:  
 «Почему ж ты сегодня одна?»  
 Я подружкам ничего не сказала  
 И поспешно домой я пошла.  
 Прихожу я домой не на радость,  
 Начинает ругать меня мать:  
 «Где ж ты, родная дочь, прогуляла –  
 Про тебя весь народ говорит». –  
 «Мама, я народу не боюсь,  
 А милого забыть не могу», –  
 «Кинь ты, брось свои глупые мысли  
 И послушай родительских слов.  
 Без него ты как сонная ходишь –  
 До чего довела вас любовь!»

## 286

Семнадцать лет девчонка  
 Не знала ничего,  
 Потом она узнала  
 Парнишку одного.  
 Парнишка был не дурной,  
 Красивый сам собой,  
 Собрали вечеринушку,  
 Мой милый не пришел.  
 Наверно, он не любит,  
 С другой гулять ушел...  
 Пойду к тому местечку,  
 Где мил гулял со мной.  
 Пошла к тому местечку,  
 А он сидит с другой.  
 А я его за ручку:  
 «Постой, милый, постой!  
 Постой, милый, послушай,  
 Что буду говорить.  
 Отдай мое колечко,  
 Платочек носовой». –

«Колечко распаялось,  
 Платочек потерял...»  
 Не надо так влюбляться,  
 Не надо так любить...  
 Спомялась в поле травушка,  
 Спомялась и любовь;  
 Погибла наша девушка  
 Семнадцати годов.

## 287

Меж полей широких  
 Я, как лен, цвела,  
 Жизнь моя отрадная,  
 Как река, текла.

Всем подружкам завидно,  
 На меня глядят.  
 «Что за чудо–парочка»,—  
 Старики твердят.

В хороводах, во кругах,  
 Всюду мил со мной,  
 Не сводил с меня очей,  
 Все гулял со мной.

А теперя милый мой  
 Стал совсем чужой,—  
 Эти ласки прежние  
 Он дарит другой.

Чем моя соперница,  
 Чем лучше меня?  
 Отбила любимого  
 Друга у меня.

Дай, родная, зелия,  
 Чем дружка забыть,  
 Или сердцу бедному  
 Запрети любить.

Однажды ночь была такая –  
Кругом горели огоньки...  
А милый мой своей рукою  
К себе он нежно прижимал;  
Он сам готовился к разлуке,  
Гулять он больше не желал.  
«Прощай, красавица–девчонка,  
Пора расстаться нам с тобой.  
Зачем так плакать и терзаться?  
Тоска невидимо пройдет;  
Пройдет зима, настанет лето,  
Знакомство ново заведем».  
В саду зеленом я гуляла  
Возле разбитого стекла...  
И вдруг подул холодный ветер,  
И зашумел зеленый сад –  
Из–за кустов я увидала:  
Идет изменщик мой с другой.  
Со мною милый поравнялся,  
С главы фуражечки не снял...  
А сердце нежное пылало,  
Сама горела как во сне.  
Ох, ты, мать моя родная,  
Зачем на свет ты родила?  
Судьбой несчастной наградила –  
Не любит миленький меня!  
Была я юных лет девчонка,  
Тогда меня милой ласкал,  
Теперь на возрасте я стала,  
А он любить меня не стал.  
Подруга тайного совета  
Его отбила у меня...  
Люби, люби, моя подруга,  
Я не сердчаю на тебя.  
Счастлива буду–замуж выйду.  
Тебя на свадьбу приглашу,  
Родится дочь – жалеть не буду.  
Ее Тамарой назову.  
Родится сын– жалеть я буду,  
На память Колей назову.  
Тамара вырастет большая,  
В зеленый сад пойдет гулять–  
Там завлекут ее ребята,  
Как завлекали ее мать.

Ноченька безвидная,  
Пора домой идти;  
А милый мой волнуется,  
Не хочет спроводить.

Потом опять надумался:  
«Давай я провожу»,—  
А я ему ответила:  
«Одна домой иду».

Иду я вдоль по улице,  
Скамеечка стоит,  
А милый на скамеечке  
С подругой говорит.

Подруга — я, подруга — ты,  
Неверные слова...  
Любила я, отбила ты  
Миленка у меня.  
Теперь, моя подружечка,  
Люби, страдай, как я.

Иду я вдоль по улице,  
В окошечко стучу —  
А маменька ответила:  
«Давным—давно не сплю».

Ой, доченька распутная,  
Где долго так была?  
Коса твоя расплетена,  
Заплаканы глаза».—

«Ой, маменька, ой, родная,  
Всю правду расскажу:  
Я с милым расставалася  
В вишневом саду».

Коса моя расплетена —  
Подруга расплела;  
Глаза мои заплаканы —  
Разлука нам была».



Утомленная жаждой девица  
Не знала блаженной мечты,  
Ушла одинокая в поле  
И долго срывала цветы.

Букет полевых незабудок  
Ей некому было отдать.  
Изменщика черные глазки  
Устала до вечера ждать.

Ой, ждать мне его, не дожидаться,  
С букетом вернусь я домой.  
Наверно, в саду он зеленом.  
Сидит под ракитой густой.

Когда же я с поля вернулась,  
К зеленому саду пошла,  
Сидит мой миленок с подругой,  
Котора сводила меня.

Я в темной аллее стояла  
И слышала речь про меня...  
Тут сердце мое не стерпело,  
Тихонько я к ним подошла.

И пала пред ней на колени,  
И стала ее умолять:  
«Подруга моя дорогая,  
Зачем разлучаешь меня?

Ты, милый, гуляешь с подругой.  
А я уж тепере одна...  
Сама ты его полюбила,  
А я удалиться должна...»



## 291

Все пташки–канарейки  
Так жалобно поют  
И нам с тобой, друг милый,  
Разлуку придают.

Разлука ты, разлука,  
Чужая сторона!  
Никто нас не разлучит,  
Ни солнце, ни луна.

Зачем нам разлучаться,  
Зачем в разлуке жить?  
Не лучше ль повенчаться  
И друг друга любить?

Любила дружка страстно,  
И он меня любил;  
Любовь была напрасна.  
Любил, да разлюбил.

Он редко навещает,  
Терзает грудь мою;  
И я с душой унылой  
Сама к нему пойду.

Иду, а ветер дует...  
Едва на свет гляжу;  
Тем пуще сердце бьется,  
Чем ближе подхожу.

Я подошла к крылечку  
И стала у дверей –  
Ретивое сердечко  
Забилось сильней.

Дрожащею рукою  
Я дернула звонок...  
И слышу пред собою –  
Отщелкнулся крючок.

Ко мне служанка вышла,  
Мне двери отперла,  
Взяла меня за руку,  
По комнатам вела.

Все комнаты открыты,  
Одна призаперта.  
Известно: призакрыта –  
Тут мой милой сидит.

Сидит он на диване  
 С соперницей моей,  
 Он держит на коленях  
 Подруженьку мою.

Не вытерпело сердце,  
 Сказала я ему:  
 «Цвети, цветочек алый,  
 Цвети, не расцветай;  
 Люби, дружок милый,  
 Люби, не забывай!»

Как аленький цветочек  
 От дерева отстал,  
 Так миленький дружок  
 Любил, да перестал.

## 292

Мне скучно жить без друга,  
 Не мил мне белый свет...  
 Счастливые подружки,  
 Вам счастье, а мне нет!  
 Не лучше ли мне будет  
 Живой в могилу лечь?  
 Жива в могилу лягу,  
 Скажите – померла, –  
 И до последней капли  
 Была я влюблена.  
 Любила дружка тайно,  
 И он меня любил...  
 Любовь его напрасна,  
 Он скоро изменил.  
 Мил редко ко мне ходит,  
 Терзает грудь мою,  
 А я с душой унылой  
 Сама к нему пойду.  
 Иду, а ветер воет,  
 Едва на свет гляжу.  
 А сердце во мне ноет,  
 Чем ближе подхожу.  
 Зашла я на крылечко  
 И стала у дверей,  
 А бедное сердечко  
 Забилося сильней.  
 Дрожащею рукою  
 Я дернула звонок.  
 Служанка тут выходит,  
 Мне руку подает.

Служанка тут выходит,  
 Пустив меня вперед,  
 И с гордою улыбкой  
 По комнатам ведет.  
 Все комнаты прикрыты,  
 Где тайный был совет,  
 Одна лишь не прикрыта,  
 Где милый мой сидит.  
 Сидит он, смотрит в книгу,  
 Закручиват усы;  
 Снимает черну шляпу,  
 Сам смотрит на часы.  
 А я его спросила:  
 «Который теперь час?  
 Быть может, мы с тобою  
 Сидим в последний раз?»  
 Подруга ты, подруга,  
 Соперница моя!  
 Зачем ты любишь друга,  
 Зачем ты влюблена?  
 Наверно, ты не знала,  
 Любовь как горяча:  
 Огонь горит—пылает,  
 Любовь жарчей огня.  
 Огонь зальешь водою,  
 Любовь — ничем нельзя.  
 Несчастливая девчонка  
 С любовью умерла,  
 Глубокая могила  
 Траввою заросла.

## 293

Загорели люстры,  
 Осветился зал,  
 Заиграла музыка,  
 И начался бал.  
 Парочка за парой,  
 Пара за второй,  
 А сердце ревнует,  
 Зачем он не со мной.  
 Милый мой танцует,  
 Руку к сердцу жмет,  
 Сам про то не знает,  
 Что сын его растет.  
 Вырастет сыночек,  
 Спросит: «Где отец?» —

Я ему на это  
 Лишь дам такой ответ:  
 «Папы у нас нету,  
 Милое дитя»,—  
 У самой невольно  
 Лишь катится слеза.  
 «Полно, мама, плакать,  
 Полно слезы лить:  
 Если папа умер,  
 Его не воротить»—  
 «Папа наш не умер,  
 Папа наш живой,  
 Нас с тобой он бросил,  
 А сам живет с другой».  
 Все уж пережито,  
 Мне семнадцать лет,  
 Сердце уж разбито,  
 И счастья в жизни нет.  
 Дайте мне карету,  
 Пару лошадей,  
 Сяду и поеду  
 К сопернице своей!  
 Подруга ты, подруга,  
 Соперница моя!  
 Зачем отбила друга,—  
 Его любила я?!  
 Дайте финский ножик,  
 Дайте медный таз,  
 Выну свое сердце,—  
 Живу последний час!

## 294

Горит, горит лампадочка,  
 Кругом ночная тьма,  
 Все люди спят спокойным сном —  
 Не сплю лишь я одна.  
 Не сплю, не сплю, все думаю:  
 Ой, как на свете жить?  
 Еще я раз подумаю:  
 Как милого забыть?  
 Забыть его с надеждою,  
 Все это я смогу;  
 Как вспомню любовь прежнюю,  
 Опять его люблю.  
 Заходит милый в горенку,

Всем ручку подает,  
 А я сижу скучна, грустна:  
 Ко мне не подойдет.  
 Заходит милый в спальенку,  
 Закручены усы,  
 Снимает он фуражечку,  
 Сам смотрит на часы.  
 «Скажи, скажи, мой миленький,  
 Скажи, который час,  
 Еще скажи, мой миленький,  
 Когда разлука у нас».–  
 «Разлука неизбежная.  
 Не плачь, пока люблю,  
 Тогда, девка, наплачешься,  
 Как больше не приду».  
 Не шейте платье белое,  
 К венцу я не пойду,  
 А шейте платье черное,  
 В монашки жить пойду.  
 Ветер занавесочки  
 Тихонько шевелит,  
 Мой милый под окошечком,  
 С другой он говорит.

## 295

Я вспомню, как его любила,  
 И вспомню, что он говорил,  
 Он говорил такие речи:  
 «Придет весна – будешь моя».  
 Весна пришла, запели птишки.  
 Зеленый садик зашумел...  
 Я вышла, села на крылечко –  
 Ко мне письмо в руки летит.  
 Брала дрожащею рукою,  
 Рвала дрожащею рукой...  
 А строчки были мне знакомы:  
 Чего-то пишет милый мой?  
 И с первой строчки милый пишет:  
 «Ты на свиданье приходи».  
 Я одевала бело платье  
 И на свиданье к нему шла.  
 Пришла и села на скамейку  
 И долго милого ждала.  
 Ждала я час, а может, больше,  
 А он нейдет, нейдет ко мне...  
 Взглянула в правую сторонку –

И что ж я вижу пред собой?  
 Стоит подруга дорогая,  
 Ее ласкает милый мой,  
 Ты подойди ко мне, подружка,  
 Я что хочу тебе сказать:  
 Дарить тебе будет подарок,  
 А я советую не брать.  
 Кольцо – проклятая измена,  
 А зеркало смеется над тобой.  
 Ты подари ему платочек  
 И вышей ниткой голубой.  
 Он чтоб на каждое свиданье  
 Платок дареный брал с собой –  
 Тогда меня он позабудет,  
 Тебя полюбит всей душой.  
 Зачем весны мы дожидались?  
 Зачем ты замуж приглашал?  
 Тебя я крепко так любила,  
 А ты измену назначал...  
 Ай, вы ребята, вы ребята,  
 У вас коварные сердца!  
 Зачем вы любите на время,  
 Но почему не навсегда?  
 Зачем костер вы разжигали,  
 Когда не думали тушить?  
 Зачем меня вы завлекали,  
 Когда не думали любить?  
 Спасибо вам, девки, за подпевки,  
 Спасибо тебе, Коля, за игру!

## 296

Молодая девчонка  
 На свете жила,  
 В молодого жигана  
 Была влюблена.  
 Любил жулик ложно,  
 И верила я...  
 Однажды на танцах  
 Веселой была,—  
 Ко мне подходила  
 Подруга моя.  
 Со мной говорила  
 Всего слова два.  
 «Зачем ты танцуешь,  
 Зачем всех влечешь?  
 Молодому жигану

Измену даешь?»  
Вот кончились танцы,  
Всем ручку дала.  
Склонивши головку,  
В тот зал я пошла,  
Тот зал был закрытый,  
Но я отперла,—  
Сидит на диване  
Подруга моя.  
На ней бело платье,  
Убор головной,  
Пред ней на коленях  
Жиган молодой.  
Жиган, злой изменник,  
Зачем изменил?  
Подругу мою любишь,  
Меня позабыл!  
Отдай мое колечко,  
Возьми свою любовь,  
Ты высушил сердечко  
И выпил мою кровь!

# IX. ПРОЛЕТЕЛА ПОРА ЗОЛОТАЯ



Зачем душка в тот край стремиться,  
 Где были дни,  
 каки уж нет?



## 297

Минувших дней очарованье,  
 Зачем опять воскресло ты?  
 Кто разбудил воспоминанье  
 И замолчавшие мечты?  
 Шепнул душе привет бывалый;  
 Душе блеснул знакомый взор;  
 И зримо ей минуту стало  
 Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое  
 Прежде, Зачем в мою теснишься грудь?  
 Могу ль сказать: живи – надежде?  
 Скажу ль тому, что было: будь?  
 Могу ль узреть во блеске новом  
 Мечты увядшей красоту?  
 Могу ль опять одеть покровом  
 Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,  
 Где были дни, каких уж нет?  
 Пустынный край не населится,  
 Не узрит он минувших лет;  
 Там есть один жилец безгласный,  
 Свидетель милой старины;  
 Там вместе с ним все дни прекрасны  
 В единый гроб положены.

## 298

Среди долины ровная,  
 На гладкой высоте,  
 Цветет, растет высокий дуб  
 В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,  
 Один у всех в глазах;  
 Один, один, бедняжка,  
 Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко –  
 Кого под тень принять?  
 Ударит ли погодушка –  
 Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,  
 Ни ивки близ него;  
 Ни кустики зеленые  
 Не выются вокруг него.

Ах, скучно одинокому  
И дереву расти!  
Ах, горько, горько молодцу  
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота –  
Кого им подарить?  
Есть много славы, почестей –  
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми –  
Поклон да был таков;  
Встречаюсь ли с пригожими –  
Поклон да пара слов.

Одних я сам пугаюся,  
Другой бежит меня.  
Все други, все приятели  
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,  
Когда гроза взойдет?  
Друг нежный спит в сырой земле,  
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени  
В чужой мне стороне;  
Не ластится любезная  
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости  
Старик, глядя на нас;  
Не выются вокруг малюточки,  
Тихохонько резвясь!

Возьмите же все золото,  
Все почести назад;  
Мне родину, мне милую,  
Мне милой дайте взгляд.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,  
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,  
Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня,  
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды созвал я веселых гостей;  
Ко мне постучался презренный еврей.

«С тобою пируют, (шепнул он), друзья;  
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его  
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;  
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,  
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...  
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...  
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал  
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моления... текущую кровь...  
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,  
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,  
В дунайские волны их сбросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,  
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,  
И хладную душу терзает печаль.

## 300

## ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН



Вечерний звон, вечерний звон!  
 Как много дум наводит он  
 О юных днях в краю родном,  
 Где я любил, где отчий дом.  
 И как я, с ним навек простясь,  
 Там слушал звон в последний раз!  
 Уже не зреть мне светлых дней  
 Весны обманчивой моей!  
 И сколько нет теперь в живых  
 Тогда веселых, молодых!  
 И крепок их могильный сон;  
 Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!  
 Напев унывный надо мной  
 В долине ветер разнесет;  
 Другой певец по ней пройдет.  
 И уж не я, а будет он  
 В раздумье петь вечерний звон!

## 301

У зари, у зореньки  
 Много ярких звезд,  
 А у темной ноченьки  
 Им и счету нет.

Горят звезды на небе,  
 Ярко так горят,  
 Сердцу наболевшему  
 Много говорят.

Говорят о радостях,  
 О минувших днях.  
 Говорят о горестях —  
 Вся жизнь — разбитый прах.

Всю бы ночь темную,  
 Не смыкая глаз,  
 Все смотреть бы, звездочки  
 Милые, на вас

Вдруг одна из звездочек  
 С неба сорвалась,  
 Покатилась по небу,  
 В вечность унеслась.

Кто бы эту звездочку  
Небу возвратил?  
Кто бы моего милого  
Назад воротил?

Не догонят звездочку  
Тысячи лучей,  
Не заменят милого  
Тысячи друзей.

### 302

Однозвучно гремит колокольчик,  
И дорога пылится слегка,  
И уныло по ровному полю  
Разливается песнь ямщика.

Столько грусти в той песне унылой,  
Столько грусти в напеве родном,  
Что в душе моей холодной, остылой  
Разгорелось сердце огнем.

И припомнил я ночи иные  
И родные поля и леса,  
И на очи, давно уж сухие,  
Набежала, как искра, слеза.

Однозвучно гремит колокольчик,  
И дорога пылится слегка.  
И замолк мой ямщик, а дорога  
Предо мной далека, далека...

### 303

Ах ты, ветка бедная,  
Ты куда плывешь?  
Берегись, сердечная –  
В море попадешь.

Там тебе не справиться  
С бурною волной,  
Как сиротке бедному  
С хитростью людской.

Одолеет лютая,  
Как ты ни крепишь.  
Далеко умчит тебя,  
Ветка, берегись.

«Но чего беречься? –  
Веткин был ответ, –  
Я уже иссохшая,  
Во мне жизни нет.

От родного деревца  
Ветер оторвал...  
Пусть теперь несет меня,  
Куда хочет, вал.

Я и не противлюся,  
Мне чего желать?  
Уж с родимым деревом  
Не срастись опять».

### 304

Ничто в полюшке не колышется,  
Только грустный напев где-то слышится.  
Пастушок напевал песню дивную,  
В этой песне вспоминал свою милую:  
«Как напала на меня грусть жестокая, –  
Разлюбила меня черноокая».  
Ничто в полюшке не колышется,  
Только грустный напев где-то слышится.

### 305

Грядой клубится белою  
Над озером туман.  
Тоскует добрый молодец  
И горем обуян.  
Не до верху белеется  
Туманная гряда, –  
Рассеется, развеется,  
А горе – никогда.

### 306

То не ветер ветку клонит,  
Не дубравушка шумит, –  
То мое сердечко стонет,  
Как осенний лист, дрожит;

Извела меня кручина,  
Подколотная змея!..  
Догорай, моя лучина,  
Догорю с тобой и я!



Не житье мне здесь без милой:  
С кем теперь идти к венцу?  
Знать, судил мне рок с могилой  
Обручиться молодцу.

Расступись, земля сырая,  
Дай мне, молодцу, покой,  
Приюти меня, родная,  
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,  
Съела грусть меня, тоска...  
Скоро ль, скоро ль гробовая  
Скроет грудь мою доска?

### 307

Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,  
Над озером быстрая чайка летит;  
Ей много свободы, ей много простора,  
Луч солнца у чайки крыло серебрит!

Но что это? – выстрел, нет чайки прелестной,  
Она умерла, трепеща в камышах,  
Шутя ее ранил охотник безвестный,  
Не глядя на жертву, он скрылся в горах.  
Так девушка чудная, чайке подобна,  
Над озером тихо, спокойно жила,  
Но в душу вошел ей чужой, неизвестный, –  
Она ему сердце свое отдала.  
Как чайку охотник, шутя и играя,  
Он бедное сердце навеки разбил;  
Вся жизнь молодая навеки разбита,  
Нет веры, нет жизни, нет счастья, нет сил...

### 308

Зачем отняли у меня  
Кого ждала, кого любила?  
Он не вернется никогда –  
Судьба навек нас разлучила.

Ах, если б вновь вернулся он,  
Вернулся вновь ко мне мой милый,  
Забыла б горе я, как сон,  
Не упрекнула бы ни словом.

Все говорят, что я грустна,  
Мужчинам верить перестала,  
А сердцем я еще дитя,  
Я молода, но жить устала.

Не поминайте мне о нем —  
Былые дни уж не вернуться.  
Он виноват, подлец, во всем,  
Вот почему и слезы льются.

### 309

#### ЗАБЫЛИ ВЫ

Глядя на луч пурпурного заката,  
Стояли мы на берегу Невы.  
Вы руку жали мне; промчался без возврата  
Тот сладкий миг; его забыли вы...

До гроба вы клялись любить поэта;  
Боясь людей, боясь пустой молвы,  
Вы не исполнили священного обета;  
Свою любовь — и ту забыли вы...

Но смерть близка; близка моя могила.  
Когда умру, как тихий шум травы,  
Мой голос прозвучит и скажет вам уныло;  
Он вами жил... его забыли вы.

### 310

Вернись, я все прощу: упреки, подозренья,  
Мучительную боль невыплаканных слез,  
Укор речей твоих, безумные мученья,  
Позор и стыд твоих угроз.

Я упрекать тебя не стану, я не смею!  
Мы так недавно, так нелепо разошлись.  
Ведь ты любил меня, и я была твоею!  
Зачем, зачем же ты ушел? Вернись!

О, сколько, сколько раз вечернею порою  
В запущенном саду на каменной скамье  
Рыдала я, забытая тобою,  
О милom, дорогом, о розах, о весне...

Я счастье прошлое благословляю.  
О, если бы мечты мои сбылись!  
Ведь я люблю тебя, люблю и проклинаяю!  
Отдай, отдай мне снова жизнь, вернись!



## 311

Грустно идет моя жизнь одинокая,  
 Нет в ней отрадного дня...  
 Что же и ты, моя радость далекая,  
 Не пожалеешь меня?

Грусть безысходная с горем мучительным  
 Жаркое сердце томит.  
 Будь же ты, милая, добрым хранителем,  
 Ангелом кротким явись.

Верь мне, все это не будет ошибкою,  
 Буду тебя я любить;  
 Каждую ласкою, каждой улыбкою  
 Буду твоей дорожить.

Буду лелеять тебя, ненаглядная,  
 Буду гордиться тобой;  
 И заблестит после ночи туманной  
 Солнце любви надо мной.

Помнишь ли, милая, ивы тенистые,  
 Ивы над тихим ручьем?  
 Тихо катились струи серебристые,  
 Здесь мы сидели вдвоем.

Здесь поклялись мы при лунном сиянии  
 Вечно друг друга любить...  
 Помнишь ли, милая, наши свидания?  
 Впрочем, их трудно забыть.

Пел соловей свои песни могучие,  
 Низко таясь средь ветвей...  
 А у меня слезы горькие, жгучие  
 Льются порой из очей.

## 312

Угасли последние силы,  
 Любовь иссушила меня...  
 Не дайте достигнуть могилы,  
 О Нюра, спасите меня!  
 О Нюра, не будьте суровы;  
 Любовь возвратите мою!  
 Скажите хотя одно слово,  
 Скажите; «Я тоже люблю».  
 Не в час я, наверно, родился,

Не в час понесут хоронить,  
 Не в час в тебя, Нюра, влюбился  
 И нету возможности жить.  
 Я вспомню осенние ночи,  
 Березовый шорох теней...  
 Как дни тогда были короче,  
 Луна нам светила длинней!  
 Я помню, ты мне говорила;  
 «Пройдут золотые года,  
 И ты позабудешь ведь, Шура,  
 С другою меня навсегда».  
 Я помню, любимая, помню,  
 Сиянье твоих мне волос;  
 Не радость, а горе мне было,—  
 Расстаться с тобой мне пришлось.  
 Сегодня цветущая липа  
 Напомнила чувства опять,  
 Как нежно тогда тебе сыпал  
 Цветы на кудрявую прядь.  
 С тех пор, после нашей разлуки,  
 Я много испытывал встреч,  
 Затихли те прежние муки,  
 Но не затихла та прежняя речь.  
 Встречал я прекрасных девчонок,  
 Готовых страдать за меня,  
 Но не было слез одиноких,  
 Но не было больше огня.

## 313



Дремлют плакучие ивы,  
 Низко склонясь над ручьем,  
 Струйки бегут торопливо,  
 Шепчут во мраке ночном.  
 Думы о прошлом, далеком,  
 Мне навевают они.  
 Сердцем больным, одиноким  
 Рвусь я в те прежние дни.  
 Где ж ты, голубка родная,  
 Помнишь ли ты обо мне?  
 Или, как я, изнывая,  
 Плачешь в ночной тишине?  
 Дремлют плакучие ивы,  
 Низко склонясь над ручьем,  
 Струйки бегут торопливо,  
 Шепчут во мраке ночном.

## 314

Не молись за меня, друг мой милый,  
Я не стою молитвы твоей.  
И не мне, надломленному силой,  
Ожидать лучших радостных дней.

Жизнь прошла без любви и участия,  
Как-то глупо и пошло, шутя,  
Не достоин был, верно, я счастья.  
Не молись, не молись, милый друг, за меня.

Но для тех, кто лишь жить начинает,  
На арену кто вышел для битв,  
Кто дорогу трудом пробивает,  
Вот для тех, вот для тех не жалею ты молитв.

Им нужнее молитвы святые,  
У тебя ж они полны огня.  
Мне ж оставь мои думы больные...  
Не молись, не молись, милый друг, за меня.

## 315



Тоска, печаль...  
Надежды ушли,  
Друга нет,  
Неприветно вокруг.

В ночной тишине  
Я слышу рыдания,  
Стон души  
О разбитой любви

Молчи, грусть, молчи,  
Не тронь старых ран,  
Сказки любви дорогой  
Не вернуть никогда, никогда.

Жизнь шуткой была  
Жестокой и злой...  
Расставаться мне  
С нею не жаль.

Молчи, грусть, молчи,  
Не тронь старых ран,  
Сказки любви дорогой  
Не вернуть никогда, никогда...

## 316

Что сидишь одиноко и смотришь с тоской,  
 Как печально камин догорает?  
 И как яркое пламя то вспыхнет порой,  
 То бессильно опять угасает?  
 Что грустишь ты, о чем, не о прошлых ли днях,  
 Полных неги, любви и привета?  
 Почему же ты ищешь в потухших углях?  
 Знать, тебе не дожидаться ответа.  
 Подожди еще миг – и не будет огней.  
 Как тебя я ласкала и грела.  
 Лишь останется груда потухших углей,  
 Что сейчас догореть не успела.  
 А поверь же: любовь – это тот же камин,  
 Где сгорают все лучшие грезы.  
 Как потухнет огонь, в сердце холод один,  
 А впереди лишь страданья и слезы.

## 317

Я о прошлом теперь не мечтаю,  
 И мне прошлого больше не жаль.  
 Как я вспомню, я вспомню теперя  
 Эту темно-вишневую шаль.  
 В этой шали я с ним повстречалась,  
 В этой шали меня провожал,  
 Я стыдливо глаза закрывала,  
 А он крепко меня целовал.  
 А теперь никому я не верю  
 И теперь я хожу как мертвец,  
 С головы эту шаль не снимаю,  
 И однажды заметил отец:  
 «Что ты плачешь, моя дорогая,  
 Что ты плачешь, кого тебе жаль?  
 Почему и зимою, и летом  
 носишь эту вишневую шаль?» –  
 «Ой, не спрашивай, миленький папа,  
 Все равно я тебе не скажу,  
 Почему эту шаль не снимаю,  
 Для кого эту шаль я ношу.  
 Как умру и меня похороньте,  
 В гроб положьте, засыпьте землей;  
 Все прощайте, но шаль не оставлю,  
 Шаль положьте вы вместе со мной».

## 318

Я о прошлом теперь не мечтаю,  
 И мне прошлого больше не жаль,  
 Только часто одно вспоминаю –  
 Эту темно-вишневую шаль.  
 В этой шали я с ним повстречалась,  
 В этой шали стояла я с ним,  
 Я стыдливо глаза закрывала,  
 А он крепко меня целовал.  
 «Не целуй ты меня понапрасну,  
 Не целуй, а скорее скажи, –  
 Трех я слов от тебя ожидаю,  
 Скажи, любишь меня или нет». –  
 «Я любил тебя, милая Нюра,  
 Я любил, но пришлось разлюбить...»  
 В небе ясно заря догорала,  
 В окне ярко светила луна.  
 Под окошком сидела девчонка,  
 У ней заплаканы были глаза.  
 Ее губы так нежно шептали:  
 «Рано, рано гулять стала я,  
 Еще рано я матерью стала,  
 Еще рано в любви поняла  
 А теперь же я – мать молодая,  
 Воспитать я ребенка должна...»  
 Но недолго все это тянулось,  
 Вот однажды заметил отец:  
 «Что грустишь, моя милая дочка,  
 Что грустишь иль кого тебе жаль?  
 Ты весною, зимою и летом  
 Носишь эту проклятую шаль». –  
 «Я умру, эту шаль не сымайте,  
 Не сымайте, положьте со мной;  
 И вы часто меня вспоминайте,  
 Что погибла несчастной судьбой».

## 319

Я помню день, ах, это было счастье!  
 С тобою в первый раз мы встретились вдвоем  
 То было осенью в холодный день ненастный..  
 Да, мы весны уж лучше не найдем.  
 Я помню день; мы вновь сошлись с тобою,  
 Во мне угасла страсть, ты холодна, как лед...  
 И на твоих, и на моих седилах  
 Никто следа любви уж не найдет.

## 320

Я помню ночь. Луна светила.  
 Рыдал и плакал соловей.  
 В ту ночь одно в нас чувство жило  
 И грело негою своей.

Я помню, как, потупив глазки,  
 «Люблю» ты прошептала мне...  
 И поцелуй, и слезы ласки  
 Лились в полночной тишине.

И мы клялись в любви до гроба,  
 Клялись, и верилось легко,  
 Что будем счастливы мы оба,  
 Но счастье было далеко.

Пришлось расстаться нам...  
 Прошло с тех пор немало лет.  
 Мы как-то снова повстречались –  
 Был май, природы всей расцвет;

Как прежде, соловьи рыдали,  
 И месяц трепетно светил...  
 Но мы, мы грустные стояли,  
 Огонь любви уж в нас не жил.

## 321

Ямщик, не гони лошадей!  
 Я – старый бродяга степей,  
 Мне некуда больше спешить,  
 Мне некого больше любить.

Теперь на мотив ямщика  
 Спою про себя, чудака.  
 Доверился как-то одной,  
 Ее полюбил всей душой.

Не знал я тогда, что она,  
 Плутовка, дурачит меня...  
 Но как не поверишь ты ей?  
 Ямщик, погоняй лошадей!

Ямщик, снова песню запой,  
 Я буду тебе подпевать...  
 Все, что было, уже не вернешь,  
 Так зачем же, зачем горевать?

Ямщик, не гони лошадей!  
 Я –старый бродяга степей,  
 Мне некуда больше спешить,  
 Мне некого больше любить...

### 322

С коленопреклонением,  
 С поникшей головой  
 Стою я с умилением  
 Пред девою святой.

Лампада тускло светится,  
 Кругом ночная тьма.  
 Все люди спят спокойным сном,  
 Не сплю лишь только я.

Не сплю, и спать не хочется,  
 Душа моя болит.  
 А сердце жгучим пламенем  
 Мучительно томит.

А мать, ты Дева чистая,  
 Спаси, спаси меня,  
 Спаси меня, несчастную,  
 Не то погибну я.

И дай стремленье страстное  
 Рассудок победить,  
 Пошли, чтоб я, несчастная,  
 Могла его забыть.

Забыть его, с надеждою  
 О чем всегда молю...  
 Зачем же все по–прежнему  
 Так горячо люблю?

Зачем все упования,  
 Надежды и мечты,  
 Все радости, признания  
 Ему посвящены?

Темнела ночь осенняя,  
 Сидели мы вдвоем...  
 Зачем склонял ты голову  
 Ко мне на белу грудь?

Об этом долго думала,  
 И горько плачу я,  
 Я плачу, вспоминаю все,  
 О милom, о тебе.

## 323

Канареечка премлада,  
 Ты утешь горе мое,  
 Мое горе, всем оно известно –  
 Мил уехал от меня далеко!  
 Мил уехал, со мной не простился,  
 Знать, забыл он про меня.  
 Растворю я дверь у клетки,  
 Пущу птишку на волю.  
 На лету я вольной птишке  
 Два словечка накажу.  
 Два словечка, оба тайны:  
 «Слетай к милому к моему.  
 Сядь на яблоньку кудрявую  
 И на ветку зелену.  
 Ты пропой ему про участь,  
 Ты про горькую мою».  
 Уж ты участь, моя участь,  
 Участь горькая моя,  
 До чего ты, моя участь,  
 До чего ты довела?  
 Довела ты меня, участь,  
 До позора, до стыда.

## 324

Я вспомню прежнее свиданье,  
 Когда мы встретились с тобой.  
 Теперь одно воспоминанье  
 Терзает грудь мою тоской.  
 Зачем, на что воспоминанья,  
 Зачем те прежние мечты?  
 Не будет больше нам свиданья,  
 Как в поле сорваны цветы.  
 Зачем, неверный друг, ласкался,  
 К несчастной девушке, ко мне?  
 Зачем в любви ты объяснялся,  
 Когда сидели мы одне?  
 Ах, вот скамейка, где сидели  
 С тобой вдвоем наедине:  
 Кругом тянулись аллеи,  
 А месяц плавал в высоте.  
 Я страдала, он смеялся,  
 Я любила, он шутил.  
 Шутя, он мне в любви открылся,  
 Шутя, меня он загубил.



## 325

Черную розу, эмблему печали,  
 При встрече последней тебе я принес.  
 Полны предчувствий, мы оба молчали,  
 Хотелось нам плакать, но не было слез.  
 Обидно, досадно до слез, до мучений,  
 Что в жизни так поздно судьба нас свела...  
 И мысль: что когда-то тебя я любила,  
 Тебе из улыбок венки я плела,  
 Тебя целовала, порой обнимала  
 И в жертву безумий себя я ввергла.  
 И вспомнилось наше цыганское пенье,  
 И песни, и пляски, и пьяный разгул...  
 Все кануло в вечность, навеки разбито  
 И сердце тоскует о счастье былом.

## 326

Скрылось солнышко из глаз,  
 За лес закатилось.  
 Неужели с милым я  
 Навек распростилась?  
 А любовь какая зла,  
 Я теперь узнала...  
 А что раньше ты меня  
 Прочь не отгоняла?  
 Частой временной порой  
 Плакать заставляла.  
 Говорила я не раз,  
 Повторяла часто:  
 Не влюбляйся в черный глаз,  
 Черный глаз опасный;  
 Ты влюбляйся в голубой,  
 Голубой, прекрасный.  
 Вспомни, вздумай, милый мой,  
 Как в лужках гуляли,  
 Со шелковыми травами  
 Розаны срывали.  
 Мы из розовых цветков  
 Венки совивали  
 Мы, соvimши те венки,  
 На головку клали;  
 Вдоль мы по лугу пошли,  
 Венки покидали.

## 327

Помнятся чудные ночи,  
Те ночи блаженства любви,  
Когда твои карие очи  
Меня так ласкали и жгли.

По темным аллеям гуляли,  
Мы часто гуляли вдвоем,  
И темные липы скрывали  
И знали они обо всем.

Но времечко то миновало,  
Ты больше не любишь меня,  
И сердце невольно упало,  
Когда ты ушел от меня.

Любила, страдала и буду...  
Как страстно тебя я люблю,  
Всегда о тебе вспоминаю  
И горькие слезы я лью.

## 328

Ох, насколько любовь зла!  
Я тебя не знала.  
Иногда любовь порой  
Плакать заставляла.  
Вспомни, вспомни, милый мой,  
Как с тобой гуляли.  
Эх, в саду алые цветы  
Мы с тобой срывали.  
Эх, на головушку венки  
Мы с тобой сплетали.  
Эх, говорила я дружку,  
Повторяла часто:  
«Не влюбляйся в черный глаз,  
Черный глаз — опасный.  
А влюбляйся в голубой,  
Голубой — прекрасный.  
Эх, и посмотри, мил, на меня,  
Какова я стала...  
Эх, моя молодость прошла,  
И краса завяла».

## 329

У меня под окном расцветает сирень,  
Расцветают душистые розы...  
В моем сердце больном пробудилась любовь,  
Пробудились юные грезы.

Я все счастья ждала в эту лунную ночь,  
В эту лунную ночь роковую...  
И рыдая, в слезах я ушла от него,  
Потому что он любит другую.

Так люби же ее и люби горячо,  
А меня позабудь поскорее...  
Чем же лучше она, красивее меня?  
Или ласки ее горячее?

Вновь наступит весна, расцветет много роз.  
Расцветет и сирень голубая,  
Но любовь никогда не вернется назад –  
Пролетела пора золотая.

## 330

Мы чужие теперь,  
Между нами лежит отчуждение, злоба и ложь..  
И улыбкой любви ты не встретишь мой взгляд,  
И тоски ты моей не поймешь.

Мы чужие теперь. Но давным ли давно  
В опьяненье волшебных минут  
Мне казалось, что счастье мое так полно,  
Что цветами усыпан мой путь?

Но отцветшим цветам не цвести уже вновь,  
Средь зимы не бывает весна.  
Умерла моя вера, умрет и любовь,  
И душа не проснется от сна.

Так не будем же лгать ни себе, ни другим,  
Наше счастье разбито навек...  
Мне хотелось с тобою поплакать над ним,  
Но поверь: мы чужие теперь.

## 331

Милый, помнишь ли наше свиданье  
 После долгой разлуки с тобой,  
 Как сошлись мы под люстрой темною  
 Среди толпы, равнодушной и злой?  
 Но напрасно искала привета,  
 Ты прошел, не заметив меня.  
 Ах, как сердце мучительно билось,—  
 Я ведь страстно любила тебя.  
 Позабыл ты любовь, все бывшее  
 И всем клятвам своим изменил,  
 Полюбил ты всем сердцем вторую  
 И навеки меня позабыл.

## 332

Кругом, кругом осиротела  
 Я без тебя, мой дорогой;  
 С тобой все счастье улетело  
 Да не воротится назад.  
 Ой, воротись, мой ненаглядный,  
 Ко бедной девушке, ко мне...  
 Ой, нейдет, нейдет мой ненаглядный,  
 Нейдет, не любит он меня.  
 Ох, пойду я лягу на постелю  
 И прижмусь к крепкому сну.  
 Пойду я с горя на постелю  
 И прижмусь к крепкому сну.  
 Во снах мне ангел привился  
 И в сердце искру заронил —  
 Сказал: «Гуляй, моя милая,  
 Да не влюбляйся ни в кого.  
 В твоих годах любить опасно,  
 И ты завянешь, как трава,  
 Да, ты завянешь и засохнешь  
 И не восстанешь никогда.  
 Когда цвет розы расцветает,  
 То все стараются сорвать;  
 Когда цвет розы опадает,  
 То все стараются топтать.  
 Когда девчонке лет семнадцать,  
 То все стараются любить.  
 Когда девчонке лет за тридцать,  
 То все стараются забыть».  
 Сама я розочку садила,  
 Сама я буду поливать;  
 Сама я милого любила,  
 Сама я буду забывать.

## 333

Зачем я встретила с тобою,  
Зачем я полюбила вас!  
До той поры любви не знала,  
Пока не видела его.  
А как увидела его я,  
То сердце замерло во мне,  
Душа невольно трепетала,  
И я горела, как в огне.  
Одной мечтой я наслаждалась,  
Когда сидела под окном,  
Я с нетерпением дожидалась,  
Когда пройдет мой дорогой.  
А не пройдет, то Бог с тобою,  
И мне недолго с тобой жить.  
Я призакрою глазки кари  
И перестану говорить.  
Ты подыщи себе другую,  
Когда я вам нехороша.  
Шутил, смеялся надо мною  
И думал ты, что я глупа.  
Когда умру, а ты, мой милый,  
Ко мне на кладбище приди.  
И у креста моей могилы  
На память розу посади.  
Сама я розоньку садила,  
Сама я буду поливать.  
Сама я милого любила,  
Сама и буду забывать.  
Ах, солнце ниже и все ниже,  
А на сердце тяжело...  
Да кабы знала его совесть,  
Не влюбилась бы в него

Зачем, зачем я вас узнала,  
На что я полюбила вас?  
Я раньше муки той не знала,  
Теперь страдаю каждый час.  
Зачем заставили так сильно  
Мне вас тепере полюбить?  
Но верьте, верьте так ужасно —  
Любовь стараюсь забыть.  
Любовь с восторгом я забыла,  
Но вас забыть я не могу,  
А вещи те, что вы дарили,  
Я как сокровища храню.  
Я притворяться не умела,  
Я навсегда была твоя...  
А нет судьбы мне быть твоею,  
Забудь, забудь скорей меня!  
Забудь те дни, забудь те ночи  
И где гуляли мы с тобой.  
Ты целовал уста и очи  
И говорил, что буду твой.  
Забудь все прошлое со мною,  
Прошу, меня не вспоминай,  
Мое ты имя с простотою  
Друзьям в насмешку не давай.  
Твою я ветреность узнала  
И не виню я в том тебя,  
Сама себя теперь ругаю,  
Зачем узнала я тебя.  
Не знала вас, была спокойна,  
Всегда сердечком весела;  
Узнала вас, стала невольна,  
Всегда задумчива, грустна.  
Шутил, смеялся надо мною,  
Ты думал то, что я глупа;  
Но веселись, гуляй с другою,  
Наверно, я не хороша.  
Нарушил ты священну клятву,  
Забыл обещаны мечты,  
Меня без жалости оставил,—  
Скажи, чего желаешь ты?  
Иль новой жертвы ожидаешь?  
Иль мало горя пернесла?

Иль, может, ты о том мечтаешь,  
 Чтоб слез я больше пролила?  
 Настанет времечко такое,  
 И ты вспомняешь про меня,  
 Меня ты больше не увидишь  
 Нигде по-прежнему с собой.

## 335

Забытая тобою,  
 Забыть вас не могу;  
 Сумей найти другую,  
 А я себе найду.  
 Найду блаженство рая,  
 И в нем я буду жить.  
 У вас душа иная –  
 Вы можете забыть.  
 Забыть про вас нетрудно,  
 Забыть вас не могу,  
 Так лучше безрассудно  
 В могилу жить пойду.  
 В могиле жить я буду,  
 Любовь там не нужна,  
 А грудь мою засыплет  
 Сырая мать–земля.  
 Девицы, вы девицы,  
 Не верьте мужчинам,  
 Они вас увлекают,  
 Да сгубят навсегда.

## 336

Гитара плакала, а мы с тобой смеялись.  
 Мы были счастливы в ту ночь, как никогда,  
 И на тебя, мой чернобровый, любовалася,  
 Не знала я, что ты забудешь про меня.

Не знала я, что долгими мученьями  
 За счастье прошлое придется отплатить,  
 Что на любовь ответил ты молчанием,  
 Заставил мое сердце бедное грустить.

Я попрошу тебя, мой чернобровенький,  
 Чтоб ты уехал подальше от меня,  
 Чтоб брови черные и глазки твои жгучие  
 Ночами лунными не мучили меня,

И ты ушел совсем без сожаления,  
 Мне ночи пламенной той больше не вернуть,  
 Ушли мечты, ушли все лучшие стремления,  
 А слезы горькие сжимают мою грудь.

В ту ночьку пламенну вся жизнь переменялась,  
 Гитара звучная мне снилася во сне.  
 Ой, не забыть мне, не забыть ту ночьку лунную,  
 Когда сирень шептала обо мне.

## 337

Где эти лунные ночи  
 Где это пел соловей?  
 Где эти карие очи  
 Кто их ласкает теперь?  
 Летней, бывало, порою  
 Выйду я в сад погулять,  
 Ночка еще не настала,  
 Буду я милого ждать.  
 Жду я его не дожуся;  
 Видно, не любит меня,  
 Видно, он любит другую,  
 Ой, как несчастлива я!  
 Слышу, шаги раздаются,  
 Видно, мой милый идет;  
 Быстро к нему я помчуся  
 И расцелую его.  
 Тут уж пойдут разговоры,  
 Тут уж пойдет болтовня...  
 Вспомнятся прежние ссоры,  
 Ссоры – все это шутя.  
 Вот уже старость подходит,  
 Морщины покроют лицо –  
 Я их слезами омою,  
 Но не забуду его.  
 Алая роза – знакомство,  
 Красная роза – любовь,  
 Желтая роза – измена...  
 Кончилась наша любовь





## 338

Белой акации гроздья душистые  
Вновь ароматом полны;  
Вновь разливается трель соловьиная  
В тихом сиянье луны.

Помнишь ли, милая, под белой акацией  
Слушали трель соловья,  
Ты мне шептала, чудная, нежная:  
«Милый, навеки, навеки твоя».

Годы прошли, давно страсти остыли,  
Молодость жизни прошла...  
Но белой акации запаха нежного  
Мне не забыть, не забыть никогда.

## 339

Была весна, мы встретились с тобою,  
Ты молод был, а я еще дитя...  
И в двух сердцах открылась наша тайна,  
И мы влюбились оба не шутя.

Все чаще, чаще были наши встречи  
Там у реки средь розы и кустов,  
Где тихий шепот нашего лобзанья,  
Где соловей подслушивал и пел.

Ты молод был, а я красой сияла  
И думала, что вечно будешь мой...  
Но все прошло, краса моя завяла –  
Ты разлюбил и сделался чужой.–

«Ах, милая, себя ты очень любишь  
И ласки, ласки ждешь ты от меня;  
Но, милая, себя ты этим губишь –  
Я не могу весь век любить тебя».–

«Ты не гляди с презрением укора,  
Ты не ищи, мой миленький, меня:  
Твоя любовь, покрытая позором...  
А ты давно уж разлюбил меня».

Прошла весна, и те цветы завяли;  
Завяли розы, розы и кусты,  
Она сидит и льет горючи слезы...  
О, молодость, о где же это ты?

## 340



Узор судьбы чертит неясный след:  
 Твое лицо я вижу вновь так близко,  
 И веет вновь дыханьем прежних лет,  
 Здесь предо мной лежит записка.  
 Не надо встреч, не надо продолжать,  
 Не нужно слов, клянусь, не стоит...  
 И если вновь больное сердце ноет,  
 Заставь его забыть и замолчать.  
 Он мне знаком, мучительно знаком,  
 Тот каждый жест оконченный и грубый –  
 Душе моей болезненной разлом,  
 И острый взгляд и чувственные губы.  
 Не надо встреч, не надо продолжать,  
 Не нужно слов, клянусь, не стоит...  
 И если вновь больное сердце ноет,  
 Заставь его забыть и замолчать.  
 Я не могу бывшего воскресить,  
 Не может быть в минувшее возврата,  
 Что было раз, того уж не вернешь,  
 Твоей рукой все порвано и смято.  
 Не надо встреч, не надо продолжать,  
 Не нужно слов, клянусь, не стоит...  
 И если вновь больное сердце ноет,  
 Заставь его забыть и замолчать.

## 341

Под окном черемуха колыхнется,  
 Распускает лепестки свои;  
 За рекой знакомый голос слышится,  
 И поют в той чаще соловьи.  
 Сердце девичье забилося радостно,  
 Как тепло, как весело в саду.  
 Бывало скажешь: «Жди меня, любимая,  
 Я в заветный час к тебе приду».  
 Пролетело счастье в дни весенние,  
 Опадали уж черемухи листы...  
 Позабыл он клятвы, в дни осенние  
 Разлюбил, уехал, позабыл.

Ой, зачем мое сердечко вынута,  
 Для кого теперь мой нежный взгляд?  
 Мне не жаль, что я тобой покинута,  
 Жаль, что много люди говорят.

Наступила снежная распутица,  
 Ночью вышел небольшой мороз.  
 Мне недолго пробежать до проруби,  
 Даже не закрывши русских кос.

Около куста тропиночка протоптана...  
 Спит мальчишка, он не виноват.  
 Я не буду плакать и печалиться –  
 Не вернется милый мой назад

### 342

Мы случайно с тобой повстречались,  
 Много было в обоих огня...  
 Но недолго в сомненьях терялись,  
 Скоро ты полюбила меня.

Я уехал, меня ты забыла...  
 Повстречались мы снова с тобой,  
 И с улыбкой ты мне говорила:  
 «Для меня ты теперь стал чужой».

Предположим, что все это правда,  
 И допустим, что ветрена ты,  
 Но скажи одно слово приветя,  
 Возврати дорогие черты.

### 343

Мальчишка спит... колышет ветер шторы.  
 Я у окна сажусь писать письмо –  
 Пусть это будет нашим разговором,  
 А мне сегодня пишется легко.

Передо мною тихое дыханье,  
 Передо мной черты твоего лица...  
 Мальчишка спит, прелестное создание,  
 Смешной малыш, не знает он отца.

За годом год проходит третье лето,  
 Четвертый снег не так уж далеко.  
 Твоим письмом душа моя согрета,  
 Поверь, мой милый, как мне нелегко!

Ложусь ли спать, встаю ли на рассвете,  
Иду с работы, в детский сад спешу,—  
И все я думаю о том, что есть на свете  
Тот человек, которого люблю.

Я знаю то, что есть у вас другая  
И горе с ней ты делишь пополам.  
Ее ты называешь «дорогая»,  
Семью на время забываешь там.

Я знаю то, что ты ко мне вернешься,  
Я знаю то, что ты ко мне придешь...  
При первой встрече к малышу прижмешься  
И до рассвета с нами не уснешь.

Вернись, вернись, я все тебе прощаю,  
Вернись, вернись, я все тебе прошу!  
При первой встрече тебя я расцелую  
И крепко—крепко к груди своей прижму.

### 344

Куда я завтра днем пойду,  
Но не вечернею порою?  
Я выйду рано на заре  
И встречу милого с другою.

Печаль на сердце мне легла,  
Махнула в сторону рукою,  
Позарастили те следы,  
Где мы гуляли, мил, с тобою

Ты, врач, ко мне не подходи,  
Мою болезнь узнать не сможешь,  
А во груди моей любовь  
Ты еще больше растревожишь.

Ты мне золото дарил  
И клялся — вечно не изменишь;  
Ты мои щечки целовал,  
А теперь слез моих не ценишь.

«Не плачь, дитя мое, не плачь —  
Я недостоин твоей муки;  
Я полюбил тебя шутя  
И целовал тебя от скуки».

## 345

Я слушаю тебя внимательно и чутко,  
 Я слушаю все то, что говоришь мне ты,  
 Но где-то там внутри болезненно и жутко  
 Мне чудится излом холодной пустоты.

Дни за днями катятся,  
 Сердце лаской тратится,  
 Обрывая тоненькую нить;  
 Пусть туман колыхнется,  
 Пусть гитара слышится,—  
 Не мешайте мне сегодня жить.

Ты говорил мне «ты», но мне оно чужое:  
 Нельзя перешагнуть минутною игрой  
 Последнюю любовь, измятую тобою,  
 И первое письмо, изорванное мной.

Дни за днями катятся,  
 Сердце лаской тратится,  
 Обрывая тоненькую нить;  
 Пусть туман колыхнется,  
 Пусть гитара слышится,  
 Не мешайте мне сегодня жить.

Былого не вернуть, как не вернуть мне лето.  
 Когда и я, и ты сливались в одно...  
 Былого не вернуть, а будущего нет уж,  
 Но есть зато бокал и горькое вино.

Дни за днями катятся,  
 Сердце лаской тратится,  
 Обрывая тоненькую нить.  
 Пусть туман колыхнется,  
 Пусть гитара слышится,  
 Не мешайте мне сегодня жить.

## 346

Мне березка дарила сережки,  
 Мне рябина дарила цветы.  
 И тропинкой ко мне и дорожкой  
 Приходил на свидание ты.

На мою красоту нагляделся,  
Добротой мое сердце обжег.  
И когда вдруг закат заалелся,  
Нашу песню унес за порог.

Вот и ходит та песня, вздыхая,  
На губах застывая твоих...  
Ах, любовь, ты любовь молодая,  
Ты навек рождена для двоих!

Догорает в закате рябина...  
Так случилось в девичьей судьбе –  
Ты уехал, оставил мне сына,  
А он тянет ручонки к тебе...

Мне березка дарила сережки,  
Мне рябина дарила цветы.  
И тропинкой ко мне и дорожкой  
Приходил на свидание ты.

### 347

Когда мне лет шестнадцать было,  
Осенний дождик зябко моросил...  
Одна девчонка так меня любила,  
А я ее нисколько не любил.

Из глаз ее красивых с поволокой  
Струился одинокий огонек...  
Я знал, что поступаю с ней жестоко,  
Я знал, что полюбить ее не мог.

Казалось, что судьбу мою весною  
Рассеют звонкой песней соловьи  
И что девчонка, встреченная мною, –  
Весенняя прелюдия любви.

Смеялся я, жестокостью довольный,  
В избытке юношеских сил...  
Теперь же сам я этой болью болен,  
Которой я девчонку доводил.

Теперь она меня не замечает,  
Теперь она смеется сотый раз.  
Мне, как стихов, как песен, не хватает  
Ее больших красивых глаз.

И вспомнил я... мне лет шестнадцать было,  
Осенний дождик зябко моросил...  
Одна девчонка так меня любила,  
Зачем я ту девчонку не любил?

## 348

Тихо ночь над городом парила...  
Что-то мне взгрустнулось неспроста;  
Я облокотился на перила  
Старого чугунного моста.

Пары шли и проходили мимо  
У того заглохшего пруда.  
Я мечтал о девушке любимой,  
Что сегодня мной пренебрегла.

Что-то охладели твои руки,  
Что-то опустила глазки вниз,—  
Значит, мы с тобою не поладим,  
Значит, мы с тобою разошлись.

Больше мне твоих волос не гладить,  
Алых губ твоих не целовать,—  
Не сумели мы с тобой поладить,  
Значит, мы не встретимся опять.

Тихо ночь над городом парила...  
Что-то мне взгрустнулось неспроста;  
Я облокотился на перила  
Старого чугунного моста.

## 349

Надоело целовать и плакать,  
Надоело пить и пропивать...  
Сердце бы куда-нибудь запрятать.  
Выщвели глаза мои опять.

Выцвели шальные, посерели,  
Потерялись губы второпях,  
Потерял все числа и недели,  
День и ночь пою и пью в гостях.

Пропиваю все вокруг на свете,  
Пропиваю горькую Москву.  
Так в последний раз, друзья, налейте —  
Не сдержать мне черную тоску.

Не сдержать ее и не зарезать,  
И за угол темный заманить...  
Я уже не тот, друзья, как прежде,  
Прежнего никак не воротить!

Надоело целовать и плакать,  
Надоело пить и пропивать...  
Сердце бы куда-нибудь запрятать.  
Выцвели глаза мои опять.

### 350

#### ПОД ГИТАРУ

Под тоскливые звуки гитары  
Сердце чуткое дремлет в груди,  
Лишь порою тревожно забьется,  
Вспомнив то, что теперь позади

Не рыдай так тоскливо, гитара,  
Не тревожь истомленную грудь:  
Мое сердце и так все изныло –  
Жалко то, что теперь не вернуть.

Жизнь промчалась моя незаметно,  
Все умчалось в безбрежную даль;  
В сердце холод, тоска о прожитом,  
Сердце гложет немая печаль.

Пусть звенит веселее гитара,  
Бейте, пальцы, сильнее по струнам!  
А то сердцу становится больно,  
Сердце рвется к прожитым годам.

Веселее неситесь, звуки,  
По далекой, безбрежной тиши,  
Унесите с собой мои муки  
Моей тяжелой разбитой души!



# Х. ЗЛОЙ РОК И ВОЗМЕЗДИЕ ЗА ЗЛОДЕЙСТВО



Напрасно будешь с грустной душой,  
Малиться меж других детей  
И всегда с душой упрямой  
Взирать на раски матерей?

Под вечер, осенью ненастной,  
В пустынных дева шла местах  
И тайный плод любви несчастной  
Держала в трепетных руках.

Все было тихо –лес и горы,  
Все спало в сумраке ночном;  
Она внимательные взоры  
Водила с ужасом кругом.

И на невинном сем творенье,  
Вздохнув, остановила их:  
«Ты спи, дитя, мое мученье,  
Не взвидишь горестей моих;

Откроешь очи и тоскуя  
Не прильнешь к груди моей,  
Не встретишь завтра поцелуя  
Несчастной матери своей.

Меня винить напрасно будет  
Твой вечный стыд –вина моя;  
Меня навек ты позабудешь,  
Но не забуду я тебя.

Тебе дадут покров чужие  
И скажут: «Ты для нас чужой!»  
Ты спросишь: «Где мои родные?»  
И не найдешь семьи родной.

Напрасно будешь с грустной думой  
Томиться меж других детей  
И завсегда с душой угрюмой  
Взирать на ласки матерей

Повсюду странник одинокий,  
Всегда судьбу свою кляня,  
Всегда терпя упрек жестокий...  
Тогда, тогда прости меня.  
Я в эти горькие минуты  
Молиться буду за тебя...»

## ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый  
На берегу реки,  
И перед ним по ветру  
Качались тростники.

Сухой тростник он срезал  
И скважины проткнул,  
Один конец зажал он,  
В другой конец подул.

И, будто оживленный,  
Тростник заговорил –  
То голос человека  
И голос ветра был.

И пел тростник печально:  
«Оставь, оставь меня!  
Рыбак, рыбак прекрасный,  
Терзаешь ты меня!

И я была девицей,  
Красавицей была,  
У мачехи в темнице  
Я некогда цвела,

И много слез горючих  
Невинно я лила,  
И раннюю могилу  
Безбожно я звала.

И был сынок–любимец  
У мачехи моей,  
Обманывал красавиц,  
Пугал честных людей.

И раз пошли под вечер  
Мы на берег крутой  
Смотреть на сини волны,  
На запад золотой.

Моей любви просил он –  
 Любить я не могла,  
 И деньги мне дарил он –  
 Я денег не брала;

Несчастную сгубил он,  
 Ударив в грудь ножом,  
 И здесь мой труп зарыл он  
 На берегу крутом.

И над моей могилой  
 Взошел тростник большой,  
 И в нем живут печали  
 Души моей молодой.

Рыбак, рыбак прекрасный,  
 Оставь же свой тростник.  
 Ты мне помочь не в силах,  
 А плакать не привык».

### 353

Когда-то был в Англии царь удалой,  
 Имел он двух дочек, красавиц собой.  
 Бледнее, чем день, была младшая дочь,  
 Старшая – смуглянка, как бурная ночь.  
 Старшая младшую манила тайком:  
 «Пойдем, пойдем, сестрица, на берег вдвоем».  
 Тихо было море, покров голубой,  
 И пеной украшен был берег морской.  
 «Смотри-ка, сестрица, как море смугла,  
 А я, молодая, как пена бела».  
 Вскипела смуглянка, гневом полна,  
 Сестру свою в море столкнула она.  
 Смутились волны, завывли леса...  
 «Спаси меня, друг мой! – взмолилась краса. –  
 Не дай меня в жертву свирепым волнам,  
 Тебе я свой пояс златистый отдам!» –  
 «Не бейся, красотка, в круты берега,  
 На божью землю не ступит нога.  
 Когда же жених мой в чертог поведет,  
 Златистый твой пояс мой стан обовьет».  
 «Спаси же, сестрица, спаси от греха,  
 Тебе уступаю кольцо жениха...» –

«Когда захлебнешься в холодной воде,  
 Жених по наследству достанется мне.  
 С твоим удалым, молодым женихом  
 Сам царь нас обручит жемчужным кольцом».—  
 «Скажи же поклон мой царю и отцу,  
 Скажи, что меня отдала ты к венцу,  
 Скажи при поклоне родимой моей,  
 Что свадебный кубок я пью средь морей,  
 Скажи жениху молодому в тоске,  
 Что ложе стелю на холодном песке!»  
 Рыбаки рыбачили в глухую полночь.  
 Поймали рыбаки меньшу царску дочь.  
 Из них один был арфист молодой,  
 Сказал своим товарищам: «Я сделаю живой,  
 Составлю я арфу из белых костей,  
 Натяну я струны из белых власей.  
 Поставлю я арфу у царских ворот,  
 Чтоб мог ее слышать весь здешний народ».  
 Цветами украшен высокий алтарь,  
 За брачной трапезой пирует сам царь.  
 «Вот новый арфист,—некто сказал,—у ворот,  
 Послушай, невеста, что арфа поет!»  
 На первый аккорд говорила струна:  
 «В златистый мой пояс сестра убрана!»  
 Бледнеет невеста, но бодро глядит,  
 В руке ее кубок заздравный дрожит.  
 Удар повторился, и струны —как гром:  
 «Сестра обручилась с моим женихом!»  
 И... дурно... невеста потупила взор,  
 Дева с невесты снимает убор.  
 На третий аккорд возопила струна:  
 «Сестра меня волнам морским предала!»  
 В чертоге смятенье... и вопли и плач...  
 И гордой секирой сверкает палач.

### 354

В одном прекрасном месте  
 На берегу реки,  
 Стоял красивый домик,  
 В нем жили рыбаки.  
 Рыбак жил со старушкой,  
 Рыбачил от труда,  
 У них три сына было,  
 Красавцы хоть куда.

Один любил крестьянку,  
Второй любил княжну,  
А третий – молодую  
Охотника жену.

Любил ее он тайно,  
Охотник все не знал,  
Что жизнь его разбита,  
И он по ней страдал.

Однажды он собрался  
Охотиться на дичь, –  
И встретил он цыганку,  
Умевшу воровать.

Цыганка молодая  
Умеет воровать, –  
Раскинула все карты,  
Не смеет говорить:

«Жена твоя неверна –  
Семерка так легла,  
Туз виной – могила,  
Вот», – говорит она.

Охотник растерялся,  
Цыганке уплатил,  
А сам с большой досадой  
Домой поворотил.

К дому он подходит  
И видит у крыльца:  
Жена его в объятьях,  
Целует рыбака.

Вдруг раздался выстрел,  
Младой рыбак упал,  
За ним жена – злодейка,  
Потом охотник сам.

Наутро все три трупа  
На кладбище везли...  
Погибли эти люди  
И все из-за любви.

Ехали солдаты  
Со службы домой,  
Ой, на плечах погоны,  
На грудях кресты.  
Ой, ехали по дорожке –  
Родитель стоял.  
«Эх, здорово, папаша!» –  
«Здорово, сын родной!» –  
«Расскажи, папаша,  
Про семью свою». –  
«Ой, семья, слава богу,  
Прибавилась, –  
Ой, женка молодая  
Сыночка родила».  
Ой, сын с отцом ни слова,  
Садился на коня,  
Ой, на коня гнедого,  
Ехал со двора.  
Ой, подъезжает к дому –  
Мать с женой стоят.  
Мать стоит с улыбкой,  
Жена – то во слезах.  
«Эх, тебя, мать, прощаю,  
Жену – то никогда!»  
Эх, закипело сердце  
В солдатской груди,  
Ой, заблестала шашка  
Во правой руке,  
Эх, сняла буйну голову  
С неверной жены.  
«Что я наделал,  
Что я натворил!  
Жену я зарезал,  
Сам себя сгубил,  
Маленьку малютку  
Навек осиротил!»

## 356

Паша, ангел непорочный,  
Не ропщи на жребий свой,—  
По грехам своим достойно  
Моей наказана рукой.

Жизнью честной, непорочной,  
Прожил я с тобой шесть лет.  
Знать уж час пробил урочный,  
Я нарушил свой обет.

Не в далеком расстоянии  
Мы прошли рука с рукой  
Дочь, малютку дорогую,  
Навек оставим сиротой.

Дочь, оставь свое жилище,  
Недалече от людей,  
Сходи на общее кладбище,  
К могиле матери своей.

Стань пред нею на колени  
Ты с чистой, пламенной душой,  
Заплачь горькими слезами,  
Молитву тихую пропой.

В этой пламенной молитве  
Ты не забудь просить творца,  
Чтоб простил за прегрешенья  
Твоего несчастного отца.

Раньше гнался за чинами,  
Искал славы, орденов,  
А теперь гремлю цепями,  
В Сибирь на каторгу готов;

И в Сибири жить я буду,  
Золотую руду рыть,  
Доставать там буду золото,  
Да поневоле буду жить

И достану хотя крошку  
Не руками, а киркой,  
Дочь, носи мои сережки,  
На ручке перстень золотой.

Дочка вырастет большая,  
Про нее пройдет молва,—  
Сердце кровью обольется,  
Когда услышу те слова.



Отец старый был, дети малые,  
Но смерть скоро к нему подошла:  
И оставил он их сиротами,  
А мать раньше в могилу легла.

И, не зная нужды, жили весело.  
За годами проходят года...  
А братишка был еще маленький,  
Средь сестер подрастал сирота.

А когда подрос брат любимый их,  
Благодарность сестер позабыл –  
И хозяйством он завладеть хотел,  
Преступление он тут свершил.

Раз приехал к ним поздно вечером  
Погостить, как бывало всегда;  
Сестры ласково брата встретили,  
На душе у них радость была.

Их родимый брат с нетерпением ждал,  
Чтоб ложились спать поскорей;  
«Я убью сестер, домик будет мой!» –  
Наточил он кинжал повострей.

Улеглись спать сестры весело,  
Только брат все ходил и не спал...  
Подошел к сестре, тихо крадучись,  
А в руке у него был кинжал.

И решил злодей, тихо поднял нож,  
В грудь преступно вонзила рука,  
А кровь алая облила кровать,  
Простонала чуть слышно она.

Быстро бросился брат к другой сестре,  
Пробудилась бедняга от сна.  
«Пощади меня, дорогой мой брат»,  
На коленях просила она.

Их родимый брат, он жестокий был,  
Слез мольбы он сестры не слышал, –  
В ранах вся была, чуть не мертвая,  
Наконец, еще горло зажал.

И покинул их, стал придумывать,  
 Как бы трупы от власти укрыть:  
 Изрубил в куски, завернул в ковер  
 И решил у навозе зарыть.

Рано утречком, как было всегда,  
 Две подруги пришли навестить.  
 «А где сестры, брат?» – стали спрашивать,  
 Он в испуге не мог говорить.

А потом сказал: «Их в ночь не было.  
 Я не знаю, где были они...»  
 Заглянув в кровать, из подруг одна  
 Вдруг увидела простынь в крови.

Догадалась, почему здесь кровь,  
 Показала подруге другой.  
 Сообщили всё, власти прибыли,  
 К делу взяли ищейку с собой.

Скоро трупы их были найдены,  
 Их собака–ищейка нашла  
 И преступника за рукав взяла,  
 Брата–убийцу признала она.

И сознался он, что убил сестер,  
 Чтобы домом ему завладеть;  
 И лишен он прав, осужденный был  
 С изоляцией на десять лет

### 358

Жила девушка с родной матерью,  
 Накрывала стол белой скатертью,  
 В доме чистенько убиралась,  
 Скоро с матерью она рассталась.  
 Похворала мать одну неделюшку  
 И покинула родную девушку.  
 Над гробом матери долго рыдала дочь,  
 А отец родной ей обещал помочь.  
 Он уговаривал чернобровую:  
 «Я приведу тебе маму новую».  
 Ой, вы, граждане, я вам хочу сказать,  
 Через неделюшку привел другую мать.  
 Привел другую мать, благородную,  
 Обижать стала дочь неродную.  
 Она над девушкой издевалась

И прогнать ее она старалася.  
 Но скоро девушка догадалася  
 И спокинуть дом она решилася.  
 Но в эту темну ночь ей не спалосся,  
 Она с сонным отцом расставалася.  
 Соловьишко с канареечкой,  
 Пробиралася темной аллеечкой.  
 Соловьишко продолжал свистать,  
 Она шла туда, где зарыта мать.  
 Она просила мать, мать родимую:  
 «Ты прими меня, дочь любимую».  
 Долго плакала, настрадалася,  
 Ответа матери не дождалася.  
 Соловьишко создал молчание,  
 И прикончилось ее рыдание.  
 Соловьишко с канареечкой –  
 Только нож блеснул в руке у девушки.  
 Упала девушка без сознания,  
 И прикончилось ее страданьице.  
 Отцу в голову такая мысль пришла,  
 Он не знал того, куда дочь ушла.  
 Отцу в голову мысль представила,  
 На могилочку сходить заставила.  
 Собирался он потихоньку тут,  
 Чтоб жена его не слыхала стук.  
 Поравнялся он тут с могилочкой  
 И видит: дочь лежит в груди с финочкой,  
 Лежит девушка – глаза закрытые,  
 И лицо ее, кровью залитое,  
 Он вынул острый нож, вонзил в грудь себе,  
 Чтоб лежать им всем во сырой земле.  
 Ой, вы, граждане, я вам хочу сказать,  
 Не приводите вы детям другую мать.

### 359

Я кончил курс своей науки  
 И в дом родительский попал.  
 Просил отца благословенья,  
 Которого отец не дал.  
 Друзья, пред вами сознаюся –  
 Сестру родную полюбил.  
 Всегда преследовал за нею,  
 Всегда к любви ее склонял.

Однажды поздною порою  
 К сестре во спальню я вошел.  
 Упал пред ней я на колени,  
 Сказал: «Сестра, люблю тебя!»  
 Сестра от жалости сказала:  
 «И я тебя, братец, люблю!»  
 У ней в утробе был младенец,  
 Он той минуты ожидал.  
 Вдруг с шумом двери растворились,  
 Отец во спальню к ним вошел.  
 Глаза свирепо засверкали,  
 Он взор свой бросил на детей.  
 «Ах вы, дети, мои дети,  
 Зачем пролили кровь мою?  
 Ах ты, сын мой недостойный,  
 Аль чужих те девок нет?  
 Ах ты, доченька родная,  
 Зачем ты брату предалась?  
 Тебя я, доченька, прощаю,  
 А сына в каторгу пошлю».

### 360

Что вы, граждане, припечалились?  
 Начинаю я вам запевать,  
 Как несчастные были случаи,—  
 Брат сестру приглашает гулять.  
 Поздно вечером со спектакля  
 Возвращается Нюра домой,  
 Отпустил ее брат от публики  
 И кричит: «Нюра, Нюра, стой!»  
 Подошел он к ней аккуратненько  
 И хотел только ручкой обнять,  
 И сказал он ей: «Нюра, милая,  
 Давай тайно со мною гулять!» —  
 «Что ты, брат родной, не с ума ль сошел?  
 И не стыдно тебе говорить!  
 От народу—то будет совестно  
 Да и люди—то будут судить!»  
 И сказал он ей: «Нюра милая,  
 Давай станем со мною гулять!»  
 Что—то страшно ей показалось  
 И пустилась от брата бежать.  
 Отца с матерью дома не было:  
 Увезли продавать они рожь.  
 Брат узнал про то и схватил ее

И сказал: «От меня не уйдешь!»  
 Получилось преступление –  
 Разрыв сердца, она померла.  
 Очумел брат тут, пишет грамотку  
 И оставил ее на столе.  
 Взял веревочку и повесился  
 На свободном своем чердаке.  
 Возвращаются отец с матерью,  
 Нюре платье они привезли...  
 А зашли они – Нюра мертвая,  
 И записка лежит на столе.  
 А в записке–то было сказано:  
 «Прости сильно меня, мать–отец;  
 Ни в чем Нюрочка не виновная,  
 А виновен во всем я, подлец!  
 Слезы брызнули по щекам отца,  
 Без сознания сделалась мать.  
 «Помогите–ка, люди добрые,  
 Хулигана из петли вымать!»

### 361

#### МАРИАННОЧКА

Ночкой лунною, тою летнею  
 Мы пошли по аллеям гулять.  
 Целовались, миловались,  
 Потом стал он ко мне приставать.  
 Обласкал меня красотой своей  
 И прижал меня к пылкой груди,  
 Он прижал меня и взглянул в глаза  
 Я ждала будто смертной грозы...  
 И проснулась я в том саду одна,  
 Его не было уж у меня.  
 И тогда–то я догадалася,  
 Что измена мне тут и была.  
 И пошла тогда в рестораны я,  
 Чтоб запить свое горе, забыть;  
 И искала я там изменщика  
 И хотела за все отомстить.  
 Долго, долго я там шаталася,  
 Но его не могла я найти...  
 И тогда–то я догадалася,  
 Куда нужно мне было пойти.  
 Я пошла в приют и легла в постель  
 И обдумала ночь одну,  
 Ночкой лунною тою летнею  
 Сын и дочь мне сыграли судьбу.  
 Назвала я дочь Марианночкой,

Сыну имя Володя дала;  
Дочь отправила в детский дом расти  
А я сына с собою взяла.  
Долго с девочкой не видалася  
И хотела ее повидать...  
Пока к ней–то я собиралася,  
Кто–то тихо стал в двери стучать.  
Я открыла дверь, что ж увидела:  
Раскрасавицу перед собой...  
Я ввела ее в свою комнату  
И спросила: «Вам нужно кого?»  
Прежде чем начать разговаривать,  
Нужно было друг друга узнать.  
Назвала себя Марианночка,  
И что ищет она свою мать.  
Марианночка стала спрашивать:  
«Мама, выйти я замуж хочу –  
Мой жених стоит тут за дверкою,  
Если хочешь, то я покажу.  
Разрешила мать жениха показать,  
Она быстро вбежала в крыльцо,  
Привела ко мне Марианночка  
Мне знакомое с детства лицо.  
Не стерпела я, громко вскрикнула,  
Как увидела мужа своего:  
«Марианночка, что ты сделала –  
Полюбила отца своего?»  
И безумная, и несчастная,  
Револьвер со стола я взяла,  
И в изменщика в сердце вольное  
Моя пуля спокойно легла...  
В тот момент зашел сын Володенька –  
Я уж яду стакан налила...  
Под окном лежит Марианночка;  
Вот отец, вот и здесь буду я.  
Снес Володенька Марианночку,  
Чтобы рядом с отцом положить,  
Но и сам упал к ногам матери –  
Сиротою на свете не жить.  
Он зажег свечу и упал на стол,  
От которой и вспыхнул весь дом...  
И погибло там дело тайное,  
И погибла семья вчетвером.

Первый факт расскажу я вам,  
 А не слышали, так могу и пропеть.  
 Этот случай был в одном городе,  
 Как отец мог детей своих жечь.  
 В одном городе близ Саратова,  
 А звать этот город Петров,  
 Жила семья одна одинокая,  
 Мать больна и бледна, словно воск,  
 Долго мучилась та страдалица  
 И спокинула весь белый свет,  
 И оставила двух детей своих,  
 И оставила свой последний завет:  
 «Спокидаю вас, родны детушки,  
 Трудно будет без мамы вам жить,  
 Не умоют вас, не утешат вас,  
 И придется раздетым ходить».  
 Долго мучилась та страдалица  
 И вздохнула она тяжело:  
 «Спокидаю вас, родны деточки»,—  
 И тем кончилось слово ее.  
 Схоронил ее, одинокую,  
 И отец для детей стал не свой.  
 Он нашел себе жену новую  
 С лютым сердцем, коварной душой.  
 Как не раз, не два говорила она:  
 «Давай уничтожим детей —  
 Печку вытопим и сожжем мы их,  
 И будет нам жить веселей».  
 Так и сделали, по словам ее,  
 Мигом печку отец затопил.  
 Завязал в мешок сына младшего,  
 Мигом в печку его посадил.  
 «Милый папочка,—сказала девочка,—  
 Завяжи мне от страха глаза,  
 Чтоб не видеть мне смерть ужасную.  
 И проститься с тобой навсегда»,  
 Завязал глаза милой девочке  
 И хотел ее в печку бросать...  
 Тут увидела родна бабушка  
 И начала в окошко стучать.  
 Ворвался народ, спасли девочку,  
 А мальчишка уж мертвый лежал;  
 И лицо его обгорелое  
 Ко кошмарным людям призывал.  
 Сестра родная над ним склонилась

И руками его обняла;  
 Долго плакала над мальчишкою  
 И отца проклинала она.  
 Арестовали их обоих с красавицей  
 И в исправдом отвезли...  
 Дали комнату им «уютную»,  
 Вот и ждут там судебной поры.

### 363

#### КЛАДБИЩЕ МИТРОФАНЬЕВСКОЕ

Вот сейчас, друзья, расскажу я вам,  
 Этот случай был в прошлом году.  
 Только, граждане, не мешайте мне,  
 Я сейчас этот случай спою.  
 Отец, мать и дочь жили весело,  
 Но изменчива злая судьба:  
 Надсмехался над сироткою,  
 Мать в сырую могилу легла.  
 Отец дочь любил после матери.  
 Но недолго была благодать,  
 Он нашел себе жену новую:  
 «Надя, Надя, вот новая мать».  
 Неродная мать ненавидела  
 Восемилетнюю крошку сперва,  
 Но ничем ее не обидела,  
 А задачу отцу задала:  
 «Всей душой люблю тебя, миленький,  
 Только жить мне с тобою не в мочь.  
 Говорить тебе это совестно –  
 Жить с тобою мешает мне дочь.  
 Иль убей ее, иль в приют отдай,  
 Только сделай все это скорей;  
 А не сделаешь – я уйду тогда,  
 И одна буду жить веселей».  
 Мысль звериная пришла в голову,  
 И не стал отец дочку любить.  
 Но в приют отдать было совестно  
 И решил зверь–отец дочь убить.  
 Пахло зелению, холодок в тени,  
 На могилку малютку стал звать.  
 Не хотелось идти с папою,  
 Но хотелось проведать ей мать.  
 Пахло зелению, духота кругом.  
 Стала рвать цветы, венок плесть,  
 Ей хотелось могилку убрать.  
 Пахло зелению, духота кругом.  
 Вдруг отец: «Надя, Надя!» –стал звать.–



«Ты иди, иди ко мне, милая,  
 Я хочу тебе что-то сказать».  
 Подошла к отцу бедна девочка  
 И упала на грудь головой:  
 «Папа, папочка, это мать моя,  
 На могилку пришли мы с тобой». –  
 «Ты, родная дочь, иди к матери,  
 Ты мешаешь на свете мне жить;  
 Пусть душа твоя горемычная  
 Вместе с мамой в могиле лежит».  
 Лицо белое – испугалась...  
 Он схватил и начал ее жать,  
 Чтобы крик ее не услышали,  
 И на помощь людей не дал звать.  
 Засверкал тут нож у отца в руке,  
 И послышался слабенький стон;  
 И кровь алая по земле текла,  
 И над трупом отец-зверь стоял.  
 Зверь-отец такой ради женщины  
 Совершил он такую комедь.  
 Поднялась рука свою дочь убить,  
 Чужой женщине жертву отдать.

### 364

Жил я в городе Калуге  
 Со своей родной семьей:  
 Была жена моя любима  
 И две девочки со мной.

Я любил детей-малюток,  
 Но вино я часто пил...  
 Познакомился с другою  
 И семью свою забыл.

Бросил я семью родную  
 И с красоткою стал жить,  
 Но родное мое сердце  
 По семье стало тужить.

Тут заметила красотка,  
 Напоила допьяна,  
 А потом она спокойно  
 Мне задачу задала.

«Жить нам было чтоб спокойней –  
 Нынче ночь потемней –  
 Ты жену, детей-малюток  
 Нынче ночью и убей».

Взял кинжал я свой булатный,  
Бритву острую свою  
И пошел я ночью темной,  
Чтоб убить семью свою.

Подошел к квартире старой,  
Кровожадный, точно зверь,  
Закричал что было мочи:  
«Открывай, жена, мне дверь!»

Отворила дверь в испуге  
И спросила: «Что с тобой?»  
А кинжал тут мой булатный  
Засверкал над головой.

Для детей удар был легкий –  
Бритва острая моя,  
И два горла малолетних  
Перерезала она.

### 365

#### НАДЯ

Тихий вечер прохладой веет,  
Собрались подружки гулять:  
«Пойдем, Надя, пойдем, дорогая,  
В глубь лесочка цветы собирать».  
Они шли и туда и обратно,  
Незаметно к ручью подошли...  
Три соловушки трели играли,  
И подружки в глубь леса вошли.  
А у Нади большое несчастье:  
Мужа в армию взяли служить,  
И осталась, как сорванный цветик...  
Надя стала по мужу грустить.  
Не прошло еще и полгода,  
Как у Нади родилась дочь.  
Надя доченьку очень любила,  
Приходилось не спать ей всю ночь;  
Но она полюбила другого,  
Он был тоже, как сорванный цвет.  
Он обнял ее правой рукою  
И спросил, что ей надо купить:  
«Надя, милая Надя, ведь надо  
Вам хоть что-то на память купить,  
Туфли новые, модную шляпку,  
А ребеночка надо убить».—  
«Что ты, Вася, оставь хоть ребенка!» —

Бьется сердце у Нади в груди.  
 «Надя, Наденька, не беспокойся,  
 На вот ножик, бери и коли!»  
 Нож взяла и к ребенку подходит,  
 А малютка в кровати стоит:  
 «Мама, милая, милая мама,  
 Что за дядя на стуле сидит?» –  
 «Это, милая доченька, папа,  
 Только папа, дочурка, не твой».  
 И вонзила она в грудь ей ножик,  
 Только девочка вскрикнула: «Ой!»  
 Залилася подушка вся кровью,  
 Когда вынула нож из груди:  
 «Вася, Васенька, не беспокойся,  
 Только чаще ко мне приходи,  
 Слышишь, Вася, стучит кто–то в двери,  
 Слышишь, Вася, стучит и в окно?» –  
 «Открывай–ка, Надюшенька, двери,  
 Я, твой муж, на побывку пришел».  
 Надя встала и двери открыла,  
 Муж застал в положение жену,  
 И глазами случайно находит  
 Свою дочь, залитую в крови.  
 «Это что» –И наган вынимает,  
 И с прицела спускает курок,  
 И жене, и любовнику вместе  
 Остается коротенький срок.  
 Пострелял и на улицу вышел,  
 Закричал что есть мочи и сил:  
 «Забирайте меня, я убийца,  
 За дочурку свою отомстил!»

### 366

На заводе том была парочка  
 Он был шофер, она – счетовод.  
 И была у них дочка Раечка,  
 Ей пошел уж тринадцатый год.  
 Началась война – мужа в армию;  
 Он с вещами пошел на вокзал,  
 И прощался он с женой верною,  
 И такие слова ей сказал:  
 «А ты жди меня и будь верною,  
 Обещайся почаще писать».  
 Вот прошел уж год и другой настал,  
 Надоело жене мужа ждать –  
 Стала модничать, носить шляпочки,

С лейтенантами стала гулять.  
 Однажды вечером, делать нечего,  
 Дочь решила отцу написать.  
 «Милый папочка,— пишет Раечка,—  
 Мама стала тебя забывать,  
 Стала модничать, носить шляпочки,  
 С лейтенантами стала гулять.  
 Милый папочка,— пишет Раечка,—  
 А еще позабыла сказать,—  
 Вчера вечером приказала мать  
 Дядю Петю отцом назвать».  
 Вот пошло письмо, получил боец,  
 Сам собою не стал дорожить,  
 И в одном бою получил он смерть  
 И теперь он в могиле лежит.  
 А вы, женщины, вы неверные,  
 Муж на фронте, а вы здесь —гулять!  
 Война кончится, муж придет домой,  
 Что ты будешь ему отвечать?

### 367

Напрасно Катюша ждет мужа домой  
 В погонах, с двумя орденами,  
 А Саша вернулся совсем уж другой —  
 Безногий, с двумя костылями.

Приехавши, Саша в квартиру вошел,  
 К Катюше он смело подходит:  
 «Здорово, Катюша, и здравствуй, сынок!»  
 И речь он о чем-то заводит.

Увидевши Катя калекой его,  
 В глазах у нее помутилось —  
 Печальные взгляды она подала,  
 И сердце тревожно забилося.

«Что, Катя, так грустно стоишь и молчишь,  
 Аль ты недовольная мужем?  
 Смотри, не скрывая, смотри мне в глаза —  
 Я нужен тебе иль не нужен?» —

«Скажу, не скрывая ничуть от тебя,  
 Скажу, ну тут что же такого?  
 Ждала ведь с надеждой домой я тебя,  
 Дождалась калеку такого

Ведь наша—то жизнь молодая в цвету.  
 Могу я прожить с новым мужем...  
 И ты уходи, бери сына с собой  
 Калека мне больше не нужен!»

Тут взорвало Сашу, наган он схватил,  
 Наган он на Катю наводит;  
 Нажал он курок, пуля в сердце легла,  
 Струей кровь из раны выходит.

Упала Катюша, как скошенный стог,  
 В крови ее косы сверкали...  
 Вторичный дал выстрел, прощай, мой сынок  
 Забудь ты нас с мамой в печали!

Собравшись, народ видит: трупы лежат  
 И оба в крови утопают,  
 Лишь бедная крошка пред ними сидит  
 И горько о чем—то рыдает.

Наутро два трупа несут хоронить,  
 Их вместе в могиле зароят...  
 Лишь бедная крошка остался один,  
 Навеки он стал сиротою.

### 368

Это было совсем лишь недавно,  
 В Ленинграде вот этой весной.  
 Лейтенант после жаркого боя  
 Пишет письма жене молодой:

«Дорогая жена, я —калека,  
 Нету правой ноги у меня,  
 Нету рук —они честно сражались,  
 Защищая родные края».

Он ответ от жены получает,  
 Не проживши всего десять дней...  
 А она ему так отвечает,  
 Что не нужен калека он ей.

«Мне всего лишь тридцать два года,  
 Я умею и петь, и плясать,  
 Домой ты приедешь калекой,  
 Только будешь в постели лежать».

К низу почерк родной дочурки,  
 К низу почерк самый родной,  
 К низу почерк родимой дочурки  
 И зовет она папу домой.

«Папа, папочка, что ж ты не едешь?  
Приезжай поскорее домой!  
В летний вечер я буду так рада,  
Когда папочка будет со мной.

Я катать тебя буду в коляске  
И цветочки тебе буду рвать,  
А когда, милый папа, устанешь,  
Буду крепко тебя целовать».

Поезд близко к перрону подходит,  
Лейтенант соскочил на ходу,  
К нему дочка родная подходит  
И глазами обводит его.

«Папа, папочка, что же случилось?  
Руки–ноги у папы целы,  
Орден Красного Знамя алеет  
На его богатырской груди».

«Погоди, дочка, после узнаешь,  
Видишь, мама не вышла встречать.  
Видно, мама нам стала чужая,  
И не будем о ней вспоминать».

Как–то раз лейтенант на прогулке  
Повстречался с родною женой,  
Она пала пред ним на колени:  
«Ты прости меня, муж дорогой!»

«Никакого прощенья не будет,  
Не в силах тебя я простить...  
Ты над горем моим надсмеялась  
И от горя теперь будешь жить».

### 369

По Дону гуляет,  
по Дону , гуляет,  
по Дону гуляет казак молодой,  
По Дону гуляет казак молодой.

Там девица плачет,  
там девица плачет,  
там девица плачет над быстрой рекой,  
Там девица плачет над быстрой рекой.

«О чем, дева, плачешь,  
о чем, дева, плачешь,  
о чем, дева, плачешь, о чем слезы льешь?  
О чем, дева, плачешь, о чем слезы льешь?» –

«А как мне не плакать,  
 а как мне не плакать,  
 а как мне не плакать, слез горьких не лить?  
 А как мне не плакать, слез горьких не лить?

Цыганка гадала,  
 цыганка гадала,  
 цыганка гадала, за ручку брала,  
 Цыганка гадала, за ручку брала;

Брала, говорила,  
 брала, говорила,  
 брала, говорила—предсказывала,  
 Брала, говорила—предсказывала:

«Не быть тебе, дева,  
 не быть тебе, дева,  
 не быть тебе, дева, замужней женой!  
 Не быть тебе, дева, замужней женой!

Погибнешь ты, дева,  
 погибнешь ты, дева,  
 погибнешь ты, дева, в день свадьбы своей,  
 Погибнешь ты, дева, в день свадьбы своей.

Поедешь венчаться,  
 поедешь венчаться,  
 поедешь венчаться — утонешь в реке,  
 Поедешь венчаться — утонешь в реке».—

«Не верь, дорогая,  
 не верь, дорогая,  
 не верь, дорогая,—цыганки все врут!  
 Не верь, дорогая,—цыганки все врут!

Поедем венчаться,  
 поедem венчаться,  
 поедem венчаться — я выстрою мост,  
 Поедем венчаться — я выстрою мост;

Мост длинный, чугунный,  
 мост длинный, чугунный,  
 мост длинный, чугунный на тысячу верст,  
 Мост длинный, чугунный на тысячу верст.

Поставлю я стражу,  
 поставлю я стражу,  
 поставлю я стражу на каждой версте,  
 Поставлю я стражу на каждой версте».

Вот тронулся поезд,  
 вот тронулся поезд,  
 вот тронулся поезд –обрушился мост!  
 Вот тронулся поезд –обрушился мост!

Упала красотка,  
 упала красотка,  
 упала красотка на самое дно,  
 Упала красотка на самое дно.

Упала, кричала,  
 упала, кричала,  
 упала, кричала: «Прощай, белый свет!»  
 Упала, кричала: «Прощай, белый свет!»

Еще прокричала,  
 еще прокричала,  
 еще прокричала: «Прощай, милый мой!»  
 Еще прокричала: «Прощай, милый мой!»

Подайте гитару,  
 подайте гитару,  
 подайте гитару, гитару мою!  
 Подайте гитару, гитару мою!

Я вечную память,  
 я вечную память,  
 я вечную память красотке спою.

Прославлю красотку,  
 прославлю красотку,  
 прославлю красотку на тысячу лет!  
 Прославлю красотку на тысячу лет!



## 370

Девчонка—красотка  
 В роскоши жила.  
 Цыганка гадала,  
 Чтоб замуж не шла:  
 «Нейди, девка, замуж,  
 Больше поживешь,  
 А замуж пойдешь —  
 В Дунай попадешь».  
 Стало девчонке  
 Семнадцать лет —  
 Приехали сваты,  
 Конца—краю нет.  
 Сватайтесь, не сватайтесь —  
 Замуж не пойдут;  
 Цыганка гадала —  
 В Дунай попаду.  
 «А я,— говорит,— не сапожник,  
 А я не портной,  
 Поверь, дорогая,  
 Бандурист молодой.  
 Мой отец богатый,  
 Он выстроит мост,  
 Чугунный, огромный,  
 На тысячу верст.  
 Чугунные коляски  
 По пути идут:  
 В первой коляске  
 Невесту везут.  
 Невеста—красотка  
 Глядела в окно,  
 Упала невеста  
 У море на дно.  
 Жених отвечает:  
 «Другую найду —  
 Прославлю цыганку  
 За правду ее!»

## 371

## ГРОМОБОЙ

На берегу реки Днепра,  
 На самой на кручине,  
 Сидел задумчив Громобой,  
 Сидел он думу думал.

Хотел он броситься на дно,  
Боялся приключенья,  
А там, во темной глубине,  
Он видел привиденье:

Старик с щетинной бородой,  
С блестящими глазами  
Стоит, опершись на клюку,  
Как черт, с хвостом, рогами.

«Об чем задумал, Громобой,  
Или боишься ада?  
Не веруй в бога, веруй мне,  
Я дам тебе награду:

Я дам волшебный кошелек,  
Который вечно с золотом,  
Я дам девчонку юных лет,  
Которой краше нету».

И долго думал Громобой,  
И долго не решался...  
Разрубил руку он мечом  
И кровью расписался.

И черт записку эту взял  
И с нею в ад помчался,  
А Громобой с своей душой  
Навеки распрощался.

### 372

При долине, долине широкой  
Забыта могила одна,  
Над этой могилой глубокой  
Есть разбитая громом сосна.  
Над этой разбитой сосною  
Разбой был и ночью, и днем,  
Под этой разбитой сосною  
Гулял здесь злодей с кистенем.  
Никому не давал он проходу,  
Всех грабил, терзал, убивал,  
Но все ж не забыл он о боге,—  
Он детям пощаду давал.  
Шла лесом, шла темным бабенка,  
Молитву творила она,  
Младенца, грудного ребенка,  
В руках эта баба несла.  
«Стой»,—крикнул свирепый разбойник,

И за косу бабу схватил,  
 Содрал с нее синий повойник,  
 Взмахнул кистенем и убил.  
 Малютка грудная вздрогнула,  
 А вражия сила тотчас  
 Разбойнику в ухо шепнула:  
 «Убей ты младенца хоть раз».  
 Кистень засвистел, злое дело  
 Свершилося мигом в тиши –  
 И тут же лишилося тело  
 Младенческой чистой души.  
 Тут небо покрылося мглою,  
 Раздался гром, грозен, сердит,  
 И молнии меткой стрелою  
 Разбойник был этот убит.  
 С тех пор уж под этой сосною  
 Не стало случаться чудес.  
 Лишь только кивает главою  
 При ветре таинственный лес.

## 373

Луна–красавица лениво  
 Обходит хмурый край небес...  
 Кусты руками раздвигая,  
 Идет разбойник через лес.

Вот колокольчик ближе, ближе,  
 Уже совсем невдалеке.  
 Глаза разбойника сверкнули,  
 Булатный нож блеснул в руке.

И вот коней остановила  
 Его могучая рука,  
 С разбитым черепом на землю  
 Упало тело ямщика.

Но не дремал старик полковник, –  
 Со шпагой выскочил в руке;  
 И завязался бой жестокий  
 Вблизи кареты на песке.

Полковник храбро защищался,  
 Разбойник смело нападал...  
 И в сердце раненный полковник  
 На землю замертво упал.

Разбойник кинулся к добыче,  
 Со старика он шубу снял  
 И, наклонившись над часами,  
 Отца родного он узнал.

«Ой вы кони, мои кони,  
Служите мне в последний раз!  
Отца на кладбище свезите,  
А мне Сибирь наверняка.

Пройдет зима, настанет лето,  
В полях цветочки зацветут.  
Меня, мальчишку молодого,  
В Сибирь на каторгу свезут».

Лошадки службу сослужили –  
Отца на кладбище свезли...  
А сына в цепи заковали,  
В Сибирь на каторгу свели.

### 374

Далеко в притоне Сан–Франциском,  
Где бушует грозный океан,  
Как–то раз вечернею порою  
Разыгрался сильный ураган.  
Маргариту многие любили,  
Но она любила всех шутя;  
За любовь ей дорого платили,  
За красоту дарили жемчуга.  
Как–то раз вечернею порою  
Отворились двери кабака,  
И в притон ввалился чернобровый,  
Чернобровый стройный капитан.  
По дороге он уж похмелился,  
В нем играли чувства моряка,  
Сел за стол с поникшей головою,  
Подозвал девчонку с кабака.  
Маргарита стройною походкой  
К капитану быстро подошла  
И в каморку с голубою шторкой  
Капитана за собою увела.  
Ночь прошла, и утро наступило,  
И от ласк кружилась голова:  
«Маргарита, ты не знаешь Шмидта,  
Шмидта – твоего брата–моряка?  
Ничего, сестра, не беспокойся...» –  
Из кармана вынул он наган,  
Раздался выстрел, выстрел по притону  
И легкий труп упал к его ногам.  
Далеко в притоне Сан–Франциском,  
Где бушует грозный океан,  
Бросился с высокого утеса  
Чернобровый стройный капитан.

## 375

Есть в Италии маленький дом,  
Он стоит на обрыве крутом.  
Каждый вечер, в двенадцать часов,  
Старый негр отпирает засов.

И скрипит под ногами ступень,  
И на розы спускается тень.  
Из-за пары распущенных кос  
С оборванцем подрался матрос.

Оборванец был очень силен,  
В нем кипела, играла любовь;  
И вконец обессилел матрос –  
С горла хлынула алая кровь.

Оборванец над трупом присел,  
Чтоб врага своего разглядеть,  
В нем он брата родного узнал,  
Оборванец босой зарыдал.

Ликовала, шумела толпа,  
И рыдал оборванец босой,  
Лишь тихонько стояла она,  
Белокурая, с длинной косой.

Оборванец лишь к ней подошел  
И других он слов не нашел,  
Острый ножик вонзил под косой.  
Та упала прям в ноги нему.

Ликовала, шумела толпа  
И рыдал оборванец босой,  
Лишь тихонько лежала она,  
Белокурая, с длинной косой.

## 376

Задумал я Богу помолиться,  
Взял котомочку, пошел.  
А солнце за лес стало садиться  
Я обратно перешел.  
Вдали завидел деревушку,  
В ней решил ночевать.  
Постучал я у крылечка:  
«Пусти, хозяйка, ночевать».  
Слышу: двери открывались  
Старушка вышла, стала звать.  
Взошел в избу я, помолился,  
Положил сумку я на стол;  
Водой я с хлебом напился,

Спать ложусь на голый пол  
 Слышу: шорох тут поднялся –  
 И зарезали меня...  
 Мое тело схоронили  
 У забора, у себя.  
 Час полуночи пробило;  
 В избу просится мертвец:  
 «Ты пусти меня, старушка,  
 Я зарезанный купец.  
 Мои деньги обобрала  
 И убила ты меня;  
 Теперь деньгами не нуждаюсь,  
 Нуждается семья моя.  
 Семья моя тут не малая,  
 Жена и четверо детей.  
 Лежу у вас тут под забором  
 Свиданья не видать мне с ней».

## 377

Близо города Славенска,  
 На верху крутой горы,  
 Знаменитый жил боярин,  
 По прозванью Карачев.  
 В его тереме высоком,  
 Словно пташка в западне,  
 Изнывает в злой неволе  
 Красная девица–душа.  
 Сиротиночка Любаша  
 Пригорюнившись сидит;  
 Она плачет, слезы льются,  
 Как поток, шумят они.  
 А все сердцу нет отрады  
 И не легче для нее.  
 Скоро полночь, она плачет,  
 И на ум нейдет ей сон...  
 Вот и слышит, кто–то скачет  
 Вот он близко, это он!  
 Подъезжает тихим шагом.  
 В доме смирно, нет огней.  
 Только волки завывают,  
 Глядя на лихих коней.  
 Разом лестницу к окошку  
 Подставляют молодцы...  
 Что ж, хозяин почивает,  
 Его слуги также спят.  
 Один страж стоит на вышках

И бормочет про себя.  
 Вдруг залаяли собаки,  
 И проснулся Карачев;  
 Спohватился он Любаши –  
 Ее нет, ах ты беда!  
 Все на коней, да в погоню!  
 Но уж поздно–нет следа.  
 Спустя лето по малину  
 В лес не ходят никогда!

## 378

Капитан, и родина его –Марсель,  
 Он обожает ссоры, ругань, драки;  
 Он курит трубку, пьет крепчайший ром  
 И любит девушку из Нагасаки.  
 У ней следы проказы на руках,  
 У ней татуированные знаки,  
 И вечерами «джигу» в кабаках  
 Танцует девушка из Нагасаки.  
 У ней такая маленькая грудь,  
 А губы, губы алые, как маки.  
 Уходит капитан в далекий путь,  
 Целует девушку из Нагасаки.  
 И вот в жестокий шторм, когда шумит гроза,  
 В часы такие, сидя у себя на баке,  
 Он вспоминает карие глаза  
 И бредит девушкой из Нагасаки.  
 И вот спешил он к ней, едва дыша...  
 Он узнает, что господин во фраке  
 Однажды, накурившись анаша,  
 Зарезал девушку из Нагасаки.  
 У ней такая маленькая грудь,  
 А губы, губы алые, как маки...  
 Уходит капитан в далекий путь,  
 Не видя девушку из Нагасаки.

## 379

Как в одной небогатой деревне  
 Жили мирно два брата с отцом.  
 Ни о чем они там не тужили,  
 И текла их жизнь чередом.  
 Революция огненным пламенем  
 Пронеслася над миром грозой.  
 За свободу и волю народа  
 Кровь лилася горячей струей.

Привезли пулеметы и пушки,  
Тут проклятья, расстрелы и крик...  
Запалили огнем деревушку,  
И заплакал несчастный старик.

Отوبرали коровку, лошадку,  
В Красну Армию старший ушел.  
В руки младшему дали винтовку,  
Добровольцем он к белым пошел.

И судьба их свела, как нарочно,  
Повстречались в бою первый раз.  
Друг на друга так долго смотрели,  
Не могли оторвать своих глаз.

Старший молвил: «Ты белым солдатом,  
Твой девиз грабежи и расстрел.  
Не зову я тебя больше братом...»  
И винтовку он взял на прицел.

Он курок нажимал так несмело,  
Младший брат тут винтовку схватил –  
И свершилось кровавое дело:  
Штык он старшему в сердце вонзил.

И стоит, точно Каин–преступник,  
Старший брат перед ним умирал,  
Точно ирод, свободы отступник,  
Он над трупом ребенком рыдал.

А над трупом склонились лозы,  
Вышло солнце сражение смотреть...  
Ты не лей же горячие слезы,  
Труп холодный теперь не согреть.

### 380

Между Москвой и Ленинградом –  
Там наша родина была.  
Отец мой был природный пахарь,  
А вместе с ним работал я  
На нас напали злы фашисты,  
Село родное подожгли,  
Отца убили в первой схватке,  
А мать живьем в костре сожгли.  
Сестру родную в плен забрали,  
Она недолго там была:  
Три дня, три ночи пробирался,  
Сестру из плена выручал.



А на четвертый, темной ночью,  
 Сестру из плена я украл.  
 С сестрой мы в лодочку сажались  
 И быстро мчались по реке.  
 Но вдруг кусты зашевелились –  
 Раздался выстрел роковой.  
 Злодей пустил свинцовую пулю,  
 Убил красавицу сестру.  
 Сестра из лодочки упала,  
 А я остался в ней один.  
 Кругом, кругом осиротел я,  
 Кругом остался сиротой.  
 Я выйду на гору крутую,  
 Село родное посмотрю:  
 Горит, горит село родное,  
 Горит вся родина моя.  
 Прощайте, кустики ракиты,  
 Прощайте, мать, отец, сестра!

### 381

#### ПО ЧУЙСКОМУ ТРАКТУ

Как по Чуйскому тракту большому  
 Много ездит лихих шоферов.  
 Был там самый отчаянный шофер,  
 Звали Коля его Снегирев

Он большую трехтонную «Амо»,  
 Как родную сестренку, любил.  
 Чуйский тракт у монгольской границы  
 Он на «Амо» своей изучил.

Там на «Форде» работала Рая.  
 Часто, часто над Чуей–рекой  
 «Форд» зеленый и грузная «Амо»  
 Друг за другом носились стрелой.

Коля Раю любил всей душою;  
 Но стеснялся об этом сказать.  
 Как–то раз при заправке машины  
 Он решил ее милой назвать.

Говорил он ей всю правду,  
 Но жестокая Рая была –  
 Посмотрела на Колю сурово  
 И по «Форду» рукой провела.

Еще раз посмотрела сурово:  
«Слушай, Коля, что думала я:  
Когда «Амо» «Форда» перегонит,  
Тогда Раечка будет твоя».

Как-то раз из поездки с Байкала  
Коля ехал веселый домой...  
«Форд» зеленый, веселая Рая  
Мимо Коли промчались стрелой.

Вспомнил Коля, и сердце забилося,  
Вспомнил Коля ее уговор.  
Он нажал на педали ногою,  
И запел свою песню мотор.

Шла дорога ухаб за ухабом,  
Коля тут ничего не видал;  
С каждым шагом все ближе и ближе  
Грузный «Амо» «Форда» догонял.

На повороте сравнялись машины;  
Коля Раю в лицо увидал.  
Вдруг ухаб, подвернулись шины,  
И штурвал под рукой задрожал.

Грузный «Амо» взял курс над обрывом,  
И с обрыва он в Чую упал.  
И в волнах серебристого Чуя  
Он с кабиной мелькнул и пропал.

И на память лихому шоферу,  
Тому, что страха нигде не видал,  
На могилу поставили фару  
И от «Амо» разбитый штурвал.

И не ходит теперь уж так быстро  
«Форд» зеленый над Чуей–рекой,  
А идет так спокойно и тихо,  
И штурвал уж дрожит под рукой.

Среди бушующих калин  
Судили парня молодого,—  
Он был красивый сам собой,  
Но в жизни сделал много злого.

Он попросился говорить,  
В чем ему не отказали,  
И речь его была полна  
Слезами горя и печали.

«Когда мне было десять лет,  
Я от семьи родной отбился,  
Я научился воровать  
И со шпаною я связался.

Когда мне стало двадцать лет,  
Я был в кругу друзей любимых,  
Я был красивей всех, умней,  
Делил добычу вместе с ними.

Однажды грабили село,  
Где люди тихо, мирно спали;  
Мы стали грабить один дом,  
И свет мы зажигать не стали.

И вот я грабил, убивал,  
Все без шороха, без шума,  
Один попал под мой кинжал,  
И мое сердце всколыхнулось.

Когда же спичку я зажег,  
О судьбы, что же я увидел?!  
Передо мной стояла мать,  
В груди с кинжалом умирая.

А на полу лежал отец,  
Моей рукой он был убитый,  
Холодный труп его давно  
Лежал и кровью был залитый.

А шестилетняя сестра  
В своей кроватке умирала,  
Она, как рыбка без воды,  
Свой ротик нежно открывала».

Когда он кончил говорить,  
Зал переполнен был слезами;  
Народ хотел его простить,  
Но судьи приговор читали.

Среди бушующих калин  
Вели к расстрелу молодого,  
Он был красивый сам собой,  
Но в жизни сделал много злого.

### 383

Вот мчится поезд по уклону  
Густой мурманскою тайгой,  
А машинисту молодому  
Кричит кондуктор тормозной:

«Тише, тише, ради Бога,  
Свернуться можно под откос—  
Здесь неисправная дорога,  
Костей своих не соберешь».

Но машинист на просьбу эту  
Махнул по воздуху рукой:  
«Я твердо знаю, где я еду,  
По чистой этой путевой!

Мы на этом на уклоне,  
Возьмем побольше мы разгон, —  
Часочка два хоть сэкономим,  
Нам легче будет на подъеме».

Но вдруг толчок — летят вагоны  
Среди раскинутых путей.  
А на земле лежали трупы,  
Едва похожи на людей.

К земле придавлен паровозом,  
Лежал механик молодой,  
Он с переломанной ногою  
И весь ошпарен кипятком.

Ему хотелось в это время  
Скорее дома побывать,  
Почеловат малютку—дочку,  
Жену к груди своей прижать.

А смерть жестокая такая  
Для машиниста суждена...  
Прощай, мурманская дорога,  
Прощайте, дочка и жена!

## 384

Во городе во Киеве  
 Случилася беда:  
 В семнадцать лет монашенка  
 Сыночка родила  
 И в три часа полуночи  
 Топить его несла.  
 Монашенки увидели –  
 Рубашечка всплыла...  
 «Не надо нам монашенку,  
 Давай ее скуем!»  
 Сковали мы монашенку  
 В железны кандалы,  
 Угнали мы монашенку  
 В сибирские края.  
 Не надо нам, монашенкам,  
 Шампанско вино пить,  
 Не нужно нам, монашенкам,  
 Молодчиков любить.

## 385

Все васильки, васильки,  
 Много мелькает их в поле;  
 Помню, у самой реки  
 Мы собирали для Оли.

Оля любила реку,  
 Ночью она не боялась,  
 Часто по целым ночам  
 С милым на лодке каталась.

Однажды он к ней подошел  
 И пригласил покататься.  
 Оля согласна была,  
 Он ей помог собираться.

Тихо все было кругом,  
 Лодочка к берегу плыла,  
 Тихо все было вокруг –  
 Оле опасность грозила.

Оля веночек плела,  
 Веночек плела васильковый;  
 Коля смотрел ей в глаза,  
 Взгляд его был невеселый.

Олю он за руку брал,  
В глазки глядел голубые  
И без конца целовал  
Бледные щеки худые.

Олю хотел он обнять,  
Оля ему заявила:  
«Коля мой милый, прости,  
Я ведь тебя не любила».

«Я ли тебя не любил,  
Я ли тобой не гордился?  
След твоих ног целовал,  
Чуть на тебе не женился.

В жизни один только раз  
Я пред тобой провинился...  
Ты торопливо ушла,  
Я не успел извиниться».

«Коля, не мучь ты меня!  
Коля, зачем эти муки?  
Лучше закрой мне глаза,  
Крепче зажми мои руки».

Коля вдруг вынул кинжал,  
Тихо над Олей склонился,  
Оля упала в реку,  
Веночек к ногам покатился.

Тихо все было вокруг,  
Тихо, все спит и не дышит;  
Только морская вода  
Олечкин труп все колышет.

Наутро пришли рыбаки,  
Олю нашли у залива;  
Надпись была на груди:  
«Олю любовь погубила».

Ох, рыбаки, рыбаки,  
Зачем вы всю тайну открыли?  
Лучше бы Олин позор  
Волны морские сокрыли!

Оля лежит на столе,  
Олечки больше не будет,  
Спи, мой цветок голубой,  
Коля тебя не забудет.

Оля красива была,  
 Русые косы вились,  
 Много из наших ребят  
 За Олей—красоткой гнались.

Коля ее полюбил,  
 Но ревность к сопернику была,—  
 Тот же, кто крепко любил,  
 Того и рука погубила.

Не надо так сильно любить,  
 Не надо так сильно влюбляться.  
 Любовь не умеет шутить,  
 Любовь не умеет смеяться.

### 386

#### ЛАРИСА

Звездочка лучистая  
 Горела при луне...  
 Лариса молодая  
 Сидела во дворе.  
 И царь в нее влюбился,  
 И говорит он ей:  
 «Лариса ты, Лариса,  
 Ты будь женой моей.  
 Отдам тебе корону,  
 Отдам тебе коня,  
 Отдам тебе полцарства,  
 Отдам тебе себя»,—  
 «Не надо мне короны,  
 Не надо мне коня,  
 Не надо мне полцарства,  
 Не надо мне тебя».—  
 «Ах, слуги, мои слуги,  
 Убейте же ее!  
 Она меня не любит,  
 Я знаю про нее».  
 Звездочка лучистая  
 Горела при луне...  
 Лариса молодая  
 Лежит в сырой земле.

## 387

Корабль под названием «Медуза»,  
Там капитан испанец был Карузо,  
Любил играть он в карты, любил он пить вино,  
Любил девчонок страстно, девчонок и кино.

Любил голубоглазых итальянок,  
Красивых чернокожих африканок,  
Но больше всех любил он красотку Энрико,  
Что в Мексике родилась, а это далеко.

Приехал как-то в Мексику Карузо,  
Его корабль был наполнен грузом,  
И вышел он на берег, на берег погулять,  
Не думал, что Энрико он может повстречать.

Матросы с мексиканками гуляли,  
Матросы мексиканок целовали;  
И вот он видит это, и вот он видит то –  
Идет сама красотка, красотка Энрико.

С матросом шла она в открытой блузке,  
На каблучке высоком, в узких брючках,  
На талии лежала матросова рука,  
А та все напевала, а песня – вот она:

«Мой капитан по имени Карузо,  
Он с корабля испанского «Медуза»;  
Его сейчас здесь нету, сейчас он далеко,  
А с ним мне очень грустно, с тобой мне хорошо».

В глазах испанца сразу помутнело,  
И за кинжал схватился он несмело,  
И он убил красотку, красотку Энрико,  
Что в Мексике родилась, а это далеко.

## 388

Семнадцать лет из-под неволи  
Моряк все плавал по волнам...  
Как задул попутный ветер,  
Моряк свой парус приподнял.  
Сел на шлюпку, сам поехал  
Ко знакомым берегам.  
Он ко бережку подъехал,  
Да якорь бросить приказал.  
А по бережку крутому  
Да красавица идет;



На ней платье—то голубое  
 Да в косе лента алая.  
 «Здравствуй, милая красotka,  
 Скажи, признала ли меня?»  
 «Я признать—то вас признала  
 Да по колечку своему.  
 Ты отдай мое колечко,  
 Да я тепере не твоя!  
 Мой батюшка—то злой мучитель,  
 Да за второго отдает.  
 Все приданое мое готово,  
 Священник в доме давно ждет».  
 «Если хочешь взять колечко,  
 Зайди на палубу ко мне».  
 Она взошла, парус поднялся,  
 Моряк кольца не отдает.  
 Посадил ей на колени  
 Да стал спрашивать ее:  
 «Ты скажи, скажи, красotka,  
 Скажи, ты любишь ли меня?»  
 Она как будто нарочно  
 Ему сказала: «Не люблю!»  
 А моряк—то да рассердился,  
 Красотку бросил через борт.  
 Моряки тут догадались  
 Да стали спрашивать его:  
 «Ты скажи, моряк сердитый,  
 Да где красавица твоя?»  
 «Она не хочет быть моею,  
 Пускай несет ее волна!»  
 На волнах—то ее качало,  
 Она еще с ним говорит:  
 «Ты, моряк, какой сердитый,  
 С тобой нельзя и пошутить».  
 Моряку—то стало жалко,  
 Да он не мог ее спасти.

## 389

По деревне ходила со стадом овец  
 Деревенская Катя—пастушка,  
 И понравился ей укротитель зверей  
 Чернобровый красавец Андрюшка.

«Променяем с тобой деревенскую жизнь  
 На роскошную жизнь городскую:  
 И куплю я тебе темно—синий костюм  
 И куплю тебе шляпу большую».

Вот и год уж прошел, а Андрюшки все нет,  
Он не едет в деревню за Катей...  
Проклиная судьбу, взяв ребенка с собой,  
Она едет разыскивать мужа.

Научилась она водку горькую пить,  
И притом же ребенок скончался,  
И пошла тут она по шантанам ходить –  
Ей случайно Андрюшка попался.



«Здравствуй, миленький мой, муженек дорогой,  
Как давно я тебя не видала!»  
Чернобровый подлец покачал головой:  
«Я тебя не видал и не знаю!»

Закипела тут кровь во груди молодой,  
Острый нож ему в сердце вонзила:  
«Вот за это за все, за разбитую жизнь,  
Вот за все я тебе отомстила!»

И не ходит уж больше со стадом овец  
Деревенская Катя–пастушка.  
И не нравится ей укротитель зверей  
Чернобровый красавец Андрюшка.

### 390

Двенадцать часиков пробило,  
Вся публика домой ушла...  
Одна возлюбленная пара  
В сосновый лес гулять пошла.

Он пригласил ее на вечер  
Пойти за город погулять  
И приказал ей бесприменно  
Венчально платье надевать.

Она была ему покорна,  
Надела платьице свое.  
Она того не догадалась,  
Что он решил убить ее.

Сперва он бил ее руками,  
Потом порезал грудь ножом,  
И с полумертвыми глазами  
Оставил Тому под кустом.

Она со смертью все боролась  
И с полудня и полночь...  
А население далеко,  
Никто уж ей не мог помочь.

Пройдет зима, настанет лето,  
В саду цветочки зацветут...  
А в это самое мне время  
Цепями руки закуют.

### 391

Однажды сию за роялем,  
Играла и пела на ней,  
Играла и пела так нежно,  
В душе была радость моей.

Я вспомнила прежние годы,  
Когда малолетня была,  
Была красотой одарена  
И в мире как роза цвела.

Любили меня, все ласкали,  
И многие гнались за мной;  
Семнадцать мне лет миновало,  
И что же случилось со мной?

Гуляла я с милым по роще,  
Терзалась любовью я злой,  
Бросалась к нему на колени,  
Шептала: «Люблю, милый мой!»

Вдруг молния ярко блеснула,  
И ужасный гром прогремел,  
Пролилися горькие слезы  
Из Шуриных черных очей.

Домой я и шла, поспешала,  
А дождик мне резал в лицо,  
Все платье до нитки промокло,  
Пока я взошла на крыльцо.

Я тихо к семье пробиралась  
И тихо я в спальню зашла;  
Сымала я мокрое платье  
И тихо в постелю легла.

А утром я рано вставала,  
Всех раньше своих я родных.  
И ждала я милого друга,  
Когда он с решением придет.

Подруга ко мне прибежала  
И руку мене подала:  
«А здравствуй-ка, милая Шура!  
Сейчас я на свадьбе была.

Невеста ничем не красива,  
Нисколько не лучше тебя,  
Лишь только шикарно одета,  
Наверно, богата она.

Такая шикарная свадьба,  
Все пили, кричали «Ура!»  
Вдруг выстрел: незнамая пуля  
Невесте на сердце легла».

Его мне, злодея, не жалко,  
Но жаль, что ее загубил;  
Зарыли в той темненькой роше,  
Где клятбу мне милый дарил.

### 392

Как в Грибьевской деревне  
Случилась беда:  
В семнадцать лет девчонка  
Погибла от ножа.  
На Ленино свиданьице  
Маруся не пошла.  
Потайная подруга,  
За ней она зашла.  
«В двенадцать часов ночи  
За вами я пришла,  
У Лениной мамы  
Всегда огонь горит.  
Пойдем гулять, Маруся –  
Вам Ленечка велит».  
Маруся отвечает:  
«Гулять я не пойду!»  
Маруси сердце чует  
Какую-то беду.  
Шел Ленька по дорожке,  
А пыль ему в лицо...  
А в это время вышла  
Маруся на крыльцо.  
«Зачем вы меня звали,  
Зачем, мой дорогой?» –  
«За вашу за измену  
Зарезать вас хотел!»  
«Я вам не изменяла,  
А изменил ты мне,  
А если ты зарежешь,  
Сидеть будешь в тюрьме».

Марусю крепко сжал он  
 Левою рукой,  
 Кинжалик доставал он  
 Правою рукой.  
 Маруся тут упала,  
 И голос простонал...  
 Улица волнуется,  
 Кругом народ бежал...  
 Зарезана Маруся  
 Уж на земле лежит.  
 Подружки закричали:  
 «Давайте лошадей!  
 Мы отвезем Марусю  
 В больницу поскорей».  
 В больницу привозили  
 И клали на кровать;  
 Она сложила руки  
 И стала умирать.  
 Пять часов пробило,  
 С работы все идут;  
 Зарезану Марусю  
 На кладбище несут.  
 В тесовом новом гробе  
 Марусю понесли,  
 И Ленька издалеча  
 Кричит: «Маня, прости».  
 На Маниной могилке  
 Был вырезан букет,  
 А Лене присудили  
 Ровно десять лет.

### 393

#### ХУТОРОК

Под горой, за рекой  
 Лес зеленый шумит,  
 За рекой на горе  
 Хуторочек стоит.  
 В том лесу соловей  
 Громко песни поет...  
 Молодая вдова  
 В хуторочке живет.

В эту ночь—полуночь  
Удалой молодец  
Хотел быть—навестить  
Молодую вдову.

На реке рыболов  
Поздно рыбу ловил,  
Погулять—ночевать  
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа,  
Не ночуй у меня:  
Свекор дома сидит,  
Он не любит тебя.

Не сердись и плыви  
В свой рыбачий курень,  
Завтра, друг мой, с тобой  
Гулять рада весь день».

Опоздился купец  
На дорожке большой,  
Он свернул ночевать  
Ко вдове молодой.

«Милый купчик, душа,  
Чем тебя мне принять?  
Не топила избы,  
Нет у сена, овса;

Лучше к куму в село  
Поскорее ступай,  
Только завтра, смотри,  
Погулять заезжай».

«До села далеко,  
Конь устал мой совсем,  
Есть свой корм у меня,  
Не печалься, вдова.

Я вчера в городке  
Долго был, все купил,  
Вот подарок тебе,  
Что давно посулил».



«Не хочу я его,  
Боль головушку всю  
Разломила насмерть,  
Ступай к куму в село».

«Эта боль – пустяки,  
Средства есть у меня,  
Слово, два – заживет  
Вмиг головка твоя».

Засветился огонь,  
Закурилась изба,  
Для гостей дорогих  
Стол готовит вдова.

И пошел с рыбаком  
Купец песни играть,  
Молодую вдову  
Обнимать, целовать.

Ты, рыбак, пей вино,  
Нам с сестрой наливай,  
Если мастер плясать,  
Песни петь мы давай.

Молодую вдову  
Обнимает купец,  
А в окошко глядит  
Молодой удалец.

Не стерпел удалой,  
Загорелась душа,  
И как глазом моргнуть –  
Растворилась изба.

И с тех пор в хutorке  
Уж никто не живет,  
Лишь один соловей  
Громко песни поет.

## ВАНЬКА–КЛЮЧНИК

На пригорке земляничка  
Под закрытием росла.  
А княгиня молодая  
С князем в тереме жила.  
А у князя был слугою  
Ванька–ключник молодой,  
Ванька–ключник, злой разлучник –  
Разлучил князя с женой.  
Он не даривал княгиню  
И ни златом–серебром,  
Только даривал княгиню  
Своим белым он лицом.  
А княгиня к Ване льнула,  
Что сорочка ко плечу;  
Целовала–миловала,  
На постелю спать клала:  
«Ты ложись, ложись, Ванюша,  
Спать на князеву постель!»  
Ванька с нянькой поругался,  
Нянька князю донесла.  
«Ты послушай, князь Волконский,  
Всю я правду расскажу!»  
Вот живет, живет княгиня  
С Ванькой–ключником давно...  
Князь дознался, догадался,  
Посадил жену в тюрьму.  
«Ой вы слуги, мои слуги,  
Слуги верные мои!  
Вы подите, приведите  
Ваньку–ключника ко мне!»  
Вот ведут, ведут Ванюшу  
По широкому двору.  
На нем белая рубашка,  
Ветер кудри ему вьет.  
А княгиня молодая  
По нем горько слезы льет.  
«Ты скажи, скажи, Ванюша,  
Сколько лет с княгиней жил?» —  
«Про то знает, князь, подушка  
И перина пухова;



Еще милая подружка,  
Свет–княгиня молода!»  
Вот повесили Ванюшу  
На шелковом поясу,  
А княгиню молодую –  
На ремennom на кнуту.

## 395

«Хас–Булат удалой,  
Бедна сакля твоя,  
Золотою казной  
Я услыплю тебя.

Саклю пышно твою  
Разукрашу кругом,  
Стены в ней обобью  
Я персидским ковром.

Дам коня, дам кинжал,  
Дам винтовку свою,  
А за это за все  
Ты отдай мне жену.

Ты уж стар, ты уж сед,  
И с тобой не житье,  
На заре юных лет  
Ты погубишь ее.

Под чинарой густой  
Мы сидели вдвоем,  
Месяц плыл золотой,  
Все молчало кругом.

Лишь играла река  
Перекатной волной  
И скользила рука  
По груди молодой.

Она мне отдалась  
До последнего дня  
И аллахом клялась,  
Что не любит тебя».

«Князь, рассказ ясен твой,  
Но напрасно ты рек —  
Вас с женой молодой  
Я вчера подстерег.

Береги, князь, казну  
И владей ею сам,  
А неверну жену  
Тебе даром отдам.

Ты сходи, посмотри  
На невесту свою –  
Она в спальне своей  
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,  
Утопая в слезах.  
Поцелуй мой застыл  
У нее на устах».

### 396

Звени, бубенчик мой, звени!  
Гитара, пой шута напевы!  
Я пропою вам, пропою,  
Как шут влюбился в королеву.

В одном из замков короля  
С его прекрасной королевой  
Жил шут, прекрасные глаза,  
Король любил его напевы.

Раз королева говорит:  
«Пропой–ка, шут, мне серенаду,  
А коли тронешь сердце мне,  
Дам поцелуй тебе в награду».

И шут запел, и песнь лилась,  
Как с гор весенних льются струи,  
А ночь пришла, и шут узнал  
Всю прелесть женских поцелуев.

Наутро бешеный король  
Ворвался в спальню королевы,  
Он что–то держит под плащом...  
И тихо шепчет королева:

«О бедный шут, мой бедный шут,  
Теперь тебя я не увижу.  
Тебя любила всей душой,  
А короля я ненавижу!»

И вот не стало никого –  
 И ни шута, ни королевы...  
 И лишь доносит ветерок  
 Шута прекрасные напевы.

## 397

В лесу над рекой жила фея,  
 В реке она часто купалась...  
 Однажды, забыв осторожность,  
 В рыбацкие сети попалась.

Ее рыбаки испугались,  
 Но с ними был юноша Марко,  
 Схватил он прекрасную фею  
 И стал целовать ее жарко.

Весь день она Марка ласкала,  
 Но, как только ночь наступила,  
 Пропала прекрасная фея...  
 И Марка душа загрустила.

И дни все, и ночи он ходит  
 В лесу, над рекою Дунаем,  
 Все ищет, зовет он: «Где фея?»  
 А волны смеются: «Не знаем!»

«Вы лжете! — воскликнул им  
 Марко— вы сами играете с нею!»  
 И кинулся юноша в волны  
 Затем, чтоб найти свою фею.

Купается фея в Дунае  
 Как раньше, до Марка купалась...  
 А Марка уж нету на свете,  
 А песня о Марке осталась.

А вы все живете на свете,  
 Как черви земные живут,—  
 И сказок про вас не расскажут,  
 И песен про вас не споют.

На Варшавском на главном вокзале  
Станционный смотритель прошел,  
А на лавке под серой шинелью,  
Пригорюнясь, сидел офицер.  
Перед ним на коленях стояла  
Во слезах его дева—краса;  
Ее взгляд, такой грустный, печальный,  
По плечам развевалась коса.  
«Ты останься со мною, мой милый,  
Я прошу, не губи ты меня;  
Не губи, пожалей хоть немного,  
Вспомни прежнюю Мусю свою...  
Я косой ли своей шелковистой  
Я тебя и твой стан обовью».  
«Верю, верю, моя дорогая,  
Что по—прежнему любишь меня;  
Но я должен послушать начальство  
И навеки спокинуть тебя».  
Вот уж поезд к вокзалу подходит,  
Весь народ поспешили туда...  
Офицер бросил Мусю и тоже  
Поспешил в пассажирский вагон.  
А в вагоне ему не сидится,  
Он поспешно подходит к окну,  
На глазах его вертятся слезы;  
Верно, жаль стало Мусю ему.  
Что—то важное, верно, случилось,—  
Станционный стоит сам не свой:  
Его дочь от любви и измены  
Под машину легла головой.  
Не успел еще поезд умчаться,  
Не успел еще поезд уйти,  
Мужики все гурьбой по панели  
Труп еще не застывший несли.  
А наутро солдаты в вагоне  
Офицера убитым нашли.  
Так покончили жизнь молодую,  
Они вместе в могилу ушли.

Окрасился месяц багрянцем,  
И волны шумели у скал...  
«Поедем, красotka, кататься,  
Давно я тебя ожидал!»

«Поедем, я еду охотно,  
Я волны морские люблю;  
Дай парусу полную волю,  
Сама я присяду к рулю».

«Ты правишь в открытое море,  
Где с бурей не справиться нам –  
В такую шальную погоду  
Нельзя доверяться волнам».

«Нельзя, почему ж, дорогой мой?  
Как в прошлой минувшей судьбе  
Ты вспомни, изменник коварный,  
Как я доверялась тебе!

От этой измены коварной  
Немало страдает сердец...  
И только скажу, умирая,  
Обоим нам будет конец!»

«Послушай, мы жизнью рискуем,  
Безумная, руль поверни!  
На это сердитое море,  
На эти на волны взгляни!

Здесь волны бросаются с ревом  
На наш беззащитный челнок...»  
«Прочь весла от гибели верной,  
Никто чтоб спасти нас не мог!»

Всю ночь волновалось море,  
И волны шумели у скал...  
Наутро же ветер два трупа  
И щепки от лодки пригнал.

## 400

Где раздается запах лилий,  
Где пахнет свежими цветами,  
Сидела Мери у окна  
С большими карими глазами.

У Мери карие глаза,  
У Мери черные ресницы,  
И Мери юностью полна,  
И Мери славится певицей.

И вот в один прекрасный день  
Она Артура полюбила,  
И в знак согласия и любви  
Букет сирени подарила.

Вот скоро Мери выступать,  
Она Артура не видала...  
Толпе уж надоело ждать:  
«Скорей бы Мери выступала!»

Вот голос Мери раздался –  
О Боже мой, как она пела!  
Толпа с слезами на глазах  
На эту девушку смотрела.

Толпа кричит: «О Мери, бис!»  
Толпа кричит: «О Мери, браво!»  
А Мери смотрит только вниз  
И то налево, то направо.

В сторонку Мери отошла,  
И прилегла уже к дивану,  
И яд смертельный приняла,  
И недвижима больше стала.

Артур как бешеный бежал,  
Предстал пред Мери на колени,  
И губы алы целовал,  
И говорил: «Проснись, о Мери!»

Но не проснется уж она  
И не окинет его взглядом...  
Раздался выстрел, и Артур  
Упал на грудь любимой разом.

Толпа кричит: «Спасите их!»  
Толпа кричит: «Спасите Мери!»  
Но не спасете уж вы их,  
Они венчаются на небе...

## 401

## КОЛОМБИНА

В одном небольшом городишке  
Коломбина с родными жила.  
До семнадцати лет не гуляла,  
А потом себе Джона нашла.  
Она Джона так страстно любила,  
Даже жить без него не могла...  
Как-то раз на вечерней прогулке  
К ней подруга в саду подошла:  
«Что гуляешь одна, Коломбина?  
Джон с другою в саду вон стоит,  
Про тебя он совсем забывает,  
Он с другой о любви говорит».  
Коломбина домой побежала,  
Написала записку ему.  
В той записке его не ругала,  
Написала: «За все отомщу!»  
Прочитавши Джон эту записку,  
К Коломбине домой побежал,  
На полу молодую девицу,  
В луже крови ее увидал.  
Перед нею валялась записка,  
В ней написано несколько строк  
«Джон, ты больше меня не увидишь,  
Я на сердце нажала курок».  
Целовал ее бледные губы,  
Потихоньку револьвер достал.  
«Будем вместе лежать, Коломбина!» –  
И застреленный на пол упал.  
Так окончилась жизнь молодая  
Из-за подлой подруги ее,  
А подруга ее обманула,  
Потому что любила его.

## 402

Любовь бывает хороша,  
Когда взаимная бывает,  
Но в частых случаях она  
У многих жизни отравляет.

Одну я песню передам –  
Своими видел я глазами:  
Судили девицу одну,  
Она дитя была годами.

Когда начаться должен суд,  
Зал полон был набит народу;  
И судьи сели все вокруг,  
Конвой пробил ее дорогу.

Она просила говорить,  
И судьи ей не отказали.  
Когда окончила она,  
Весь зал наполнен был слезами.

«Смотрите, всем я хороша,  
Мой взор не охлажден годами,  
Читайте, в нем моя душа,  
Она открыта перед вами!

Большую гордость затая,  
Свое молчанье не нарушу –  
За что он полюбил меня,  
За красоту или за душу?

В каком–то непонятном сне  
Он овладел, безумец, мною,  
И тихо вкралась в сердце мне  
Любовь коварною змеею.

И долго я боролась с ней,  
Но чувство сил не победило,  
Ушла от матери своей,  
О судьи, я его любила!

Свой стыд и девичий позор  
Я на груди его забыла –  
Прошу не осуждать меня...  
О судьи, я его любила!

В кругу товарищей, друзей.  
Ах, он смеялся надо мною;  
Он гнал и презирал меня,  
А сам водился со другою.



Однажды он меня прогнал,  
И я отмстить ему решила:  
Вонзила в грудь ему кинжал...  
О судьи, я его убила!

Прощай, мой мальчик дорогой!  
Тебя я больше не увижу,  
Тебя любила всей душой...  
А вас я, судьи, ненавижу!

Я снисхожденья не прошу,  
Я признаюсь, что я виновна;  
Читайте приговор скорей,  
А то уж сердцу стало больно!»

Вдруг пошатнулась она,  
Последний вздох в груди раздался,  
А приговор в руках суда  
Так непрочитанным остался.

### 403

Вот спою я вам песню новую  
О любви молодой, роковой.  
Этот случай был в лето прошлое,  
На опушке зеленой лесной.  
Под горой в лесу видно в зелени  
Небольшое село средь полей.  
И жила там одна девушка,  
Имя было Катюшенька ей.  
Чернобровая и румяная,  
Поражала своей красотой...  
Раз вот Катюшку поздно вечером  
Провожал паренек молодой.  
Познакомились и в сердцах сошлись,  
Поклянулись друг друга любить.  
Часто Катенька с ним встречалась  
И не знала, что он изменил.  
Но прошло тут все и открылося,—  
Паренек стал ее забывать,  
Стал гулять с другой дни и ноченьки,  
Стала Катя болеть и худеть.  
И однажды в ночь темную  
Она решила ему отмстить...  
Жаль преступницу, жалко юную,  
Но об этом уж что говорить?  
И с револьвером, тайной злобою,  
На опушку она пробралась...

Эй ты ноченька, ночка лунная,  
 Дай ты злобу скорей разогнать!  
 Вот подъехала лодка к берегу  
 Вышла парочка в лес погулять  
 И уселась возле дерева,  
 Стали что-то тихонько шептать.  
 Катя тут уже, за кустарником,  
 В гневе больше терпеть не могла  
 И последнюю свою мыслию,  
 Что хотела, решила она.  
 Громко грянули там три выстрела,  
 На опушке вдали от села.  
 Ночка лунная это видела,—  
 Как в кустах трепетали тела.

#### 404

«Что ты плачешь, мой миленький мальчик  
 Если болен — врача позову». —  
 «Мама, мама, мне врач не поможет,  
 Я влюбился в девчонку одну.

У нее, мама, модная стрижка,  
 Голубые, как небо, глаза,  
 И похожа она на мальчишку  
 И веселая, как стрекоза».

«Рано, рано, мой миленький мальчик,  
 Рано, рано ты губишь себя». —  
 «Мама, мама, ты разве не знаешь,  
 Что любовь так коварна и зла?»

«Знаю, знаю, мой миленький мальчик,  
 Я сама молодая была,—  
 Полюбила отца-хулигана  
 За его голубые глаза.

Разрешаю тебе, милый мальчик,  
 Полюбить за ее голубые глаза...  
 И еще я скажу, милый мальчик,  
 Это дочь твоего же отца».

Замолчите, проклятые струны,  
 Не губите мальчишке покой!  
 А вчера он убил ту девчонку,  
 А сегодня покончил с собой.

Тихо сияла луна,  
Ветер слегка поддывал,  
Речка журчала тихонько волнистая,  
Лес будто что-то шептал...

Тихо сидели мы с ней под сиренью,  
Я перед нею вдруг встал,  
Правую руку на грудь положил ей,  
«Я вас люблю», – прошептал.

«Довольно, мой милый, тебя умоляю,  
Я тебя тоже люблю,  
Давно по тебе я, мой милый, страдаю,  
Но быть я твоей не могу.

Отец мой священник, ты знаешь прекрасно,  
А ты, милый мой, коммунист,  
За это тебя он не любит до страсти,  
Он ярый у нас монархист».

«Последнее слово тебе, дорогая:  
Ты будешь моей или нет?»  
«Твоей я не буду, тебе повторяю,  
Последний мой это ответ».

И в ту же минуту случилась драма,  
По сердцу прошел ураган,  
Я правой рукою достал из кармана  
Свой маленький черный наган

Она револьвер у меня увидала,  
Пыталась она закричать,  
Но сил у нее уже больше не стало...  
И стала она помирать.

А я очутился в тюремной больнице...  
И врач предо мною стоит,  
Чего-то он делает в белом халате,  
А сам на меня все глядит.

Стоит и священник, стоит и отец мой,  
Стоит и родимая мать,  
Стоит и судья невысокого роста  
И просит меня рассказать.

«Друзья, перед вами во всем сознаюсь,  
 Виновным считаю себя...  
 Свяжите священнику руки цепями  
 За то, что тиранил меня.

А мне, как партийцу, расстрел присудите  
 За то, что нарушил закон,  
 И вместе с красавицей той положите,  
 В которую был я влюблен».

#### 406

На дворе стоит да пень березовый...  
 Гуляла Леночка да в кофте розовой,

Гуляла Леночка да санаторилась,  
 А через год она да опозорилась.

Ох, позор какой, ох, позор какой,  
 Уехал Ленечка — ее не взял с собой!

Уехал Ленечка, увез корзиночку,  
 На память Леночке оставил Зиночку.

На крыльцо вышла Шаврова Леночка,  
 На руках у ней красива девочка.

Стало стыдно ей, она заплакала,  
 Ой, милу девочку в сарай запрятала.

Пошла домой она, взяла лопаточку  
 И милу девочку зарыла в ямочку.

Пошла по лесу, сломала веточку  
 И заработала пятилеточку.

Пятилеточку в четыре годика  
 Не отработать ей — она молоденька.

Самолет летит, мотор моторится,  
 Шаврова Леночка в тюрьму готовится.

Самолет летит, и мотор гудит,  
 Шаврова Леночка да во тюрьме сидит.

Приехал Ленечка, привез ботиночки,  
 Нету Леночки и дочки Зиночки...

Подхожу к тюрьме, тюрьма холодная,  
 Шаврова Леночка сидит голодная.

Подхожу к тюрьме, тюрьма открытая,  
 Шаврова Леночка лежит убитая.



## 407

Живет моя красотка  
 В высоком терему,  
 А в терем тот высокий  
 Нет хода никому.  
 Я знаю, у красотки  
 Есть стража у крыльца –  
 Никто не загородит  
 Дорогу молодца.  
 Зайду я быстро, смело  
 К красотке на крыльцо,  
 Затенькает у двери  
 Чугунное кольцо.  
 И встретит меня хилый  
 И дряхлый, и седой,  
 Муж старый и ревнивый  
 Красотки молодой.  
 Короткая расправа  
 С ним будет у меня –  
 Ни слова он не скажет,  
 Отведав кистеня.  
 А мой кистень сильнее  
 Десятка кистеней...  
 Была бы только ночка  
 Сегодня потемней.  
 Глухой удар раздался,  
 Старик уж под ногой...  
 Теперь пойду поздравлю  
 Красавицу вдовой.  
 «А здравствуй-ка, красотка,  
 Здорова будь, краса!  
 Поедем мы с тобою  
 В дремучие леса!»

## 408

Меж крутых бережков  
 Волга–речка течет,  
 А на ней по волнам  
 Легка лодка плывет.  
  
 В ней сидел молодец,  
 Шапка с кистью на нем,  
 Он с веревкой в руках  
 Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,  
Лодку вмиг привязал,  
Сам на берег взошел,  
Соловьем просвистал.

А на бережке том  
Высок терем стоял,  
В нем красotka жила,  
Он ее вызывал.

Одинокой она  
Растворила окно,  
Приняла молодца  
По веревке умно.

Ночку всю пировал  
С ненаглядной душой,  
Утром рано с зарей  
Возвращался домой.

Муж красавицы был  
Воевода лихой,  
Молодца повстречал  
Он в саду над рекой.

Долго бились они  
На крутом берегу,  
Не хотел уступить  
Воевода врагу.

Но последний удар  
Их судьбу порешил  
И конец их вражде  
Навсегда положил.

Волга в воды свои  
Молодца приняла,  
По реке, по волнам  
Шапка с кистью плыла.

У нас на хуторе один мальчишечка жил,  
А к нам в деревеньку всегда гулять ходил.

Он ходил, ходил, носил тужурочку,  
Он любил, любил девчонку Нюрочку.

У Нюры дроздочка в своей деревне жил,  
А Коля стал ходить и от него отбил.

Ребята ближние на Колю злились,  
Отомстить они Коле решились.

Об этом Колечка ничего не знал,  
С Нюрой с девочкой он на крыльце стоял.

Он стоял, стоял, все разговаривал,  
Нюру–девочку все уговаривал,

Он уговаривал, не наводил тоски:  
«Я не забуду вас до гробовой доски».

Подбежали тут к нему два мальчика,  
Выстрел дал один из наганчика.

Побивши Колечку, они пошли гулять,  
Остался Колечка на мосту лежать.

Он лежал, лежал, уже дышать не мог...  
Нюра плакала у евовных ног.

«Не плачь, Нюрочка, я теперь не твой,  
Подойди, Нюра, поговорим с тобой».

Подошла Нюра, сердце замерло –  
Куда делася любовь пламенная?

«Вспомни, Нюрочка, как я ходил к тебе,  
За тебя, Нюра, буду лежать в земле».

## 410

На столе сидит серый котенок,  
Я сейчас спою про двух сестреночек.

Две сестры родных Нюра с Манею  
Гуляли с мальчиком, звали Ванею.

Там кусты шумят, где цветы цветут,  
Нюра с Манею туда гулять идут.

А мальчик Ванечка провожать идет...,  
Нюра домой зовет.

Нюра шла вперед, за ней Манечка,  
А позади их шел мальчик Ванечка.

Острый нож блеснул, упала Манечка.  
Только крикнула: «Прощай, Ванечка!»

А на Манечке платье цветочками,  
Хоронят девочки ее с веночками.

А на Ванечке платье белое...  
Ах любовь—любовь, что ты наделала!

## 411

Садилось солнце за горами,  
Пошли мы с Клавою гулять,  
Шли мы, шли да приустиали,  
На горку сели отдыхать.  
Когда на горку мы сажались,  
То Клава косу расплела.  
Она плела и говорила:  
«Зарежь, нарежь, Коля, меня».  
«Но как же я тебя нарежу,  
В гулянье я любил тебя?»  
У Коли руки размахнулись,  
Зарезал Коля сам себя.  
Сестра пришла, Колю раздела,  
В пальто записочку нашла,  
А в той записке Коля пишет:  
«Не верьте девкам никогда –  
Они вас любят и ласкают,  
Потом доводят до ножа».



## 412

Вьется сокол над осокой,  
 А осока над водой,  
 Легче с маменькой расстаться,  
 Чем с тобой, мой дорогой.  
 Солнце за лес, солнце за лес,  
 Коля с Шурочкой домой...  
 Подходили к Шурочкиному дому,  
 Вместе сели под окно.  
 Шура волосы чесала,  
 Алу ленточку плела;  
 Шура Коле говорила:  
 «Ты зарежь, Коля, меня».  
 «Что ты, Шура, что с тобою?» –  
 Коля Шуре говорит.  
 Стало Коле Шуру жалко,  
 Он зарезал сам себя.  
 Долго, долго Коля бился,  
 Покамест мама не пришла.  
 Как пришла его мамаша,  
 Тут записочку нашла.  
 В той записочке написано:  
 «Из–за Шуры помер я,  
 Вы не ройте мне могилу  
 Во зеленом во саду,  
 А вы выройте могилу  
 Близ дорожки тракторной;  
 На могилу крест поставьте,  
 Крест дубовый, дорогой;  
 На кресте вы напишите  
 Золотые номера,  
 Кто проедет, прочитает:  
 «Из–за Шуры помер я»».



## 413

Как во нашей во деревне,  
 Во веселой слободе  
 Жил мальчишка лет семнадцать,  
 Неженатый, холостой;  
 Ой, вздумал мальчик пожениться,  
 Ой, не знал, кого спросить,  
 Ой, добры люди натакали:  
 Спроси матери–отца.  
 Ой, сын пошел к отцу с поклоном,

Со покорной головой:  
 «Ой, позволь, папенька, жениться,  
 Позволь взять, кого люблю».  
 Ой, отец сыну не поверил,  
 Что на свете есть любовь:  
 «Ой все на свете люди равны,  
 Надо всех равно любить».  
 Отвернулся сын, заплакал,  
 Отцу слова не сказал.  
 Ой, шел дорожкой, шел он длинной.  
 Ой, прямо к Маше на крыльцо.  
 Стукнул, брякнул в лист стеклянный:  
 «Выйди, Маша, на крыльцо,  
 Отдай с рученьки кольцо».  
 Ему Маша ни словечка,  
 На крылечко да не пошла...  
 Пошел он в лес, пошел в дремучий,  
 Сел на камень отдохнуть.  
 Он вынул саблю, вынул острю,  
 Снял головушку свою.  
 «Ой, ты катись, моя головка,  
 Прямо к Маше на крыльцо!»

#### 414

Они дружили друг с другом с детства,  
 Хотя и были совсем детьми,  
 И часто, часто они клялися,  
 Что не забудут своей любви.

Семнадцать лет мальчишке было –  
 В пилоты он служить пошел,  
 В машине звездной забрался в небо  
 И счастье там свое нашел.

Вот восемь лет уже минуло,  
 И двадцать пять уже ему...  
 И часто, часто писал ей в письмах:  
 «Приеду, крепко обниму».

Друзья узнали и написали  
 Ему письмо издалека,  
 Они писали со злою шуткой:  
 «Тебя не любит уже она».

«Ну что ж, не любит, так не надо,  
Зато тебя как жизнь люблю!  
Ну что мне стоит забраться в небо  
И сделать мертвую петлю!»

На высоте двух тысяч метров  
Пропеллер весело гудел...  
«Ну что ж, не любишь, так не любишь!» —  
И от себя штурвал нажал

Машина вниз, удар о землю...  
Пропеллер сразу замолчал.  
Пилот в крови с разбитой грудью  
Губами бледными шептал:

«Так, значит, амба, значит, крышка!  
Любви моей пришел конец...  
Тебя любил я еще мальчишкой,  
Ну а теперь еще сильнее!»

В гробу дубовом, обитом плюшем,  
Парнишка молодой лежит,  
А перед гробом на коленях  
Его любимая стоит.

Она стоит и горько плачет,  
И слезы режут ей глаза:  
«Вернись, вернись, мальчишка милый,  
Все это сделали друзья».

Друзья узнали, нагоревались...  
Пропеллер стал ему крестом...  
И часто, часто на той могиле  
Девчонка плакала о нем.

#

## 415

## ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу  
В стороне от веселых подруг?  
Знать, забило сердечко тревогу –  
Все лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо  
За промчавшейся тройкой вослед?  
На тебя, подбоченьясь красиво,  
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,  
Полюбить тебя всякий не прочь:  
Вьется алая лента игриво  
В волосах твоих, черных, как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой  
Пробивается легкий пушок,  
Из–под брови твоей полукруглой  
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,  
Полный чар, зажигающих кровь,  
Старика разорит на подарки,  
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,  
Будет жизнь и полна, и легка...  
Да не то тебе пало на долю:  
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,  
Перетянешь уродливо грудь,  
Будет бить тебя муж–привередник  
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной  
Отцветешь, не успевши расцвести,  
Погрузишься ты в сон непробудный,  
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,  
Полном жизни,– появится вдруг  
Выраженье тупого терпенья  
И бессмысленный вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,  
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,  
Бесполезно угасшую силу  
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу  
И за тройкой вослед не спеши,  
И тоскливую в сердце тревогу  
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:  
Кони крепки, и сыты, и бойки,—  
И ямщик под хмельком, и к другой  
Мчится вихрем корнет молодой...

#### 416

Меж высоких хлебов затерялося  
Небогатое наше село.  
Горе горькое по свету шлялося  
И нечаянно к нам забрело.



Ой, беда приключилась страшная,  
Мы такой не знавали вовек:  
Голова ль ты моя бесшабашная —  
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы — тошнехонько,  
Догадались деньжонок собрать.  
Осмотрел его лекарь скорехонько  
И велел где-нибудь закопать.

Меж двумя хлебородными нивами,  
Где прошел неширокий долок,  
Под большими плакучими ивами  
Успокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные  
Из села на заре долетать,  
Будут нивы ему хлебородные  
Безгреховные сны навевать.

#### 417

##### ДОЛЯ БЕДНЯКА

Ах ты доля, моя доля,  
Доля бедняка!  
Тяжела ты, нет отрады,  
Тяжела, горька!

Тяжела, не стало силы,  
Ноет грудь моя.  
Дотащусь ли до могилы  
С такой судьбою я?

Не твою ли, бедняк, хату  
 Ветер покачнул,  
 С крыши ветхую соломку  
 Разметал, раздул?

А не твой ли под горою  
 Сгнил дотла овин?  
 В запустелом огороде  
 Повалился тын?

Не твоей ли полосой,  
 Полосой пустой,  
 Мужики дорогу торят  
 Летнею порой?

Не твоя ль жена в лохмотьях  
 Ходит босиком?  
 Не твои ли, бедняк, дети  
 Просят под окном?

Ах, не ты ль, бедняк, последним  
 Гостем за столом?  
 Не тебя ль, бедняк, обносят  
 Чаркою с вином?

Не твоя ль, бедняк, слезинка  
 На пиру течет?  
 Не твоя ли, бедняк, песня  
 Сердце так и жмет?

Не твоя ль вдали могила  
 Смотрит сиротой?  
 Гроб и всю ее размыло  
 Дождевой водой.

По краям ее крапива  
 Жгучая растет,  
 А зимой над нею выюга  
 Воеет и поет.

#### 418

Месяц молодой  
 Из-за туч мелькает.  
 Плачет парень удалой,  
 Долю проклиная:  
 «Я не вижу светлых дней,  
 Радости не знаю,  
 Точно льдинка от лучей  
 На песочке тает».  
 Вот однажды вечером

Он поет в кручине,  
И разносит ветерком  
Песню по долине:  
«Уж ты мать, моя ты мать,  
Матушка родная,  
На тебя ли мне пенять,  
Долю проклиная?»

## 419

Жил я, только мучился,  
Все горе износил,  
Работал что есть моченьки,  
До изнуренья сил.  
Кормил семью изрядную,  
Платил за все оброк,  
И что-то занеможилось,  
И я в больницу лег.  
И шутка-то немалая –  
Три месяца лежал,  
И вышел из больницы-то,  
Нет денег ни гроша,  
Худая-то муниция  
Куда не хороша!  
Однажды ночь угрюмая  
Я шел по мостовой,  
А ветер дул безжалостно  
В дырявое пальто.  
Пальтишко еле держится,  
Скривились сапоги,  
И не было терпения  
Вдоль улицы пройти.

## 420

В одном селе жила Анюта,  
Она сиротску жизнь вела,  
Она своею красотою  
Богаче всех людей была.  
А Коля малый был свободный,  
Всегда ухаживал за ней,  
А Колю мать с отцом бранили,  
ачем Анюту полюбил.  
Коля матери не слушал,  
Сказал: «Анюта, жизнь моя!»  
Когда во рощице гуляли  
И Коля спрашивал ее:



«А ты скажи, скажи, Анюта,  
 В кого ж красавица растешь?» –  
 «Расту я в маменьку покойну,  
 Пятнадцать лет как померла». –  
 «А ты скажи, скажи, Анюта,  
 А где ж схоронена она?» –  
 «По той дорожке на кладбище,  
 Травой могила обросла,  
 А на этой на могиле,  
 На ней растет два деревца,  
 А на этих на деревьях  
 Справа две птишечки поют,  
 Они поют, про то не знают,  
 Что я, Анюта, сирота».

## 421

Сиротой я росла,  
 Как былинка в поле.  
 Моя молодость прошла  
 У чужих в неволе.

Лет с двенадцати–то я  
 По людям ходила,  
 Где качала я детей,  
 Тут коров доила.

Светлой радости–то я,  
 Ласки не видала,  
 Износилась моя  
 Красота, завяла.

Износили ее  
 Горе да неволя,  
 Что такая, как моя,  
 Уродилась доля.

Уж ты доля моя,  
 Доля сиротинки,  
 Что полынка есть трава,  
 Горче ты осинки!

Хороша я, хороша,  
 Плохо я одета –  
 Никто замуж не берет  
 Девушку за это.



Пойду с горя в монастырь,  
 Богу помолюся,  
 Пред иконою святой  
 Вся в слезах зальюся.

Не пошлет ли мне Господь  
 Той доли счастливой,  
 Не полюбит ли меня  
 Паренек красивый.

Как у пташки есть птенцы  
 У волчицы – дети,  
 У меня, у сироты,  
 Никого на свете.

Канарейка желтая  
 Жалобно пропела,  
 Не мое ли счастье  
 С нею улетело?

## 422

Степь да степь кругом,  
 Путь далек лежит,  
 В той степи глухой  
 Умирал ямщик.

И, набравшись сил,  
 Чуя смертный час,  
 Он товарищу  
 Отдавал наказ:

«Ты, товарищ мой,  
 Не попомни зла,  
 Здесь в степи глухой  
 Схорони меня!

Схорони меня  
 Ты в степи глухой,  
 А коней моих  
 Отведи домой.

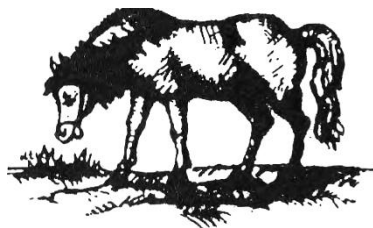
Отведи домой,  
 Отдай батюшке,  
 Мой поклон земной  
 Родной матушке.

А жене молодой  
 Ты скажи, друг мой,  
 Что б она меня  
 Не ждала домой.

Передай словцо  
Ей прощальное  
И отдай кольцо  
Обручальное.

Пусть она по мне  
Не печалится,  
С тем, кто сердцу мил  
Пусть венчается».

И умолк ямщик;  
Кони ехали,  
А в степи глухой  
Бури плакали.



### 423

На железную цепь ворота заперты,  
Там почила обитель святая,  
Не домчится сюда шум мирской суеты  
И греховная песнь удалая.

Всюду мрак и покой во темнице сырой,  
Монастырь этот смотрит уныло,  
Сколько жизни цветущей и сил молодых  
Там навеки схоронено было!

Охватила степная томящая ночь  
Эти кельи, могилы живые,  
Слышна песнь соловья, гонит сны она прочь  
И смущает молитвы святые.

В душевной келье святая лампада горит,  
В темный сад отворилось окно,  
Разметавшись в постели, черница лежит,  
Грешный сон ее мучит давно.

Снится ей тот чудесный неведомый сад,  
Что лежит за оградой святою,  
Там и песни, и смех, и веселый там пир,  
Всюду веет там жизнью иною.

Снится ей, что на бале блестящем она,  
Прислонившись к колонне стоит,  
Любопытства, испуга и неги полна,  
В грудь высокую сердце стучит.

И так странен на ней монастырский наряд,  
Эти четки и рясы черницы,  
На нее с изумленьем все гости глядят,  
Полны жизни и счастья их лица.

Отделясь от толпы, к ней подходит один,  
Тихо шепчет ей странные речи:  
«Сбрось печальный, ненужный наряд инокинь  
И открой свои юные плечи.

Звездою роскошной и первую здесь  
Станешь тотчас же, милая ты,  
Полюблю я тебя и отдамся я весь  
Дивным чарам твоей красоты».

И внимая мольбам, она нежно к нему  
Протянула прекрасные руки,  
Поклялась отдаться навеки ему,  
И полна была счастья и муки.

И сняла она черный платок с головы  
И, бледнея, откинула прочь,  
И рассыпались до полу на две волны  
Ее темные косы, как ночь.

И проснувшись мгновенно от сладкого сна.  
Она в ужасе встала с постели  
И, босая, стыда и испуга полна,  
Затворила окно своей кельи.

И, повергнувшись ниц пред иконой святой.  
Она долго и жадно молилась,  
Но мешала ей дивная песнь соловья  
И душой она к милому сну уносилась.

#### 424

Пастушка юная, младая,  
Увидя старца на пути  
И низко голову склоняя,  
Цветочек был в правой руке.  
Взглянувши старец на цветочек,  
С улыбкой девушке сказал:  
«Побереги, дева младая,  
Чтобы цветочек не сповял.  
Цветочек вянет, вянет, вянет,  
Цветок сповянет, как трава,  
Тебя твой миленький обманет,  
Обманет, девица, тебя».  
Пастушка громко засмеялась,  
Не веря старческим словам,  
Сама скорей, скорей помчалась  
К крутым высоким берегам.  
Ее там встретила измена,

Ее друг милый изменил,  
 Пастушка слезно зарыдала,  
 Что правду старец говорил.  
 Девицы, милые созданья,  
 Вы не влюбляйтесь в мужчин,  
 Они приносят вам страданья,  
 А вас не стоит ни один.  
 Одна девица вышла замуж,  
 Была окружена детьми.  
 Один кричит: «Дай, мама, чаю!»  
 Другой кричит: «Я есть хочу!»  
 А муж, как демон, на диване:  
 «Жена, дай трубку с табаком!  
 Подай мне, душечка, гитару,  
 От скуки песенку спою».  
 Одного чаем напоила,  
 Второго спать уложила,  
 А мужу трубку раскурила,  
 Гитару в руки подала,  
 Сама заплакала пошла:  
 «Ах, Боже мой, какая скука,  
 Я лучше б в девушках жила,  
 Сухой бы корочкой питалась,  
 Воду холодную пила».

#### 425

На паперти Божьего храма  
 Оборванный нищий стоит  
 И видит: какая-то дама,  
 Роскошно одета на вид  
 Из церкви выходит та дама,  
 Старик, задрожавши, упал.  
 И было причиной той драмы:  
 Он дочь в ней родную узнал.  
 «Я нищий, отцу Христа ради  
 Подай же на хлеб, моя дочь!» –  
 «Ты мне не отец, а бродяга,  
 Уйди же, уйди скорей прочь!»  
 Красавица в пышном наряде  
 Поспешно сбежала с крыльца.  
 Коляска проворно умчалась,  
 Забрызгала грязью отца.

Отец ей послал вслед проклятье,  
 Лежал он, удушьем томим,  
 И вся же тут нищая братья  
 С мольбою упала над ним.

#### 426

Зима, метели в крупных хлопьях,  
 При сильном ветре снег валит.  
 При входе в храм одна в лохмотьях  
 Старушка нищая стоит.

И милостыню ожидая,  
 Она всегда с клюкой своей  
 И летом и зимой босая...  
 Подайте милостыню ей!

Сказать ли вам, старушка эта  
 Как двадцать лет тому жила?  
 Она была мечтой поэта,  
 И слава ей венки плела.

В то время торжества и счастья  
 У ней был дом, не дом— дворец,  
 И в этом храме сладострастья  
 Томила тысяча сердец.

Когда на сцене она пела,  
 Театр в восторге был от ней,  
 Она соперниц не имела...  
 Подайте милостыню ей!

Бывало, после представленья  
 Ей от толпы проходу нет  
 И молодежь от восхищенья  
 Кричала «браво» ей вослед.

Вельможи случая искали  
 Попасть в число ее друзей,  
 Талант и ум в ней уважали...  
 Подайте милостыню ей!

Святая воля провиденья —  
 Артистка сделалась больна,  
 Лишилась голоса и зренья  
 И бродит по миру одна.

Бывало, нищий не боялся  
 Прийти за милостынькой к ней,  
 Она ж просить у вас стыдится...  
 Подайте милостыню ей!

## 427

Жизнь, зачем ты собой  
Обольщаешь меня?  
Почти век я прожил,  
Никого не любя...

В душе старый огонь  
Разгорался не раз,  
Но в бесплодной борьбе  
Он сгорел и погас.

Моя юность цвела  
Под туманом густым,  
А что ждало меня,  
Я не видел за ним.

Только тешилась мной  
Злая ведьма—судьба,  
Только силу мою  
Сокрушила борьба

Да лишь зимней порой  
Меня ветер знобил,  
Да лишь волос седой  
Мои кудри развил.

Жизнь, зачем ты собой  
Обольщаешь меня?  
Если б сила была,  
Я разбил бы тебя!

## 428

Развяжите мои крылья,  
Дайте волю полетать,  
А брошенную долю —  
Полечу ее искать.

Сперва на родину родную  
Я направлю свой полет,  
Расспрошу про мать родную,  
Как она теперь живет.

Может быть, она от горя  
Из-за сына померла,  
Может быть, ее могила  
Вся травую заросла.



Завтра рано, на рассвете,  
Я на кладбище пойду,  
Всю заросшую могилу  
Я слезами оболью.

Растворись, сыра земелька,  
Выйди, маменька моя,  
Расскажу тебе, родная,  
Как живется без тебя.

Мне живется очень плохо  
Без тебя и без отца,  
Не с кем горем поделиться  
И печали развести.

Кому месяц, кому ясный,  
А мне завсегда туман.  
Кому весело живется,  
А мне завсегда печаль.

#### 429

Серая осень, лист падал, кружился,  
Маленький дом на опушке стоял,  
А в окна светило ночное светило,  
И в стеклах оконных свет тускло блистал.

«Мама, ты спишь, а тебя одевают  
В новый, совсем незнакомый наряд;  
Там люди чужие молитвы читают,  
Там свечи восковые тускло горят.

Папа, скажи, почему мать не дышит,  
Глазки закрыла, рука холодна;  
И сколько ни плачу я, мама не слышит –  
Видно, совсем разлюбила меня...»

«Брось, отойди, не терзай мою душу,  
Каждое слово так мучит меня.  
Нет нашей мамы, покинуло счастье,  
Нет нашей мамы, она умерла.

А на кладбище, где ветер бушует,  
Где люди кончают свой жизненный путь,  
И там нашу маму зароят навеки,  
Прощальную песню над ней запоют».

Ах, судьба! Какая ты злая!  
Даже спроситься меня не смогла.  
Маленький мальчик слезы роняет –  
Детское сердце в кулак не сожмешь.



Но вырастут дети и станут большими,  
 Горе свое они водкой зальют.  
 Вспомнят про детство, про милую маму  
 И на кладбище цветов принесут.

## 430

По дорожке зимней, скучной  
 Лошадка бежит.  
 Мужичок в худой шубенке  
 На саях сидит.

Понукая лошаденку,  
 На нее кричал.  
 На саях его широких  
 Черный гроб стоял.

На лице его суровом  
 Грустная печаль:  
 Кто лежит во этом гробе,—  
 Видно, ему жаль.

Вот кладбище и часовня,  
 Там и Божий храм,  
 И жену свою, голубку,  
 Он оставил там.

Воспитай—ка, воскорми—ка  
 Семерых сирот,  
 Много горя с ними будет,  
 Много и забот.

## 431

Спишь ты, спишь, моя родная,  
 Спишь в земле сырой.  
 Я пришел к тебе, родная,  
 С горем и тоской.  
 Я пришел к тебе, родная,  
 Чтоб тебе сказать,  
 Что теперь уже вторая  
 У меня есть мать.  
 Что твой муж, что твой любимый,  
 Мой отец родной,  
 Твоему бедняжке—сыну  
 Стал совсем чужой.  
 «Много, много встретишь горя,  
 Мой родимый сын,  
 Много вынесешь неволи,

Бед и нищеты».
 И слова твои сбылись,  
 Все сбылись они.  
 Встань ты, встань, моя родная,  
 На меня взгляни.  
 С неба тучи, дождик льется,  
 Холодом знобит...  
 У твоей сырой могилки  
 Сын—бедняк стоит.  
 В старом, рваном зипунишке,  
 В ветхих сапогах  
 У твоей сырой могилки  
 Плачет сын бедняк.  
 Приюти меня, родная,  
 Здесь, в земле сырой,  
 Буду спать я, спать спокойно  
 Рядышком с тобой.

#### 432

Пошла я в лес за малиной,  
 Малины я там не нашла;  
 Нашла я там крест и могилу,  
 Которая травой заросла.  
 Упала на эту могилу  
 И горько заплакала я:  
 «Мамаша, ты спишь и не слышишь,  
 Как дочка горюет твоя».  
 Мамаша ее услышала:  
 «Не плачь ты, сиротка моя,  
 Возьмут тебя люди чужие,  
 И будешь ты жить, как своя».  
 «А кто мне головку причешет,  
 А кто мне косу заплетет,  
 А кто меня, такую молодую  
 К себе в дом и в жизнь приведет?»  
 Вы ройте, вы ройте могилу,  
 Вы ройте в зеленом саду,  
 Заройте меня, молодую,  
 Как маму зарыли мою.  
 Когда меня в могилу опускали,  
 То все отошли от ней прочь,  
 И только на небе светила  
 Луна в эту звездную ночь.

## 433

Встань, проклятая машина,  
 Дай хоть раз мне отдохнуть,  
 Дай хоть раз усталой грудью  
 Посвободнее вздохнуть.

Но не слушает машина,—  
 Знай стучит себе, стучит.  
 «Отдохнешь в сырой могиле»,—  
 Этот стук мне говорит.

## 434

Мучит, терзает головушку бедную  
 Грохот машинных колес;  
 Свет застилается в оченьках крупными  
 Каплями пота и слез.

Грохот машин, духота нестерпимая,  
 В воздухе клочья хлопка;  
 Маслом прогорклым воняет удушливо,  
 Да, жизнь ткача не легка!

Эх, да зачем же, зачем же вы льетесь,  
 Горькие слезы, из глаз?  
 Делу помеха — основа попортится —  
 Быть мне в ответе за вас!

Рученьки, ноженьки ноют, сердечные,  
 Спинушку ломит, бока...  
 Грохот машин, духота нестерпимая —  
 Да, жизнь ткача не легка!

## 435

## В ТКАЦКОЙ

Смотрят холодные мертвые стены  
 В бледные лица ткачей.  
 Спряталось солнце, больше не смотрит,  
 И в корпусе стало темней.

Низко склоняясь над своею основой,  
 В грохоте грозных машин,  
 Вытки, ткачиха, кусок матерьяла  
 Ровно в сто двадцать аршин.

Пусть, утомляя, мелькают приводы,  
 Но не навеять им сон.  
 Слышит ткачиха в них песню свободы,  
 И новый звенит это звон.

## 436

Измученный, истерзанный,  
 Наш брат мастеровой  
 Идет, как тень загробная,  
 С работы трудовой.  
 В руках пила тяжелая  
 И молот пудовой.  
 Стучит тяжелым молотом,  
 Купцу казну кует,  
 А сам страдает голодом,  
 Порой нужду несет.  
 Придет зима холодная,  
 Дает купец расчет,—  
 Без гроша, без копейки,  
 Хоть плачет, да идет.  
 А дома дети голодом,  
 Чахотка у жены...  
 Придет, в постельку бросится,  
 Заплачет, как дитя:  
 «Мне жить на свете хочется,  
 А жизнь—то нелегка».

## 437

## ПЕСНЯ О КОНОГОНЕ

Вот лошадь мчится по продольной,  
 По темной, узкой и сырой,  
 А коногона молодого  
 Предупреждает тормозной:

«Ах, тише, тише, ради Бога!  
 Здесь ведь и так большой уклон,  
 На повороте путь разрушен,  
 С толчка забурился вагон».

И вдруг вагончик забурился,  
 Беднягу к парам он прижал,  
 И к коногону молодому  
 Друзей на помощь кто-то звал.

Через минуту над вагоном  
Уже стоял народ толпой,  
А коногона к шахтной клетки  
Несли с разбитой головой.

«Ах, глупый, глупый ты мальчишка,  
Зачем так быстро лошадь гнал?  
Или начальства ты боялся,  
Или конторе угождал?» –

«Нет, я начальства не боялся,  
Конторе я не угождал, –  
Мне приказал начальник шахты,  
Чтоб порожняк быстрее давал.

Прощай навеки, коренная,  
Мне не увидеться с тобой,  
Прощай, Маруся, ламповая,  
И ты, товарищ, стволковой.

Я был отважным коногоном,  
Родная маменька моя,  
Меня убило в темной шахте,  
А ты осталася одна».

## 438

### ЗОЛОТОИСКАТЕЛЬ

Мчится ветер по тайге широкой,  
Всю листву с деревьев посрывал...  
Над своею юностью проклятой  
Золотоискатель зарыдал.

«Что ты плачешь, золотоискатель,  
Или счастья сроду не видал?» –  
«Плачу я, что жизнь свою истратил.  
Посреди деревьев растерял.

Трудно жить на этом белом свете  
От проклятой юности своей...  
Я хочу пожаловаться детям,  
Только нету у меня детей».

И пошел обратно он, рыдая,  
Через лес в родимые края.  
И восстала перед ним большая,  
Золотом покрытая тайга.

## КОЧЕГАР

Раскинулось море широко,  
И волны бушуют вдали.  
Товарищ, мы едем далеко,  
Подальше от нашей земли.

Не слышно на палубе песен,  
И Красное море волною шумит,  
А берег суровый и тесен—  
Как вспомнишь, так сердце болит.

На баке уж восемь пробило —  
Товарища надо сменить.  
По трапу едва он спустился,  
Механик кричит: «Шевелись!»

«Товарищ, я вахты не в силах стоять,—  
Сказал кочегар кочегару,—  
Огни в моих топках совсем прогорят,  
В котлах не сдержать мне уж пару.

Пойди заяви, что я заболел  
И вахту, не кончив, бросаю.  
Весь потом истек, от жары изнемог,  
Работать нет сил — умираю».

Товарищ ушел... Лопатку схватил,  
Собравши последние силы,  
Дверь топки привычным толчком отворил,  
И пламя его озарило:

Лицо его, плечи, открытую грудь  
И пот, с них струившийся градом,—  
О, если бы мог кто туда заглянуть,  
Назвал кочегарку бы адом!

Котлы паровые зловеще шумят,  
От силы паров содрогаясь,  
Как тысячи змей пары же шипят,  
Из труб кое-где пробиваясь.

А он, извиваясь пред жарким огнем,  
Лопатой бросал ловко уголь;  
Внизу было мрачно: луч солнца и днем  
Не может проникнуть в тот угол.

Нет ветра сегодня, нет мочи стоять,  
 Согрелась вода, душно, жарко –  
 Термометр поднялся на сорок пять,  
 Без воздуха вся кочегарка.

Окончив кидать, он напился воды,  
 Воды опресненной, не чистой,  
 С лица его падал пот, сажи следы,  
 Услышал он речь машиниста:

«Ты, вахты не кончив, не смеешь бросать,  
 Механик тобой недоволен.  
 Ты к доктору должен пойти и сказать –  
 Лекарство он даст, если болен».

За поручни слабо хватаясь рукой,  
 По трапу наверх он взбирался;  
 Идти за лекарством в приемный покой  
 Не мог – от жары задыхался.

На палубу вышел — сознания уж нет,  
 В глазах его все помутилось,  
 Увидел на миг ослепительный свет,  
 Упал... Сердце больше не билось...

К нему подбежали с холодной водой,  
 Стараясь привести его в чувство,  
 Но доктор сказал, покачав головой:  
 «Бессильно здесь наше искусство...»

Всю ночь в лазарете покойник лежал,  
 В костюме матроса одетый;  
 В руках на груди крест из воску лежал;  
 Воск таял, жарюю согретый.

Проститься с товарищем утром пришли  
 Матросы, друзья кочегара.  
 Последний подарок ему принесли –  
 Колосник обгорелый и ржавый.

К ногам привязали ему колосник,  
 В простыню его труп обернули;  
 Пришел пароходный священник–старик,  
 И слезы у многих сверкнули.

Был чист, неподвижен в тот миг океан,  
 Как зеркало, воды блестели;  
 Явилось начальство, пришел капитан,  
 И «вечную память» пропели.

Доску приподняли дрожащей рукой,  
И в саване тело скользнуло,  
В пучине глубокой, безвестной морской  
Навеки, плеснув, утонуло.

Напрасно старушка ждет сына домой,  
Ей скажут, она зарыдает...  
А волны бегут от винта за кормой,  
И след их вдали пропадает.

#### 440

Какие нынче годы,  
В Москве как трудно жить;  
Семью свою родную  
Приходится забыть.

Мне пишут из деревни:  
«Роскошно ты живешь,  
Получку получаешь –  
Домой денег не шлешь».

Какая же получка?  
Получишь рублей пять,  
Идешь и рассуждаешь:  
Куда мне их девать?

Домой послать – мне мало,  
Пальто мне не купить.  
Не лучше ль передумать –  
Все дочиста пропить.

В пропивке толку мало  
Пьянчужкой будут звать.  
Не лучше ль передумать  
В три листика сыграть.

Сыграл я не на шутку,  
Под весь свой золотой.  
Теперь мне целый месяц  
Мурцовку есть с водой.

Мне пишут из деревни:  
«Что ж денег не прислал?»  
И я пишу обратно:  
«В больнице пролежал».



А к Пасхе я приеду  
И денег привезу,  
Последний сундучишко  
Без крышки заложу.

А к Пасхе я приехал  
И денег не привез,  
Отец меня ругает:  
«Куда те черт принес?»

Детишкам по штанишкам  
И матери рубль дал,  
К жене своей, красотке,  
Явился лично сам.

#### 441

Я думаю, что очень нужно  
Заняться делом всей душой.  
Но дело в том, что недосужно –  
Всегда с похмелья, братец мой!

Имел я деньги пребольшие,  
А на Тверской – и домик свой,  
Имел карету, двух лошадок...  
Теперь все пропил, братец мой!

Бывало, у меня пир до обеда,  
Шампанское текло рекой.  
Теперь же нету корки хлеба,  
На шкалик нету, братец мой!

Бывало, я в трактир явлюся –  
Прислуга вся ко мне толпой...  
Теперь у двери появлюся –  
По шее гонят, братец мой!

Бывало, как меня ласкала  
Красотка в час поры ночной...  
Теперь, наверно, не узнает  
Меня в лохмотьях, братец мой!

Я спать ложусь и засыпаю,  
А где ж жена, а где ж сын мой?  
Стою я, слезы проливаю –  
Жену я пропил, братец мой!



## 442

У входа роскошной палаты,  
Где море горело огней,  
Стояла красотка в лохмотьях,  
И слезы струились у ней.

«О чем ты, красавица, плачешь,  
Что в жизни случилось с тобой?» —  
«Я плачу о доле счастливой,  
Убитой злосчастной судьбой». —

«Не плачь ты, не плачь ты, голубка,  
Красу не губи ты свою,  
Согласье ты дай быть моею —  
И будешь ты жить, как в раю». —

«Отстань от меня ты, бесстыжий,  
За деньги не буду твоей,  
Скорее в нужде я погибну,  
Чем чести лишуся своей». —

«Не будешь, просить я не стану,  
Я горд и с ума не сошел».  
И, сунув монетку ей в руку,  
Он важно в палату вошел.

Не вынесла дева удара  
Злосчастной судьбы роковой,  
Как колос под серпом, упала  
На выступ она мостовой.

У входа роскошной палаты,  
Где море горело огней,  
Скончалася дева—красотка  
С зажатой копеечкой в руке.

## 443

## В ХОЛОДНУЮ БУРНУЮ НОЧЬ

Жила моя мать и молилась,  
Чтоб Бог ей послал скорей дочь,  
И вот я однажды родилась  
В холодную бурную ночь.

В квартире сырой и холодной,  
В сырых и холодных углах,  
Привыкла я к жизни голодной,  
К тяжелой работе в трудах.

Жила я, заботы не знала,  
Лелеяла мать, берегла,  
Работала, изнемогала,  
Трудилась, как только могла.

И мною мать часто гордилась,  
Что я у ней скромная дочь.  
Но вот я однажды влюбилась  
В холодную бурную ночь.

Измены его я не знала,  
Внезапно покинул злодей,  
Ждала я его, не дождалась,  
Стерпела я стыд от людей.

Теперь я куда покажусь,  
Кто может мне горю помочь?  
В родительский дом возвратилась  
В холодную бурную ночь.

Я долго войти не решалась,  
Забилось сердце мое,  
Больная душа изнывала,  
Я вспомнила детство свое.

И вот наконец постучалась:  
«Родная, прими свою дочь!»  
А мне говорят: «Мать скончалась  
В холодную бурную ночь».

Теперь я куда покажусь,  
Кто может мне горю помочь?  
Пойду я в реку утоплюся  
В холодную бурную ночь.

#### 444

Родила меня мать под забором  
И спустила меня в нищету.  
А природа меня не забыла  
И назло мне дала красоту.

Я свое беззаботное детство  
 На чужой стороне провела,  
 Пожила и подбавила силы  
 И к попу во служанки пошла.

В той деревне, где жить мне пришлось,  
 Небольшая деревня была,  
 В ней подруг я себе не имела,  
 Но с одною знакома была.

У моей задушевной подруги  
 Брат приказчиком в городе был,  
 Из Ростова приехал нарядный,  
 В тот же день он меня полюбил.

Долго—долго я с милым гуляла,  
 И не раз мне пришлось до зари.  
 С ним я совесть свою потеряла  
 И осталась жить в нищете.

Он ушел за тюремно окошко,  
 Под окошком светлела луна...  
 Тут увидела мама родная —  
 Я сидела рыдала одна.

Я найду себе ночь потеплее  
 И далече я в лес удаюсь,  
 Из волос я сплету себе петлю  
 И вдали от людей удавлюсь.

#### 445

Можно ли купеческу дочку  
 Без позволения любить?  
 Буду ли потом втихомолку  
 Слезы горячие лить?

Мне приглянулся приказчик,  
 У старшего брата он был;  
 Я полюбила безумно,  
 Он тоже меня полюбил.

В будущем нет мне расцвета,  
 Замуж меня не возьмут,  
 А дома все брань и упреки,  
 Только грызут и грызут.

Словно не дочь я родная  
 Или преступница я...  
 А раз горячо полюбила,  
 Так в этом провинность моя.

Нет, отрекусь я от мира,  
Жить в монастырь я уйду, –  
Быть может, в стенах монастырских  
Горе свое отмолю.

## 446

В чудном саду, где так много приволья.  
Где вся природа забвенье дает,  
Девушка, ставшая жертвой безволя,  
Скорбную песню о жизни поет.

«Рано я с честью рассталась,  
Счастья светильник зажгла,  
С жизнью разгульной спозналась,  
Торной дорожкой пошла.

В бедности жить надоело,  
Вечно страдать–горевать;  
Совесть, убившую тело,  
Стала купцам продавать.

Кто мне платил подороже,  
К тем в содержанки я шла,  
Старцев слюнявых на ложе  
Жгучею страстию жгла.

Время расплаты настало:  
Было здоровье и нет.  
Вмиг инвалидкою стала  
В самом расцвете я лет.

Жизнь промелькнула, как в сказке,  
Нету былой красоты,  
Нету привета и ласки,  
Гибну в цепях нищеты».

Вот кончилась песня, и брызнули слезы,  
Сердце в тревоге забилося у ней...  
Что рисовали надежды и грезы,  
Все уничтожено в сумраке дней.

## 447

В Петрограде дом обширный,  
Это знаю я:  
Там живет все баронесса,  
Старая вдова.

Раз пошла я прогуляться,  
 Драму посмотреть,  
 Увидала баронесса  
 И дала конфет.

Налила мне рюмку водки  
 И сказала: «Пей!  
 Это, детка, слаще меду,  
 Будет веселей!»

Вот прошло немного время,  
 С девушкой беда:  
 От незнакомого мужчины  
 Дочку родила.

«Спи, дитя мое прекрасно,  
 Бог твой сон хранит,  
 Твоя мама шансонетка  
 По ночам не спит.

День и ночь она страдает  
 И скорбит, любя,  
 Честной девушкой желает  
 Воспитать тебя.

Научу тебя с пеленок  
 Презирать мужчин...  
 Я была еще ребенок,  
 Обманул один,

Обманул родную крошку,  
 Вот я стала мать.  
 С этих лет я, шансонетка,  
 Стала выступать».

#### 448

По диким степям Украины,  
 Где люди зарылись в деньгах,  
 Мешочник, судьбу проклиная,  
 Тащился с мешком на плечах.

Идет он большою дорогой,  
 Где ели и сосны вокруг,  
 И кажется, шепчут деревья:  
 «Не бойся, спасем тебя, друг!»

Мешочник к вокзалу подходит  
 Забилося сердце в груди:  
 Ох, Господи, если отымут,  
 Тогда хоть давиться беги!

Спокойно в вагон погрузился,  
 Душою бедняга вздохнул,  
 Но голос какого-то типа  
 Беднягу тотчас же вспугнул:

«Товарищи, вон из вагона!»  
 Какой-то мальчишка сказал,  
 И тут наш несчастный мешочник  
 Как малый дитё зарыдал.

Отняли муку дармоеды,  
 И поезд отправился в путь.  
 И тут наш несчастный мешочник  
 Под поезд он бросился вдруг.

Поехал бедняга за хлебом,  
 Последню корову продал,  
 Оставил семью он голодной,  
 А сам под машину попал.

И пишут жене телеграмму:  
 «Коль хочешь ты мужа видать,  
 Тогда поезжай на Украину  
 В гроб мужнины кости собрать».

#### 449

Бульваром я шел торопливо,  
 Ждала меня дома жена.  
 Подходит ко мне торопливо  
 Из здешних девчонок одна:  
 «Пойдемте, мужчина, со мною»,—  
 За ручку брала, говоря.  
 «Девчонка ведь ты молодая,  
 За деньги себя продаешь?»  
 «Жила я в мастерицах,  
 Училась шикарно я шить,  
 Голод и холод, невзгоды,  
 Старалась я всё переносить.  
 Однажды хозяйка с заказом послала  
 Нести на Морскую капот.  
 Долго я с капотом ходила,  
 Насилу я номер нашла.

Хозяйка меня приласкала,  
 Конфеты и фрукты дала,  
 Из шкафа графин доставала  
 И рюмку вина налила.  
 А я отказать не посмела  
 И выпила рюмку до дна...  
 Не помню, со мною что было  
 И как на кровать легла.  
 Поутру, когда я проснулась,  
 То сразу я всё поняла:  
 Хозяйка меня обманула,—  
 За деньги меня продала.  
 Я больше домой не вернулась,  
 По пыльной дороге пошла».

#### 450

Не ругайте меня, дорогие,  
 Не ругайте меня за разврат —  
 Слишком бедные были родные  
 Денег не было мне на наряд

Еще крошкой пошла на работу,  
 Целый год на заводе жила,  
 Восемнадцати лет я пропала —  
 Я ругалась, курила, пила.

Ну на грех уродилась красива,  
 Красота загубила меня:  
 Все мальчишки за мною гонялись,  
 Подмастерье влюбился в меня.

Он работу давал мне все легче,  
 Часто водку со мной выпивал,  
 А другие старались до поту,  
 Он последнюю шкуру с них драл.

Но не помню, как это случилось,  
 Подмастерье ко мне охладел —  
 Он занялся с девчонкой другою,  
 На меня он смотреть не хотел.

И с работы меня сократили,  
 И пришлось мне несчастливой быть.  
 И работа от рук вся отпала,  
 И пошла я по скользкой пути.



Ночевала я в разных квартирах  
 С богачами, с купцами всегда.  
 И попала я в дом развращения –  
 Но и там я виновна была.

Но и там я виновна осталась...  
 Не ругайте, родные, меня,  
 Помолитесь за душу больную,  
 Ведь виновная этому я.

## 451

Сегодня решила покончить с собой,  
 Ах, милая, добрая мама!  
 Судьба надсмеялась зло надо мной –  
 А сколько позора и срама!

Ты вспомни–ка, милая мама моя,  
 Ту майскую темную ночьку,  
 Когда тот красавец увез от тебя  
 Твою ненаглядную дочку.

Сначала от страсти к любви он пылал,  
 Потом охладел постепенно  
 И выгнал на улицу в шею меня,  
 И чувствам вышла измена.

Была непроглядная темная ночь,  
 И буря во тьме бушевала,  
 Твоя ненаглядная гордая дочь  
 От холода, стужи дрожала.

Вдруг слышно, по улице тройка бежит  
 И крикнул ездок с полупьяна:  
 «Поедем, красотка, со мной,–говорит,–  
 Туда, в кабинет ресторана».

Мы пили, гуляли, уж было рассвет,  
 Уж жизнь начиналась иная,  
 Он сунул мне в руку кредитный билет  
 И вышел, романс напевая.

И с этой руки и пошло, и пошло,  
 А сколько позора и срама!  
 Свеча догорела, мне жить тяжело,  
 Прощай, ненаглядная мама...

## СЕРАЯ ЮБКА

Когда море горит бирюзой,  
Опасайся дурного поступка...  
У нее голубые глаза  
И короткая серая юбка.

Увидавши ее на борту,  
Капитан тоже вышел из рубки  
И с остывшею трубкой во рту –  
Возле девушки в серенькой юбке.

Говорил он про пройденный путь,  
Про походы ночные на шлюпке,  
А сам смотрит на девичью грудь  
И на ножки под серенькой юбкой...

Пригласил он ее на обед  
В капитанскую темную рубку,  
И там тихо, под шелест газет,  
Он снимал с нее серую юбку.

Была ночь, и светила луна,  
Паруса шелестели приятно,  
На диванчике он и она,  
Остальное все было понятно...

А потом в той каюте нашли  
Капитаном забытую трубку,  
А в углу на диване лежит  
Вся измятая серая юбка.

Капитан, капитан, капитан,  
Что же сделал ты с этой малюткой?!  
И в далеком Бретонском порту  
Плачет девушка, став проституткой

## 453

Не плачь, подруженька, я девица гулящая,  
Вином и водкою я душу отвожу,  
Ведь наша жизнь с тобой теперь пропащая...  
Сначала выпьем, а потом я расскажу.

Не плачь, подруженька, я девица гулящая,  
Не мучь ты душу, объятую тоской,  
Ведь наша жизнь с тобой давно пропащая,  
И тело женское все проклято судьбой!

Людьми и властью мы с тобой отмечены,  
Нам счастья в жизни больше не найти –  
Ведь все равно с тобой мы обе искалечены,  
И для забав отрезаны пути.

Налей, подруженька, я девица гулящая,  
Вином и водкою я душу отвожу –  
Ведь наша жизнь давно пропащая...  
Сначала выпьем, а потом я расскажу.

Скорей, подруженька, ведь вечер начинается,  
Ведь все равно того не будет вновь.  
Налей, подруженька, ведь полночь приближается:  
Готовь к продаже продажную любовь!

В приют пошла я еще маленькой пацаночкой,  
Там познакомилась я с девицей одной:  
Моя подруженька была уже пропащая  
И повела меня на улицу с собой.

Там познакомилась я с мальчиком хорошеньким,  
Он мне понравился, понравилась и я,  
Он заразил меня болезнью заразною –  
Пропала девица и девичья краса...

В семье рабочей я, девица, родилась,  
Отец рабочий, работница и мать,  
А мне, несчастной, судьбою так случилось,  
Чтоб на панели своим телом торговать.

Не плачь, подруженька, я девица гулящая,  
Не мучь сердечко, объятые тоской, –  
Ведь наша жизнь с тобой давно пропащая,  
И тело женское все проклято судьбой!

## 454

Ты говоришь, что я пьяна,  
Да, я сегодня пьяная,  
Тогда налей бокал вина –  
Какая жизнь поганая!

Я водку пью, я водку пью,  
Когда я пью, балдею.  
А мне всего семнадцать лет,  
И я уже седею.

Меня ты в парке целовал  
И обнимал за плечи,  
Тогда «люблю» ты мне сказал –  
Ласковые речи.

Я план курю, я план курю,  
Когда курю, балдею.  
А мне всего семнадцать лет,  
И я уже седею.

Старушка дряблою рукой  
Меня всю искромсала.  
Смотри, что сделал ты со мной,  
Смотри, какой я стала!

Я водку пью, я водку пью,  
Когда я пью, балдею.  
А мне всего семнадцать лет,  
И я уже седею...

## 455

В Москве ночные улицы  
В неоновых распятях.  
У ресторанов блудницы  
Целуются в объятиях.

И ты среди них влюбляешься  
С глазами неба синего,  
В чужих ногах валяешься  
В семнадцать с половиною...

Там дело было трудное,  
В чужих домах ночуешь ты,  
Зовут тебя там чудною,  
И по рукам гуляешь ты.

Кого так жадно ищешь ты,  
Идя дорогой длинною,  
О ком глаза заплаканы  
В семнадцать с половиною?..

Так вытри слезы, умница,  
И брось свою компанию,  
И может, парень молодой  
Назовет тебя желанною...

И станет жизнь прошедшая  
Невиданной картиною,  
А счастье обретишь ты вновь  
В семнадцать с половиною.

#### 456

Не знал я мать, не знал отца,  
Мальчишка был задора,  
Провел я детские года  
В канаве под забором.

Отец мой умер в кандалах  
В тюрьме и под надзором,  
Меня мать ночью родила  
В канаве под забором.

Когда я начал подрастать,  
Кричали люди хором:  
«И–ох, ты сволочь, без отца  
Рожденный под забором!»

Мне жизнь – копейка, смерть – плевок,  
Гляжу веселым взором;  
Я все на свете пережил  
В канаве под забором.

Краюху хлеба я украл –  
Меня назвали вором,  
Зимой прогнали со двора,  
Ночью под забором.

Так скучно жить холостяком –  
И я увлекся взором:  
Себе маруху я нашел  
В канаве под забором.

Иду ль по улице порой –  
Милиция с надзором,  
Чтоб в отделение не попасть,  
Прижмешься у забора.

И вот как час мой подойдет  
По переулкам воров,  
Умру и я тогда в ту ночь  
В канаве под забором.

## 457

По приютам я с детства скитался,  
Не имея родного угла...  
Ах, зачем я на свет появился,  
Ах, зачем меня мать родила?

А когда из приюта я вышел  
И пошел наниматься в завод,  
Меня мастер в конторе не принял,  
Говорит, что не вышел мне год.

И пошел я по свету скитаться,  
По карманам я начал шмонать,  
По людским и буржуйским карманам  
Стал рубли и копейки сшибать.

Осторожный попался раз барин:  
Меня за ухо цепко схватил,  
И недолго судья разбирался,  
И в Литовку меня засадил.

Из тюрьмы я, мальчишка, сорвался  
И опять не имею угла.  
Ах, зачем я на свет появился,  
Ах, зачем ты меня родила?

## 458

Там вдали при долине  
Громко пел соловей...  
А я мальчик на чужбине  
Позабыт от людей.

Позабыт—позаброшен  
С молодых юных лет,  
Я остался сиротою,  
Счастья—доли мне нет.

Я куда ни поеду,  
Я куда ни пойду,  
А родного уголочка  
Для себя не найду.

Вот нашел уголочек,  
Да и тот не родной,  
В исправдоме за решеткой,  
За кирпичной стеной.

Привели, посадили,  
А я думал – шутя,  
А наутро объявили:  
«Расстреляют тебя».

Вот убьют, похоронят,  
И не будет меня,  
И родные не узнают,  
Где могила моя.

На мою на могилку,  
Знать, никто не придет,  
Только раннею весною  
Соловей пропоет.

Пропоет, прощечечет  
И опять улетит...  
Моя бедная могилка  
Одиноко стоит.

У других на могилках  
Все венки да цветы,  
У меня, сиротинки, –  
Обгорелы пеньки.

#### 459

На далекой мурманской дороге,  
На широком мурманском пути,  
Мчится поезд с большой быстротою,  
Пред собой разрезая туман.

И колеса, и рельсы стучат,  
Будто тайный ведут разговор:  
«Эту тайну никто не узнает,  
Эту тайну возьмем мы с собой».

Вот раздался гудок паровоза,  
Скоро поезд к Мурманску пришел,  
В это время в вокзальное здание  
Беспризорный мальчишка вошел.

Он был в рваной и грязной одежде,  
Ничего у него на ногах,  
А из дырок виднелись колени  
И накинута мешок на плечах.

Вот подходит к билетной он кассе,  
Тихо руку в карман потянул,  
Не успел еще вынуть он руку,  
Как легавый его оттолкнул.

И прогнал на мороз на трескучий,  
И ребенку согреться не дал.  
Человек тот, наверно, без сердца,  
Что ребенка на холод прогнал...

Вот раздался свисток паровоза,  
Очень быстро набрал скорость он,  
Беспризорный вскочил на подножку,  
А с подножки упал под вагон.

Ему отрезало правую ногу,  
И в крови была вся голова;  
Обливаясь алою кровью,  
Прошептал он такие слова:

«Ой вы гады, проклятые гады,  
Вы хотите меня убивать,  
Если есть у вас сердце, начальник,  
Не должны вы сирот обижать...»

#### 460

Вот раздался гудок паровоза –  
Это поезд полтавский пришел,  
И в раскрытые двери вагона  
Беспризорный мальчишка вошел.

Вот он к кассе вокзальной подходит  
И сует свою руку в карман,  
Не успел он сказать и «Одесса»,  
Как легавый его распознал.

Он вскочил на подножку трамвая,  
Подскользнулся, на рельсы упал,  
Обливаясь горячею кровью,  
Он такие слова прошептал:

«Ой вы, люди Советской России,  
Вы хотели весь мусор убрать,  
А попался я вам, беспризорный,  
Так зачем же меня убивать?»



## СМОЛЕНСКИЙ МАЛЬЧИШКА

Сейчас по Нью-Йорку холодному,  
А может, по Лондону,  
А может, по Мюнхену бродит он,  
Смоленский мальчишка Иван.

Войной от России отдвинутый,  
Слоняется по миру он;  
Пока еще верит заученным  
Чужим иностранным словам.

Семья у мальчишки в Смоленске была,  
Ее в сорок первом война отняла,  
И дом разломала, и детство украла,  
Взамен не дала ничего.

Давно на чужбину заброшенный,  
Все бродит, все бродит он,  
И знает одно лишь о Родине,  
Что Родины нет у него

Ненастными днями, ночами ли,  
Все бродит, все бродит в молчании...  
Кто знает, о чем рассуждает он,  
Смоленский мальчишка Иван,

За годы скитаний измученный,  
Издерганный и приученный  
При встрече здороваться левою,  
А правую руку — в карман.

Он помнит немножко  
Ветлу под окошком  
И думает вновь:  
«Для чего?»

Давно на чужбину заброшенный,  
Все бродит, все бродит он,  
И знает одно лишь о Родине,  
Что Родины нет у него.

## XII. РАЗБОЙНАЯ ВОЛЯ И ТЮРЕМНАЯ ДОЛЯ



Я казнь достоин,  
 Я казнь заслужил,  
 Я с тайной удалой  
 Обидам ходил.

## 462

Что затуманилась, зоренька ясная,  
Пала на землю росой?  
Что призадумалась, девица красная,  
Очи блеснули слезой?

П р и п е в :

Там за лесом, там за лесом  
Разбойнички шалют, шалют  
Там за лесом, там за лесом  
Убить меня хотят.  
Нет, нет, не поеду,  
Лучше дома я умру.

Жаль мне покинуть тебя, черноокая,  
Жаль мне расстаться с тобой...  
Вот уже полночь...Дай чару глубокую,  
Вспень поскорее вином!

П р и п е в :

Время! Ведите коня мне любимого,  
Крепче держите под уздцы!  
Едут с товаром из-под Касимова  
Муромским лесом купцы!

П р и п е в :

Есть для тебя у них кофточка шитая,  
Шубка на лисьем меху;  
Будешь ходить ты вся в злато залитая,  
Спать на лебяжьем пуху!

П р и п е в :

Много за душу твою одинокую,  
Много я душ загублю;  
Я ль виноват, что тебя, черноокою,  
Больше, чем душу, люблю!

П р и п е в :

## 463

## ПЕСНЯ УЗНИКА

Не слышно шуму городского,  
 За невской башней тишина,  
 И на штыке у часового  
 Горит полночная луна.

Вот бедный юноша, ровесник  
 Младым, цветущим деревьям,  
 В глухой тюрьме заводит песню  
 И отдает тоску волнам:

«Прости, мой край, моя отчизна,  
 Прости мой дом, моя семья!  
 Здесь, за решеткою железной,  
 Навек от вас сокрылся я.

Прости, отец, прости, невеста,  
 Сломись, венчальное кольцо,  
 Навек закройся, мое сердце,  
 Не быть мне мужем и отцом.

Сосватал я себе неволю,  
 Мой жребий – слезы и тоска,  
 Но я молчу, такую долю –  
 Ее взяла моя рука».

## 464

Все тучки принавесили,  
 А в поле пал туман.  
 «А что же ты помыслил,  
 Скажи, наш атаман?» –  
 «Тут место незнакомое,  
 А сам я есаул,  
 Вокруг я своей хижины  
 Поставлю караул.  
 Подайте мне карету  
 И пару лошадей,  
 Я сяду и поеду  
 К красавице своей».  
 Приехал я, примчался,  
 А дома не застал,  
 В окошко постучался  
 И громко засвистал.  
 Старуха испугалась:  
 От свисту моего

Далеко побежала  
 От дома своего.  
 «Куда ж ты побежала,  
 Старая карга?  
 А где же твоя дочка?—  
 Позволь ее сюда!» —  
 «Моей здесь дочки нету,  
 Она ушла гулять.  
 А если очень нужно,  
 Извольте подождать».  
 Вот двери растворились  
 Красавица зашла,  
 Саулу поклонилась  
 И ручку подала.  
 «Вот сто рублей находки  
 С друзьями поделюсь,  
 С тобой, моя красotka,  
 Опять понаживусь!»

#### 465

Среди лесов дремучих  
 Разбойнички идут.  
 В своих руках могучих  
 Товарища несут.  
 Носилки не простые:  
 Из ружей сложены,  
 А поперек стальные  
 Мечи положены.  
 На них лежал сраженный  
 Сам Чуркин молодой,  
 Он весь окровавленный,  
 С разбитой головой.  
 Ремни его кольчужны  
 Повисли по краям,  
 А кровь из ран струится  
 По русым волосам.  
 Несли его до места,  
 Несли в глуши лесной.  
 Мы шли, остановились,  
 Сказали: «Братцы, стой!»  
 Мы наземь опустили  
 Носилки с мертвецом  
 И дружно приступили  
 ыть яму вшестером.

Мы вырыли глубоко  
 На желтым песке,  
 На желтым песочке,  
 На крутым бережке!  
 «Прощай ты, наш товарищ,  
 Наш Чуркин молодой,  
 Уж нам теперь не время  
 Беседовать с тобой.  
 Идем, идем скорее!  
 Мы снова, братцы, в бой!»

## 466

В темнице несносной  
 Разбойник сидит,  
 Ждет смерти поносной  
 И так говорит:

«Вот скоро дождусь я  
 К себе палачей,  
 Тогда разочтусь я  
 С виною моей.

Губите, разите,  
 Сожгите в огне.  
 Разите, губите,  
 Не плачь обо мне.

Я казни достоин,  
 Я казнь заслужил,  
 Я с шайкой удалой  
 По воле ходил.

Как ворон на птицу,  
 На всех нападал...  
 Теперь бы помчаться  
 К родной стороне,  
 С друзьями обняться  
 Любимыми мне.



## 467

## ОРЕЛ

Когда—то свободный, счастливый, могучий  
Он в небе лазурном, безбрежном кружил,  
Высоко, высоко, где плавают тучи,  
Когда—то он жил.

На землю, на море, на скалы крутые  
Смотрел он спокойно с лазури высот  
И, первым встречая лучи золотые,  
Приветствовал солнца он клетком восход.

Он с бурями спорил, исполненный силой,  
Клубилися тучи, и гром грохотал.  
Но смелою грудью орел сизокрылый  
Навстречу без страха он ветрам летал.

Ослабли могучие крылья в неволе,  
И взор его гордый и смелый угас;  
В угрюмой темнице, тоскуя по воле,  
Сидит он, как узник, толпе напоказ.

И грезой прекрасной разбуженный, с криком  
Бросается смело он грудью вперед  
И хилыми крыльями в бешенстве диком  
По прутьям проклятой решетки он бьет.

И сыплются перья, и звонко трепещут  
Упругие прутья решетки стальной,  
А в гневном порыве глаза его блещут  
Орлиной отвагой и гордой враждой.

Мечтать о просторе, о счастье и воле  
И гаснуть, покорно отдавшись судьбе,  
Теря последние силы в неволе,—  
Так лучше погибнуть в борьбе.

## 468

Звенит звонок насчет поверки,  
Ланцов задумал убежать.  
Не стал зари он дожидаться,  
Проворно печку стал ломать.  
И изломал он и пробрался  
На тот тюремный на чердак.  
По чердаку он долго шлялся,  
Себе веревочку искал.  
Нашел веревку, нашел длинну,

К трубе тюремной привязал,  
 Перекрестился, вниз спустился  
 На тот широкий, большой двор.  
 Прощай, несчастная казарма,  
 Прощай, несчастный часовой.  
 Солдат заметил, ружьем грянул,—  
 На башне пробил барабан.  
 Казак на серенькой лошадке  
 Поспешно к князю поскакал:  
 «Ко вашей милости с докладом,—  
 Ланцов из замка убежал».  
 Бежал, бежал московским парком,  
 Потом свернул налево в лес.  
 С травы росой он умывался,  
 Молился Богу на восток.  
 И так он три года прошлялся,  
 Чего хотел, он пил и ел.  
 С одной девчонкой он сваялся,  
 Из-за нее попал в острог.  
 Здорово, братцы-арестанты,  
 Пришел ваш прежний атаман.

#### 469

Когда я был мальчик свободный,  
 Не знал ни горя, ни нужды,  
 Родные все меня жалели,  
 Я распотешный мальчик был.  
 Баловство, пьянство сгубило,  
 Я сбился с правильна пути —  
 В одну несчастную влюбился  
 Своей для пагубы души.  
 Она клялась, что верно любит  
 Своей обманчивой душой,  
 Но я, мальчишка, ей поверил  
 Своей бездумной головой.  
 С московским замком я спознался,  
 В котором три года сидел.  
 Сижу я год, сижу второй,  
 Сижу вечернею порой.  
 Сижу вечернею порой,  
 Лампадка тусклая горит,  
 А за железною решеткой  
 Часового штык блестит.



И часовой, притворный парень,  
 Он притворился, будто спит,  
 И что мне вздумалось, мальчишке:  
 Хочу из замка убежать.  
 Не стал зари я дожидаться,  
 Проворно печку стал ломать.  
 Трубою тесною пробрался  
 Я на тюремный на чердак,  
 По чердаку я долго шлялся,  
 Себе веревочку искал.  
 Нашел веревку тонку, длинну,  
 К трубе тюремной привязал,  
 Перекрестился, стал спускаться...  
 Солдат увидел – выстрел дал.  
 По всем частям было известно:  
 Ланцов из части убежал.

#### 470

Славное море, священный Байкал,  
 Славный корабль – омулевая бочка.  
 Эй, баргузин, пошевеливай вал, –  
 Плыть молодцу недалечко.

Долго я звонкие цепи влачил,  
 Душно мне было в горах Акатуя,  
 Старый товарищ бежать пособил,  
 Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь –  
 Горная стража меня не поймала,  
 В дебрях не тронул прожорливый зверь,  
 Пуля стрелка миновала.

Шел я и в ночь, и средь белого дня,  
 Вкруг городов озираясь зорко,  
 Хлебом кормили крестьянки меня,  
 Парни снабжали махоркой.

Славное море, священный Байкал,  
 Славный мой парус – халат дыроватый.  
 Эй, баргузин, пошевеливай вал, –  
 Слышатся бури раскаты.

## 471

По диким степям Забайкалья,  
Где золото роют в горах,  
Бродяга, судьбу проклиная,  
Тащился с сумой на плечах.

Идет он густою тайгою,  
Где пташки одни лишь поют,  
Котел его сбоку тревожит,  
Сухие коты ноги бьют.

На нем рубашонка худая,  
Со множеством разных заплат,  
Шапчонка на нем арестанта  
И серый тюремный халат.

Бежал из тюрьмы темной ночью,  
В тюрьме он за правду страдал.  
Идти дальше нет больше мочи,  
Пред ним расстился Байкал.

Бродяга к Байкалу подходит,  
Рыбацкую лодку берет  
И грустную песню заводит –  
Про родину что-то поет:

«Оставил жену молодую  
И малых оставил детей,  
Теперь я иду наудачу,  
Бог знает, увижусь ли с ней!»

Бродяга Байкал переехал,  
Навстречу родимая мать.  
«Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша,  
Здоров ли отец, хочу знать».

«Отец твой давно уж в могиле,  
Сырою землею зарыт,  
А брат твой давно уж в Сибири,  
Давно кандалами гремит.

Пойдем же, пойдем, мой сыночек,  
Пойдем же в курень наш родной,  
Жена там по мужу скучает  
И плачут детишки гурьбой».

## 472

Глухой неведомой тайгою,  
Сибирской дальней стороной  
Бежал бродяга с Сахалина  
Звериной узкою тропой.

Шумит, бушует непогода,  
Далек, далек бродяге путь.  
Укрой тайга его глухая,  
Бродяга хочет отдохнуть.

Там далеко за темным бором  
Оставил родину свою,  
Оставил мать свою родную,  
Детей, любимую жену.

«Умру, в чужой земле зароят,  
Заплачет маменька моя...  
Жена найдет себе другого,  
А мать сыночка никогда».

## 473

Уж как с вечера погода,  
А с полночи сильной дождь.  
Там шел—прошел бродяга,  
Бездомный человек.  
Навстречу шел бродяге,  
Шел товарищ дорогой:  
«Ты скажи, скажи, бродяга,  
Куда торопишься—спешишь?»  
«Я спешу, спешу, бродяга,  
К отцу, к матери родной,  
А еще спешу, бродяга,  
Ко Дуняше молодой».  
«Твоя мать с отцом, бродяга,  
Во сырой земле лежит,  
А Дуняша дорогая  
Под вторым венцом стоит».  
Делать нечего бродяге,  
Воротился взял назад.  
Шел он лесом, шел он темным,  
Шел под кустик отдохнуть.  
Его солнышко пригрело,  
Он под кустиком заснул.  
Вдруг несчастье случилось —

Подхватили молодца,  
 Ручки с ножками сковали  
 И отправили в острог.  
 Там острожный надзиратель  
 Стал расспрашивать его:  
 «Ты скажи, скажи, бродяга,  
 Сколько душ ты загубил?»  
 «Уж я три души зарезал,  
 А четверту задушил».

## 474

Скажи, каторжанин, всю правду,  
 За что ты в остроге сидишь?  
 За что сквозь железну решетку  
 На волю так жадно глядишь?  
 Скажи, каторжанин, всю правду  
 И сколько на свете ты жил,  
 И сколько людей переграбил,  
 И сколько ты душ загубил?  
 «Но нет, я не резал, не грабил  
 И душ ни одной не губил,  
 Лишь только для собственной жизни  
 Одну я девчонку любил.  
 Она мне клялася однажды:  
 «До гроба я буду твоя».  
 А кровь—то во мне волновалась  
 Как будто морская волна.  
 Бывало, окончишь работу  
 И к ней на свиданье придешь,  
 А сам заиграешь в гармошку,  
 Веселую песню поешь.  
 А песня моя удалая  
 Далеко, далеко, далеко слышна,  
 А Нюра моя дорогая  
 Давно ожидает меня.  
 Потом я окончил работу  
 И к ней на свиданье пришел,  
 Но что же тут с нею случилось?  
 Ее уж ласкает другой.  
 От ревности сердце забилося,  
 От злости я весь задрожал,  
 Но что ж тут со мною случилось? —  
 Со мною был острый кинжал.

И тут я, как зверь обозленный,  
 К красавице вмиг подбежал  
 И в грудь молодую с досады  
 Вонзил я по ручку кинжал.  
 При свете луны я увидел:  
 Соперником брат был родной,  
 Стоял предо мной на коленях,  
 Смущенный стоял предо мной.  
 Смущенный стоял на коленях,  
 Он долго и жадно просил,  
 Чтоб жизнь я его молодую,  
 Счастливые дни пощадил.  
 Но нет и для брата пощады,  
 В руке моей сжался кинжал.  
 И в грудь молодую с досады  
 Вонзил я по ручку кинжал.  
 Поутру пришел я в деревню,  
 В деревне я все рассказал:  
 Что я совершил преступленье,  
 Я брата с девчонкой убил.  
 В деревню пришли понятые,  
 Забрали меня, молодца,  
 С двумя сыновьями рассталась  
 Моя дорогая семья.  
 Отец мой тут горько заплакал,  
 От горя заплакала мать.  
 «Прощайте, мои дорогие,  
 Вам больше меня не видать».  
 Окончил рассказ каторжанин,  
 Последнее слово сказал:  
 «Прощайте, мои дорогие»,—  
 А сам, как дитя, зарыдал.

#### 475

«Скажи—ка, скажи—ка, товарищ,  
 За что ты попал в рудники?» —  
 «Скажу я вам, братцы, всю правду,  
 Не скрою от вас ничего.

Был в шайке лихой атаманом,  
 Имел шестьдесят молодцов.  
 Бывало, мы из лесу выйдем  
 И грабим проезжих купцов.

Ох, нет, не забыть одной ночи,  
 Ту ночь не забыть никогда.  
 Я из лесу вышел с дубинкой,  
 На небе светила луна.

И вижу: по пыльной дороге  
 Два путника мирных идут –  
 Один был монах, другой – странник,  
 Идут и беседу ведут.

Привычно взмахнул я дубинкой  
 И разом обоих убил.  
 Обшарив карманы убитых,  
 Четыре копейки нашел.

В одном из убитых мной трупов  
 Родного отца я узнал,  
 И пал перед ним на колени  
 И долго и долго рыдал.

Тут ехал проезжий крестьянин,  
 С собою в острог меня взял...  
 Во всех преступленьях сознался,  
 Три года до суда страдал».

Свирепый разбойник замолк постепенно,  
 И слезы лились у него,  
 «Сказал я вам, братцы, всю правду,  
 Не скрыл я от вас ничего».

#### 476

Ах, ямщик, ты ямщик,  
 Почему не поешь?  
 Почему ты такой приунылый?  
 Колокольчик вдали

Не смолкая звенит,  
 А тебя не слышать больше, милый?  
 Дорогой мой сынок,  
 Грусть–тоска на груди,

И без песен усе так постыло...  
 Если ж хочется Вам,  
 Чтобы песня была,  
 Так позвольте ж, спою, все что было.

Это было давно,  
 Лет пятнадцать назад,  
 Вез я девушку трактом почтовым:  
 Круглолица, стройна,

Словно тополь, она,  
И покрыта платочком шелковым.  
Попросила она,  
Чтобы песню я спел...

Я запел, и она подхватила.  
Наша тройка неслась,  
Словно ветер в степи,  
Как несла нас нечистая сила.

Вдруг казацкий разъезд  
Перерезал нам путь,—  
Тройка быстро, как вкопана, стала.  
Кто—то выстрелил вдруг

Прямо в девичью грудь,  
И она, как цветочек, увяла.  
Перед смертью своей  
Рассказала она,

Из тюрьмы как к народу бежала.  
«Ой как жаль, что пришлось Молодой умирать  
За свободу и счастье народа».

Поглядите: вдали  
Холм зеленый стоит,  
Холм зеленый, поросший травой...  
А под ним под холмом  
Моя девушка спит,  
Что взяла мое сердце с собою.

#### 477

#### УБИЙСТВО КУПЦА ЧЕТВЕРИКОВА

Заря. Полночь. Луна заходит.  
Саратов спит во тьме ночной.  
Унылу песню запевает  
В тюрьме преступник молодой:

«Я из Саратовской губернии,  
Из Малиновки села,  
Я к вам в Саратов заявился  
Нажить деньжонок без труда.

Метался долго, всю неделю  
В кармане была пустота.  
Четвериков — купец богатый,  
К нему нанялся в кучера.

Живу неделю, живу месяц,  
Задумал дело совершить...  
Беру топор и острый ножик,  
Иду хозяина губить.

Пошел я в дом, пробрался в спальню:  
Четвериков сидел один,  
И предо мною на коленях  
Просил пощады господин:

«Убей меня, возьми ты злато,  
Возьми ты всю мою казну,  
Не тронь детей ты малолетних,  
Еще красавицу жену».

Топор взвился над ним змеею,  
А ножик дело довершил,  
Порезал все я тут семейство,  
С собой немало денег взял.

Забрал червонцы, бриллианты,  
Хотел идти уже домой,  
Да ночка лунная сгубила –  
Меня заметил часовой».

Ночь тиха, считай минуты!  
Саратов спит во тьме ночной,  
А за решетку номер третий  
Попал преступник молодой.

#### 478

Говорила сыну мать:  
«Не водись с ворами,  
А то в каторгу пойдешь  
Стучать кандалами.  
Поведет тебя конвой  
По матушке–России,  
Выйдет волос твой густой  
Вплоть до самой шеи.  
Ты дорогой запоешь  
Песенку уныло,  
И покажется тебе  
На свете все постыло.  
А другой–то запоет,  
Будет всем в угоду.  
Встрепенется твое сердце,  
Вспоманешь ты свободу.





Вспомнишь ты старушку—мать  
 И родного брата,  
 Не утерпит твое сердце,  
 Ты убьешь солдата.  
 Стащишь ты его в овраг,  
 Донага разденешь,  
 Снимешь серый свой армяк,  
 А мундир оденешь.  
 Ты бродягой прослывешь,  
 Будешь людей бояться,  
 Ночью по лесу бродить,  
 А день в лесу скитаться».

#### 479

По пыльной дороге, под солнцем палящим,  
 Закованный в цепи парнишка шагал.  
 Он сильно устал, онемели так ноги,  
 И что—то он тихо конвою шептал:

«Послушай, браток! Давай—ка закурим!  
 Сверни папироску, а я закурю.  
 Тебе расскажу, за что я страдаю,  
 За что так позорно я цепи ношу.

У графа есть дочка, звать ее Валентина,  
 Красивая краля из знатной семьи.  
 Она на рояле играла и пела,  
 Вдруг кто—то на скрипке в саду заиграл.

На звук этой скрипки она поспешила,  
 И в чаще аллеи лакея нашла;  
 Их губы слились в устах поцелуя,  
 И шею лакея она обняла.

Наутро парнишку в тюрьму посадили  
 За то, что не граф он, а просто лакей.  
 Правдивые люди понять не хотели,  
 Что чувство любви есть у всех людей!»

По пыльной дороге, под солнцем палящим,  
 Закованный в цепи парнишка шагал.  
 Он сильно устал, онемели так ноги,  
 И что—то он тихо конвою шептал...

## 480

Черная юбка,  
Белая кайма...  
Любил меня милый,  
А теперь нема!

Серая свита  
И серый картуз,  
Полбашки обрито,  
И бубновый туз.

Две пары портянок  
И пара котов,  
Кандалы надеты  
И в Сибирь готов.

Выйду за ворота,  
Мать моя стоит,  
Она слезно плачет,  
Сыну говорит:

«Сын ты мой, сыночек,  
Сын мой дорогой,  
Что же ты наделал,  
Сын мой, над собой?»

«Матушка родная,  
Горьких слез не лей,  
Несчастливого сына  
Больше не желей!

Не хотел я, мальчик,  
Честно торговать,  
Изведал я счастье,  
Пошел я воровать.

Куда ветер дунет,  
Туда я пойду,  
Где солнце пригреет,  
Там приют найду»...

## 481

## КОЛОДНИКИ

Скрывается солнце за степью  
Вдали золотится ковыль,  
Колодников звонкие цепи  
Взмывают дорожную пыль.

П р и п е в :

Динь–бом, динь–бом,  
Слышен звон кандалный,  
Динь–бом, динь–бом,  
Путь сибирский дальний,  
Динь–бом, динь–бом,  
Слышно, там идут,  
Нашего товарища на каторгу ведут.

Идут они с бритыми лбами,  
Шагают вперед тяжело,  
Угрюмые сдвинуты брови,  
На сердце раздумье легло.

П р и п е в .

Идут с ними длинные тени,  
Две клячи телегу везут;  
Лениво сгибая колени,  
Конвойные сбоку идут.

П р и п е в .

«Что ж, братцы, затайемте песню,  
Забудем лихую беду!  
Уж, видно, такая невзгода  
Написана нам на роду!»

П р и п е в .

И вот повели, затанули,  
Поют, заливаясь, они  
Про Волги широкой раздумье,  
Про давно минувшие дни;

П р и п е в .

Поют про свободные степи,  
Про русскую долю поют,  
День меркнет все больше, а цепи  
Дорогу метут да метут...

П р и п е в .

Далеко в стране Иркутской,  
Между двух огромных скал  
Обнесен большим забором  
Александровский централ.  
На передних на воротах  
Огромна вывеска висит,  
А над ней орел двуглавый  
Позолоченный стоит.  
Чистота кругом, порядок,  
Нигде соринки не найдешь,  
А подметалов там немало,—  
В каждой камере найдешь.  
По дорожке тройка мчится,  
В ней неизвестный господин;  
Поравнялся с подметалом  
Тройку вмиг остановил:  
«Ты скажи мне, подметало,  
Это чей огромный дом,  
Кто хозяин сего дома  
И как фамилия ему?»  
«Этот, барин, дом казенный —  
Александровский централ,  
А хозяин того дому  
Кровопивец Николай».  
Шапку снял, перекрестился,  
Как заметил кандалы:  
«А за что тебя карают,  
Ты, голубчик, расскажи».  
«Всего, барин, не припомнишь,  
Кто за что сюда попал:  
Кто за пьянку, кто за драку,  
Кто за подделку векселей,  
Кто за побег с военной службы,  
Кто за начальство—сволочей.  
А я попал сюда случайно—  
За изменницу—жену.  
Я убил ее не тайно,  
Сам сознался на суду.  
Всего, барин, не расскажешь,  
Кто за что сюда попал,  
Я уж сам седьмое лето,  
Как свободы не видал».

## 483

Как вот мать с отцом, родители,  
 Не успели воспитать,  
 На белый свет пустили,  
 Заставили страдать.

Сижу я за решеткой,  
 Сижу, гляжу в окно,  
 Ко всем идут родные,  
 Ко мне нейдет никто.

И братья позабыли,  
 И сестры отреклись –  
 Они, верно, не знают,  
 Что трудно в тюрьме жить.

Но только не забыла  
 Меня моя жена,  
 Она так горько плачет,  
 Судьбу свою кляня:

«За что ты, мил, томишься,  
 За что сидишь в тюрьме,  
 Я знаю, что напрасно,  
 И это жалко мне».

## 484

Солнце всходит и заходит,  
 А в тюрьме моей темно...  
 Днем и ночью часовые  
 Стерегут мое окно.  
 Как хотите стерегите,  
 Я и сам не убегу:  
 Мне ведь хочется на волю –  
 Цепь порвать я не могу.  
 Уж вы цепи, мои цепи,  
 Вы железны сторожа!  
 Не порвать вас, не порезать  
 Мне без вострого ножа!  
 Не гулять мне, как бывало,  
 В темном лесе по ночам.  
 Моя молодость проходит  
 По острогам, по тюрьмам.  
 И я попал в тюрьму нечаяно

Через изменницу–жену,  
 Я убил ее открыто,  
 Знать уж быть тому греху.  
 Дети жалкими остались –  
 Кто же пожалеет их.  
 Загубила ты, злодейка,  
 Мужа честного, меня,  
 Через измену, лиходейка,  
 Погубила ты себя.  
 Часто дети голодают  
 Без родителей своих.  
 Кто теперь их пожалеет?  
 Нету, нету никого...

# 485

Ничего в тюрьме не слышно,  
 Ничего да не слышать.  
 Только слышно было, видно  
 Да кандалный звон идет.  
 Еще звук идет ключами,  
 Ключник в камеру идет,–  
 Отпирает камеру ключник  
 Сам он лично говорит:  
 «Выходи–ка, брат, на волю,–  
 Да вину знаешь за собой!»  
 Стал я Богу помолиться  
 И сказал я друзьям «прощай».  
 На широкой дворик вышел,  
 Окружил меня конвой.  
 Оглянулся я назад –  
 Отец с матерью в слезах.  
 «Вы не плачьте–ка, мои родные,  
 Да однокрылые мои,  
 Я мальчишка молодой  
 Приподобен казни той.  
 Кому каторжна работа,  
 Да мне, молодцу, расстрел.  
 Да я расстрелу не боюсь,  
 Жалко, с Сашей расстаюсь».

## 486

## КОМАРОВ

Далеко за Калужской заставой  
Жил известный бандит Комаров,  
Торговал он на Конной конями,  
Народ грабил почище воров.

Только конный базар начинался,  
Появлялся всегда Комаров,  
Он тогда меж прохожих толкался,  
Набивался дешевым конем.

Намечал себе жертву богаче,  
На квартиру к себе зазывал,  
Забирал он одежду и деньги  
И здесь жертву свою убивал.

Чтобы дети его не болтали,  
Поскорей отсылал их гулять.  
Но однажды соседи узнали  
И решили они доказать.

Посадили в тюрьму Комарова,  
Суд его приказал расстрелять.  
Говорил Комаров на допросе:  
«Много денег хотел я достать».

Далеко, за Калужской заставой,  
Уж теперь не живет Комаров,  
Не торгует на Конной конями  
И не грабит почище воров...

## 487

## ПЕСНЯ КАТОРЖАН С ОСТРОВА САХАЛИНА

Трудись ты, каторжник—невольник,  
С трудом тяжелым примиришь.  
Ты стал убийца и разбойник.  
Руду копай и не ленись...

Убил ты мать свою родную  
И двух сестер. За грех молись!  
Судьбу нашел ты роковую.  
Работай с тачкой, не ленись!

Вот за такое преступленье  
Всю жизнь ты майся и томись.  
В душе не будет утешенья,  
Копай руду и не ленись.

Ему в той яме жарко, душно –  
 Выдь из руды ты, освежись!  
 Его собратья равнодушно  
 Кричат: «Работай, не ленись!»

Весь век борясь ты с судьбою,  
 Счастливых дней не будешь знать:  
 Знакомый голос за спиною  
 Лишь будет: «Не ленись!» – кричать...

## 488

Разаленький цветочек,  
 Зачем рано повял?  
 А миленький дружок  
 Любил, да перестал,  
 А сам в тюрьму попал.  
 А в той тюрьме несчастной  
 Разбойник–вор сидит.  
 Ждет себе он смерти,  
 Двух грозных палачей.  
 А двери растворились,  
 Палач в тюрьму вошел –  
 А полы распахнулись –  
 Сабелька в руках.  
 Разбойник испугался,  
 Всем сердцем задрожал:  
 «Точите вы булаты  
 Острее для меня,  
 Секите вы, рубите  
 Головушку с меня!»  
 Был я в поле воин,  
 Губил я всех людей.  
 Пташечку лесную  
 С полета убивал,  
 А красную девицу  
 На встрече целовал.  
 Скажи–ка, девица,  
 Любишь ли меня?  
 Если ты не любишь,  
 Убью я сам себя,  
 Убьюся–застрелюся  
 Казенным ружьем».



## 489

Моя маменька хворает,  
 А отец запоем пьет.  
 Он запил, запил на неделю,  
 А прогулял он целый год.  
 Я после маменьки осталась  
 Малолетнее дитя.  
 И лет семнадцати венчалась  
 Я со старым мужиком.  
 Повенчавши — я разводную,  
 Не хочу со старым жить.  
 А как за эту за разводную  
 В Сибирь на каторгу сошлют.  
 Дадут там лом, дадут лопату  
 И руки к тачке прикуют;  
 А час двенадцатый проходит,  
 Часовой обед несет:  
 Чашку щей, два фунта хлеба  
 За решетку подает.  
 Ничего во шах не видно,  
 Там плывет стадо червей.  
 Ложку бросишь и заплачешь,  
 Кулаком слезы утрешь.  
 Чай, арестанец не собака,  
 Он такой же человек.

## 490

Вот скоро, скоро поезд тронет,  
 Звонок унылый прозвонит...  
 Кого из нас, мой друг, мой милый,  
 Кого машина потащит?  
 Я в эту горькую минуту  
 К своей сердечной подойду,  
 Возьму пожму за праву руку,  
 Скажу: «Прощай, не забывай!»  
 «По тех, милый, не забуду,  
 Пока на свете буду жить.  
 А по тебе, мой расхороший,  
 Все буду плакать и тужить».  
 Пройдет зима, настанет лето,  
 В полях цветочки расцветут,  
 А мне, несчастному бродяге,  
 Железом ручки закуют,  
 Скуют мне руки, скуют ноги,  
 В Сибирь на каторгу сошлют.  
 В Сибири спросят: «Чей? Откуда?

И где же родина твоя?»  
 А я забывчивый бродяга,  
 Не знаю родины своей:  
 Родная мать моя – могила,  
 Отец – лопата и кирка.

#### 491

Ветер дует–подувает,  
 Сад зелененький шумит...  
 Я сама про то не знаю,  
 Из троих кого любить.  
 Сполюбила я мальчишку,  
 Которого здесь нет.  
 Он во городе Одессе,  
 На улице на большой.  
 Там стояли чудные башни,  
 Посередке дом большой.  
 Это дом–от – не больница,  
 Настоящая тюрьма.  
 В той тюрьме, там за решеткой,  
 Сидит милый, сидит мой.  
 За железными дверями,  
 За висящих трех замков.  
 Ничего в тюрьме не слышно,  
 Только слышишь звон ключей.  
 Ключник двери открывает:  
 «Выходи, парень, сюда!»  
 Мальчик вышел за ворота,  
 Окружил его конвой.  
 Повернулся он к народу,  
 Народ плачет весь о нем.  
 «Вы не плачьте, люди добры,  
 Знать, достоин я того».  
 Откуль взялся тут священник,  
 Начал спрашивать его:  
 «Ты скажи, скажи, голубчик,  
 Сколько душ ты погубил?»  
 «Девятнадцать душ христианских,  
 А сто двадцать пять жидов».  
 «За жидов тебя прощаю,  
 За христиан прощенья нет».  
 Тут решение прочитали,  
 Двадцать выстрелов ему.  
 Девятнадцать пролетело,  
 А двадцатый – прямо в грудь.

## 492

В камере тесной, сырой и холодной,  
Спит на соломке сырой  
Приговоренный наутро к расстрелу  
Этот матрос молодой.

Был тот матрос на все руки способен,  
В бой шел всегда впереди.  
Красненький орден за храбрость и муки  
Честно носил на груди.

Три года в армии, два в каземате –  
Пять лет не видел он мать...  
Приговор дали суровый: к расстрелу,  
Он не хотел умирать.

Щелкнул замок –дверь темницы открыта,  
И голос был слышен: «Вставай!»  
Ждет тебя батюшка, ждет, причащаться.  
На вот, белье пердевай!»

Взял он белье, от попа отказался,  
Что шел его душу спасать,–  
Сам же, бродяга, вчера расписался,  
Чтобы его расстрелять.

Снова открылась дверь камеры тесной.  
Старший смотритель вошел.  
Что–то по–своему, сволочь, промолвил,  
Взял за плечо и повел.

Ночь была светлой, морозная, лунная,  
Месяц на небе сиял.  
Наголо шашки, полроты с винтовками,  
Строгий конвой провожал

Сзади на саночках еле тащился,  
Поп жирный ехал с крестом;  
С ним генерал и подпрапорщик юный  
С детским невинным лицом.

Был он пред ямой поставлен глубокою.  
Чуть золотился восток...  
Юный подпрапорщик подал команду,  
Щелкнул зловеще курок.

Выстрел раздался, упало в канаву  
Тело, как срезанный стог.  
Слезы текли по лицу прокурора,  
Только доволен был поп.

Лишь поздним утром той казни позорной  
Царская милость пришла...  
Но было уж поздно; матроса не стало,  
Там его жизнь отошла.

#### 493

Зачем я встретился с тобою?  
Зачем я полюбил тебя?  
А мне назначено судьбою  
Пойти в далекие края.

Вот скоро, скоро снег растает,  
В полях цветочки расцветут,  
А мне, несчастному, в то время  
Железом ноги закуют.

Вот приведут меня в участок,  
Начальник спросит: «Чей такой?»  
А я скажу, что я бродяга,  
Не помнил родины своей.

Придет цирюльник с бритвой острой,  
Обреет правый мне висок,  
Иметь я буду вид ужасный  
От головы до самых ног.

Вот скоро, скоро поезд грянет,  
Город Иркутск недалеке...  
А чья-то, чья-то дорогая  
Стоит и плачет в стороне.

#### 494

Отворите окно, отворите,  
Мне недолго осталось жить!  
Еще раз на свободу пустите  
Не мешайте страдать и любить!

С гор вода показалась весною,  
Хорошо на родимых полях.  
Будет солнце сиять над могилой,  
А могила утонет в цветах.

Из темницы меня отпустите,  
Вынесите на свет, на простор,  
Где поют перелетные птицы  
И шумит зеленеющий бор.

Выше, выше, смолистые сосны,  
 Что растут под сиянием дня!  
 Уж как эти мне цепи несны,  
 Как бы сбросить мне их поскорей.

Где-то песня вдали прозвучала,  
 Что в неволе родимая мать!  
 Холодеет усталое тело,  
 Гаснет взор, мне недолго страдать.

Отворите окно, отворите,  
 Мне недолго осталось жить!  
 Еще раз на свободу пустите,  
 Не мешайте страдать и любить!

## 495

### СМЕРТЬ АРЕСТАНТА

В палате, в тюремной больнице,  
 На жесткой постели, в цепях,  
 С трудом открывавши ресницы,  
 С безжизненным взглядом в очах,

Дрожит, умирая, бедняжка,  
 Покинутый всеми, один.  
 Лишь мрачные стены палаты  
 Смертельно глядят перед ним.

Но кто же поможет? Служивый?  
 Он спит и не слышит его;  
 И только угрюмые стены  
 Смертельно глядят на него.

И вот далеко за церковью  
 Раздался таинственный звон,  
 Он, тихий и нежный, печальный,  
 В палату ворвался, как стон.

Вот скрипнула (малый одетый)  
 Железная дверь на цепях,  
 Забегали тени от света  
 На мрачных и страшных стенах.

Только часовыми окруженный,  
 С молитвенным взглядом в очах,  
 Вошел, сединою покрытый,  
 Тюремный священник в очках.

Он старческой мелкой походкой  
К больному тогда подошел  
И, склонившись к его изголовью,  
Потихоньку молитву прочел.

И вдруг, прижимая рукою  
Свою наболевшую грудь:  
«О, миленькая мама родная,  
Приди ты на сына взглянуть.

Я сын твой, тобою рожденный,  
Я детище, мама, твое:  
Прости ты мой грех, присужден мной,  
Прости преступление мое!

Я жду, ожидаю, родная,  
Тебя перед смертью обнять,  
Ах, если бы, мама, ты знала,  
Как трудно в тюрьме умирать»...

#### 496

Скоро буду в окружном судиться,  
На скамье подсудимых сидеть,  
С недовольной душою и сердцем  
На присяжных я буду смотреть.

Прочитают мое обвиненье,  
К заключению судьи придут.  
Кому год, кому два с половиной,  
А мне каторги вечной дадут.

За тюремной кирпичной стеною  
Молодой арестант умирал.  
Он, склонившись на грудь головою,  
Потихоньку молитву шептал:

«Ах, Всевышний Господь, дай мне силы  
Подышать еще несколько дней.  
Прежде чем отойти мне в могилу,  
Дай увидеть родных и друзей.

Дай увидеть жену молодую  
И обнять престарелую мать...  
Перед смертью тяжелые цепи  
Помогите мне с ног моих снять.

Меня рано с семьей разлучили,  
Посадили в сырую тюрьму,  
Меня судьи неверно судили  
Скоро, скоро я, бедный, умру».

И упал головой на подушку,  
Тяжело он три раза вздохнул.  
Не увидел свою мать старушку  
И навеки бедняга заснул.

Тут явился кузнец надзиратель  
С молотком и зубилом в руках:  
«Ну, протягивай ноги, приятель,  
Будет, ты походил в кандалах»

Разлетелись тяжелые цепи  
От удара привычной руки.  
Эти жертвы по тюрьмам нередки...  
Так погибнем мы все, бедняки.

### 497

Все подружки веселятся,  
Я печальная сижу,  
Только есть одна отрада—  
Из тюрьмы в окно гляжу.  
А в тюрьме окно высоко,  
Дверь железна заперта.  
Ключник двери открывает,  
Писарь с книжкою идет:  
«Ах ты, милая Маруся,  
Тебя новый суд зовет».  
Ты слетай—ка, белый голубь,  
На родную сторону,  
Расскажи моей мамаше:  
Осудили тяжело.  
Я не душу погубила,  
В Сибирь—каторгу ушла,  
Я студента полюбила  
И в политику вошла».

### 498

Ах ты, доля, моя доля,  
Доля горькая моя,  
До чего же, моя доля—  
До Сибири довела.

Не за пьянство, за буянство,  
И не за грабеж ночной,—  
Я страны родной лишился,  
За крестьянский труд честной.

Был в ту пору год голодный,  
 Стали подати собирать  
 И последнюю скотинку  
 За бесценок продавать.

Не стерпело мое сердце,  
 Я урядника убил,  
 И за это преступленье  
 К вам, друзья, я угодил.

Теперь сижу в тюрьме холодной,  
 В темной шахте под землей,  
 Тут я встретился с друзьями:  
 Здравствуй, друг, и я с тобой!

Далеко село родное,  
 А хотелось бы узнать,  
 Удалось ли односельцам  
 С шеи подати согнать.

#### 499

Не для меня придет весна,  
 Не для меня Дон разольется,  
 А сердце жалобно забьется  
 Восторгом чувств не для меня.  
 Не для меня ручьи журчат,  
 Текут алмазными струями,  
 И дева с черными очами,  
 Она живет не для меня.  
 Не для меня луна взойдет,  
 Зелену рощу освещая,  
 И соловей, весну встречая,  
 Он будет петь не для меня.  
 А для меня лишь царский суд,  
 На долгий срок меня осудит,  
 Возьмет меня конвой жестокий,  
 И поведет меня в тюрьму.  
 А из тюрьмы в дальний этап,  
 Угонят в дальнюю сторонку,  
 Сойдусь с конвоем азиатским,  
 Там пуля ждет давно меня.





## 500

Голова ль ты моя удалая,  
 Долго ль буду тебя я носить?  
 А судьба ль ты моя роковая,  
 Долго ль буду с тобою я жить?

Для чего ж я на свет зародился,  
 И зачем родила меня мать?  
 Для того, чтоб сидеть в этой клетке  
 И тюремную жизнь испытать?

Только злая тоска да кручина  
 Исушила меня, молодца,  
 Исушила меня, сокрушила  
 И к могиле меня придала.

Я помру на тюремной постели,  
 Похоронят меня кое-как:  
 Из родных моих прежних не будет,  
 Не поплачет родимая мать.

Собирайтесь, мелкие пташки,  
 На сиротску могилу мою,  
 Вы пропойте унылую песню  
 Про ресторанскую жизнь мою.

## 501

## МОРЯК

Под знойным небом Петрограда,  
 Где нет в помине винограда,  
 Где дети ходят злого ада,—  
 Там жил один моряк.  
 Служил на крейсере «Аврора»,  
 Не знал ни страха, ни позора,  
 По улицам с винтовкой шлялся,  
 Лепешкам, пышкам обжирался,  
 Которые он даром отбирал.  
 Ему все это надоело,  
 Решился взяться он за дело:  
 С товарищем, лихой ватагой,  
 Он совершил налет.  
 В одну квартиру он забрался,  
 Но на засаду там нарвался,  
 Как кур во щи он попался  
 На Гороховую—два.

Его недолго там томили,  
 В ревтрибунале присудили:  
 Как изменнику и вору  
 Немедленный расстрел.  
 Итак, моряк с судна «Аврора»  
 Не знал ни страха, ни позора,  
 И той же ночью у забора  
 Он спел свое танго

### 502

Спи, мой маленький мальчишка,  
 Баюшки–баю!  
 Подрастешь, будешь воришка,  
 Бросишь мать твою.

Ты изучишь все законы  
 Воровской жаргон,  
 И ходить будешь по моде,  
 Точно как барон.

Спи, мой маленький малютка,  
 Бог твой сон хранит.  
 Твой отец теперь домушник,  
 По ночам не спит...

### 503

#### ГИМНАЗИСТОЧКА

Когда это было—  
 В двадцатом году,  
 Ох, любил гимназистку  
 Я Валю одну.

Любили друг друга,  
 Привыкли к концу;  
 Тогда изменила  
 Она молодцу.

Гуляли на свадьбе,  
 Гуляла она,  
 Ох, своим ухажерством  
 Озлила меня.

Вот уж утро настало,  
 Все пошли пировать,  
 А я позвал Валю  
 Дела разбирать.

Зашли в одну залу,  
Я стал говорить:  
«Ох, милая Валя,  
Кончаешь любить,

Даешь мне измену—  
Стреляю тебя!»  
Ох, потом повернул я  
Наган на себя.

Ах, выстрел раздался,  
Народ набежал.  
Ах, Валечкин папа  
Всему огорчал.

«Уж, миленький папа,  
Ты милого не тронь:  
Всему виновата  
Любовь, а не он.

Уж ты, милая мама,  
Привет передай  
Родным и знакомым,  
Подругам моим.

Все подруги узнали,  
Все наутро пришли  
И гроб на руки взяли,  
В могилу снесли.

Я сажу за решеткой,  
Сажу я один.  
Ко мне подходит  
Товарищ один.

«Товарищ мой Миша,  
За что ты сидишь?»—  
«Сажу за убийство:  
Я Валю убил».

# 504

Горит свеча дрожащим светом,  
Урканы спят спокойным сном,  
Майдан несется полным ходом,  
Стучат колеса под уклон...

Один уркан был всех моложе,  
 Склонил он голову на грудь:  
 С тоски по матери родимой  
 Не может, бедный, он уснуть.

«Эх ты, мать моя родная,  
 Зачем на свет ты родила?  
 Судьбой несчастной наградила,  
 Костюм урана мне дала?

Костюм урана презирают,  
 Нигде прохода не дают,  
 Ураном тюрьмы наполняют,  
 Под суд военный отдают».

А мог бы он прожить вольнее  
 И одолеть судьбы укор—  
 Он мог бы стать куда умнее  
 И сгладить делом свой позор.

### 505

Располным—полны домзаки,  
 В них преступники сидят,  
 Все—то дни, с утра до ночи,  
 Сквозь ршеточку глядят.

Ой, полным—полна моя коробочка,  
 Заключенных сотни три.  
 Наблюдательна комиссия,  
 Наше дело рассмотри!

Есть средь нас ребята дружные,  
 Есть шпана и фраера,  
 Есть спецы, для воли нужные,  
 Им домой идти пора.

### 506

#### ИСПРАВДОМОВСКИЕ «КИРПИЧКИ»

На окраине града Ленина  
 Я в преступной среде развился,  
 Еще мальчиком лет шестнадцати  
 В исправительный дом забрался.

Было трудно нам время первое,  
 Но потом, проработавши год,  
 Я привык к нему, как и он ко мне,  
 Позабыл остальной весь народ.

В исправительном с трудом встретился:  
Задрожит лишь, бывало, звонок,  
Лицо вымою и бегу скорей,  
В мастерскую несясь со всех ног.

Каждый день мы там все работали,  
Где горны раздувают меха,  
Вот за этой за работушкой  
И проводим мы время пока.

Но, как водится, кодекс вводится,  
По тюрьме вдруг прошла тут молва:  
«Сокращенные сроки заводятся,  
Загуляем на воле, братва!»

Так мечтаем мы и надеемся.  
День за днем так идет и идет.  
Новый кодекс пока там поспеется,  
Не заметишь, как срок подойдет.

На свободе ж мы постараемся  
Заниматься лишь честным трудом.  
Что прошло в тюрьме, все останется  
В нашей памяти будто бы сном.

### 507

Ах, пойте вы, клавиши, пойте,  
Вы, звуки, неситесь быстрее...  
Перед Богом страницу откройте  
О несчастной вы жизни моей.

Не таким я на свет уродился,  
Не таким родила меня мать.  
Часто плакал в душе одиноко,  
И душа моя знала покой.

И вот выпала доля мне злая:  
Срок отбыл я в проклятой тюрьме,  
Изнуренный болезнью чахоткой,  
Был я выпущен к третьей весне.

Злые люди завидовать стали,  
Что судьба нас так рано свела,  
А мы горя с тобою не знали,  
И ты, детка, любила меня.

Наше счастье разбить порешили,  
Нарушили семейный покой,  
От тебя меня, детка, отняли...  
Ах, зачем я несчастный такой?

Я впервые с тобой повстречался  
И увлекся твоей красотой,  
Я жиганскою клятвой поклялся:  
Неразлучны мы, детка, с тобой.

Я, как коршун, по свету скитался,  
Для тебя все добычи искал.  
Воровством, грабежом занимался,  
А теперь за решетку попал.

Ты прости же, прости, дорогая,  
Что ты в жизни обманута мной,  
Что проклятая жизнь воровская,  
Свой конец ты нашла роковой.

## 508

Судьба большую роль играет,  
И от судьбы далеко не уйдешь:  
Судьба тобой, как ветер, управляет,  
Куда пошлет, туда ты и пойдешь.

Там далеко есть родина родная,  
Там жил отец, не помню я его,  
Но только жаль мне, в муках умирая,  
Не обнял он сыночка своего.

Он с малых лет преступленьем занялся  
И заболел чахоткою в тюрьме,  
Он молодым на каторге скончался,  
И все наследство он оставил мне.

Чтоб жить могли, работала мамаша,  
Я потихоньку начал воровать.  
«Ты будешь вором, как родимый тятя»,—  
Роня слезы, мне твердила мать.

Не слушал я мамино слово,  
И не молился Богу пред творцом,  
И исполнял души своей веленья,  
И шел тропой, проложенной отцом.

И вот, друзья, шестнадцать лет минуло,  
И вот уж новый меня принял мир,  
Волною жизнь тогда меня охватила,  
Я с револьвером стал жулик квартир.

Шли дни за днями, месяцы и годы,  
Я стал бандит, людей стал убивать,  
И пойман был, и был лишен свободы,  
И все сбылось, что говорила мать.

И вот, друзья, пять лет не был на воле,  
И вот, друзья, я снова выхожу.  
Но только вот болею я чахоткой,  
Умру иль нет, но все ж пока живу.

### 509

Прощай, мой сын, в страну чужую  
Ты уезжаешь, Бог с тобой!  
Оставил мать свою родную  
С ее злосчастною судьбой.

Один ты был моей отрадой,  
Один на жизненном пути.  
Бывало, думала я прежде  
Отрады, счастья найти.

Тебя качала в колыбели,  
Бессонных так много ночей,  
Стояла у твоей постели  
С надеждой пламенной моей.

Ты подрастал, а я мечтала,  
Что юность прожита моя,—  
Под старость будет мне опора,  
Надежда верная моя.

А ты ушел в страну чужую,  
И я одна в краю родном.  
Страдать тут буду одиноко  
Все по тебе, мой сын родной.

Увижу гнездышко на ветке,  
Слеза невольно потечет,  
Скажу: «Ах, пташки, у вас детки,  
А у меня теперь их нет».

Услышу я раскаты грома  
Вдали от родины своей.  
«Где,—спросят,—сын?» скажу: «Нет дома  
Теперь, быть может, под грозой».

Но мне недолго через силу  
 Томиться с горечью моей...  
 Когда вернешься, сын, увидишь  
 Могилу матери своей.

Вдали, под липой, на кладбище  
 Давно, давно насыпан холм...  
 Ты скажешь: «Вот моя родная,  
 Под черным с надписью крестом».

## 510

В воскресенье мать–старушка  
 К воротам тюрьмы пришла,  
 В узелке родному сыну  
 Передачу принесла.  
 «Передайте передачу,  
 А то люди говорят,  
 Что в тюрьме–то заключенных  
 Сильно голодом морят».  
 Усмехнулся надзиратель:  
 «Твой сыночек осужден,  
 Осужден прошедшей ночью,  
 На покой отправлен он.  
 Твоего сына расстреляли  
 У тюремной у стены;  
 Когда приговор читали,  
 Знали звездочки одни».  
 Побледнела мать–старушка,  
 Пошатнулася слегка,  
 Ноги старые устали–  
 Сорок верст пешком прошла.  
 У надзирателя невольно  
 Покатилась слеза.  
 «Передачу я купила  
 На последние гроши,  
 Передай же передачу  
 На помин его души».  
 Побледнела мать–старушка,  
 От ворот тюрьмы пошла...  
 И никто про то не знает,  
 Что в душе она несла.



## 511

Сижу я день, сижу неделю,  
 А на свиданье ты нейдешь...  
 На свиданье приходила  
 Убита горем мать моя,  
 Печальну весть она сообщила,  
 Что баба скурвилась твоя.  
 Она с тобой жить не хотела,  
 Себе любовника нашла,—  
 Шинель твою для этой цели  
 В крови испачкала сама.  
 Чтобы сурово был наказан,  
 В отдел особый донесла.  
 И не думай ты, злодейка,  
 Что здесь в тюрьме я пропаду:  
 Когда выйду я на волю,  
 За все за это отомщу.  
 Тебе сломаю руки—ноги  
 И все косточки намну,  
 Живу в могилу б.... зарою,  
 А сам опять пойду в тюрьму.  
 Все тюремные ворота  
 Для нас открыты,  
 И тяжкие работы  
 На нас возложены.

## 512

Вот вышла заря, озарила  
 Тот старый кладбищенский двор,  
 А там над сырою могилой  
 Плачет маленький вор.  
  
 Ах, милая, милая мама,  
 Зачем ты так рано ушла?  
 Свет Божий покинула рано,  
 Отца—подлеца не нашла?  
  
 Он в доме чужом и богатом,  
 С другою живет прокурор,  
 Он судит воров беспощадно,  
 Не знает, что сын его — вор.

И вот на скамье подсудимых  
Молоденький мальчик сидит  
И голубыми глазами  
На прокурора глядит.

Вот кончилась речь прокурора,  
Преступнику слово дано:  
«Судите же, граждане, вора,  
На это вам право дано.

Я –сын трудового народа,  
Отец мой –простой прокурор.  
Он отнял у матери счастье,  
Узнайте же, кто у нас вор».

Его увели, расстреляли  
На тот же кладбищенский двор.  
И весело судьи стояли,  
Но хмур был один прокурор.

Вот вышла луна, озарила  
Тот старый кладбищенский двор,  
А там над сырою могилой  
Плачет отец–прокурор:

«Эх, миленький, миленький мальчик,  
Зачем ты так долго молчал?  
И если сказал бы ты раньше,  
Я бы тебя оправдал».

### 513

Среди густого леса  
Там стоит тюрьма,  
В тюрьме сидит мальчишка  
За шести замках.  
Камера шестая  
Под большим замком,  
В ней сидит мальчишка,  
Горько плачет он.  
Надзиратель крикнул:  
«Выходи, злодей.  
Выходи на свиданье  
К матери своей».  
Вышел за ворота,  
Мать его стоит,

Она горько плачет,  
 Сыну говорит:  
 «Сын ты мой, сыночек,  
 Сын ты мой родной,  
 Что же ты наделал,  
 Сам ты над собой?  
 Не сумел ты, мальчик,  
 Честно работать,  
 Испытал ты счастье,  
 Пошел воровать».  
 «Мать моя родная,  
 Горьких слез не лей,  
 А меня, бродягу,  
 Больше не жалей.  
 Куда ветер дует,  
 Туда я пойду,  
 Где солнышко пригреет,  
 Там приют найду.

## 514

### АРЖАК

Вот вечер вечереет,  
 Аржак идет домой.  
 Грозненские ребята  
 Кричат: «Аржак, постой!»

Аржак остановился.  
 Грозненские кругом:  
 «Вы бейте чем хотите,  
 Но только не ножом».

Два парня подскочили  
 И сбили его с ног,  
 И острых два кинжала  
 Вонзились в левый бок.

«Извозчик, за полтинник  
 Вези меня скорей,  
 Я кровью истекаю  
 От грозненских ножей!»

Извозчик едет тихо,  
Под нос себе бурчит:  
«Досталось парню лихо,  
Едва ли будет жив».

Вот привезли в больницу,  
Сложили на кровать,  
Два доктора, сестрицы  
Старались жизнь спасти.

«Спасайте, не спасайте,  
Мне жизнь не дорога:  
Считался хулиганом,  
А дрался без ножа».

Вот шесть часов пробило,  
Рабочие идут,  
А бедного Аржака  
На кладбище несут.

Большой гроб и высокий,  
Священник впереди,  
Грозненские ребята  
Кричат: «Аржак, прости!»

А чья это могила  
Так пышно убрана?  
А сторож отвечает:  
Могила Аржака.

## 515

Это было давно и все правда:  
Шел восемнадцатый год,  
Деникинцы ночью отца расстреляли,  
В крови потопили завод.  
Остался совсем я кругом беспризорный,  
Как вор приобрел себе стаж,  
Считался проворным и очень способным  
По части налета и краж.  
У женщин с вокзала тащил чемоданы,  
Портфели ножом обрезаю,  
Но как-то под утро при зорьке румяной  
Губрозыск меня задержал.  
Сидел я немало, но все же недолго,  
Дождался последнего дня.  
В тюремном вагоне под сильной охраной

На Север сослали меня.  
 И всех нас сослали, кто жил грабежом:  
 С болотом боролись, канал создавали  
 Упорным и честным трудом.  
 Товарищ, не бойся, портфель я не трону,  
 Я жить по-иному начал,  
 Но честно работать и жить по закону  
 Учил Беломорский канал.

## 516

Стою я раз на стреме,  
 Держуся за карман,  
 Как вдруг ко мне подходит  
 Незнакомый уркаган

Он спрашивает тихо:  
 «Куда бы мне пойти,  
 Чтоб можно было лихо  
 Этот вечер провести?»

А я ему отвечаю:  
 «На Лиговке вчера  
 Последнюю малину  
 Накрыли мусора».

А он говорит: «В Марселе  
 Такие кабаки,  
 Такие там бордели,  
 Такие коньяки!

Там девушки танцуют голые,  
 А дамы в соболях,  
 Лакеи носят вина там,  
 А воры носят фрак!»

Он предлагал мне денег  
 И жемчуга стакан,  
 Чтоб я ему бы выдал  
 Советских заводов план.

Советская малина  
 Собралась на совет,  
 Советская малина  
 Врагу сказала: «Нет!»

Мы взяли того субчика,  
Отняли чемодан,  
Отняли деньги–франки  
И жемчуга стакан.

Потом его мы сдали  
Властям НКВД...  
С тех пор его по тюрьмам  
Я не видал нигде.

Меня благодарили власти,  
Жал руку прокурор,  
Но все же посадили  
Под усиленный надзор.

С тех пор, друзья–ребята,  
Одну имею цель:  
Эх, как бы мне увидеть  
Эту самую Марсель!

Где девочки танцуют голые,  
А дамы в соболях,  
Лакеи носят вина там,  
А воры носят фрак...

## 517

### МУРКА

Тишина немая, только ветер свищет,  
На развале собрался совет:  
Это хулиганы, бывшие урканы,  
Выбирали новый комитет.

Речь держала тына, звали ее Муркой,  
Хитрая и ловкая была;  
Все ее боялись, даже злые урки,  
Воровскую жизнь она вела.

Урки ее знали, урки ей гордились,  
С нами она ела и пила,  
С нами воровала, с нами и гуляла,  
И для нас была она своя.

Как–то темной ночью Мурка изменила,  
Стала она тут уже форсить  
И зашухерила всю малину нашу,  
Стала с легашом она ходить.

Шел раз парень Лешка, выпивши немножко,  
И заметил Мурку вдалеке,  
Быстро подбегает, под руку хватает,  
Говорит: «Хочу наедине».

Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая!  
Здравствуй, моя Мурка, и прощай!  
Ты зашухерила всю малину нашу,  
А теперь расплату получай!

Разве тебе, Мурка, жилось плохо с нами,  
Не хватало форсу или барахла?  
Что тебя заставило связаться с легашами  
И пойти работать в губчека?

Ты у нас носила фетровые боты,  
Красненькие туфли на большом.  
А теперь ты носишь рваные спортивные,  
Но зато гуляешь с легашом.

В темном переулке крик раздался гулкий,  
Нож сверкнул при свете фонаря,  
Волосы взметнулись, и она упала,  
Только тихо шепчет про себя:

«Разве в самом деле жилось плохо с вами,  
Не хватало форсу или барахла?  
Что меня заставило связаться с легашами  
И пойти работать в губчека?»

А теперь я, Мурка, склонюсь над тобою  
И былые вспомню времена,  
Как когда-то вместе с тобою воровали,  
А теперь убили мы тебя.

## 518

### ЖОРА, ПОДЕРЖИ МОЙ МАКИНТОШ

Одесса—мама урку провожала,  
Уходит урка в море навсегда.  
На девичьей щеке слеза дрожала,  
К била в берег синяя волна.

Мне здесь знакомо каждое окно,  
Здесь девушки фартовые такие,  
Но больше мне с тобой не пить вино,  
Не подметать мне клешем мостовые.

На юге уркаган отвагой дышит,  
 Когда по Дерибасовской идет.  
 Снимают урки шляпы, как заслышат:  
 «Жора, поддержи мой макинтош!»

Я с детства был испорченный ребенок,  
 На маму и на папу не похож;  
 А женщин обожал еще с пеленок,  
 Жора, поддержи мой макинтош.

А после и домой не доберешься,  
 На улице с бутылкою заснешь.  
 И скажешь другу ты, когда проснешься:  
 Жора, поддержи мой макинтош.

Идет девчонка в тужельках под лаком,  
 Дорогу к ее сердцу вдруг найдешь.  
 И скажешь ты, когда поставишь раком:  
 Жора, поддержи мой макинтош.

С милицией живем мы очень дружно,  
 И если четвертину поднесешь,  
 Воруй хоть год иль сколько тебе нужно,—  
 Жора, поддержи мой макинтош.

А если за мокруху попадешься,  
 На кичу за решетку попадешь,  
 И скажешь ты, на нары завалившись:  
 Жора, поддержи мой макинтош!

Толпа народа плачет на причале,  
 Рыдает за решеткою душа.  
 На девичьей щеке слеза дрожала,  
 И била в берег синяя волна.

### 519

Ночь, кругом все потемнело,  
 Спит Баку во тьме ночной.  
 Иду с отвагою на дело,  
 Беру наган и семь патрон.  
 Иду по улице я смело,  
 Ищу добычи роковой.  
 Мое сердце зло кипело,  
 Что пропадает заряд мой.  
 Вдруг я фраера встречаю,  
 В момент его я сгрунтовал —  
 И руку в ширму опускаю,  
 И там огромный шмель достал.



Я шмель торжественно вскрываю  
 И сары с жаром достаю,  
 И с наслаждением я считаю  
 Добычу чудную мою.  
 Тут возца я нанимаю,  
 Еду к Любке я своей,  
 Тихо двери отворяю,  
 Бросаюсь я в объятья к ней.  
 Пил-гулял я там на славу,  
 Хлюстов своих я не жалел.  
 Девчонки пели мне «отраду»,  
 Я с ними делал, что хотел.  
 Не подозрел я близко стражи  
 И шибче-громче песни пел.  
 Но не думал, что случилось—  
 Арестовали стражники меня,  
 И наручники надели—  
 Вот и каменна тюрьма.

## 520

Ах, Москва, Москва,  
 Сколько ты нам горя принесла!  
 Все мы пели, веселились—  
 На канале очутились:  
 Станция Медвежья Гора.

Колем, пилим и строгаем,  
 Всех легавых проклинаем.  
 Недалеко видно Соловки...

На пенек нас становили,  
 Раздевали и лупили —  
 Это называлось лагеря!

Ветер по морю гуляет,  
 Мама родная не знает,  
 Где сынок зарыт на Соловках...

Ах, Москва, Москва!  
 Сколько ты нам горя принесла!  
 Все мы пели, веселились—  
 На канале очутились:  
 Станция Медвежья Гора.

Дни за днями шли, и навар гудел,  
Сенька правил наваром: пей, жарь!  
Пил шампанское и омары ел,  
Не смущал его пьяный угар.

В центре города по балам ходил,  
Слушал музыку, песни любил  
И по винтику, по кирпичику  
Понемногу с завода тащил.

Тут познал Семен счастье важное—  
Полюбил всей душою цыган  
И по рублику, по червончику  
Разрушал он советский карман.

Каждую ноченьку проводил Семен  
Средь знакомых цыган и певиц,  
Шансонетками увлекался он,  
Обожал и изящных девиц.

Но нарушилась жизнь семейная  
Ненавидит уж Сеньку жена:  
«Быть директоршей не желаю я!»  
В иступленьи кричала она.

«Заседания, совещания  
Каждый день посещать я должен —  
То заводские, то партийные»,—  
Отвечал раздраженный Семен.

И дружили все с дельцом Сенькою,  
Без ревизии шел седьмой год.  
Но, ох, как-то вдруг в ночь осеннюю  
Ревизоры пришли на завод.

И пошли писать, как по азбуке,  
Забрались до самых печей;  
Обнаружили недостатки:  
Пятьсот тысяч одних кирпичей!

Ну а в кассе как покопались —  
Там растрата! О ужас! Кошмар!  
В складах тоже там обнаружено:  
Был расхищен различный товар.

Через полгода, весною раннею,  
Сенька сел на высокой скамье,  
Но не в садике под сирению,  
А в Московском губернском суде.

Не шумит завод, не гудит гудок,  
И не видно Семена нигде—  
Наш Семен присел на годов пяток  
В душной, мрачной Годжирской тюрьме.

## 522

На Молдаванке музыка играет,  
В пивной веселье, пьяный шум стоит.  
Ворье свои доходы пропивает —  
Пахан Третьяк и Костька Инвалид.

Сидят они в отдельном кабинете,  
Марусю поят слабенским вином.  
«Поторопись, кудрявая паскуда,—  
Без Ширмача, без Кольки пропадем!»

Живет Ширмач на Беломорканале,  
Катает тачку, стучает кайлой,  
А фраера вдвойне наглее стали —  
Держать их некому уж опытной рукой.

И вот Маруся в поезде почтовом  
Она уже у лагерных ворот.  
А ей навстречу с песней удалою  
Спешит веселый лагерный народ.

Выходит Колька в кожаном реглане,  
В расшитом, в добрых кохарях,  
Несет под мышкой какие-то бумаги,  
За ним шагает дружинников наряд.

«Здорово, Манька, Манька дорогая,  
Привет Одессе, розовым садам,  
Скажи ворам, что Колька не ворует,  
Что жизнь блатную навсегда он завязал».

И вот Маруся снова на вокзале,  
Ей до Одессы долгий путь лежит.  
Ее шпана встречает на вокзале,  
И тут Маруся пахану говорит:

«Из вас никто его не тронет, я ручаюсь,  
Он завязал, и вот что я скажу:  
Я поняла значение канала –  
Узнала цену блату и ножу».

Вот ночью поздней, ночью бубновой  
Шпана решила сделать хохмача:  
И через день на Беломорканале  
Не стало больше Кольки–Ширмача.

На Молдаванке музыка играет,  
В пивной веселье, пьяный шум стоит,  
А за столом Марусенька рыдает,  
Над ней смеется Костька Инвалид.

### 523

О милая, добрая мама,  
Как счастье мое далеко!  
Свободы и воли не вижу,  
В тюрьму я попал ни за что.

Вот слышу я, как назначают, –  
По камерам крики и гам.  
О братцы, куда угоняют?  
Поедем мы строить канал.

Мы ехали, ехали долго,  
Вдруг поезд как вкопанный встал.  
Кругом только лес да болота,  
Вот здесь будем строить канал.

Канал мы построили быстро,  
Дорога прямая легла.  
О, сколько костей заключенных!  
Вся кровью была залита...

О родная, милая мама,  
Письмо ты получишь мое,  
Прочтешь, сама горько заплачешь  
И вспомнишь ты сына свою.

## 524

На углу Малой Лубянки  
 Есть большой подвал,  
 Гражданин тот не советский,  
 Кто там не бывал.

Там не мучат, не пытаются –  
 Вежливо глядят  
 И садиться предлагают,  
 Все сказать велят:

Где учился, где родился,  
 Кто отец и мать,  
 Где, когда, за что судился  
 Просят рассказать.

Если правду всю расскажешь,  
 Вовсе не соврешь,  
 Все равно статью примажут –  
 Знать, был не хорош!

И в Бутырки для острастки  
 Отведут потом...  
 Ночь не спишь, клопов гоняешь,  
 Вспомнишь отчий дом.

Просидевши дней сто двадцать,  
 С минусом уйдешь  
 И, душевно постаревший,  
 Вновь опять начнешь

## 525

## МАРСЕЛЬЕЗА ШПАНЫ

Скоро выйдем, друзья, из острога,  
 Его прах с наших ног отряхнем,  
 Мы не верим ни в черта, ни в бога,  
 Воровать мы по новой пойдем.

Трудно бросить нам наши привычки,  
 Не сумеем мы честно прожить.  
 Справим прочные фомки, отмычки –  
 Пусть от нас все на свете дрожит.

Много крепких серег мы ломаем,  
 Себе денежных касс наберем,  
 Кассу саре чужой промотаем  
 И гамгыры казенной поьем.

Берегись, ненасытна утроба!  
 Мироеды, давай лихачей!  
 Мы повытащим мертвых из гроба  
 И заставим плясать нэпачей!

Целый век на вас люди трудились,  
 Все старались халтурить, копить,  
 Обирать фраеров не стыдились –  
 Не грешно теперь вас разорить!

Соберемся мы бандой единой  
 И на мокрую смело пойдем,  
 Лишь бы выгодно было нам дело –  
 Мы ограбим, украдем, уьем...

Не страшны нам судья и законы,  
 Не боимся обратно попасть,  
 Нам кругом все вершины знакомы,  
 И девиз наш: ограбить, украсть.

526

### ПРОЛЕТАРОЧКА



На базаре их была парочка:  
 Он был жулик, карманник блатной,  
 А она, его «пролетарочка»,  
 Фраеров фаловала в пивной.

На заводе все знали парочку,  
 Улыбались блатные ему.  
 Только как-то раз «пролетарочку»  
 Посадили за кражу в тюрьму.

Вот сидит она, делать нечего,  
 Тараканов считает и мух...  
 Но однажды к ней поздно вечером  
 Постучался в тюрьму политрук:

«Где, скажи, теперь твоя парочка?  
 Старой жизни назначили слом.  
 Мы теперь с тобой, «пролетарочка»  
 В мастерскую работать пойдем!»

«Я не знаю, где моя парочка,  
Я по ней дни и ночи грущу.  
Только кличкой я «пролетарочка»  
А работать совсем не хочу!»

Года два прошло после этого.  
«Пролетарка» уже в мастерской.  
Как-то раз она поздно вечером  
Возвращалась с работы домой.

Это было все в лето жаркое,  
Проходила она по Тверской,  
Вдруг назвали ее «пролетарочкой»,  
И обнял паренек молодой...

На базаре их была парочка:  
Он был жулик, карманный блатной –  
А теперь она – пролетарочка,  
Сам он слесарь в большой мастерской.

## 527

Полюбил всей душой девицу  
И готов за любовь жизнь отдать:  
Бирюзой разукрашу светлицу,  
Золотую поставлю кровать

На кровать дам лебяжью перину,  
Дам ковер раздушистых цветов,  
Снаряжу я тебя, как картину,  
И отдам это все за любовь.

С той любовью в огонь я полезу  
И ограблю я сто городов,  
С той добычей я к милой вернуся  
И отдам это все за любовь.

Посажу сад роскошный в Кубани,  
В том саду будет петь соловей...  
Под душистою веткой сирени  
Целовать тебя будет милей.

Но вот подозренье крадется,  
Что красавица мне не верна,—  
С наказания весь мир содрогнется,  
Ужаснется и сам сатана.

## 528

Полюбил всей душой Маргариту,  
 Все капризы ее исполнял,  
 А она мне певала романсы,  
 Ими душу свою заполнял.

Покупал я ей все, что ни спросит,  
 Если это не сверх моих сил:  
 С бриллиантами кольца, браслеты,  
 В честь любви это я приносил.

Вот однажды она попросила  
 Что-то вроде волшебственных грез,  
 Чтоб купил для нее диадему  
 Из алмаза и жемчуга слез.

Хотя стоит она крупных денег,  
 Маргарите не мог отказать,  
 У отца просил денег, он не дал –  
 Я решился пойти воровать.

Теперь каждый меня презирает,  
 Как и раньше меня всяк любил, –  
 За девицу-красу Маргариту  
 Свою юность в тюрьме загубил.

## 529

Приходи ты на бан, я там буду  
 Любоваться твоей красотой.  
 И по ширмам таскаться я буду,  
 Добывать тебе, детка, покой.

Приходи же, в желанье сгораю  
 Только видеть тебя на бану,  
 Торопливо я порт покупаю  
 И у фраера режу скулу.

Барахлом и рыжом разодену  
 С головы и до ног я тебя,  
 Чертогончик на шею повешу  
 С павутиной тебе я шутя.

А на тонкие нежные грабки  
 Обручок я тебе принесу.  
 Дорогие носить будешь шляпки...  
 Обожаю твою красоту!



## 530

## ЖИГАНСКИЕ ГЛАЗА

Я встретил девочку на переулочке,  
Она молоденькой пацаночкой была.  
Ей, зная, понравилась улыбка жулика  
И откровенные жиганские глаза.

Вот сроки кончились, вернулись жулики,  
Вернулся парень также в свой родимый дом,  
Но среди девушек он не находит той  
Голубоглазой пацаночки своей.

Спросил. Ответили: «Она уехала,  
Она уехала, быть может, навсегда».  
И в жизни первый раз у жулика из глаз  
Скатилась крупная жиганская слеза.

Ох, не забыть мне вас, ох, не забыть мне вас,  
Не в силах больше я другую полюбить!  
И в жизни первый раз у жулика из глаз  
Скатилась крупная жиганская слеза...

## 531

Луной озарены зеркальные воды,  
Где, детка, сидели с тобой вдвоем.  
Так тихо и нежно забилося сердечко,  
Не мог я сказать ни о чем.

Поверь, дорогая, что я ведь не сокол,  
Чтоб вечно по воле летать,  
Чтоб вечно тобой любоваться, родная,  
Любить и к груди прижимать.

Гуляй, моя детка, пока я на воле,  
Пока я на воле —я твой,  
А может случиться, я буду в неволе —  
Тобой завладеет другой.

И, может, умру за решеткой тюремной,  
За крепким тюремным замком,  
Меня похоронят на ближнем кладбище,  
И ты не узнаешь о том.

Но если поправлюсь и выйду на волю  
И будет в груди веселей,  
Мы встретимся снова, в той самой аллее,  
Где– помнишь? – нам пел соловей...

## 532

Начинаются дни золотые  
Воровской непродажной любви...  
Крикну: кони мои вороные!  
Черны вороны – кони мои!

Устелю свои сани коврами,  
В гривы алые ленты вплету, –  
Пролечу, прозвеню бубенцами  
И тебя подхвачу на лету!

Почему не сверкнет, как бывало,  
В твоих глазках бывшего огня?  
Почему твоя радость завяла? –  
Расскажи, не пугайся меня.

Знаю я все степные дороги...  
Перестань, моя детка, рыдать –  
Нас не выдадут черные кони,  
Вороных уж теперь не догнать!

«Вот однажды, в один вечерочек  
Вот я чем огорчила его?..  
Он взглянул, и лицо побледнело,  
И ушел, не сказав ничего.

И с тех пор его больше не вижу,  
Говорят, он гуляет с другой...  
И с тех пор моя радость завяла,  
И с тех пор я живу сиротой».



## 533

Золотится серенький дымок,  
Тая в золотых лучах заката,  
Песенку принес мне ветерок, мне ветерок,  
Ту, что пела милая когда–то.

Жил в Одессе славный паренек,  
Ездил он в Херсон за арбузами,  
И вдали мелькал его челнок, его челнок  
С белыми, как чайка, парусами.

Арбузов он там не доставал,  
 Лазил тот парнишка по карманам,  
 Крупную валюту добывал, он добывал  
 И водил девчат по ресторанам.

Но однажды этот паренек  
 Не вернулся в город свой родимый,  
 И напрасно девушка ждала, его ждала  
 У причала в платье темно-синем.

Кто же познакомил, детка, нас с тобой,  
 Кто нам преподнес печаль–разлуку?  
 Кто на наше счастье и покой, о боже мой,  
 Поднял окровавленную руку?

Лагерь познакомил, детка, нас с тобой,  
 Прокурор нанес печаль–разлуку,  
 Суд на наше счастье и покой, о боже мой,  
 Поднял окровавленную руку.

Но, в каком бы ни был я краю,  
 Обещаю бить легавых крепко,  
 Потому что волю я люблю, о да, люблю! –  
 А на воле вор бывает редко...

### 534

Сиреневый туман над нашей крышей тает,  
 Над городом не гаснет прощальная заря.  
 Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,  
 Что с девушкой своей прощаюсь навсегда.

Вот рядом ты стоишь, мне руку пожимаешь  
 И тихо говоришь прощальные слова.  
 Быть может, через час тебя я потеряю,  
 Быть может, через час свиданья час пробьет.

Запомню навсегда, что ты мне говорила,  
 Движение твоих губ, ресниц твоих полет,  
 Запомню навсегда последний крик конвоя.  
 Еще один гудок, и поезд отойдет.

Сиреневый туман над нашей крышей тает,  
 Над городом не гаснет прощальная заря.  
 Девчонка не спешит, девчонка понимает,  
 Что с волюшкой своей прощаюсь навсегда.

Уеду далеко; в край северный, таяжный,  
И локоны твои другой будет ласкать.  
Ты ж вспомни обо мне, что я тоскую где-то,  
А впрочем, ни о чем не надо вспоминать.

Сиреневый туман давно уже проплыл,  
Над городом погасла прощальная звезда.  
Кто не сидел в тюрьме, цены любви не знает,  
Кто не был в лагерях, не любит никогда!

### 535

Есть в Ростове речонка Самара.  
Она тихо, так тихо течет,  
А на той стороне плановая –  
Утешенье в ней каждый найдет.

«Что с тобою, любимая дочка?  
Если надо, врача позову».  
«Мама, мама, мне врач не поможет,  
Я безумно мальчишку люблю.

У него, мама, черные брови,  
Голубые, как небо, глаза.  
Он с кинжалом всегда, мама, ходит,  
И блатным он считает себя.

Он из школы меня, мама, вывел,  
Научил меня пить и курить,  
Он с блатными меня познакомил,  
И понравилась мне ихня жизнь.

И теперь я сама– хулиганка,  
Пью вино, сигареты курю,  
Бью я граждан, танцую цыганку  
И безумно мальчишку люблю.

Я убью его, милая мама,  
Тем кинжалом, что он подарил,  
Обагрюсь его кровью я алой,  
Чтоб девчат он, как я, не губил».

## 536

Сегодня решил я покончить с собой,  
О добрая, милая мама!  
Мне жизнь надоела, мне жизнь тяжела,  
О сколько позору и сраму!

Однажды влюбился в девчонку одну,  
Она же мне изменяла.  
И стыдно и больно мне все рассказать,  
Что делать меня заставляла.

Ей нужны наряды, ей нужны балы  
Для этого нужны червонцы.  
И вот я решился, пошел воровать  
Для этой красивой девчонки.

Ох, в первую ночь было трудно идти,  
Мучительно сердце заныло,  
А чтоб идти мне было смелей,  
Я вынюхал грамм кокаину,

Когда же с работы вернулся я к ней,  
Она же открыла объятья:  
За эти несчастные деньги нашел  
Пять дней мимолетного счастья.

Мы пили вино с ней, чтоб совесть залить,  
Шампанское лилось рекою.  
Она мне клялась в своей верной любви,  
Обняв полупьяной рукою.

Когда же случайно в тюрьму я попал,  
Мучительно сердце заныло.  
Когда я оттуда случайно бежал,  
Узнал, что она изменила.

И так я решил жизнь покончить с собой,  
О добрая, милая мама!  
Свеча догорает... Мне жизнь тяжела.  
О сколько позору и сраму!

Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела.  
И в парке тихо музыка играла,  
И было мне тогда еще совсем немного лет,  
Но дел успел наделать я немало.

Лепил за скоком скок, а наутро для себя  
Швырял хрусты налево и направо,  
А ты меня любила и часто говорила,  
Что жизнь блатная хуже, чем отрава.

Но дни короче стали, и птички улетали  
Туда, где вечно солнышко смеется,  
А с ними улетело мое счастье навсегда,  
И понял я — оно уж не вернется.

И вот однажды ночью увидел вас на скверу:  
Как он сидел, обняв тебя рукою!  
Тянулся целоваться, просил тебя отдаться,  
А ты в ответ кивала головою.

Во мне все помутилось, и сердце так забилося,  
И я, как пьяный фраер, зашатался.  
Не помню, как в кабак попал, а там кутил и водку пил,  
И пьяными слезами заливался.

И вот однажды ночью встал у вас я на пути...  
Узнав меня, ты страшно побледнела;  
Его я попросил чуть-чуть в сторонку отойти,  
И сталь ножа зловеще заблестела.

И дальше помню только, как мелькали фонари  
И мусора кругом в саду свистели.  
Всю ночь я прошатался у причалов до зари,  
А в спину мне глаза твои глядели.

Любовь эту короткую хотел залить я водкою,  
Но воровать боялся, как ни странно,  
Но влип в историю глупую, и как-то опергруппною  
Был взят я на бану у ресторана.

Сижу я в капезеке, жду от силы пятерик,  
Как вдруг внезапно вскрылось это дело...  
Пришел ко мне Шапиро, мой защитничек-старик,  
Сказал: «Не миновать тебе расстрела».

И вот уже я в камере, костюмчик унесли,  
 На мне теперь тюремная одежда.  
 Кусочек неба синего и звездочки вдали  
 Мерцают мне, как слабая надежда...

А завтра мне зачтется мой последний приговор,  
 И снова, детка, встретимся с тобою.  
 А завтра поведут меня на наш тюремный двор,  
 А там глаза навеки я закрою.

### 538

Полюбил я девушку простую,  
 А она кассиршею была.  
 По простому ее звали Валечкой,  
 До чего красивая была.

Вот однажды шел я вечерочком,  
 Молодую пару повстречал:  
 Шли они, она к нему ласкалась,  
 Он ее так нежно целовал.

Подошли они до переулочка,  
 Я услышал Валины слова:  
 «Три годочка с летчиком дурила,  
 А тебя все, милый мой, ждала».

Хмель ударила в мою головушку,  
 Сам не знаю, как домой дошел...  
 А назавтра нежною походочкой  
 На свиданье к Валечке пришел.

Она меня встретила так ласково,  
 И я тоже виду не подал.  
 И как прежде я на самолетике  
 Покататься Валечку позвал.

Подошли мы к тому самолетику,  
 Я внимательно смотрел мотор...  
 Посадил я Валечку в кабиночку,  
 И поднялись выше, выше гор

Сам спустился я на парашютике,  
 Хотя Валю было очень жаль...  
 Но за этот самолет и Валечку

Десять лет тюрьмы я отстрадал.  
 Пой, гитара моя семиструнная,  
 А вы, девки, помните одно:  
 Если парню закружила голову,  
 То люби лишь только одного.

## 539

Не губите молодость, ребяташки,  
 Не влюбляйтесь с малых, юных лет,  
 Слушайте советы родных матушек,  
 Берегите свой авторитет.  
 Полюбил я очень молодешенек,  
 Слишком очень рано полюбил,  
 А теперь я плачу все жалеючи,  
 Белый свет становится не мил.  
 Полюбил я девку Валю скромную,  
 Полюбил не в шутку, а всерьез,  
 Провожал я Валю до парадного,  
 Целовал я Валечку взасос.  
 С нею я по пять часов простаивал,  
 Застывала в жилах моих кровь.  
 Как-то раз пришла ко мне желанная  
 И сказала: «Кончена любовь».  
 «Что ты говоришь, моя желанная?  
 Разве я могу тебя забыть!  
 Полюбил тебя я не на шутку,  
 И не в силах я тебя забыть!»  
 Как-то раз осенней темной ночью  
 С неба мелкий дождик моросил.  
 Шел без шапки пьяною походкою,  
 Тихо плакал и о ней грустил.  
 В переулке пара показалась,  
 Не поверил я своим глазам:  
 Шла она, к другому прижималась,  
 И уста скользили по устам.  
 Быстро хмель покинула головушку,  
 Из кармана вынул я бутылъ  
 И ударил я свою зазнобушку,  
 Шел до дому – все как позабыл.  
 А теперь сажу я за решеткою,  
 Вспоминаю карие глаза...  
 Ай, зачем убил я сороковкою? –  
 И все за то, что бросила меня.



## 540

Выпустят колечки или челочки,  
Бровки и ресницы подведут...  
Вот идут шпанистые девчонки  
И моргают парням на ходу.

Полюбил я Аську, девку славную,  
Полюбил впервые и всерьез,  
Провожал до шумного парадного,  
Крепко целовал ее врасос.

На свиданьях долго я простаивал,  
Застывала в жилах даже кровь.  
Вот пришла она, моя шпанистая,  
И сказала: «Кончилась любовь».

Ой, гитара, ой, гитара милая!  
Горе, слезы водкой не зальешь...  
И тогда решил убить шпанистую,  
Отомстить за горькую любовь.

Из-за леса пара показалася,  
Не поверил я своим глазам:  
Шла она, к другому прижималася,  
И уста скользили по устам.

Тут же хмель покинула головушку,  
Из кармана выхватил наган  
И тогда убил свою шпанистую,  
А в ответ услышал: «Хулиган!»

Вот теперь сию я за решеткою,  
Вспоминаю давние года...  
Ах, зачем убил тебя, шпанистая  
Милая, хорошая моя.

## 541

Вот мчится, мчится черный ворон  
По главной улице Тверской:  
Стоит там домик трехэтажный,  
Окрашен краской голубой...

Вот прохожу я перво зало,  
И что я вижу пред собой:  
Сидит там злой начальник МУРа  
И сам сердитый прокурор.

Вот прохожу я дальше в зало,  
И что я вижу пред собой:  
Сидит там мать моя старушка  
И обливается слезой.

Вот прохожу я дальше в зало,  
И что я вижу пред собой:  
Там сидит моя милашка,  
Она смеется надо мной.

Ах, смейся, смейся ты, зазноба,  
До освобожденья моего,  
А на свободу когда выду,  
Страшися гнева моего!

Тебе я руки поломаю  
И набок голову сверну,  
Тебя, холяву, я порежу,  
А сам опять в кичман пойду.

Пускай тогда меня осудят  
Хотя на пять, на десять лет,  
Но я и тем доволен буду,  
Тем, что тебя на свете нет!

## 542

Много девок есть,  
Всех не перечесть,  
Все они даны для женской ласки.  
Можно обойтись  
Без водки, без вина,  
Но не обойтись без женской ласки.

Как-то раз в саду  
Девушку одну  
Завлекал я струнами гитары,  
На колени брал,  
В губы целовал  
И смотрел влюбленными глазами.

С девушками быть,  
С денежками быть,  
А без денег девушки не любят...  
Начал воровать,  
Деньги добывать,  
Реже стал с любимою встречаться.

Долго воровал,  
 Наконец попал  
 За стальные двери, за решетку,  
 Ровно через год  
 Вышел из ворот,  
 Справку получил освобожденья.

Долго я стоял,  
 Думал и гадал,  
 Наконец я все-таки решился:  
 К милой я пойду,  
 Милую найду,  
 Старая любовь воспламенится.

К милой я пошел,  
 Милую нашел,  
 А она, плутовка, изменила.  
 «Ты мальчишка, вор,  
 Вот мой приговор,  
 Я тебя давно уж разлюбила».

С финкою в зубах,  
 Слышно только «Ах,  
 Милый мальчик, сжался надо мною!  
 Вот пройдут года,  
 Вспомнишь ты тогда  
 Девушку, убитую тобою».

### 543

Когда качаются фонарики ночные,  
 Когда на улицу опасно выходить,  
 Я из пивной иду, я никого не жду,  
 Я никого уже не в силах полюбить.

Мне девки пятки целовали как шальные,  
 С какой-то вдовушкой я пропил отчий дом,  
 И мой нахальный смех всегда имел успех,  
 Но моя юность раскололась, как орех.

О что ты, подлая дешевка, натворила!  
 Ты пятерых ребят легавым предала,  
 Ты четверых пришила пулей к стенке,  
 А я попал в кишлак на долгие года.

Костюмчик новенький, колесики со скрипом  
 Я на тюремную пижаму променял.  
 За эти восемь лет я видел много бед  
 И не один на мне волосик полинял.

Сижу на нарах, как король на именинах,  
 И пайку серого мечтаю получить...  
 Капель стучит в окно, а мне уж все равно –  
 Я никого уже не в силах полюбить.

### 544

Был торговый трест показательный,  
 А в том тресте торговый отдел,  
 А в отделе стул основательный,  
 На котором директор сидел.

И в отделе том машинисточка  
 И сидит целый день без конца,  
 За полмесяца шесть червончиков  
 Получала девица тогда.

Причесав усы свои кисточки  
 И поправив свое галифе,  
 Наш директор раз машинисточке  
 Предложил прогуляться в кафе.

Глазки вспыхнули, как бутончики,  
 И подумала вмиг егоза:  
 У директора есть червончики,  
 У меня –голубые глаза.

Полюбил сильнее машинисточку,  
 Каждый день он все больше худел,  
 Но ревизия любопытная  
 Заглянула в торговый отдел.

В кассе были лишь рублевочки  
 Да пятак почерневший один,  
 А червончики и пятерочки  
 Улетучились, словно бензин...

Ах вы, девочки, вы, бутончики,  
 Я к вам сердцем горячим лечу,  
 Я готов отдать вам червончики,  
 Но сидеть я за вас не хочу!

## 545

Скучно и мрачно в больнице тюремной.  
 Сумрачный день сквозь решетку глядит.  
 Бедная Оля тихонько проснулась,  
 Видит: мамаша стоит.

«Бедная мама, прости, дорогая,  
 Дочку–воровку свою!  
 Я умираю так гордо и смело,  
 Тайну скрывая свою.

Он сплутовал, а меня задержали  
 И в уголкову меня привели.  
 Долго допрашивал агент из МУРа:  
 «С кем ты вчера на мокрухе была?»  
 Я отвечала так гордо и смело:  
 «Это душевная тайна моя!»

Били легавые, били наганом,  
 Бил и начальник в то время меня.  
 Я отвечала так гордо и смело:  
 «Это душевная тайна моя!»

Милая мама, прости, дорогая,  
 Скоро умру теперь я.  
 Если увидишь ты вора на воле,  
 То передай, что любя умерла.

## 546

По карманам ветер воет,  
 Кошелек пустой гремит,  
 А мой милый не робеет,  
 За решеткою сидит.  
 Он сидит, сам слезно плачет,  
 Сам с собою говорит:  
 «Тело бело, рубашка грязна,  
 Она грязна как смола.  
 Разнесчастная девчонка,  
 До чего ж ты довела!  
 Довела меня девчонка  
 До позору, до стыда,  
 До такого до позору,  
 До окружного суда.  
 Черный ворон, друг залетный,  
 Ты слетай в родимый край,  
 Отнеси моей мамаше

Мой заочный поцелуй,  
 Расскажи моему папаше—  
 Осудили тяжело:  
 Тяжелее быть не может—  
 Двадцать пять годов тюрьмы».

## 547

Споем, жиган! Нам не гулять по барам  
 И не встречать весенний праздник май.  
 Споем, жиган, как девочку—пацанку  
 Вели этапом, угоняя в дальний край...

А где ты щас? И кто тебя фалует:  
 Начальник МУРа или старый уркаган?  
 А может быть, пошла в расход налево  
 И при побеге шельмонул тебя наган?

А может быть, лежишь ты под забором,  
 С разбитой грудью, у чужих ворот,  
 И по твоим по золотистым косам  
 Чекиста кованый сапог пройдет...

Споем, жиган, нам не гулять по барам  
 И не встречать весенний праздник май.  
 Споем, жиган, как девочку—пацанку  
 Вели этапом, угоняя в дальний край...

## 548

Тюрьма, тюрьма —какое слово,  
 Для всех позорно и страшно,  
 Но для меня совсем иное,  
 И я привык уж к ней давно.

Привык к решетке я железной,  
 Привык к висячему замку,  
 Привык я к камере унылой,  
 Привык к тюремному углу.

В углу стоит ушат с водою,  
 Прибиты койки ко стене.  
 Но жаль, что скован кандалами,  
 Бежать придется тяжело мне.

Зачем, зачем мне торопиться,  
 Зачем решетку мне ломать?  
 Не лучше ль будет потрудиться  
 Из-под конвоя убежать?

Там окликнут часовые,  
 Окликнут раз, окликнут два,  
 И третий раз раздастся выстрел,  
 И так они убьют меня.

### 549

#### ПОСЫЛКА

Во дворе чудесная погода,  
 В окошко светит месяц молодой.  
 А мне сидеть еще осталось меньше года,  
 Душа болит, как хочется домой  
 Лягу спать, и что-то мне не спится,  
 А как усну, так милая приснится.  
 А вот недавно попал я в слабосилку,  
 Из-за того, что ты не шлешь посылку.  
 Я не прошу посылки пожирней,  
 Пришли хотя бы черных сухарей.  
 Жена моя, зайди-ка ты к Егорке,  
 Он по гражданке должен семь рублей:  
 На три рубля купи ты мне махорки,  
 На остальное – черных сухарей.  
 И не сиди с Егоркой до полночи,  
 А то Егорка что-нибудь захочет,  
 А коль захочет – своего добьется,  
 Ведь у Егорки, суки, подлая душа.  
 Итак, кончаю, целую тебя в лобик,  
 Не забывай, что я живу, как бобик.  
 Привет из дальних лагерей  
 От всех товарищей-друзей,  
 Целую крепко-крепко, твой Андрей.

## 550

Я сижу за решеткой, за железной стеной,  
 Пред людьми я виновен, перед Богом я чист.  
 Предо мною икона и запретная зона,  
 А на вышке все тот же распроклятый чекист.

Это было весною, зеленеющим маем,  
 Когда тундра надела свой весенний наряд.  
 Мы бежали с тобою, уходя от погони,  
 Вдоль железной дороги Воркута – Ленинград.

Дождик капал на рыло и на дуло нагана,  
 Вохра нас окружила: «Руки вверх!» – кричат.  
 Но чека просчиталась, оборона прорвалась,  
 Кто на смерть смотрит смело, того пули шадят.

Мы теперь на свободе, мы ушли от погони,  
 Нас теперь не догонит автомата заряд;  
 Мы теперь на свободе, о которой мечтали,  
 О которой так много в лагерях говорят...

## 551

## СЕРЕЖА

Я по тебе соскучилась, Сережа.  
 Истосковалась по тебе, сыночек мой.  
 Ты пишешь мне, что ты тоскуешь тоже  
 И в сентябре воротишься домой.

Ты пишешь мне, что ты по горло занят  
 И лагерь выглядит пустынным и глухим,  
 А вот у нас на родине, в Рязани,  
 Вишневый сад расцвел, как белый дым.

И вот уж скоро выгонят скотину,  
 Зазеленеет в поле сочная трава...  
 А под окном кудрявую рябину  
 Отец срубил по пьянке на дрова.

По бугоркам, по низким косогорам  
 Плышет, качаясь, словно пьяная, луна.  
 По вечерам поют тальянки хором,  
 А по тебе скучает не одна.

У молодой чернявенькой цыганки  
 По вечерам они гадают о тебе,  
 А за рекой веселый звук тальянки  
 Поет о горькой девичьей судьбе.



Здравствуй, мать, прими привет от сына,  
Пишет тебе сын издалека.  
Я жив, но жизнь моя разбита,  
Одинока и нищенски горька.

Завезли меня в страну чужую,  
С одинокой буйной головой,  
И разбили жизнь мне молодую,  
Разлучили нас, маменька, с тобой.

Пить, курить я рано научился,  
Научился я рано воровать.  
Пил, курил все ночи до рассвета,  
Про тебя забыл, родная мать.

Знаю, мать, что ты меня жалеешь  
И часами иногда дрожишь,  
Но при чем же здесь я виноватый?—  
Виноватая во всем бластная жизнь.

Если ты простишь мне, дорогая,  
Брошу пить, курить и воровать,  
Поступлю на фабрику работать,  
Буду я копейку добывать.

Жаль одно, что брата я уж не увижу,  
И сестренку крепко я люблю,  
И тебе, моя родная мама,  
На прощанье крепко руку жму.

Далеко, на севере далеком,  
Может быть, себе приюта не найду,  
Распрощаюсь с родной страной,  
И к тебе я, мать, больше не приду.

Мама! Милая мама!  
 Я тебя не ругаю,  
 Но зачем ты так рано, мама,  
 В ДВК отдала?  
 Мы сегодня с друзьями  
 В жизнь иную вступили,  
 И прошла незаметно  
 Золотая пора!

Нас там грубые дяди  
 Грубо брали за ворот  
 И учили ночами, мама,  
 Как полы натирать.  
 А еще месяцами, мама,  
 Не пускали за зону.  
 Все науки познали,  
 Как людей уважать.

Это было весною, мама,  
 Зеленеющим маем,  
 Трое нас, заключенных, мама,  
 Из-под стражи ушли.  
 На восьмом километре, мама,  
 Нас чекисты догнали,  
 Их, раздетых по пояс,  
 На расстрел повели...

Их поставили к стенке, мама,  
 Развернули спиною,  
 Грянул залп автоматов, мама,  
 И упали они.  
 И по трупам безмолвным, мама,  
 Как по тряпкам негодным,  
 Разрядив автоматы,  
 Все чекисты пошли.

Возвращаюсь домой я, мама,  
 Плачут сосны и ели,  
 Плачет маленький мальчик,  
 Что устал тебя ждать...  
 На крутом косогоре, мама,  
 Стоит крест деревянный,  
 Тихо девушка плачет,  
 Обнимая его.



## 554

Что творится по тюрьмам советским,  
Трудно, граждане, вам рассказать,  
Как приходится нам, малолеткам,  
Со слезами свой срок отбывать.

Срок отбудешь и выйдешь на волю,  
Ветер будет лохмотья трепать.  
Чтобы быть по привычке одетым,  
Ты по новой пойдешь воровать.

А в одном городишке портовом  
Проживала семейка одна:  
Родна мать да двое братишек,  
Да отец проживал хулиган.

Хулигана—отца расстреляли,  
Отравилась их родная мать.  
Трудно жилось двум родным братишкам,  
Старший брат — он пошел воровать.

Трудно жилось младшему брату—  
Нужно было себя одевать,  
Познакомился он с хулиганом  
И пошел вместе с ним воровать.

Как—то раз собрались на крылечке,  
Атаман на гитаре играл,  
В этот миг подошел незнакомец,  
Попросил на гитаре сыграть.

Заиграл атаман на гитаре  
И в слезах про себя рассказал:  
«Хулиганы мы все, хулиганы,  
Хулиганом когда—то я был...

За советские деньги народа  
Я по новой пошел воровать!»  
И тут дрогнуло Колькино сердце,  
Из—за пазухи вынул он нож.

Метко кинул его в незнакомца,  
А тот тихо губами шептал:  
«Ах ты, Колька, мой родный братишка,  
Как же, как же меня не узнал?  
Я твой родный старший братишка,  
А теперь я ничей — и пропал».

И тут вздрогнуло Колькино сердце,  
Из—за пазухи вынул наган:  
«Братец, братец, я тоже с тобою!»  
Грянул выстрел, и Колька упал.

## 555

Здравствуй, мама дорогая, неужели  
 Не узнала ты родимого сына?  
 В юности меня ты провожала, дорогая мама,  
 А теперь встречаешь старика.

«Где ж ты, сокол ясный мой, скитался,  
 Где ж ты, сокол ясный, пропадал?  
 Отчего домой не возвращался,  
 Жив был, почему же не писал?

Может быть, ты был зарыт землею  
 За Печорой, быстрою рекой?  
 И с тех пор болит мое сердечко,  
 Обливаюсь жгучей я слезой...»

Не был, мама, я зарыт землею,  
 А со смертью долго рядом жил.  
 В рудниках, на шахтах, дорогая мама,  
 Очень много горя пережил.

Лагерь наш, мамаша, был построен  
 За Печорой, быстрою рекой.  
 Думал о свободе, дорогая мама,  
 Обливался жгучею слезой.

Снова эти пыльные вагоны,  
 Снова стук колес, неравный бой,  
 Снова опустевшие перроны  
 И собак конвойных злобный вой.

Вот теперь срок отбыл и вернулся...  
 Видишь пред собою ты сына.  
 В юности меня ты провожала, дорогая мама,  
 А теперь встречаешь старика.

## 556

Кто про Север далекий не знает,  
 Кто на нем никогда не бывал,  
 Тот себя пусть счастливым считает:  
 В жизни горя и слез не видал.

Далеко, верст за тысячу с лишним,  
 Где построен был город Мурманск,  
 Среди гор и широкой долины  
 Его строил один капитан.

А теперь этот город паршивый,  
Государству он прибыль дает.  
И решило правительство наше  
Заклоченных на Север ссылатъ.

Там же, братцы, конвой заключенных,  
Там, где сын охраняет отца, –  
Он ведь тоже свободы лишенный,  
А прикажут – застрелит отца.

Там же, братцы, работать не в силах,  
Для людей принудительный труд.  
Если, братцы, не выполнишь норму,  
Триста грамм уж тебе не дадут.

Заболеешь, братишка, цингою,  
И осыплются зубы твои,  
Но в больницу тебя не положат,  
Потому что больницы полны.

Освободимся мы, выйдем на волю,  
Будет ветер тряпье наше рвать,  
Чтобы быть приодетым и сытым,  
Мы по новой пойдем воровать.

Но за эти скачки и ухватки  
Нас милиция снова возьмет,  
В уголовку – жестокие тюрьмы –  
Нашу молодость снова запрет...

## 557

Этап на Север – срока огромные,  
Кого ни спросишь – у всех «Указ».  
Взгляни, взгляни в лицо мое суровое,  
Взгляни, быть может, в последний раз.

А завтра скажут тебе, моя любимая,  
Или напишет товарищ мой...  
Не плачь, не плачь, подруга моя милая, –  
Я не вернусь уже домой.

А завтра я покину Пресню,  
Уйду с этапом на Воркуту...  
И под конвоем своей работой тяжкою,  
Быть может, смерть себе найду.

Друзья накроют мой труп бушлатиком,  
 На холм высокий меня снесут  
 И похоронят душу мою жиганскую,  
 И сами грустно пропоют.

Этап на Север –срока огромные,  
 Кого ни спросишь – везде «Указ».  
 Взгляни, взгляни в лицо мое суровое,  
 Взгляни, быть может, в последний раз.

## 558

За Полярным кругом,  
 В стороне глухой  
 Черные, как уголь,  
 Ночи над землей.

Там, где мало солнца,  
 Человек угрюм,  
 Души без оконца,  
 Темные, как трюм.

Звонких песен юга  
 Больше не пою  
 И с былым, как с другом,  
 Молча говорю.

Мне так часто снится  
 Старое крыльцо,  
 Длинные ресницы,  
 Смуглое лицо...

Не грусти, не мучай,  
 Не томи себя,  
 Если будет случай,  
 Вспомяни меня!

## 559

## ТАГАНКА

Цыганка с картами, дорога дальняя,  
 Дорога дальняя, казенный дом...  
 Быть может, старая тюрьма Центральная  
 Меня, бездомного, по новой ждет.

## П р и п е в :

Таганка—  
 Все ночи, полные огня.  
 Таганка,  
 Зачем сгубила ты меня?  
 Таганка,  
 Я твой бессменный арестант,  
 Погибли юность и талант  
 В сырых стенах.

И без гадания всю знаю правду я:  
 Дороги дальние мне суждены...  
 Опять по пятницам пойдут свидания  
 И слезы горькие моей жены.

## П р и п е в .

Сижу я в камере, все в той же камере,  
 Где, может быть, сидел и мой отец,  
 И жду этапа я, этапа дальнего,  
 Как ждал отец его в семнадцать лет.

## П р и п е в .

## 560

## ВАНИНСКИЙ ПОРТ

Я помню тот Ванинский порт  
 И вид парохода угрюмый,  
 Как шли мы по трапу на борт  
 В холодные, мрачные трюмы.

На море спускался туман,  
 Ревела стихия морская.  
 Лежал впереди Магадан,  
 Столица Колымского края.

Не песня, а жалобный крик  
Из каждой груди вырывался.  
«Прощай навсегда, материк!»—  
Хрипел пароход, надрывался.

От качки стонали зека,  
Обнявшись, как родные братья.  
И только порой с языка  
Срывались глухие проклятья:

«Будь проклята ты, Колыма,  
Что названа чудной планетой,  
Сойдешь поневоле с ума—  
Оттуда возврата уж нету.

Пятьсот километров – тайга,  
В тайге этой дикие звери.  
Машины не ходят туда,  
Бегут, спотыкаясь, олени.

Там смерть подружилась с цингой,  
Набиты битком лазареты.  
Напрасно и этой весной  
Я жду от любимой ответа.

Не пишет она и не ждет  
И в светлые двери вокзала—  
Я знаю – встречать не придет,  
Как это она обещала.

Прощай, моя мать и жена!  
Прощайте вы, милые дети!  
Знать, горькую чашу до дна  
Придется мне выпить на свете».



# ХІІІ. Колокольчики- бубенчики звенят



Познакомился я, ой,  
 Братцы, с муженько женой.  
 Ой, калина, ой, малина,  
 Братцы, с муженько женой.

Раз прислал мне барин чаю  
И велел его сварить;  
А я отроду не знаю  
Как проклятый чай варить.  
Все я взял на скору руку:  
Чай весь высыпал в горшок,  
На заправку перцу, луку  
И петрушки корешок;  
На таган его повесил,  
Еще лучинкой помешал,  
Сверху мучкою засыпал  
И к началу чай принял.  
Чай мой вышел объеденье!  
Раза два прокипятил,  
А потом я к украшенью  
Сверху маслица подлил.  
Копоть стер я помаленьку,  
Внес я в горницу на стол,  
Положил тарелку, ложку,  
Тут и барин подошел.  
«Чай готов, извольте кушать!»  
Снял я с барина пальто.  
«Молодец, всегда так слушай!»  
И сказал: «Хвалю за то.  
Если будешь аккуратно  
Каждый раз так исполнять,  
То на празднички, понятно,  
Подарю рублишек пять».  
Пять рублей ведь денег много.  
На них можно погулять,  
И Акулька—недотрога  
Меня будет уважать.  
Чую, барин расхотелся—  
Меня в горницу позвал,  
За власа мои вцепился,  
Он таскал, меня таскал:  
«Эх ты пешка, ты дубина!  
Ты чего мне наварил?»  
Долго, долго он ругался,  
Злой по горнице ходил,  
Ой—ой—ой, ой—ой—ой!  
Досталось спинушке моей!

«Вот тебе твоя Акулька,  
Вот тебе и пять рублей!»  
Долго думал, удивлялся,  
Чем я мог не угодить,  
А потом я догадался—  
Позабыл чай посолить.

## 562

Три дня хлеба не пекла,  
Печку не топила,  
Мужа с раннего утра  
В город проводила.

Два лукошка толокна  
Продала соседу—  
Накупила я вина,  
Собрала беседу.

Все кутила и пила,  
Напилась — свалилась...  
В это время тихо дверь  
В избу растворилась.

Входит мой большой, седой,  
Весь он изнуренный:  
Дети с голоду кричат  
В хате нетопленной.

Поглядел он на меня,  
Покосился с гневом  
И давай меня стегать  
Плеткою, с припевом:

«О тебя, моя душа,  
Изобью всю плетку.  
Не меняй ты никогда  
Толокно на водку!»

Он стегал меня, стегал,  
Да, знать, стало жалко:  
Бросил плетку свою в угол  
И схватил он палку.

Раза три перекрестил,  
Плюнул злобно на пол,  
Поглядел он на детей,  
Да и сам заплакал:

«У соседа толокно  
Детушки хлебают,  
Почему же у тебя  
Зябнут, голодают?»

Ох, мне это толокно  
Дорого досталось!  
Три недели на боку,  
Охая, валялась!

Ох, болит моя спина,  
Голова кружится...  
Лягу спать, а толокно  
И во сне мне снится!

### 563

Как у нашего соседа  
Собралась больша беседа,  
Развеселая, развеселая.  
Уж мы пили, мы там ели,  
Словом, весело кутили,  
Веселились, веселились.  
А потом как напились,  
Меж собой передрались,  
Перекарябались, перекарябались.  
Я не знаю, как потом  
Мы попали в честный дом,  
Удивительно, удивительно.  
Мы устали поутру,  
Нам было не по нутру  
Удивительно, удивительно.  
Посмотрел я на Кондрата—  
С носа шкура вся содрата,  
Участительно, участительно.  
У племянника у Васьки  
Набок свернуты салазки,  
Прекирвительно, прекирвительно.  
А у дядюшки Ивана  
Как зубов всех не бывало,  
Раздробительно, раздробительно.  
А у дядюшки Егора  
Уся рыла косогором  
Прекирвительно, прекирвительно.  
У mine—таки под глазом  
Синяки стоят два разом,  
Осветительно, осветительно.  
А у самого Себра  
Перебили два ребра,

Прешибительно, прешибительно.  
 И у самого соседа  
 Бороды уж нет и следа,  
 Положительно, положительно.  
 Как с тех пор наш сосед  
 Не стал собирать больших бесед  
 Окончательно, окончательно.

## 564

### СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Там, где Крюков–канал  
 И Фонтанка–река  
 Точно братец с сестрой обнимаются...  
     Вера чудная моя, Вера чудная моя,  
     Вера чудная моя! — обнимаются!  
 От зари до зари,  
 Чуть зажгут фонари,  
 Вереницы студентов шатаются.  
 Они пьют, и поют, и качаются,  
 И еще кое–чем занимаются.  
     Вера чудная моя, Вера чудная моя,  
     Вера чудная моя!–занимаются!  
 А Харлампий святой  
 С колокольни большой  
 Сверху смотрит на них, улыбается.  
 Он и сам бы не прочь  
 Провести с ними ночь,  
 Да по старости лет не решается...  
     Через тумбу, тумбу – раз,  
     Через тумбу, тумбу – два,  
     Через тумбу – три–четыре! – не решается!  
 Но соблазн ведь велик,  
 Не стерпел наш старик–  
 С колокольни большой он спускается...  
 Он и пьет, и поет, и качается.  
 И еще кое–чем занимается.  
     Через тумбу, тумбу – раз,  
     Через тумбу, тумбу – два,  
     Через тумбу – три–четыре! –занимается!  
 В небесах был совет,  
 И решил комитет,  
 Что Харлампий святой исключается...  
     Вера чудная моя, Вера чудная моя,  
     Вера чудная моя! – исключается!

У студентов совет,  
И решил комитет,  
Что Харлампий святой принимается!  
Вера чудная моя, Вера чудная моя,  
Вера чудная моя! – принимается!

## 565

## СТУДЕНЧЕСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Коперник целый век трудился,  
Чтоб доказать Земли вращенье,–  
Дурак!!!

Зачем он не напился?  
Тогда бы не было сомненья.  
Так наливай, брат, наливай  
И все до капли, все до капли выпивай!  
Вино, вино, вино, вино,  
Оно на радость нам дано!  
«А я не пью!» – «Врешь, бродяга, пьешь!»  
«Ей–Богу, нет!» – «А Бога нет!»  
Так наливай сосед соседке,  
Непьющие соседки редки.  
Вино, вино, вино, вино!  
Оно на радость нам дано.

Исак Ньютон весь век трудился,  
Чтоб доказать тел притяженье,–  
Дурак!!!

Зачем он не влюбился?  
Тогда бы не было сомненья.  
Так наливай, брат, наливай... и т. д.

Чарльз Дарвин целый век трудился,  
Чтоб доказать происхождение,–  
Дурак!!!

Зачем он не женился?  
Тогда бы не было сомненья.  
Так наливай, брат, наливай... и т. д.

Колумб Америку открыл,  
Страну для нас совсем чужую,–  
Дурак!!!

Зачем он не открыл  
На нашей улице пивную?  
Так наливай, брат, наливай... и т. д.

## 566

Как имела я любовничка,  
 Канцелярского чиновничка,  
 И недолго с ним я зналася,  
 Этой жизнью наслаждалася,  
 По головке его гладила,  
 Волоса его помадила...  
 Для меня он по возможности  
 Приходил раньше из должности.  
 Он считал за неперменное  
 Каждый день вино пить пенное...  
 Вот однажды мой хорошенький  
 Припелся домой пьянешенький:  
 Губы судорожно съезжены,  
 Руки—ноги отморожены—  
 Знать нелегкая попутала...  
 Я в салоп его закутала,  
 Напоила его мятою,  
 Обложила его ватою.  
 Не спала я, чтоб согреть дружка,  
 В эту ночь часу до третьего.  
 Долго, долго друг мой маялся,  
 Наконец—таки поправился.  
 Из чиновничьего звания  
 За трактирные шатания  
 Исключили друга грешного...  
 Очень жаль было сердешного:  
 Все доходы его сгинули,  
 И друг друга мы покинули.  
 С той поры я в свете маюся,  
 По чужим людям скитаюся.



## 567

По большой Московской улице  
 Спит кондуктор в грязной лужице,  
 Шапка форменна валяется,  
 Спит он спит, не просыпается.  
 Ребятишки все уклалися,  
 Домой папы не дождалися;  
 Женка дома дожидается—  
 Истомилась, нету моченьки,  
 Проглядела уж все оченьки.  
 Вот ей снится сон тревожный и дурной,  
 Что он пляшет там с красавицей одной:  
 К ней ласкается и песенки поет,

А домой нейдет, нейдет, нейдет.  
 Продолжается видение:  
 Вот в пивное заведение  
 Входят две фуражки красные,  
 Эти люди–то опасные.  
 За столы уселись кучками,  
 Дым табачный вьется тучками...  
 Нагулялся наш Иванушка,  
 Отправляется–то улицей;  
 Он идет, идет, мотается,  
 Вдруг в канаву спотыкается.  
 Подошли две темных личности  
 И как будто для приличности:  
 «Спи, товарищ!» – и прибавили–  
 Во карманах все обшарили,  
 Босиком даже оставили.  
 А проснется наш Иванушка–  
 Пуст, пустешенек карманушек.  
 Снова тридцать дней на тормозе стоять,  
 Нет, не будет уж Иван теперь гулять.

### 568

Ах, февраля двадцать девятого  
 Целый штоф вина проклятого  
 Влил Касьян в утробу грешную,  
 Позабыл жену сердешную,  
 Да своих родимых детушек–  
 Близнецов двух малолетушек.  
 Заломил он лихо шапку набекрень  
 И отправился к куме своей в курень.  
 Там кума его калачики пекла–  
 И хороша, и пригожа, и бела.  
 Испекла ему калачик горячо  
 И уважила еще–еще–еще.  
 В это время за лучиною  
 С непонятною кручиною  
 Дремлет, спит жена Касьянова,  
 Поминает мужа пьяного.  
 Как заходят в избу пьяные,  
 Ай, да какие безобразные:  
 Красноносые алтынники,  
 Все Касьяна именинники.  
 И пошел еще шибче содом  
 Вот и, кажется, валиться хочет дом.



А Касьян уже, схватившись за бока:  
 «Я отдам тебе последние гроши,  
 Хорошо очень, пляши, пляши, пляши!»  
 Рассерчало благородие:  
 Ах ты, хамово отродие!  
 За такое поношение,  
 Я на тебя подам прошение  
 Да еще—то подзатыльницу!  
 Целовальник, дай чернильницу!»  
 А в это время уж Касьян совсем заснул...  
 Как идут из храма божия,  
 Все прохожи ухмыляются.  
 Как из храма—то последний шел один,  
 Добродушный он, должно быть, господин.  
 Посмотрел он сердобольно на него  
 И потыкал в боки тросточкой его,  
 А уж он давно того—того—того.

## 569

Шел я улицей Варваркою  
 Со знакомою кухаркою  
 На праздничек воскресенье,  
 Завернул я в заведение;  
 Приказал чайку две парочки:  
 Для себя и для кухарочки  
 И для пущего веселия—  
 Смирновского изделия  
 Приказал подать бутылочку  
 Угостить свою я милочку...  
 И с закускою и с водкою поднос  
 Половой нам, как приказано, принес.  
 Пропустивши пред чайком по запасной,  
 Закусили огурцом и колбасой.  
 Я сегодня у хозяина,  
 У известного у Каина,  
 По причине воскресения  
 Получил сверх положения  
 За свою услугу верную  
 Мзду поистине примерную:  
 Два с полтиною целковые,  
 Две бумажные, рублевые.  
 Полтора рубля монетами.  
 «Угощай, что ли, кокетками».

Закачал я тут головушкой в ответ,  
 Закричал я: «Дайте порцию коклет!»  
 Понесся тут за коклетами стрелой  
 Разудалый, расторопный половой.  
 Приказал я им машину завести  
 Деньги есть, так пей, кути, кути.  
 Но случилась оказия—  
 Забралась в башку фантазия  
 Позабавиться газетами,  
 Почитать перед коклетами.  
 Стал читать и вижу точеньки,  
 Ни единой дальше строченьки...  
 А язык мой заплетается,  
 А кухарка улыбается.  
 Осерчал я не на шутку, господа,  
 И ударил я кухарку сгоряча.  
 Закричала та: «Ой–ей–ой–ей–ой!  
 Он ушиб меня, разбой! разбой! разбой!  
 Слышу крики я злодейские,  
 Прибежали полицейские:  
 «Мы такого безобразника  
 В часть посадим ради праздника!»  
 Я в ответ им ни словечика,  
 Замерло мое сердечико.  
 На том грянулся с дивана я,  
 А кухарка моя пьяная  
 Надо мною издевается,  
 С половым она ругается.  
 Заступился за меня городской  
 Повернулся он к кухарке головой  
 И сказал ей очень грозные слова:  
 «Заплати–ка ты, пустая голова,  
 За коклеты и за водку и за чай!»  
 А кухарка закричала: «Ай–яй–яй!»  
 Засмеялась здесь вся публика  
 И дала она три рублика.  
 И, как ведано законами,  
 Нас отправили в полицию  
 Защищать свою амбицию.  
 Протокол сразу составили,  
 Ночевать в части оставили...  
 Не ходить бы с кухаркою гулять,  
 Не пришлось бы мне в части ночевать.  
 Я был человек мастеровой—

Подгулявши, не отправился домой.  
 Нету—нету мне дороженьки—пути,  
 Ночевали мы в части.

## 570

Раз Ерема в кабаке  
 Пьяный налился,  
 С полбутылкою в руке  
 Домой пробирался.  
 Недалеко от канавы  
 Тут свинья ходила.  
 И над пьяным мужиком  
 Ловко подшутила.  
 Наш Ерема спит в канаве  
 Да и в ус не дует  
 И спросонок он свинью  
 В пяточок целует.  
 А жена его Малаха  
 Утром рано встала  
 И про Еремушку свою  
 Чтой—то вспоминала:  
 Знать, Ерема горько пьян,  
 Не дошел до дому...  
 Взяла палку и пошла  
 Искать свою Ерему.  
 Отыскала и Ерему, Дела не понявши,  
 А Ерема спит в канаве  
 Да с свиньей обнявшись.  
 Тут Малаха—то подкралась,  
 Палок пять вкатила,  
 Чтобы эта—то свинья  
 Мужа не любила.  
 Тут Ерема стал божиться:  
 «Целы все деньжонки,  
 Ни одной я не видал  
 Да рядышком бабенки».

## 571

Друзья, прощайте, помираю,  
 Ох, не я, а люди говорят.  
 Пальто да брюки оставляю,  
 Да две рубахи без заплат;  
 Телячий ранец и корзину,  
 И хуже сапоги,  
 И еще одну косынку,  
 Да кой-какие пустяки.  
 Именье это завещаю  
 Продать на рынке и потом  
 Зайти в трактир, напиться чаю  
 И посетить питейный дом.  
 И там отдайте долг за водку  
 Ваньке-скряге-бурсаку,  
 Пятак Маланье за селедку  
 И грош Борису-кваснику.  
 В том кабаке меня заройте,  
 В котором часто я пивал,  
 И так могилушку устройте,  
 Чтоб я под бочкою лежал,  
 Оборотясь к сениям ногами  
 И головой под самый кран,  
 Держа обеими руками  
 Огромный с водкою стакан.  
 Мою могилу обложите  
 Турецким чистым табаком,  
 А на могилу положите  
 Трубку с длинным чубуком.  
 Слепите памятник из глины,  
 Наймите Ваньку-маляра,  
 И он напишет вам картину—  
 «Мои великие дела».

## 572

В понедельник я влюбился,  
 Весь я вторник прострадал,  
 В среду я в любви открылся,  
 А в четверг решение взял.  
  
 В пятницу пришло решение,  
 А в субботу под венец.  
 В воскресенье обвенчался—  
 И любви моей конец.

В понедельник сын родился,  
А во вторник Бог прибрал.  
В среду я с женой подрался,  
А в четверг ее прогнал.

В пятницу пришло известье,  
Что в субботу мне на суд;  
В воскресенье рано утром  
Мне разводную несут.

### 573

«Ты послушай, голова,  
Про тебя идет молва,  
Будто поздно вечером  
Ходишь ты к соседке в дом».  
«Ну так что же? Я хожу,  
А почто, вам не скажу:  
Это знаю только я,  
Да еще кума моя».  
«Ты послушай, молодец,  
Ведь гутарят, наконец,  
Что не раз видали вас  
И в полночный даже час:  
Кума с краской на лице,  
Обнимались на крыльце».  
«Ну так что же, я не трус,  
Ведьмы с лешим не боюсь,  
А хожу к куме своей,  
Чтобы было веселей».

### 574

Раз полоску Маша жала,  
Золоты снопы вязала,  
Молодая, эх, молодая!  
Истомилась, изомлела—  
Это наше бабье дело,  
Доля злая, эх, доля злая!  
Доля зла, да ничего бы,  
Коль на сердце нет зазнобы  
Да тревоги, эх, да тревоги!  
От зазнобы толку мало...  
На снопах я задремала,  
У дороги, эх, у дороги.

В это время из похода  
 Шел солдат, дитя народа,  
     Из Китая, эх, из Китая.  
 Возле Маши наклонился:  
 «Нет ли, девица, напиться?  
     Очень жарко, эх, очень жарко!»  
 «Я б дала тебе напиться,  
 Да тепла моя водица—  
     Не годится, эх, не годится!»  
 «Нет ли хлебушка кусочек?»  
 «Нету, миленький дружочек,  
     Нет ни крошки, эх, ни крошки.  
 Я полоску жать спешила,  
 Хлеба мало прихватила,  
     Позабыла, эх, позабыла».  
 «Нет ни хлеба, ни водицы,  
 Так прощай, радость—девица,  
     До свиданья, эх, до свиданья!»  
 «Ты постой, постой, служивый,  
 Давай сядем здесь под ивой».  
     Солнце жжется, эх, солнце жжется!  
 Солдат слышит — баба дышит,  
 Рубашонку грудь колышет  
     Молодая, эх, молодая!  
 Стала ласкаться, целоваться,  
 А полоска недожата—  
     Осыпаться, эх, осыпаться!  
 Муж с свекровью долго ждали,  
 Меж собою рассуждали:  
     «Выжнет Маша, эх, выжнет Маша!»  
 А над Машей ночь темнела—  
 Это наше бабье дело,  
     Глупость наша, эх, глупость наша!  
 Через год у мужа морда  
 Стала весела и горда—  
     Сын родился, эх, сын родился!

### 575

Расскажу я вам сейчас,  
 Как знакомился я раз,  
     Ой, калина, ой, малина,  
 Как знакомился я раз.

Познакомился я, ой,  
 Братцы, с мужнею женой.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Братцы, с мужнею женой.  
 Говорит–то: «Мужа нет,  
 Приходи ко мне, мой свет».  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Приходи ко мне, мой свет.  
 Ты, наверно, очень рад–  
 Муж уехал в Петроград.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Муж уехал в Петроград.  
 Мы сидели во тиши,  
 Целовались от души.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Целовались от души.  
 Мы сидели, пили чай,  
 Муж приехал невзначай.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Муж приехал невзначай.  
 С перепугу, так сказать,  
 Я забрался под кровать.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Я забрался под кровать.  
 Под кроватью было пыльно,  
 Мне чихать хотелось сильно.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Мне чихать хотелось сильно.  
 Я порядочно вдохнул,  
 Да три раз подряд чихнул.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Да три раз подряд чихнул.  
 Муж–то в горницу зашел,  
 Меня, бедного, нашел.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Меня, бедного, нашел.  
 И давай меня ласкать,  
 Во все стороны таскать.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Во все стороны таскать.  
 Кочергой благословил,  
 Вниз по лестнице спустил.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Вниз по лестнице спустил.

И летел я не спеша  
 Со второго этажа.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Со второго этажа.  
 И советую я вам  
 Не любить замужних дам.  
     Ой, калина, ой, малина,  
     Не любить замужних дам.

## 576

Провожала Дуня мужа,  
 Сама в садичек пошла.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Сама в садичек пошла.  
 Сама в садичек пошла,  
 Сама милого нашла.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Себе милого нашла.  
 Пригласила я миленка  
 К себе в гости на часок.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     К себе в гости на часок.  
 Ты пожалуй, милый мой,  
 Во широкий двор со мной.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Во широкий двор со мной.  
 Ты привязывай коня  
 Ко переному крыльцу.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Ко переному крыльцу.  
 Ко точенному столбу,  
 Ко луженному кольцу.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Ко луженному кольцу.  
 Ты пожалуй, милый мой,  
 В нову горенку со мной!  
     Ах, калина, ах, малина,  
     В нову горенку со мной!  
 Снимай шляпу и сюртук,  
 Вешай, миленький, на крюк.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Вешай, миленький, на крюк.



Ты пожалуй, милый мой,  
 За дубовый стол со мной.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     За дубовый стол со мной.

Ты пожалуй, милый мой,  
 Чару зелена вина.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Чару зелена вина.

Чару полную вина  
 Выпьем, миленький, до дна!  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Выпьем, миленький, до дна!

Ты пожалуй, милый мой,  
 В нову спаленку со мной!  
     Ах, калина, ах, малина,  
     В нову спаленку со мной!

В эту пору, в этот час  
 Муж из Питера как раз.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Муж из Питера как раз.

Во широкий двор вошел  
 Ворона коня нашел.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Ворона коня нашел.

«Это что у ты, Катюша,  
 За вороный конь стоит?  
     Ах, калина, ах, малина,  
     За вороный конь стоит?»

«Я на рыночек ходила,  
 Ворона коня купила.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Ворона коня купила».

В нову горенку вошел  
 Шляпу с тросточкой нашел.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Шляпу с тросточкой нашел.

«Это что у ты, Катюша,  
 Сюртук с шляпою висит?  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Сюртук с шляпою висит?»

«А вечером гости поздно были,  
 Шляпу с тросточкой забыли.  
     Ах, калина, ах, малина,  
     Шляпу с тросточкой забыли».

В нову спаленку вошел,  
Добра молодца нашел.  
Ах, калина, ах, малина,  
Добра молодца нашел.  
«Это что у тя, Катюша,  
За разудалый молодец?  
Ах, калина, ах, малина,  
За разудалый молодец?»  
«А я по тропинке шла,  
Сиротиночку нашла.  
Ах, калина, ах, малина,  
Сиротиночку нашла.  
И не грех нам сироту  
Напоить и накормить.  
Ах, калина, ах, малина,  
Напоить и накормить.  
Напоить и накормить  
И спать положить.  
Ах, калина, ах, малина,  
И спать положить».  
«Не обманывай, Катюша,  
Я догадливый.  
Ах, калина, ах, малина,  
Я догадливый.  
Всю Расеюшку проехал  
И во Питере бывал.  
Ах, калина, ах, малина,  
И во Питере бывал.  
Я во Питере бывал  
И не таких еще видал.  
Ах, калина, ах, малина,  
И не таких еще видал».

## 577

На дворе стоял рождественский мороз,  
А по дороге проходил большой обоз.  
Кони, фыркая, неслись под косогор.  
Мы въезжали во сосновый темный бор.

А в том бору у замерзнувшей реки,  
И, как сказывали наши ямщики,  
Там селенье, в том селенье есть корчма,  
А там хозяйка жителей свела с ума.

А наш ямщик был бородатый сибиряк,  
Он часто, часто вглядывался в мрак.  
«А ну-ка, барин, ну-ка, барин, погляди—  
Там показалось селенье впереди».

Тут наша тройка дала резкий поворот  
И, словно вкопанная, стала у ворот;  
И чернобровая хозяйка не спеша  
Чуть со скрипом отворила ворота.

Тут ввалился я, как купеческий барон,  
Не снимая даже шапки за столом.  
Чернобровая мне водки налила,  
Сама села и напилась допьяна.

Потом шепчет: «Милый, давай спать»,—  
И уложила меня в мягкую кровать.  
Шуры-муры, трали-вали до утра,  
Ночь прошла, и расставаться нам пора.

## 578

## ДОМОВОЙ

У моей соседки Маши молодой  
Муж был некрасивый и седой.  
А напротив жил мальчишка молодой,  
Не сводил своих глазенок с бабы той.  
И она бы с ним не против пошалить,  
Да боялась как-то мужу изменить.  
Вот однажды муж ей говорит:  
«Маша, нам с тобой разлука предстоит—  
Я уеду в город на три дня.  
Смотри, Маша, не шали тут без меня».  
Колокольчики-бубенчики звенят,  
Верно, мужа провожать они хотят.

Проводивши, на кровать она легла,  
 А уснуть, бедняга, долго не могла.  
 Вот уснула и вдруг слышит, Боже мой!  
 Кто-то гладит ее нежною рукой.  
 И она вскочила впопыхах,  
 Ничего не разберет она впотьмах...  
 И вот слышит она голос, Боже мой!  
 «Это ваш ведь добрый домовой».  
 И так ходил к ней три дня, три ночи домовой,  
 А наутро уходил к себе домой;  
 А соседи-то узнали –это что ж?  
 Домовой тот на соседа был похож!

### 579

«Машенька–дороженька,  
 Расскажи–ка мне хорошенько,  
 Кто же были у тебя твои гости без меня».  
 «Майор был из Берлина,  
 Капитан был с Сахалина,  
 А солдатик рядовой из Архангельска родной».  
 «Машенька–дороженька,  
 Расскажи–ка ты мне хорошенько,  
 Что же ели у тебя твои гости без меня».  
 «Майор ел олененка,  
 Капитан ел поросенка,  
 А солдатик рядовой ел курятину со мной».  
 «Машенька–дороженька,  
 Расскажи–ка ты мне хорошенько,  
 Что же пили у Тебя твои гости без меня».  
 «Майор пил русску водку,  
 Капитан пил самогонку,  
 А солдатик рядовой пил сливяночку со мной».  
 «Машенька–дороженька,  
 Расскажи–ка ты мне хорошенько,  
 Где же спали у тебя твои гости без меня».  
 «Майор спал там на печке,  
 Капитан спал там за печкой  
 А солдатик рядовой спал на коечке со мной».  
 «Машенька–дороженька,  
 Рассказала ты все хорошенько,  
 Рассказала ты все хорошенько»

## 580

Я на бочке сижу,  
Слезы котятся:  
Мне жениться велят,  
Мне не хочется.  
Мне приданого дают—  
Мало, кажется,  
Мне невесту дают—  
Мне не нравится.  
Без меня меня женили—  
Я на мельнице был...  
Приезжаю домой,  
Поздравляют с женой,  
Поздравляют, величают,  
Целовать заставляют.

## 581

За рекой на горе  
Лес зеленый шумит...  
На свиданье в лесок  
Ваня к Дуне спешит.

«Слышу чей голосок?  
Ах ты, Дуня моя,  
Разогрелась душа,  
Дай обнять мне тебя!»

«Ты постой, погоди,  
Не спеши, паренек,  
Где ж обещанный твой  
Золотой перстенок».

«Перстенька не принес,  
А зачем тебе он?  
А принес я тебе  
За три гривны платок».

«Я платка не хочу,  
А зачем мне его?  
Золотой перстенок  
Мне дороже всего.

Глянь—ка, Ваня, давно  
Солнце за лес зашло,  
Солнце за лес зашло,  
Побегу я домой».

«Как домой? А в лесок  
Обещалась ты,  
Во лесок на часок  
Провести вечерок».

«За платок да в лесок!  
Уж ты шустрый какой!  
Не обманешь меня,  
Побегу я домой».

«Вот так девки у нас,  
Нас дурачить пошли,  
И пропали теперь  
Все три гривны мои!»

## 582

Помнишь, Акулька, мгновение,  
Нам взволновавшее кровь,  
Первое наше сближение,  
Первый намек на любовь?

Пойло ты свиньям носила,  
Чистил я скибой сарай;  
Ты мне на ногу вступила,  
Будто совсем невзначай.

Я тебя, дуру, лопатой  
В шутку огрел по спине...  
Вскрикнувши: «Черт полосатый!»—  
Ты улыбнулась мне.

Этой улыбкою ясной  
Долго я бредил потом;  
Снился твой образ прекрасный  
Вместе со скотным двором.

Помню, и ты с каждым часом  
Больше вниманья даришь:  
То обольешь меня квасом,  
То иногда пошалишь.

То за нос ты схватишь легонько,  
То под микитки пырнешь,  
То из лоханки помоев  
Мне за рубашку плеснешь.

Ты разрешила сомненья...  
 Раз за сараем садясь,  
 В сладком и томном волненье  
 Ты мне шепнула, стыдясь:  
 «Что ж не придешь, сивый мерин?»  
 Тронут вниманьем таким,  
 Был наконец я уверен:  
 Тобою я страстно любим.

## 583

За серебряной рекой  
 На желтом песочке  
 Повстречались мы с тобой,  
 Ванька, во садочке.  
 «Где ж ты, Ванька, пропадал  
 Целую неделю?»  
 «За гармонией ездил я  
 В Рязанскую губернию.  
 «Что ты, Ванька, мне купил,  
 Так болит сердечко?»  
 «На-ко, Манька, погляди,  
 Я купил колечко».  
 «За кольцо благодарю—  
 Мне колечко надо».  
 «Я еще тебе купил  
 Пудры и помады».  
 «Что ты, Ванька, обалдел?  
 Я не городская».  
 «На-ко, Манька, погляди,  
 Я в Рязани снялся».  
 «Ты на карточке косой,  
 А костюмчик новый,  
 Не расстанемся с тобой,  
 Милый, чернобровый!»

## 584

Васька втрескался в Дуняшку—  
 Не девчонка, а гармонь.  
 Шелком шитая рубашка  
 И в глазенках есть огонь.  
 Политграмоту читает,

На собраниях орет.  
 И в хозяйстве понимает:  
 И наварит, и нашьет.  
 Огурцов она насолит,  
 Кур хохлатых заведет,  
 И теленочка напоит,  
 И коровку уберет.  
 Живо пегого в телегу  
 Да в соседний исполком;  
 Записались, а с разбега  
 Зашумели вечерком.  
 Облепили все скамейки  
 Молодые парочки.  
 Поначалу от ячейки  
 Песни да подарочки.  
 Ты пили, пили, гармошка,  
 Раздувные голоса.  
 Девки рядышком поплыли,  
 Распустили волоса.

## 585

## ПЕРЕПЕТУЯ

Я стою у заросшего сада,  
 У меня гитара под полой...  
 Я спою тебе серенаду, дорогая!  
 Хочешь слушай, а хошь иди домой.  
     Так поцелуй же ты меня, Перепетуя,  
     В кончик носа!  
     Я тебя так безумно люблю,  
     Так люблю!  
     Для тебя чем угодно рискуя,  
     Кроме денег,  
     Спекульну, спекульну, спекульну!  
 Всю кровать твою завешаю я воблой,  
 Чтоб спокоен и сладок был твой сон.  
 А если воблы да я не достану,  
 Пригоню я узюма вагон.  
     Так поцелуй же ты меня, Перепетуя... и т. д.  
 Я куплю тебе розового мыла—  
 Хочешь мойся, а хочешь им торгуй,—  
 Но чтобы крепче меня ты любила, дорогая,  
 Чтобы слашше был твой поцелуй!  
     Так поцелуй же ты меня, Перепетуя... и т. д.



Чудный сад разведу я на помойке,  
 В том саду будет петь крокодил...  
 Приходи же ко мне, моя Перепетуя,  
 Не гнушайся обществом моим!  
 Так поцелуй же ты меня, Перепетуя... и т. д.

## 586

Лучше бы я утопился—  
 Зачем я так рано женился?  
 Эх, мальчик бедный, эх, мальчик бедный.  
 Я гордился сам собою,  
 От баб не было отбою—  
 И влюбился, эх, и влюбился.  
 Меня свахи окрутили,  
 Сто рублей мне положили,  
 Я женился, эх, я женился.  
 Мигом свадьбку сыграли,  
 Все родные мне сказали:  
 Не пора? Эх, не пора ли?  
 Мы недолго пиво пили,  
 С женой в спальню покатили—  
 Стало страшно, эх, стало страшно!  
 Вот разделась моя Вера,  
 Почернел я, что холера,  
 Что рубашка, эх, что рубашка,  
 С головы бабенка лыса,  
 Что ошпаренная крыса,  
 Машет лапкой, эх, машет лапкой.  
 На устах улыбка кисла,  
 На груди у ней повисло  
 Вроде тряпки, эх, вроде тряпки.  
 Зубы вынула, что шило,  
 С головы до ног фальшиво,  
 Все подделка, эх, все подделка.  
 Вы, ребята, не гордитесь,  
 Как попало не женитесь—  
 Пропадете, эх, пропадете!  
 Если нету капитала,  
 То пощупайте сначала,  
 Что берете, эх, что берете.

## 587

В тропическом лесу купил я дачу,  
 Она была без окон, без дверей;  
 И подарили мне друзья в придачу  
 Красавицу Маринку без ушей.  
 Одна нога была у ней короче,  
 Другая деревянная была,  
 А правый глаз фанерой заколочен,  
 А левый глаз не видел ни фи́га.  
 Зубов у ней отроду не бывало,  
 На голове сто двадцать шесть волос...  
 Когда она меня поцеловала,  
 То у меня по коже пробежала дрожь.  
 Маринка пишет: крыша прохудилась,  
 Железо не на что купить...  
 В Москве железа тоже не хватает,  
 Придется крышу хлебом залепить.  
 Маринка пишет: Зорька околела  
 И не дает нам больше молока;  
 А я пишу: исправлю это дело,  
 Пришлю по почте дойного быка.  
 Маринка пишет: ногу я сломала;  
 А я пишу: купи себе костыль  
 И выходи почаще на дорогу,  
 Чтоб задавил тебя автомобиль.

## 588

Задумал я, братишечки, жениться,  
 Боже мой!  
 Пошел жену себе искать,  
 Нашел девчонку молодую—  
 Годков под восемьдесят пять.  
 Из всех девчонок лакомый кусочек,  
 Боже мой!  
 Ее не старили года.  
 Во рту торчал один зубочек,  
 Из носа капала вода.  
 И вот уж возвращаемся из загса,  
 Боже мой!  
 Вино, закуска на столе.  
 Гляжу, а у моей красотки  
 Одна нога на костыле.  
 Вам хорошо, братишечки, смеяться,  
 Боже мой!



## 590

Паровоз по рельсам мчится,  
На пути котенок спит.  
Паровоз остановился  
И котенку говорит:  
«Ты, котенок, убирайся,  
Очищай машине путь».  
А котенок отвечает:  
«Ты проедешь как–нибудь».  
Паровоз не удержался—  
Отдавил котенку хвост;  
А котенок рассердился,  
Поцарапал паровоз.  
Паровоз лежит в больнице,  
Ему делают укол;  
А котенок спит на крыше  
С перевязанным хвостом.  
Сидит кошка на окошке,  
Зашивает коту хвост,  
А сама его ругает,  
Чтоб не лез под паровоз.

## 591

Дело было в январе,  
Пятого апреля,  
Сухо было на дворе,  
Дождик лил все время.  
Возле каменной реки,  
Водяного моста.  
Шел высокий гражданин  
Низенького роста.  
Сам кудрявый, без волос.  
Тоненький, как бочка;  
У него детишек нет,  
Только сын и дочка.

## САМОГОН

Бывали дни веселые,  
Гулял я, молодец:  
Гнал самогонку крепкую,  
Попался наконец.  
Вот дело было к вечеру,  
Остался я один.  
Взял тесто и отправился  
В знакомый свой овин.  
Там трубка с холодильником,  
Костер мой на ходу,  
С таким расчетом сделано,  
Чтоб гнать не на виду.  
Сижу, гляжу, как капает,  
И греюсь у костра;  
Стакан мой наполняется  
И радует меня.  
Наполнил все бутылочки,  
Две банки и бидон.—  
а каждую за капельку  
Брать буду миллион.  
Сижу я, призадумался,  
Мечтаю про себя:  
Немало заработано...  
А сзади — цоп меня!  
Вскочил я, как ужаленный,  
И струсил в тот момент.  
Я вижу: с председателем  
Пришел суровый мент.  
Прикрыли мою фабрику  
И присудили мне  
Столько, сколько сказано  
В сто сорковой статье.  
В Можайск на принудиловку  
Угонят молодца  
За самогонку крепкую,  
За трубку в три кольца.  
В Можайске жить я буду,  
Вагоны разгружать.  
Придет октябрь — амнистия,  
Приду домой опять.  
Приду домой с отделкою,

Заквашу пудов пять,  
 Забуду принудиловку  
 И буду гнать опять

## 593

С деревьев листья опадают,  
                                 ёксель–моксель!  
 Пришла осенняя пора,  
                                 дождь, слякоть.  
 Ребят всех в армию забрали,  
                                 фулюганов, голодранцев,  
 Настала очередь моя–  
                                 дурака!  
 Пришла повестка на бумажке–  
                                 рваной, мятой,  
 Явиться в райвоенкомат–  
                                 в семь часов.  
 Маманя в обморок упала–  
                                 с печки на пол,  
 Сестра сметану пролила–  
                                 весь горшок  
                                 коту на рыло!  
 Не плачь, маманя, лезь на печку–  
                                 поживее,  
 Сестра сметану подбери–  
                                 языком!  
 А я молоденький мальчишка–  
                                 лет семнадцать,  
                                 двадцать, тридцать,  
                                 сорок восемь, может,  
                                 больше, может, меньше,  
                                 сейчас не помню –  
 На фронт германский подалси–  
                                 босиком...  
 И вот явился я в пехоту–  
                                 в третью роту,  
 И дали мне противогаз–  
                                 экстра–класс!  
 Я натянул его на рожу–  
                                 Матерь Божа!  
 Совсем не видит правый глаз–  
                                 дыхать нечем!  
 И вот нарыли мы окопов  
                                 сикось–накось,  
                                 накось–выкусь,

Приходит ротный командир—  
     бомбардир!  
 «Здорово, братцы—новобранцы,  
     мать вашу!  
 Давай в атаку побегим!»  
     «Беги один!»  
 Летят по небу самолеты—  
     бомбовозы,  
     мессершмитты,  
     вентиль сзади,  
     дуло сбоку,  
 Хотят сровнять меня с землей,  
     насовсем...  
 А я молоденький мальчишка  
     лет семнадцать,  
     двадцать, тридцать,  
     сорок восемь, может,  
     больше, может, меньше,  
     сейчас не помню  
 Лежу с оторванной ногой—  
     совсем с одной!  
 Глаз в кармане, челюсть рядом,  
     притворяюсь,  
     маскируюсь,  
     мол, живой!  
 Ко мне подходит санитарка—  
     звать Тамарка,  
 Давай, грит, ногу привяжу—  
     простыней,  
 И в санитарную машину—  
     «стюдебеккер», трехколесный,  
     без мотора, шестиосный,  
     два цилиндра, три сломатых  
 С собою рядом положу  
     просто так,  
     для интересу.  
 Бежала по полю Аксинья  
     морда синя,  
 В больших кирзовых сапогах,  
 А за нею гнался Афанасий,—  
     семь на восемь,  
     восемь на семь.  
 С большим спидометром в руках—  
     скорость мерять,  
     зря старался,  
     недомерял,  
     не догнал...

«Ах, когда умрешь ты, милый мой дедочек?  
Ах, когда умрешь ты, сизый голубочек?»  
«Во середу, бабка, во середу, любка,  
Во середу, ты моя сизая голубка».  
«На кого оставишь ты, милый мой дедочек?  
На кого оставишь, сизый голубочек?»  
«На деверя, бабка, на деверя, любка,  
На деверя, ты моя сизая голубка».  
«Деверь будет драться, милый мой дедочек,  
Деверь будет драться, сизый голубочек».  
«Оброняйся, бабка, оброняйся, любка,  
Оброняйся, ты моя сизая голубка!»  
«Чем обороняться, милый мой дедочек?  
Чем обороняться, сизый голубочек?»  
«Ледорубом, бабка, ледорубом, любка,  
Ледорубом, ты моя сизая голубка!»  
«Ледоруб тяжелый, милый мой дедочек,  
Ледоруб тяжелый, сизый голубочек».  
«Тренируйся, бабка, тренируйся, любка,  
Тренируйся, ты моя сизая голубка».  
«Где тренироваться, милый мой дедочек?  
Где тренироваться, сизый голубочек?»  
«В турпоходе, бабка, в турпоходе, любка,  
В турпоходе, ты моя сизая голубка».  
«Где же взять путевку, милый мой дедочек?  
Где же взять путевку, сизый голубочек?»  
«В профсоюзе, бабка, в профсоюзе, любка,  
В профсоюзе, ты моя сизая голубка».  
«В профсоюзе не дают, милый мой дедочек,  
В профсоюзе не дают, сизый голубочек».  
«Сунь деньжонок, бабка, сунь деньжонок, любка,  
Сунь деньжонок, ты моя сизая голубка».  
«Где же взять деньжонок, милый мой дедочек?  
Где же взять деньжонок, сизый голубочек?»  
«Спекулируй, бабка, спекулируй, любка,  
Спекулируй, ты моя сизая голубка».  
«Чем же спекулировать, милый мой дедочек?  
Чем же спекулировать, сизый голубочек?»  
«Самогоном, бабка, самогоном, любка,  
Самогоном, ты моя сизая голубка».  
«За самогон посадят, милый мой дедочек,  
За самогон посадят, сизый голубочек».



«Откупайся, бабка, откупайся, любка,  
 Откупайся, ты моя сизая голубка!»  
 «Чем же откупаться, милый мой дедочек?  
 Чем же откупаться, сизый голубочек?»  
 «Поцелуем, бабка, поцелуем, любка,  
 Поцелуем, ты моя сизая голубка!»  
 «Кого целовать—то, милый мой дедочек?  
 Кого целовать—то, сизый голубочек?»  
 «Милиционера, бабка, милиционера, любка,  
 Милиционера, ты моя сизая голубка!»

### 595

У бабушки, под крышей сеновала,  
 Там курочка—молодка проживала.  
 Жила она, не ведая греха,  
 Пока не повстречала петуха.

Петух увидел курочку—молодку,  
 Сейчас же изменил свою походку:  
 Сначала громко крыльями захлопал,  
 Потом он тонкой ножкою притопнул.

«Ах, кука—кука—кука—кукареку!  
 Пойдем, моя красавица, за реку,—  
 Растет там чечевица и пшеница,  
 И протекает сладкая водица».

А курочка доверчива была,  
 Поверила рассказам петуха.  
 За речкой он подставил ей подножку,  
 Сломал ее красивую прическу.

Совет теперь я, курочки, вам дам:  
 Таким не доверяйте петухам.

# XIV. Проснись, душа!



Укрепи меня в скорбях,  
Что поглотила душой живою  
Воселиться и в слезах.

## ГОРА АФОН

Гора Афон, гора святая,  
Не знаю я твоих красот  
И твоего земного рая,  
И под тобой шумящих вод.  
Я не видал твоей вершины,  
Как шпиль твой впился в облака,  
Какие на тебе картины,  
Каков твой вид издалека.  
Я не видал, гора святая,  
Твоих стремнин, отвесных скал  
И как прекрасна даль морская,  
Когда луч солнца догорал.  
Я рисовать тебя не смею,  
Об этих чудных красотах  
Сложить я песню не умею—  
Она замрет в моих устах.  
Одно, одно лишь знаю верно  
Я о тебе, гора чудес,  
Что ты таинственна безмерно  
И недалеко от небес.  
Я знаю, кто тобой владеет,  
Кому в удел досталась ты,—  
Тебя хранит, тебя лелеет  
Царица горной высоты.  
Царица, дивная царица  
Народов всех и всех племен;  
Она Христа Царя денница,  
Разрушила твой темный плен.  
Сквозь сумрак древности глубокой  
Я вижу, грешный, как теперь:  
Корабль несется одинокий,  
На нем царя—пророка дочь;  
Несется он из Палестины,  
На остров Кипр его полет.  
Вдруг —ветр, волнуется пучина,  
Корабль к Афону пристаёт.  
На вопль кумиров Аполлона  
Спешат Марию все встречать,  
И узнают толпы Афона,  
В ней Бога истинного мать.

«Сия гора,– рекла царица,–  
 Да будет жребием моим,  
 Отсель прострет моя десница  
 Всегдашний кров над местом сим.  
 Здесь благодать польется чудно  
 И милость сына моего.  
 Для жизни сей достать не трудно  
 Достаток нужного всего.  
 А там тебе, афонский житель,  
 Слуга мой, верный раб Христа,  
 Готова райская обитель,  
 Награда веры и труда.  
 Сего я места не забуду,  
 Всегда заступница ему,  
 О нем ходатайствовать буду  
 Вовеки к сыну моему».

Обет царицы сладкозвучный  
 Сбылся и зрится в чудесах.  
 Она с Афоном неразлучна,  
 Афон всегда в ее очах.  
 И лик свой там она являет,  
 Беседует к рабам своим,  
 Сама судьбой их управляет  
 И бдит над бытом их земным.

### 597

#### СТИХИ О СМЕРТНОЙ ПАМЯТИ

О, коль наше на сем свете.  
 Житие плачевно,  
 Коль скоро и коль кратко,  
 Аки однодневно.  
 Родимся мы на свет наги,  
 Облиты слезами  
 Растем в болезнях и скорбях,  
 Случаях печальных.  
 А что ж потом последует?  
 Ах, страшно сказать!  
 Смерть люта острым серпом  
 Имеет пожати,  
 А когда и в кое время,  
 Никак не известно.  
 Придет нощию, аки тать,

Возьмет нас нечестно,  
 Поведет во гроб и землю,  
 Во темная жилища,  
 Отдает червям и глаголет:  
 «Ешьте, вот вам пища».  
 Ужель не страшно о сем слышать,  
 Бедные человеки?  
 Простите вы, простите  
 Временные веки.  
 Сколько было на сем свете  
 Мудрых патриархов,  
 Великого жития  
 Святых иерархов!  
 Македонский Александр  
 Ужасен был в мире,  
 Многих царей одолел  
 В крепкой своей силе;  
 Многия царства покорил  
 Славный Кир, царь перский;  
 Целым светом завладел  
 Август, кесарь римский;  
 Проникнула во всем мире  
 Петра Великого слава,  
 Но и тех сильных царей  
 Смутить не убоялась,  
 Яко к простым и нехрабрым  
 Под жизнь их подкралась.  
 Не надейтесь, богачи,  
 На то, что вы богаты,—  
 Не запрут вас от смерти  
 Каменные палаты.  
 Не надейтесь вы, сильные,  
 На тщетную силу,—  
 Потеснит вас лютая смерть  
 В темную могилу.

### 598

#### СТИХ СТРАДАЛЬЦА

Здесь везде одно гоненье,  
 И пристанища нам нет,  
 пытки, ссылки и сожженье  
 На кострах во цвете лет.  
 Цепь невинного страдальца

И несчастного томит.  
 Жить недолго остается,  
 Знать, судьба мне так велит.  
 Я страдаю в тяжелой доле,  
 Жду кончины дней моих,  
 А за что терплю я узы,  
 Стару веру возлюбих?  
 Мне сказали – я преступник,  
 Но невинна жизнь моя,  
 Казнить ссылкой начертали,  
 Но Бог будет им судья!  
 Жалко родину оставить,  
 Позабыть все навсегда,  
 Отца с матерью лишиться,  
 Быть, как круглый сирота.  
 Вы прощайте, все родные!  
 Мне вас больше не видеть,  
 Знайте, все друзья бывшие,  
 Мне в чужбине умирать.  
 Не златотканые одежды  
 Будут кров мне – небеса,  
 Окружат могилу холмы  
 Да дремучие леса.  
 Но во гробе будет лучше:  
 Там престану я страдать,  
 Нежный голос мой умолкнет,  
 И не буду я стень.

### 599

Видно, в мире жить, скитаться  
 Грехов не избыти!  
 Почему с ним не расстаться?  
 Все могу забыть.  
 От красот я удаляюсь,  
 Мир претит мне суетой,  
 Никогда я не пленяюсь  
 Скоровременной красой.  
 Уж я с грусти и печали  
 Скроюсь в темные леса,  
 Взирая буду со слезами  
 Ко владыке в небеса.  
 Я во тех лесах дремучих  
 Со зверями буду жить,  
 Во пещере под землею  
 Буду рубище носить.  
 Тишина настанет в келье,  
 Окрест темные леса,

Не слышать вокруг пещеры  
 Человечья голоса;  
 Только птицы воспевают,  
 Сладкопевцы соловьи—  
 Из моих глаз слезы льются,  
 Яко теплые ручьи.  
 Лейтесь, лейтесь, мои слезы!  
 Лейтесь из моих очей!  
 Вы едины мне полезны  
 В бедной участи моей.  
 Видно, сроду таковая  
 Моя участь и судьба.  
 Я прошу Тебя, Создатель,  
 Не забудь мя до конца!

### 600

Я в пустыню удаляюсь  
 От сего мира сует.  
 Сколько только здесь ни маюсь,  
 Здесь спасенья в мире нет.  
 Оставляю град любезный  
 И все здешнее веселье—  
 Буду строить дом небесный  
 На душевное спасенье.  
 В горных пропастях стремнистых  
 Я в безмолвьи буду жить,  
 Между гор в местах пустынных  
 Век Создателю служить.  
 В тех местах уединенных  
 Позабуду мир любить.  
 Там лишуся я риз светлых,  
 Стану рубища носить.  
 Оставляйтесь, мирски сласти,  
 Не хочу я вас вкушать!  
 Все в святой господней власти,  
 Может лучше пропитать.  
 Глад хоть будет, но в пощенье  
 Плоть свою я умерщвлю;  
 Там есть травка и коренья,  
 Тем себя я прокормлю.  
 С воздыханьем и тоскою  
 Всю свою жизнь проводя  
 И идя путем прискорбным  
 Злых духов избавлюсь я.  
 Здесь собранья, здесь веселье,  
 Здесь все в радости живет.  
 Но суетно развлечение  
 В преисподняя влечет.

Лишь в раю, горе спасенье—  
 Там в чертоге мне венцы,  
 Там небесное селенье,  
 Лик архангелов, певцы,  
 Там и питья, и яденья  
 Для всех праведников — радость:  
 Плод духовный паче меда,  
 И превечная в нем сладость.  
 Светлый ангел мой хранитель!  
 Сохрани от злых духов  
 И, в час смерти моей зритель,  
 Не оставь вовек веков!  
 Боже, зри мое смирение,  
 Зри мои плачевны дни,  
 Зри мои ты огорченья  
 И меня не обвини!  
 Я в пустыню удаляюсь  
 От сего мира сует.  
 Сколь горько здесь ни маюсь,  
 Здесь спасенья в мире нет.

# 601

Время радости настало,  
 Я в восторге тебя зрю,  
 Мое сердце встрепетало,  
 Из очей слез токи лью.  
 Прощай, мир весь, со страстями,  
 И со прелестью навек,  
 И со всеми суетами,  
 От тебя уж я далек.  
 Я за вся моря и реки  
 От тебя, мир, удалюсь,  
 И, сказать могу, вовеки  
 В омут твой не возвращусь.  
 Где желаю я вселиться,  
 Страсти мира удалить,  
 Там пещера темновата  
 Может душу веселить,  
 Здесь не царская палата  
 Заставляет слезы лить.  
 Вместо всякого напитка  
 Ключевая там вода  
 Льется быстро без убытка,  
 Даровая завсегда.



## 602

## СТИХ ПУСТЫННИЦЫ

Полно, дух, во мне мутиться  
 И пленяться красотой!  
 Лучше мыслью в рай пуститься,  
 Где Христос: Он наш покой.  
 Прилети, душа, скорее!  
 Прилети, душа моя!  
 Воздохни к Богу жалчее,  
 Что мне нет спокойна дня.  
 Все нам горести лютые,  
 Скука мучит навсегда.  
 Без тебя, мой Бог, минуты  
 Веком кажутся, Беда!  
 Все я плачу и рыдаю  
 По тебе, Христос, как дочь,  
 Всю постелю возмочаю  
 От духов злых всяку ночь.  
 Полно ж, дух, во мне мутиться  
 И пленяться красотой!  
 Лучше мыслью в рай пуститься,  
 Где Христос: Он наш покой!

## 603

## ПОКАЯНИЕ ПУСТЫННИЦЫ

В мире я жила, грешила  
 Во младых своих летах,  
 Ко спасенью не спешила  
 В разных прелестях, мечтах.  
 Бог привел меня в обитель  
 Ко спасенью моему,  
 Восхотел того Спаситель,  
 Чтоб служила я Ему,  
 А я, грешная, ленива,  
 Не могу себя спасти,  
 Окаянна, нерадива,  
 Вовсе нет во мне любви,  
 Ни молитвы, ни смиренья,  
 Ни дел добрых, ни поста;  
 Не имею я терпенья  
 Служить делом для Христа.  
 Хоть тружусь я понемногу  
 В рукоделиях своих,

Но для тела, а не Богу,  
 И для прихотей своих.  
 Горделива я, злоблива,  
 Во мне мало добрых дел,  
 Служить Богу неспособна,  
 Чтобы плод труда созрел.  
 Я достойна вечной муки,  
 Где не будет уж конца,  
 Буду в вечной я разлуке  
 От святых и от Творца.  
 Хотя веру я имею  
 Во Спасителя моего,  
 Но и думать—то не смею,  
 Что невеста я Его.  
 О, Творец мой и Спаситель!  
 Мне не в пользу жизнь моя.  
 О, премудрый Искупитель!  
 Буди воля в том Твоя!  
 Грешным смерти Ты не хочешь,  
 Обращения от всех ждешь,  
 Аще только Ты восхощешь,  
 Меня, грешную, спасешь.

#### 604

#### ГОСПОДЬ—УПОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ЗЕМНОЕ—ТЛЕН

«Слава, слава в вышних Богу!»—  
 Дух мой радостно воспой.  
 Я стремлюсь к тому чертогу,  
 Где жених сладчайший мой.  
 О, Иисусе мой сладчайший,  
 Мне на помощь прииди;  
 Всех благ мира мне, дражайший,  
 Мою душу освяти.  
 Ты один моя надежда,  
 Всей душой к Тебе стремлюсь,  
 Ты покров мой и одежда,  
 В скорби я тобой живлюсь.  
 О, пресладкий Искупитель,  
 Дай свою мне благодать,  
 Детства моего хранитель,  
 Будь ты мне отец и мать.

Мира прелести, забавы,  
Прочь идите от меня—  
Все вы — лестные отравы,  
Я бегу вас, как огня.  
Славой вечной восхищаюсь,  
Суеты бегу земной,  
Ежечасно утешаюсь  
Той небесной красотой,  
Где святые все собором  
И бесплотных лик духов  
Воспевают райским хором:  
«Свет Господь Бог Саваоф».  
Где в торжественном сиянье  
Богоматерь предстоит  
И на землю со страданьем  
И любовь глядит.  
Дух и сердце веселятся,  
Что Ты Бог мой и Отец,  
И душа туда стремится,  
Где скорбям моим конец.  
Я от мира удалилась,  
Чтоб достигнуть мне небес,  
И в пустыню поселилась,  
Не страшась скорбей и слез.  
Но всечасно я стараюсь  
Мыслить только о святом,  
Славы мира удаляюсь,  
Забывая о земном.  
Одного в душе желаю,  
Чтоб с Христом мне вечно жить,  
Для Него скорблю, страдаю,  
Крест его хочу носить.  
На тебя я уповаю,  
Мой Спаситель и Творец,  
И на помощь призываю,  
Твой стремясь носить венец.  
Я к тебе подыблю руки,  
Сердце в жертву приношу  
И, терпя земные муки,  
Блага райского прошу.

Волею твоей святою  
Укрепи меня в скорбях,  
Чтоб могла душой живою  
Веселиться и в слезах.  
Ты услышь мой стон сердечный  
И вонми душе моей,  
Вседоуший и предвечный,  
Милостью утешь своей.  
Дух надеждоу живится,  
Что под кровом я Твоим,  
Сердце все к Тебе стремится,  
Не прельщаяся земным.  
На Тебя я уповаю,  
Мой Спаситель и Творец,  
И на помощь призываю:  
Будь мне благостный отец.  
Если Ты всегда со мною,  
Никого я не боюсь,  
Под Твоей благой рукою  
Ничего не утрашусь.  
День и ночь в слезах, молитве  
Пред Тобою, Царь, стою,  
Помоги мне в страшной битве  
И спаси рабу свою.  
Я сердечными очами  
Созерцаю твой чертог  
И с горячими слезами  
Пред Тобой молюсь, мой Бог.  
Все земное, честь и слава,  
Что мне пользы может дать?  
Для души оне – отрава,  
Их желаю избегать.  
Что мне миром увлекаться,  
Если в гроб должно мне лечь?  
Для чего тем заниматься,  
Что разрушит смертный меч?  
Все исчезнет в этом мире,  
Как трава и цвет в полях, –  
Бедный в рубище, царь в порфире,  
Обратятся оба в прах.

Небом должно мне пленяться  
 И надеждой в Бога жить.  
 Верой в Бога утешаться  
 И душой его любить.

Примечание. Стих этот поется у покойника собравшимися женщи- нами во время остановки чтеца.

## 605

### СТИХ О ПРЕКРАСНОМ РАЮ

Кто бы дал мне, яко птице,  
 Перья, равные крылам,  
 Полетел бы я в рай светный  
 И узнал бы, что есть там.  
 Но сего никак не будет,  
 Невозможно учинить,  
 Токмо горька смертна чаша  
 Может в небо преселить.  
 В сей ли день или далекий  
 Мне сию чашу испить  
 И с сего света на горний  
 Жизнь свою определить.  
 Что со мной тогда случится,  
 Не известен я весьма,  
 Токмо есть одна надежда—  
 Вера в Господа Христа.  
 Права вера и надежда,  
 Много грешных душ спасла,  
 Покаяньем в согрешеньях  
 К Христу Богу привела.  
 Возвещает нам писанье  
 Ясно райские места;  
 Там растут и процветают  
 Вечно красные древа,  
 Все рождают, умножают  
 Снедь от сладкого плода,  
 Там летают, воспевают  
 Птицы райские всегда,  
 В рае нет ни дня, ни ночи,  
 Но свет светит, как звезда.  
 Наконец, в блаженном раю  
 У небесного Отца,  
 Ни зимы нет, ни же лета,  
 Но всегдашняя весна.

## 606

Боже, жизнь мою управи  
 Всемогущею рукой  
 И от бед меня избави,  
 Даруй в пустыне покой!  
 Будь Ты, Боже, покровитель  
 И заступник Ты мне будь!  
 Будь мне, Боже, утешитель  
 И моих слез не забудь!  
 И Тебе молитву слезну,  
 Мой Создатель, возношу:  
 Тишину мне дай любезну,  
 Со смирением прошу!

## 607

Умоляла мать родная  
 Свою милую дитя,  
 Пред кончиною рыдала,  
 О судьбе ее грустя:  
 «Распростиись со мной навеки,  
 Ненаглядный мой цветок!  
 Скоро будешь сиротою  
 Цвести в поле одинок.  
 Мне минута наступила  
 Тебя навек спокидать,  
 Скоро холодная могила  
 У тебя отымет мать.  
 Ты звезда моя, денница,  
 Пожалей своей красы  
 Не сгуби себя, девица,  
 Не плети ты две косы!  
 Не меняй волю златую  
 На прелестные цветы,  
 На богатство, честь земную,  
 На заботы, суеты.  
 Ты теперь хошь не богата,  
 И в народе не славна,  
 Навек, птичка, ты крылата,  
 Беспечальна и вольна.  
 Не забудь сего, девица,  
 Твой жених — небес творец,—  
 Вовек будешь как девица,  
 С ним пойдешь ты под венец,  
 В рай пресветлый на востоке,—  
 Вечной радости страна,  
 Не замеченным в пороке

Будешь девам отдана.  
 Лучше царских там палаты,  
 Вертограды и сады,  
 Терема, чертоги златы,  
 В садах дивные плоды;  
 В рощах с чудными древами  
 Всегда ангелы поют,  
 Плавно катятся там реки,  
 Чище слез водна струя.  
 Ты вселишься там навеки,  
 Дочь любимая моя.  
 Там не жди беды, напасти  
 И печали никакой,  
 Все погибнут наши страсти,  
 Но лишь радость и покой.  
 Ты, звезда моя, денница,  
 Пожалей своей красы,  
 Не губи себя, девица,  
 Не плети ты две косы!  
 Ты люби, люби себя же,  
 Дочь любимая моя,—  
 Не забудь сего, девица,  
 Ты послушай свою мать!  
 Рай пресветлый сего света,—  
 Я тебя там буду ждать».  
 Мать последний раз вздохнула,  
 Оградившись крестом,  
 На девицу раз взглянула  
 И уснула вечным сном  
 Не забыла дева слова,  
 Помнит материн совет,  
 Без препятствия земного  
 Она жизнь свою веде.



608

Чу! Уныло завывает  
 Томный звон колоколов,  
 Знать, родного провожают  
 Спать надолго средь гробов.  
 Скоро ль, долго ли с землею  
 Мы сроднимся, не минем,  
 Может, завтра же с зарею  
 Я усну таким же сном,  
 Может, завтра погребальный  
 Звон раздастся надо мной,  
 Повторится стих прощальный:  
 Со святыми упокой.  
 Ни отец, ни мать родные  
 Не поплачут надо мной,

И на гроб чужие руки  
 Кинут горсть земли сырой.  
 И никто на той могиле  
 Никогда не посидит,  
 Разве чижичек унылый  
 Над ней трелью окружит.  
 Разве близ моей могилы  
 Кто из странников пройдет  
 И, уставши, на зеленом  
 Дерне сядет отдохнет.  
 Хоть и есть друзья бывшие,  
 Но вспомнят ли о мне!  
 Погрустят ли, нет родные  
 Там в далекой стороне?

### 609

Вот смерти вестник новый  
 Явился предо мной:  
 Я вижу гроб готовый,  
 В нем брат сокрылся мой.  
 И лезя не ужасаться,  
 Слез токи не пролить?  
 Зря гроб, не сокрушаться?  
 Мне ль камнем должно быть?  
 Все плакали, рыдали  
 Святые в жизни сей,  
 Как смерть вспоминали,  
 Как мыслили о ней.  
 Пред смертию своею,  
 Нося пречисту плоть,  
 Был трепетен душою  
 Спаситель наш Господь.  
 Так мне ли будет лира  
 Играть в веселый тон,  
 Как смертная секира  
 Родит из сердца стон?  
 И мне ль свое слезами  
 Лицо не орошать?  
 С греховными делами  
 Как можно не рыдать?  
 Сей гроб напоминает  
 Моей кончины час,  
 И ясно мне вещает  
 Божественный сей глас:  
 Умершие воскреснут,  
 И будет страшный суд:  
 Одни в венцах заблещут,  
 Другие в ад сойдут.  
 Что будет там – не знаю,



И знать нельзя теперь.  
 Отверзнет ли мне к раю  
 Господь Спаситель дверь?  
 А ежели оставит  
 В геенне век страдать?  
 Увы, о горе, вечно  
 Реветь, стенать, рыдать!  
 Но, зря на гроб, потоки  
 Дай, Боже, слез пролить,  
 Чтоб ими злы пороки  
 Я ныне мог омыть,  
 Избавиться от ада,  
 А там вселиться мог,  
 Где вечная отрада,  
 Жидитель всех нас Бог!

### 610

К тебе, о Боже, я взываю,  
 Ты не оставь, благий, меня,  
 К Тебе я руки простираю  
 И в горести молю Тебя.  
 Ты научи меня, Владыко,  
 Как грешнику молить Тебя.  
 Ты видишь, облако велико  
 Закрыло разум у меня.  
 Ты разнеси мглу искушенья  
 И просвети мне путь к Тебе.  
 Ты падших мыслей воскресенье  
 Пошли, Владыко, свет Твой мне.  
 Оставил я отца и мать,  
 Именье, дом, я все презрел,  
 Любовь сестер моих и братьев,  
 И все, что в мире страстным зрел.  
 И, бегая, я удалился  
 В пустыню, в горы и леса,  
 И в сих местах я водворился,  
 Чтоб зреть умом мне в небеса.  
 Спасенья чаю я от Бога,  
 От бурь защиты для себя,  
 Чтоб малодушная тревога  
 Вся удалилась от меня.  
 Но как взыщу Тебя, Владыко,  
 И где обрящу я Тебя?  
 О, дело трудное велико  
 Принял я, грешный, на себя.  
 Мне в путь с крестом идти сказали,  
 А без креста и не ходи,  
 И путь тернистый указали,  
 И чтобы скинул сапоги.

И я пошел в путь добровольно,  
Хотя и трудно мне идти,  
И думал, что уже довольно,  
А не прошел еще версты.  
Я на пути изранил ноги  
От притыкания борцов,  
И сбился я в пути с дороги,  
Идти мне трудно за Творцом.  
Порвал одежду я в пустыне  
И впал в разбойники я в ней,  
А Боже, милостив и сильный,  
Предстань сейчас в душе моей!  
Ты видишь, я изнемогаю,  
Ты видишь, Боже, силы нет.  
Куда идти, уже не знаю,  
Да просветит мне путь Твой свет.  
И я Тебя узрю, Владыко,  
Узрю, создатель мой, Тебя,  
Забуду странствие велико  
И встрепет душа моя.  
Забуду горечь и печали,  
И злострдания в пути,  
Что все меня в пути встречали  
И не давали мне идти.  
Забуду скорби и невзгоды,  
И все труды, подъяты мной,  
Которые терпел все годы,  
Идя, Владыко, за Тобой.  
Еще далеко, о Спаситель,  
Еще далеко мне идти,  
Я не прошел, мой Искупитель,  
К Тебе еще и полпути.  
Ты рек, что иго – мое благо  
И бремя легкое мое,  
Я верю, Боже мой, и знаю,  
Что слово истинно Твое.  
Мне, Боже, с помощью  
Твоею Все будет легко на пути,  
Еще оставшиеся стезею  
Я возмогу, Господь, идти.  
Хотя слезами орошаю  
Мой путь к Тебе, Создатель мой,  
Но верю, Боже мой, и знаю,  
Что я иду благой стезей.

## 611

К чему скорбеть, о чем крушиться,  
 О чем мне слезы проливать,  
 А нужно Богу лишь молиться,  
 Его на помощь призывать.  
     Боже, Ты моя надежда,  
     Моя радость в жизни сей,  
     Успокой же меня, Боже,  
     В горькой участи моей.  
 К Нему душой я буду возвышаться,  
 На небо ум свой возводить  
 Пред Ним мне продолжать смиряться  
 И чувством скорбным говорить.  
     Боже, Ты моя надежда...  
 Везде беды, везде напасти,  
 Везде и все меня страшит.  
 Куда же скроюсь от несчастий  
 И где найти мне твердый щит?  
 Боже, ты моя надежда...  
 О Боге все успокоенье,  
 С Ним можно жить мне и в бедах;  
 К Нему прибегну в умиление,  
 Вся жизнь моя в его руках.  
     Боже, Ты моя надежда,  
     Моя радость в жизни сей,  
     Успокой же меня, Боже,  
     В горькой участи моей.

## 612

Боже, зри мое смирение,  
 Зри мои плачевны дни,  
 Зри мои все огорченья  
 И меня не обвини.  
 Что я, смертна тварь, дерзаю  
 Говорить с своим Творцом,  
 Что я, грешник, называю  
 Всесвятейшего отцом.  
 Будь мне, Боже, предводитель  
 И заступник Ты мне будь,  
 Будь вечно мой спаситель  
 И моих слез не забудь.

Покажи мне путь к спасенью,  
В сердце утверди закон,  
Приклони свой слух к моленью  
И услышь мой тяжкий стон.

Я к Тебе молитву слезну,  
Мой Создатель, приношу,  
Дай мне тишину любезну,  
Со смирением прошу.

Всю надежду полагаю  
На Тебя, всесильный Царь,  
И к Тебе всегда взываю,  
Не надеясь на тварь.

Боже, Ты мя не остави,  
Коль оставил человек,  
И от бед меня избави,  
И храни меня вовек.

### 613

Если в жизни измучен бываешь,  
И труды не по силе тебе,  
Если тяжко душой ты страдаешь,  
Изнывая в неравной борьбе,

Если вера тебя покидает  
И надежда начнет оставлять,  
Если сердце от боли рыдает,  
На судьбу тогда станешь роптать.

Если сил не хватает порою,  
В Божий храм поскорей поспеши,  
Приходи, пред иконой святою  
Помолись, помолись от души.

В божьем храме найдешь облегченье,  
От тяжелых трудов отдохнешь,  
Все твои разрешатся сомненья,  
Как ты душу в слезах изольешь.

Ты с надеждой и верой святою  
Будешь жизненный путь проходить,  
Если станешь во храме с мольбою  
Утешенье себе находить.

От унынья молитва спасает,  
Сил для жизни она подает,  
Веру людям она подкрепляет,  
Всяк в молитве отрады найдет.

## 614

## ИОРДАН

В далекой стране Палестине  
Струится река Иордан.  
На берег реки той выходит  
Креститель Христов Иоанн.

Он с виду суровый и строгий,  
Одежду верблюжьую носил,  
Был послан от Бога в пустыню,  
И громко он там возгласил:

«Покайтесь, люди, покайтесь,  
Очистите ваши сердца  
И грешную душу исправьте,  
Чтоб встретить Мессию Христа.

Грехи предо мною откройте,  
Омойте водою тела,  
Плоды покаянья творите,  
Любовь и святые дела.

Идет вслед за мною сильнейший,  
Божественный свет от Него,  
А я перед Ним лишь предтеча,  
А я перед Ним лишь ничто.

И шли к нему люди толпами  
На берег пустынной реки,  
Несли покаянье слезами,  
В водах омывая грехи.

Однажды толпа расступилась,  
Как будто бы кто-то пришел,  
Как будто бы кто-то разделся  
И с берега в воду сошел.

И видит креститель, дивится,  
Пришел для крещения Тот,  
О Ком говорили пророки,  
Кого ожидал весь народ.

«Зачем Ты приходишь креститься?—  
Христу так сказал Иоанн,—  
Волнуется мертвое море,  
Назад побежал Иордан.

Крестить я Тебя недостоин,  
Владыко ты мой, я Твой раб,  
Я сам пред Тобою склониться,  
Крещение принять буду рад».

Христос не велел прекословить,  
Главу пред Иоанном склонил,  
Креститель дрожащей рукою  
Христа в Иордане крестил.

И вдруг совершилося чудо:  
Отверзлося небо тотчас,  
Из облака вдруг над рекою  
Как гром прогремел отчий глас:

«Сей сын мой возлюбленный Божий,  
Он волю мою в мир несет,  
Он род человеческий грешный  
От гибели вечной спасет».

И видит креститель, дивится:  
Слетел на Христа голубок.  
Не просто была это птица,  
А Дух святой истинный Бог.

По этому знаку предтеча  
Христа Сына Божья узнал  
И людям, пришедшим на берег,  
Рукой на Него указал.

Вся Троица ныне явилась:  
Отец Христа Сыном назвал,  
Дух Божий как голубь спустился,  
Сын Божий крещение принял.

И мы во Христе все крестились,  
И мы облакались в Него,  
И жить мы ему обещали  
Во имя святое Его!

Отреклись мы дел сатанинских,  
На века отреклись сатаны,  
И снова крестимся в купели,  
И стали мы Божьи сыны.

## 615

### XX ВЕК...

Везде царит безверье злое,  
В сердцах и мрак, и пустота,  
И всё великое, святое  
Теперь у многих лишь мечта.

Стремятся взрослые и дети  
Беспечно к гибели своей,  
Впадая в пагубные сети  
Учений ложных и страстей.

Кто честен, тот теперь осмеян,  
Кто верен Церкви – тот глупец,  
Кто чтит законы – лицемерен,  
Отсталый и тупой вконец.

Но кто бы ни был ты, разумный,  
Отставшим будь на их пути.  
Зачем тебе с толпой безумной  
На гибель верную идти?!

Страдают все они жестоко,  
Любовь и веру погубя,  
Погрязши в тине зол глубоко,  
Туда ж влекут они тебя.

Пред ними мрак, мрак беспросветный,  
Их клич «вперед» достоин слез,  
Но яд тех слов, едва приметный,  
Как много горя всем принес!

О счастье понимая ложно,  
Они пошли страданиям вслед;  
Достичь им счастья невозможно,  
Без веры в Бога счастья нет.

## 616

### ГОЛОС ТРЕЗВОГО

К нам появится холера–  
С нею борются врачи.  
А в борьбе со пьянством мера  
Не придумана людьми.

Пьянство ширится, как море,  
Возрастает с каждым днем,  
Вносит в жизнь людскую горе,  
Наполняет ее злом.

Реки льются слез несчастных,  
Гибнут тысячи людей  
В нищете и от напрасной  
Смерти в цвете своих дней.

Пьянство, словно огня пламень,  
 Каждый день и каждый час  
 Пожирает между нами  
 Сотни жертв своих за раз.

А мы, видя это горе,  
 Не хотим им пособить,  
 Дела нет нам, что слез море  
 Жизнь готово затопить.

Раздается всегда тщетно  
 Плач детей у нас в умах,  
 Он сердца к любви заветной  
 Не подвинет ни на шаг.

### 617

#### ОТПОВЕДЬ СКВЕРНОСЛОВУ

Изрыгая брань гнилую,  
 Ты позоришь и себя,  
 И всю нашу Русь святую  
 Ты доводишь до стыда

Ни индеец, ни китаец,  
 Ни татарин, ни цыган  
 Так себя не оскверняет  
 Языком, как ты, профан.

Ты не можешь обходиться  
 Без гнилых, площадных слов,  
 У тебя внутри таится  
 Этой грязи целый ров.

Ты пропитан этой грязью  
 До последней фибры сплошь,  
 С бранью ты за стол залазишь,  
 С ней и ложку в рот несешь.

Поминутно изрыгая  
 Целый омут слов гнилых,  
 Ты ничуть не представляешь,  
 Что ты губишь тем других.

И скотина сторонится  
 В это время от тебя,  
 Что ж испытывать девица,  
 Слыша брань твою, должна?



Если есть в тебе, несчастный,  
Хотя капелька стыда,  
Ты оставь порок ужасный  
Сквернословья навсегда.

## 618

### НЕ ОСУЖДАЙ

Идущего стезей порока  
Ты не клейми, не осуждай,  
Не относись к нему с презреньем,  
Но руку помощи подай.

Не отвергай его прошения,  
Раскаянья тяжелых слез,  
Но пробудить в нем человека  
Старайся, так велел Христос.

Словами веры и надежды  
Утешь его и оживи,  
Согрей его больную душу  
Огнем евангельской любви.

И не томись вопросом жгучим,  
И не старайся ты узнать,  
За что так много и жестоко  
Твой брат здесь обречен страдать.

Его тернистая дорога,  
Его паденья страшный час,  
Полна всей тайны непонятной,  
Скрыта Господом от нас.

## 619

### СМЕРТЬ БЕЗ ПОКАЯНЬЯ

Мы беспечно веселимся  
И не думаем о том:  
Смерть за нами тенью ходит  
С каждым часом, с каждым днем.

Тут, когда ты станешь строить,  
Покупать и продавать,  
И она к тебе подходит  
Неожиданно, как тать.  
Хоть и вздумаешь жениться,

Смерть тогда на пир идет,  
Словно вихрь к тебе примчится  
И с земли долой сметет.

Вот ты юноша здоровый  
И желаешь долго жить,  
А тебя уже готова  
Смерть в могилу уложить.

Знаем мы, что здесь на свете  
Суждено нам мало жить,  
Но не смотрим мы на это,  
Смертный час нас не страшит.

Мы в греховном усыпленье  
Беспечально все живем,  
Не страшимся, что в мученье  
После смерти отойдем.

Здесь живем мы не во свете,  
А скорей живем впотьмах  
И встречаем на том свете  
Непроглядный мрак и страх.

И за гробом измениться  
Невозможно будет нам,  
Страсти будут находиться  
В сердце нашем все и там.

Жизнь духовная начаться  
В этой жизни в нас должна;  
А за гробом развиваться  
Будет только лишь она.

Поспешим же измениться  
В этой жизни, о, друзья!  
А тогда, как смерть примчится,  
Сделать этого нельзя.

Будем вечно мы терзаться,  
Будем плакать и рыдать,  
А в ответ нам отзываться  
Будет в хохоте лишь ад.

Наше ухо будет слышать  
Адский смех и звон цепей,  
А внутри нас будет пышать  
Огонь бесчисленных страстей.



## КРИК ДУШИ ХРИСТИАНСКОЙ

Девятнадцать столетий гремела  
Духовных глаголов труба,  
Пред этой трубой благовели  
И внимали ей люди всегда

Ей внимали все в мире крещеных,  
Находили в ней свет для ума,  
Пробудила она миллионы  
От смертельного, вечного сна.

Но теперь, злою гордостью дыша,  
Не внимаем мы Божьим словам,  
Не хотим мы их видеть и слышать  
И склонили свой слух к пустякам.

Заменили свет истины тьмою,  
Слово Божье пустой болтовней  
И, забивши мозги гальматею,  
Мы заснули смертельной душой.

На мир смотрим мы сквозь свои измы  
И превратно толкуем о нем,  
Благо видим всё в низменной жизни,  
В наслажденье животном, плотском.

Засосала нас плотская тина,  
И беспутно мы ползаем в ней,  
Не хотим вплоть до самой кончины  
Мы взглянуть на всё в жизни ясней.

Должным образом жизнь мы не ценим  
И не здраво глядим на нее...  
А как счастье нам в жизни изменит,  
Разрушаем мгновенно ее...

Если явится в жизни невзгода,  
Чуть какой-нибудь встретим толчок,  
Мы бросаемся тотчас же в воду,  
Или пулей пронзаем висок,

Или петлю наденем на шею,  
Или ляжем на рельсы ничком,  
Или смелой рукою своею  
Перережем и горло ножом.

Сотни тысяч вы встретите ныне  
 Таких жалких душевных калек,  
 Что по самой ничтожной причине  
 Сокращают злой волей свой век.

И для нас это вовсе не диво,  
 Не страшит нас зло это, увы!  
 А в погоне за гнусной наживой  
 Сколько гибнут и тонут в крови!

Наша жизнь превратилась в арену  
 Травли диких и алчных зверей,  
 Всюду видны кровавые сцены  
 Из-за гнусной наживы на ней.

По дороге к наживе бьют, режут,  
 Разбивают, ломают и жгут,  
 Раздаются и стоны и скрежет  
 Повседневно то бал, а то бунт.

Только слышишь, что там-то убили,  
 Разорили богатого дом,  
 Там казенную лавку разбили,  
 Там спалили именье огнем.

Забывают, что все они братья,  
 Что по-божьему жить все должны,  
 И дерутся как звери с проклятьем  
 Из-за жирных обедов они.

И все это на почве неверья  
 Существует такая война,  
 При полнейшем господстве матерья  
 Неизбежна в сей жизни она.

Жизнь цветет лишь в общении с Богом,  
 Мы живем все и движемся Им,  
 Без Него же мы крайне убоги  
 И ничтожны, как пепел и дым.

Прочитавший всю эту триаду  
 Назовет меня, может, ханжой,  
 Не развитым умом, ретроградом  
 И махнет на все это рукой.

Но теперь ли бояться нам брани,  
 Когда в жизни явился пожар,  
 Когда видим, что знамя из крови  
 Нашей вере готовит удар.

\* \* \*

Пока льется кровь по жилам,  
 Не порвалась жизни нить,  
 Не позволим темным силам  
 Нашей веры свет гасить.

Против темных полчищ дружно  
 И без страха вступим в бой,  
 А коль скоро будет нужно,  
 Мы пожертвуем собой.

Постоим за честь России  
 И заветы старины,  
 С нами Бог и все святые,  
 Нам злодеи не страшны.

621

## НЕБЕРАМ

Вразумитесь, неверы  
 И хулители святых!  
 Вы заврались все без меры  
 В философиях пустых.

Бредней разных тьма густая  
 Перешла за свой предел,  
 Дух ваш, в этой тьме блуждая,  
 Совершенно омертвел.

Мыслей ветреных плеяды  
 Держат вас в своих руках,  
 Отравляя своим ядом  
 Жизни вашей каждый шаг.

Омрачают ваши взоры  
 И весь умственный уклад  
 И диктуют вам те вздоры,  
 Кои вносят в жизнь разлад.

Осмеяв Христа ученье  
 И заветы старины,  
 Вы создали культ почтения  
 Темным силам сатаны.

Вразумитесь, о неверы,  
 Пока час ваш не приспел,  
 Ведь всему есть вес и мера  
 И всему есть свой предел.

Дайте место воцариться  
Вере истинной в сердцах,  
Пусть ваш гордый ум смирится  
Пред живущим в небесах.

Когда ум ваш исцелает  
От злой гордости своей,  
Вам представится яснее  
Тогда сущность всех вещей.

Как пойдет рука об руку  
Вера с разумом –тогда  
Принесет вам и наука  
Много доброго плода.

## 622

### НА УТЕШЕНИЕ СТРАДАЛЬЦУ ХРИСТИАНИНУ

Когда гнетет тебя страданье  
И гаснет веры свет в тебе,  
Тогда слезами и рыданьем  
Простришь пред Богом на земле.

Пади пред Ним с живым молением  
И скорбь свою пред Ним излей,  
И ты святое умиление  
Ощутишь, брат, в душе своей.

Вовнутри вдруг все озарится,  
Коснется сердца звук святой,  
И ты начнешь тогда молиться  
Без слов, забывши мир земной.

Ты сердцем, словно воск, растаешь  
В восторге, трепете святом,  
Огнем любви святой пылая,  
Сольешься им ты со Христом.

И если б ты хотя немного  
Подобной сладости вкусил,  
Не стал бы ты роптать на Бога  
И жизнь свою Ему вручил.

Неси же, брат, свой крест с терпением,  
С надеждой крепкой на Творца.  
Земная жизнь – одно мгновенье,  
А там, за гробом, –нет конца.

И всех, кто в жизни сей страдает  
И носит в сердце божий страх,  
Блаженство вечное встречает  
По смерти – там, на небесах,

Господь не даст тебе сверх силы  
В сей жизни временной страдать  
И вплоть до гроба и могилы  
Тебе он будет помогать.

## 623

### КАК НАДО МОЛИТЬСЯ

Когда ты начнешь молиться,  
Тогда вот что исполняй:  
Силься в вере укрепиться,  
Ум свой к небу направляй.

От земного попеченья  
Ум и сердце оторви  
И рассеянные мысли  
Воедино собери.

Каждый миг перед собою  
Представляй Творца миров,  
Верь, что здесь Он есть с тобою  
И внимать тебе готов.

А молитву неспешно  
И с вниманием читай,  
Каждый звук ее сердечным  
Чувством ты сопровождай.

Выражай и в знаках внешних  
Свою просьбу пред Творцом,  
С излишьем чувств сердечных  
Осенья себя крестом.

Поклонись, пади на землю,  
Руки кверху подними,  
И тогда Господь приемлет  
Все прошения твои.

Если чистые прошенья,  
Ни желаний грешных в них,  
Не замедлит исполненьем  
Для тебя Господь всех их.

Берегись и самомнения,  
О себе не возмечтай,  
А поэтому смирение  
В своем сердце соблюдай.

Чуть поддашься самомнению,  
Заглядишься на себя,  
То останется моление  
Бесполезным для тебя.

## 624

### ВПЕЧАТЛЕНИЕ В ЯСНЫЙ ДЕНЬ

В ясный день своим сияньем  
Солнце сердце веселит;  
Никакое злостраданье  
Нас тогда не тяготит.

Забываешь тогда горе  
И уносишься туда,  
Где разлито света море  
Мановением Творца.

Никому не запрещает  
Наслаждаться этим Бог,  
Это счастье все вкушают:  
И богатый, и убог.

Все мы можем видеть в свете  
Солнца – Божеский привет,  
Все мы можем там заметить  
Божья веяния след.

Только надо сердца око  
Нам в исправности держать  
И умом своим высоко  
Чересчур не залетать.

Мудрования людские  
Не постигнут Божества:  
Бога ведают такие,  
У каких душа чиста.



## 625

СОЗЕРЦАНИЕ ПРИРОДЫ ВЕДЕТ  
НАС К ДУХОВНОЙ СВОБОДЕ

Люблю я горы и долины,  
Люблю я море, темный лес,  
В них вижу я всегда картины,  
Картины, полные чудес.

Люблю взирать в уединенье  
На лес, на горы и поля,  
В каком-то чудном упоенье  
В то время весь бываю я.

В то время я своей душою  
Ношуся в царстве неземном,  
Забывши все свое земное,  
Сливаюсь духом со Творцом.

И слышу, что миры в движениях  
Поют Создателю свой гимн,  
Что дивен Он в своих твореньях,  
Что все трепещет перед Ним!

Люблю взирать я на природу,  
На лес, на горы и поля,  
Дышать люблю, жить на свободе  
От мирской сутолоки я.

## 626

## ЛАЗУРНОЕ НЕБО

В лазурное небо порою  
Люблю я подолгу смотреть,  
И как бы хотелось душою  
Повыше в тот мир улететь.

За грань унести земную  
Туда, где теряется взор,  
В небесную высь увлекает  
Все выше и выше простор.

А там, за лазурным покровом,  
Мне мнится отчизна моя,  
О чем-то прекрасном и новом  
И светлом вещает она.

Мне мнится отчизна родная,  
И дух мой стремится туда,  
Любовь где и радость святая,  
Где мир и блаженство всегда.

Где праведных сонм серафимов  
Престолу Творца предстоит  
И дивная песнь херувимов,  
Как чудная арфа, звучит.

И льются те звуки святые  
Прекрасной и нежной волной,  
А чувства в душе – неземные,  
Рождают они мне покой.

В душе от земли перешедши  
В отчизну святую свою  
И вечное счастье нашедши  
В том светлом, в небесном краю.

О, сколько страдалцев блаженных,  
Пронесших свой крест до конца,  
Сподвижников веры смиренных  
Там в радости славят Творца.

О, дивная рая обитель,  
Сравниться что может ли с ней?  
Там сам наш сладчайший Спаситель  
Во славе небесной своей.

В прозрачную высь голубую  
Люблю я подолгу смотреть,  
Скорей бы в отчизну святую  
Навеки душой улететь.

## 627

### НА УТЕШЕНИЕ МАТЕРИ, ПОТЕРЯВШЕЙ СВОЕГО СЫНА–ОТРОКА

Не вы одна такая в мире,  
Таких есть много матерей,  
Какие рано проводили  
В загробный мир своих детей.

Зачем и плакать вам о сыне,  
Зачем лить слезы без конца,  
Когда он радуется ныне  
В святых обителях Творца.

Когда, оставив мир лукавый,  
 Достиг блаженства в небесах,  
 Воздайте лучше Богу славу,  
 Чем жизнь свою топить в слезах.

Ваш отрок мог попасть бы в муку,  
 Проживши здесь до поздних лет.  
 Кто знает то, в какую б руку  
 Попал ваш сын, пустившись в свет.

Земная жизнь — одно мгновенье  
 В сравненье с вечностию, мать,  
 И что, как в вечное мученье  
 Попал бы ваш сынок страдать?

И чем вам плакать так о сыне,  
 Вы лучше плачьте о грехах,  
 Оплачьте вы грехи все ныне,  
 Сын вновь вас встретит в небесах.

## 628

### ДУША МОЯ, ВОССТАНЬ, ЧТО СПИШЬ

Что спишь, душа моя, восстань!  
 Воспрянь от сна своих грехов,  
 Внезапно смерть тебя застанет,  
 И ты пойдешь на суд Христов.

Ты спишь, беспечно почиваешь,  
 А смерть, быть может, уж идет,  
 И в час, какой не ожидаешь,  
 Она с земли тебя сотрет.

Почто ты спишь, смертельно дремлешь,  
 Лишившись истинной свободы,  
 Зачем словам ты льстивым внемлешь,  
 Врага всемирного народа.

Почто союз расторгла с Богом,  
 Зачем попала Его страх;  
 Пошла по вражеской дороге  
 И вся погрязла во грехах.

Господь разрушил вражьи сети  
 И вход на небо нам открыл,  
 Ты ж не идешь дорогой этой  
 И стала жертвой темных сил.

Что спишь, душа моя, проснись,  
 Воспрянь от сна, взойди в себя!  
 Сознай грехи и прослезися,  
 Повергнись в прах у ног Христа.

Проснись, пока еще возможно,  
 Не жди последнего ты дня;  
 Пробьет твой час – и будет поздно  
 Тогда вставать тебе от сна.

Проснись, пока ко всем вызывает  
 Не грозно наш Господь Христос,  
 Пока Он милует, прощает  
 И ценит капли наших слез.

## 629

### ПРОСНИСЬ, ДУША

Пора тебе уж пробудиться,  
 О бедная душа моя,  
 Должна ты скоро возвратиться,  
 Конец приходит бытия.

Восстань! – глас внутренний вызывает,  
 Да пощадит тебя Христос,  
 Кто все собою наполняет  
 И все за грешных перенес.

Ты спишь, душа, и ангел света  
 Стоит и тихо слезы льет,  
 Ты спишь, греховой мглой одета,  
 А смерть тебя, как жертву, ждет.

Она придет, как гость незванный,  
 В себе весь ужас затая,  
 И в час неведомый, неожиданный...  
 Проснись, проснись, душа моя!

Ты спишь в забвении беспечно,  
 Ты спишь в несчастной суете,  
 А время льется скоротечно,  
 И мы идем к своей чреде.

Страшись греха, он постепенно  
 Тебя ужалит, как змея,  
 Взгляни, зияет уж геенна...  
 Проснись, проснись, душа моя!

Восстань и вспомни хоть мгновенье,  
 На ложе мрачное взгляни,  
 Почувствуй стыд и унижение  
 И сон греховный отгони.

Господь давно к тебе вызывает,  
 Его ты светом озарись;  
 Смотри, он длани простирает...  
 Душа, душа моя, проснись!

Ты спишь, а враг твой бдит всечасно,  
 Ты спишь, а бездна под тобой.  
 И божий гнев, как гром ужасный,  
 Гремит над грешной головой.

Он скоро, скоро разразится,  
 Исеякнет благодати струя,  
 А дверь спасенья затворится...  
 Проснись, проснись, душа моя!

### 630

Снова греет солнце —только не меня,  
 Я лежу в могиле и не вижу дня;  
 Я лежу в могиле вне людских тревог,  
 Предо мною небо, надо мною — Бог.

И не давит крышка, не теснит доска,  
 Замерло страданье, унялась тоска,  
 Все прошло и стихло, пылью разнеслось,  
 Жду трубы призыва и Тебя, Христос.

Вы же вспоминайте на белом свету,  
 Я тепере к Богу с ответом иду.  
 Господи, помилуй, Господи, прости!  
 Помоги мне, Боже, крест свой донести.

## Комментарии

Собиратели фольклора придерживаются различных принципов фиксации песенных текстов: соблюдают или не соблюдают правила фонетической записи, фиксируют или опускают появляющиеся при пении дополнительные гласные (э, о), междометия... С учетом характера издания при подготовке к печати проведена унификация правописания (кроме случаев, когда «неправильное» произношение имеет художественно-смысловое значение), пунктуация по возможности приведена к единой норме. Лексика, морфология и стиль подлинников (часто диалектные и жаргонные) остаются, как правило, без исправлений. Повторение каждого двусyllабия и, чаще, последнего двусyllабия в строфе – почти обязательная норма при исполнении городских песен. Пометки собирателей о таких повторениях или непосредственно включенные в записи повторения снимаются, а повторения со смысловыми вариациями воспроизводятся.

Правила первой публикации фольклорных текстов требуют сведений о месте их хранения, о собирателях и исполнителях, о месте, времени и условиях записи каждого конкретного произведения. Популярный характер сборника диктует необходимость предельно сокращенного справочного аппарата. Источник текста (место хранения), исполнитель, место его жительства и время записи – минимум данных, абсолютно необходимый для впервые публикуемых записей. Эти же сведения, имеющиеся в использованных печатных источниках, здесь опускаются; ограничиваемся лишь ссылкой на номер текста или страниц печатного издания. Нет этих сведений также при текстах, взятых из коллекции члена СП СССР Е. А. Гулыги (песни были записаны в 70-80-е годы в Москве и других местах) и из рукописного сборника В. А. Чистякова «Кичман» (один экземпляр хранится у А. В. Кулагинной).

Сведения о месте и времени записи не повторяются в комментариях ко второму, третьему и другим текстам, исполненным одним певцом; в этом случае дается отсылка к первому упоминанию исполнителя в комментариях.

Использованы отдельные записи (П. Г. Пустовойта, Г. С. Померанца), выполненные по просьбе составителей, а также самозаписи Ф. М. Селиванова и его записи по памяти песен, исполнявшихся покойным А. И. Баландиным.

Сведения об авторах песен взяты в основном из сборников Розанова и Гусева.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

(в алфавитном порядке их условных сокращений)

- Агаджанов* – Песни Терека. Песни гребенских и Сунженских казаков. // Публикация текстов, вступ. ст. и примеч. Ю. Г. Агаджанова. Грозный, 1974.
- Багизбаева* – Багизбаева М. Фольклор семиреченских казаков. Ч. 2. Алма-Ата, 1979.
- Гусев* — Песни русских поэтов: В 2 т. // Вступ. ст., биогр. справки, сост., подг. текстов и примеч. В. Е. Гусева. Л.: Советский писатель (Б-ка поэта. Большая серия), 1988.
- Жигулин* – Жигулин А. Черные камни. М.: Книжная палата, 1989.
- Ильинский* – Народные апокрифические сказания, записанные в Ярославской губернии (Публикация Я. Ильинского) // Живая старина. 1906, вып. 1.
- Лазутин* – Воронежские народные песни. Сб. фольклорных записей студентов под ред. С. Г. Лазутина. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1962.
- Можаровский* – Духовные стихи старообрядцев Поволжья. Собрал и записал А. Ф. Можаровский. // Этнография, обозрение, 1906, N5 3/4.
- Мякутин* – Песни оренбургских казаков. IV. Песни обрядовые, духовные стихи, апокрифы, заговоры, очерки обрядов, царь Максимилиан. Собрал А. И. Мякутин. Спб., 1910.
- НППК — Народные песни Пермского края. Сб. текстов. Т. 2. // Сост. М. А. Ганина, Т. Ф. Пирожкова, Р. В. Комина, Р. С. Спивак. Пермь, 1968.
- Нутрихин* – Песни русских рабочих (XVIII – начало XX века). // Вступ. ст., подг. текста и примеч. А. И. Нутрихина. М.; Л.: Советский писатель (Б-ка поэта. Большая серия), 1962.
- Розанов – Русские песни. Составил И. Н. Розанов, М.: Гос. изд. худож. литературы, 1952.
- РСФ – Русский советский фольклор. Антология. Под ред. Н. В. Новикова и Б. Н. Путилова. Л.: Наука, 1967.
- Симаков* – Симаков В. И. Народные песни, их составители и их варианты, М., 1929.
- ФП, ФЭ – Материалы фольклорных практик и фольклорных экспедиций, собранные студентами, аспирантами и профессорско-преподавательским составом кафедры русского устного народного творчества Московского гос. ун-та им М. В. Ломоносова (архив кафедры).
- Чистяков* – Рукописный сборник «Кичман», составленный В. А. Чистяковым в 1979 г.
- Элиасов* – Фольклор семейских. Составили Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Вступ. ст. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1963.

## I. БЫЛО ДЕЛО...

1. Гусев, П, № 635. Автор Ф. П. Савинов (1865–1915). В устном бытовании и в популярных сборниках песня известна в сокращенном до трех строф варианте.
2. Розанов, с. 340. Песенный, сильно сокращенный вариант стихотворения К.Ф. Рылеева (1795–1826) «Смерть Ермака».
3. Розанов, с. 376–378. Песенный вариант стихотворения Д. Н. Садовникова (1847–1883).
4. Гусев, П, № 624. Автор текста Д. Н. Садовников. В устном бытовании – краткий вариант.
5. ФП 01:4705–707. Запись от Н.Ф. Сазонова в г. Рузе Московской обл. (1961г.). Сокращенный, песенный вариант стихотворения И.З. Сурикова (1841–1880) «Казнь Стеньки Разина».
6. Гусев, П, № 788. Песенный, сильно сокращенный (52 → 24 строки) вариант стихотворения А. А. Навроцкого (1839–1914) «Утес Стеньки Разина».
7. Розанов, с. 359. Песенный вариант стихотворения И. Е. Молчанова (1809–1881).
8. Гусев, П, № 775. Песенный, сокращенный вариант стихотворения Н.С. Соколова (поэт и драматург 30–40-х годов XIXв.).
9. ФП 01:0754–0756. Запись от К. Л. Николаева в г. Шуя Ивановской обл. (1960г.). Одна из многих переделок песни «Было дело под Полтавой» (см. № 7), использующая двустипия из популярных русских стихов.
10. Гусев, П, № 683. Автор – Е. М. Студенская (конец 70-х –начало 80-х годов XIXв.,–1905г.). «Варяг» - крейсер, погибший в сражении в Цусимском проливе (у Чемульпо) 27 января 1904 г.
11. РСФ, № 11. Переделка более ранней песни (первой мировой войны) «Слушали деды, война началась».
12. РСФ, № 103. Напев и ритмы «Памяти «Варяга».
13. РСФ, № 115. Песня исполняется на мотив «Раскинулось море широко» (см. № 439).

## II. СОЛДАТЫ И СОЛДАТКИ

14. Розанов, с. 33.
15. ФЭ 11:3991–3992. Запись от Е. П. Чурсановой в д. Белошелье Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.).
16. Розанов, с. 357. Песенный, более полный по сравнению с исконным текстом вариант стихотворения Е. П. Гребенки (1812–1848).
17. Гусев, П, № 773. Песенный вариант стихотворения Г. Г. Малышева (1812(?) –1868) «Свидание через пятнадцать лет».
18. ФП 03:9101–9102. Запись от М. Е. Джаловой (родом из ст. Гребенской) в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.). Песенный вариант стихотворения Е. П. Гребенки «Казак на чужбине».
19. Гусев, П, № 446. Запись 1890-х годов на Южном Урале.
20. ФЭ 11:7912–7913. Запись от А. П. Ванеевой в д. Сёлиб Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
21. ФП 01:0912–0913. Запись от Т. Г. Махайковой в г. Шуя Ивановской обл. (1960г.).
22. ФП 01:1240–1242. Запись от О. И. Малышевой в г. Южа Ивановской обл. (1960г.). Песенная переработка начальной части стихотворения К. Р. (Константина Романова) (1858–1915) «Умер».
23. ФП 01:1237–1239. Запись от Л. А. Киселевой в г. Южа Ивановской обл. (1960г.). Песенный вариант стихотворения Т. Л. Щепкиной-Куперник (1874–1952) «На родине».
24. ФП 01:8000. Запись от сестер Н. А. и А. А. Тумолиных в д. Титово Борисоглебского р-на Ярославской обл. (1954г.).
25. ФЭ 08:2182–2183. Запись от А. А. Епифановой в г. Онега Архангельской обл. (1970г.). Песенный вариант стихотворения поэта первой половины XIX в. Н. Веревкина «Под зеленою раkitой».
26. ФЭ 11:7828. Запись от Е. Д. Бушeneвой в д. Б. Пысса Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
27. ФЭ 11:3953–3954. Запись от А. Н. и К. Е. Кашуниных в с. Лешуконское Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.).
28. ФЭ 01:2839. Запись от В. Кочубаровой, с. Внуково Дмитровского р-на Московской обл. (1952г.).



29. НППК, № 416.
30. ФЭ 02:2679–2680. Запись от А. Д. Никитиной в д. Пустой Берег Заонежского р-на Карельской АССР (1956г.).
31. ФЭ 02:0430. Запись от А. А. Данилиной в д. Сваруха Пошехонского р-на Ярославской обл. (1955г.). Переделка песни «От павших твердынь Порт-Артура» (см. № 23).
32. ФП 01:7999–8000. Запись от Н. А. и А. А. Тумолиных (см. № 24).
33. ФЭ 10:8754–8755. Запись от А. К. Токарева в д. Юрома Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
34. ФЭ 01:7617–7618. Запись от Е. М. Волгиной в с. Угодичи Ростовского р-на Ярославской обл. (1954г.). Солдатский вариант песни «Любила меня мать, уважала».
35. ФЭ 10:8831–8832. Запись от М. И. Елуковой в д. Калино Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
36. ФП 01:7483–7484. Запись от Е. Ф. Дроздовой в г. Волоколамск Московской обл. (1963г.). Солдатский вариант рабочей песни.
37. ФЭ 10:8755–8756. Запись от А. К. Токарева (см. № 33).
38. ФП 01:6751–6754. Запись от А. С. Теплова в с. Трофимовщина Ромодановского р-на Мордовской АССР (1963г.).
39. ФЭ 11:8031–8032. Запись от Ю. А. Пантелеевой в с. Ертома Удорского р-на Коми АССР (1977г.). Песня времен гражданской войны является краткой переделкой «Предсмертной песни» («Мы сами копали могилу свою») (1906г.). Автор В. Г. Богораз-Тан (1865–1936).
40. Текст песни, исполнявшейся А. И. Баландиным в г. Москве (ум. в 1987г.). Восстановлен по памяти Ф. М. Селивановым (1990г.).
41. ФП 03:2074. Запись от М. Ф. Селиверстовой в с. Гусево Медынского р-на Калужской обл. (1970г.).
42. ФП 03:9238–9239. Запись от Т. В. Ведениной в д. Кургановка Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
43. ФП 01:1103–1105. Запись от Е. А. Сереньковой в г. Южа Ивановской обл. (1960г.). Песенная переработка «Литовской песни» П. А. Козлова (1841–1891).
44. ФЭ 10:8651–8652. Запись от Е. А. Рахмановой в пос. Каменка Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.). Оторвало с плечелью плечо...– по объяснению исполнителя, плечель – рука с плечом вместе.
45. ФП 01:0612–0614. Запись от А. А. Елкина в д. Ракитино Рузского р-на Московской обл. (1960г.).
46. ФП 02:2101–2102. Запись от А. Л. Макарова в д. Б. Санчур Меленковского р-на Владимирской обл. (1964г.).
47. ФЭ 11:8240–8241. Запись от Ю. А. Пантелеевой (см. № 39).
48. НППК, № 570.
49. ФП 05:5563–5564. Запись от А. Г. Фирсаковой в д. Алешня Козельского р-на Калужской обл. Песенный вариант стихотворения М. В. Исаковского (1969г.).
50. РСФ, № 130.
51. ФЭ 11:3869–3870. Запись от А. А. Чашевой в д. Усть-Чуласа Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.).
52. ФП 01:6405–6408. Запись от С. Ф. Черняева в д. Мошковицы Суворовского р-на Тульской обл. (1962г.).
53. ФЭ 10:8625–8626. Запись от А. А. Нагоновой в д. Лампожня Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
54. ФЭ 10:2557–2558. Запись от О. Ф. Бушуевой в д. Тырпасовская Вилегодского р-на Архангельской обл. (1974г.). Приуроченный к Великой Отечественной войне один из многих вариантов песни, восходящей к стихотворению Д. В. Вeneвитинова (1805–1827) «Песнь грека». См. № 380.
55. ФЭ 11:3903–3904. Запись от А. С. Матвеевой в д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.). Напев «По долинам и по взгорьям».
56. ФЭ 02:0959. Запись из альбома Н. и М. Антроповых в д. Бабарино Пошехонского р-на Ярославской обл. (1953г.).
57. ФЭ 01:5140–5141. Запись от В. Долгоруковой в г. Н. Тагил Свердловской обл. (1952г.). Напев

«Раскинулось море широко».

58. ФП 03:3224–3225. Запись от Н. С. Кузьминой в д. Закатовка Мало ярославецкого р-на Калужской обл. (1970г.).
59. МП 05:5564–5566. Запись от А. Г. Фирсаковой (см. № 49). Переработка стихотворения М. В. Исаковского «Огонек».
60. ФП 03:3228–3229. Запись от Н. С. Кузьминой. См. № 58. Переработка того же «Огонька» М. В. Исаковского.
61. ФП 03:3226–3227. См. № 58. Переделка песни «Темная ночь» из кинофильма «Два бойца». Автор В. Агатов.
62. ФП 05:5560–5561. Запись от А. Г. Фирсаковой. См. № 49. Мотивы песен о тройке.
63. ФЭ 01:2833–2835. Запись от В. Кочубаровой. См. № 28.
64. ФП 04:1839–1841. Из альбома А. Рыжкова в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).

### III. АХ, ЛЮБОВЬ...

65. ФП 01:0806–0808. Запись от Е. В. Калугиной в г. Шуя Ивановской обл. (1960г.). Вариант песни, создательницей которой, по предположению, была известная крепостная актриса Параша Жемчугова (она же Кузнецова, Горбунова, Ковалевская). В конце жизни жена графа Н. П. Шереметева (1768–1803).
66. ФЭ 02:4836. Запись от хора в д. Бабарино Пошехонского р-на Ярославской обл. (1955г.). Песенный вариант стихотворения Г. А. Хованского (1767–1796) «Незабудочки».
67. ФЭ 10:8918. Запись от М. С. Аникиевой в д. Козьмогородское Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
68. Гусев, П, № 748. Песня четырьмя первыми строками восходит к стихотворению Д. П. Глебова (1789–1843) «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной».
69. Из коллекции Е. А. Гульги. Песенный вариант второй части стихотворения Ф. Н. Глинки (1786–1880) «Сон русского на чужбине».
70. Гусев, П, № 706.
71. ФП 01:8968. Запись от А. С. Дятлова в г. Гаврилов Посад Ивановской обл. (1962г.). Вариант песни «Тройка» на слова Н. Анордиста. Впервые напечатана в 1840 г.
72. Гусев, П, № 765. Первое четверостишие из стихотворения П. А. Вяземского (1792–1878) «Еще тройка».
73. ФП 01:1252. Запись от П. М. Соловьевой в г. Южа Ивановской обл. (1960г.). Краткий вариант песни на слова Фадеева. Впервые напечатана в 1870 г.
74. ФП 01:1250–1251. Запись от П. М. Соловьевой. См. № 73.
75. Гусев, П, № 690. Автор - А. С. Рославлев (1883–1920).
76. ФП 01:4666–4667. Запись от М. П. Антоновой в д. Волохино Рузского р-на Московской обл. (1961г.). Песенный вариант стихотворения И. С. Никитина (1824–1861).
77. Гусев, П, № 782. Песенный вариант стихотворения И. З. Сурикова «Рябина». См. № 237.
78. Розанов, с. 251–252. Начальная часть поэмы Н. А. Некрасова (1821–1878) «Коробейники».
79. ФЭ 10:2358–2360. Запись от В. Н. Ивакиной в д. Воильцево Котласского р-на Архангельской обл. (1974г.).
80. Гусев, П, № 512. Автор – А. Е. Разоренов (1819–1891).
81. ФЭ 01:3826–3827. Запись от М. Л. Егоровой в г. Иваново (1960г.). Песенный вариант стихотворения Я. П. Полонского (1819–1898) «Затворница».
82. ФП 01:6831–6832. Запись от Е. С. Наумовой в д. Покров Ромодановского р-на Мордовской АССР (1963г.).
83. ФП 01:5067. Запись от М. С. Томилиной в г. Руза Московской обл. (1961г.). Краткий песенный вариант стихотворения Н. В. Берга (1823–1884).
84. ФП 01:5082. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
85. ФП 03:9350. Запись от Н. Н. Федуловой в д. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
86. ФП 01:5072. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
87. ФЭ 01:0351–0352. Запись от В. Н. Дьяковой и Ф. И. Макарычевой в пос. Холуй Ивановской

- обл. (1960г.).
88. ФЭ 01:8042. Запись от А. М. Телегиной в д. Титово Борисоглебского р-на Ярославской обл. (1954г.).
  89. ФП 01:3101–3102. Запись от Н. Е. Катковой в г. Иваново (1961г.).
  90. ФП 01:5071. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  91. ФЭ 16:9943. Запись от А. И. Дураковой в д. Сирино Лузского р-на Кировской обл. (1989г.).
  92. ФП 01:5183. Запись от П. А. Медведевой в г. Руза Московской обл. (1961г.).
  93. ФП 03:0919–0920. Запись от Н. Г. Райковой в д. Петровск Медынского р-на Калужской обл. (1970г.).
  94. ФП 01:5036–5064. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  95. ФП 03:9378–9380. Запись от П. В. Карловой в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
  96. Из коллекции Е. А. Гулыги. Ряд строф восходит к стихотворению А. Х. Дуропы (20-е годы XIX в.) «Казак на родине».
  97. Розанов, с. 312–313. Отрывок из поэмы С. Д. Дрожжина (1848–1930) «Дуняша».
  98. ФП 01:2175–2176. Запись от И. А. Панкратова в д. Глуумово Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (1961г.). Песенный вариант стихотворения Я.П. Полонского «Подойди ко мне, старушка» См. № 165.
  99. ФЭ 01:8039. Запись от А. М. Телегиной. См. № 88.
  100. ФП 01:4688–4689. Запись от А. П. Скворцова в г. Руза Московской обл.
  101. ФП 01:5182. Запись от П. А. Медведевой. См. № 92.
  102. ФП 01:6084. Запись от С. П. Антоновой в д. Варущи Суворовского р-на Тульской обл. (1962г.).
  103. ФП 02:8233. Запись от М. И. Песковой в д. Клюксы Козельского р-на Калужской обл. (1969г.).
  104. ФП 03:7443–7445. Запись от Т. Васильевой в д. Н. Прыски Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
  105. Элиасов, № 379.
  106. ФЭ 10:8705–8707. Запись от М. А. Михашина в пос. Каменка Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
  107. Из коллекции Е. А. Гулыги.
  108. ФП 01:0103–0104. Запись от А. И. Рожковой в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.). Переделка песни с тем же названием См. № 132.
  109. ФП 01:5073. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  110. ФП 01:1972. Запись от П. В. Заульской в д. Грибаново Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (1961г.).
  111. ФП 01:0115. Запись от О. С. Цаплиной в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
  112. ФП 01:8317. Запись от Д. Беловой в с. Малютино Калужского р-на Калужской обл. (1963г.).
  113. ФЭ 09:8689–8690. Запись от П. М. Парытной в д. Бор Ленского р-на Архангельской обл. (1973г.).
  114. ФЭ 01:0354–0355. Запись от В. Н. Дьяковой и Ф. И. Макарычевой. См. № 87. Вариант предшествующей песни.
  115. ФЭ 01:3795–3796. Запись от А. И. Чебыкиной в г. Иваново (1960г.).
  116. ФП 01:5064. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  117. Багизбаева, 2, № 100.
  118. ФЭ 11:7854–7855. Запись от А. А. Ванеевой. См. № 20.
  119. ФП 01:0593. Запись от А. А. Елкина. См. № 45.
  120. ФЭ 10:8791–8792. Запись от Л. А. Шубиной в д. Кильце Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.). Более полный вариант песни №139.
  121. ФП 01:0064. Запись от К. П. Козловой в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
  122. ФП 03:9350–9351. Запись от Н. Н. Федуловой. См. №85.
  123. ФЭ 10:8865. Запись от А. И. Гмыриной в с. Мосеево Медынского р-на Архангельской обл. (1975г.).
  124. РСФ, № 56. Автор (предполагаемый) – П. Герман. Песня, породившая в 20–30-е годы множество подражаний.
  125. ФП 01:0610. Запись от А. А. Елкина. См. № 45.

126. ФП 01:0600. Запись от А. А. Елкина. См. № 45.
127. ФЭ 11:3909–3910. Запись от А. С. Матвеевой и У. Е. Цевелевой в д. Кеба. См. № 55.
128. ФЭ 10:8608–8609. Запись от М. И. Кузнецовой в с. Лампожня Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
129. ФП 03:7028. Запись от А. Анисимовой в д. Киреевская Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
130. ФП 05:5600. Запись от группы детей в д. Алешня Козельского р-на Калужской обл. (1969г.).

#### IV. ПУСКАЙ МОГИЛА МЕНЯ НАКАЖЕТ

131. ФП 01:1795–1796. Запись от П. И. Балибаевой в д. Фенино Люберецкого р-на Московской обл. (1960г.).
132. ФП 01:9071–9072. Запись от П. Х. Максимовой в Гавриловом Посаде Ивановской обл. (1962г.). Вторая половина песни – переделка конечных стрóf стихотворения В. И. Немировича-Данченко (1844–1936) «Ты любила его всей душою». См. также № 108.
133. ФП 01:0094–0095. Запись от А. И. Рожковой. См. № 108. Песенный вариант стихотворения А. Н. Плещеева (1825–1893) «В последний раз».
134. ФЭ 09:8815–8816. Запись от Л. Ф. Мосюровой в д. Лыσιμο Ленского р-на Архангельской обл. (1973г.).
135. ФЭ 02:7954– 7958. Запись от Г. А. Колпаковой в с. Ноколо Каргопольского р-на Архангельской обл. (1958г.).
136. ФЭ 10:8836–8838. Запись от М. И. Елуковой. См. № 35.
137. ФП 01:7686. Запись от Е. В. Смирновой в д. Никольское Рузского р-на Московской обл. (1963г.).
138. ФП 07:0338–0339. Запись от А. И. Черновой в с. Климов Завод Юхновского р-на Калужской обл. (1988г.).
139. ФЭ 01:7606–7607. Запись от хора женщин в д. Стрелы Ростовского р-на Ярославской обл. (1954г.). См. №120.
140. ФП 01:9036. Запись от М. Г. Затыяновой в с. Ярышево Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (1962г.).
141. ФП 01:0034. Запись от К. А. Рожковой. См. № 108. Вариант предшествующей песни.
142. ФП 03:0617–0618. Запись от Е. И. Портновой в д. Горлово Медынского р-на Калужской обл. (1970г.). Переделка стихотворения В. И. Немировича-Данченко «Умирающий». См. также № 434.
143. ФЭ 14:6893–6894. Запись от хора в с. Три Озера Куйбышевского р-на Татарской АССР (1985г.).
144. ФП 01:3249–3252. Запись от М. Е. Головкиной в г. Иваново (1961г.).
145. ФП 02:9060–9061. Запись от Н. В. Антоненковой в д. Матчино Козельского р-на Калужской обл. (1970г.).
146. ФП 02:2033. Запись от А. Никулиной в д. Б. Санчур Меленковского р-на Владимирской обл. (1964г.).
147. ФЭ 09:8611 – 8613. Запись от А. В. Кабановой в д. Берег Ленского р-на Архангельской обл. (1973г.).
148. ФЭ 01:4014. Запись от М. К. Морозовой в г. Иваново (1960г.).
149. ФП 04:2101–2102. Запись от К. А. Борисенковой в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
150. ФП 01:5648–5649. Запись от А. Н. Глебовой в д. Шустиково Наро-Фоминского р-на Московской обл. (1962г.). Переделка стихотворения П. Г. Горохова (1869–1925) «Изменница»; «мужская» версия этой песни – см. № 243.
151. ФЭ 09:8619–8620. Запись от Л. Ф. Мосюровой. См. №134.
152. Гусев, И, № 702.
153. ФП 01:7375 –7376. Запись от А. И. Якушевой в г. Волоколамск Московской обл. (1963г.).
154. ФП 02:8197–8198. Запись от Д. Е. Небошиной в с. Алешня Козельского р-на Калужской обл. (1969г.).
155. ФП 03:2396–2397. Запись от А. И. Ивановой в с. Коняево Медынского р-на Калужской обл.

- (1970г.).
156. ФП 03:0546–0548. Запись от Т. Е. Кузнецовой в д. Горлово Мсдынского р-на Калужской обл. (1970г.). Вариант предшествующего текста.
  157. ФП 03:3445–3446. Запись от А. В. Винокуровой в с. Детчино Малоярославецкого р-на Калужской обл. (1970г.).
  158. ФП 01:2043–2044. Запись от А. И. Горшковой в д. Усад Ляховского р-на Владимирской обл. (1961г.).
  159. Из коллекции Е. А. Гулыги.
  160. ФП 03:9120–9121. Запись от М. Е. Джаловой. См. № 18.
  161. ФП 02:6238–6239. Запись от Н. М. Симоновой в д. Кудиново Малоярославецкого р-на Калужской обл. (1968г.). Вариант предшествующей песни.
  162. ФП 01:6595. Запись от М. Н. Колезиной в с. Ивановка Ромодановского р-на Мордовской АССР (1963г.).
  163. ФП 01:0061. Запись от К. И. Поздняковой в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
  164. ФЭ 16:8044– 8045. Запись от Н. Н. Поповой в д. Боровица Лузского р-на Кировской обл. (1989г.).
  165. ФП 02:7315–7317. Запись от Л. А. Мокашовой в пос. Солнечный Бежецкого р-на Калининской обл. (1969г.). Отдельные строки – из стихотворения Я. П. Полонского. См. № 98.
  166. ФП 01:3252–3253. Запись от М. Е. Головкиной. См. № 144.
  167. ФЭ 10:8890–8892. Запись от Л. Обросковой в д. Целегора Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
  168. ФЭ 01:9618–9619. Запись от Л. А. Сальниковой в г. Ярославль (1955г.).
  169. ФП 03:2259–2260. Запись от Л. Н. Емельяновой в д. Гусево Мсдынского р-на Калужской обл. (1970г.).
  170. Симаков, с. 100–101. Песенный вариант стихотворения А. Е. Разоренова.
  171. ФП 03:6721–6722. Запись от Е. С. Юрковой в с. Киреевское Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
  172. ФП 01:4966–4968. Запись от Е. Богачевой в г. Руза Московской обл. (1961г.).
  173. ФП 03:9166. Запись от З. Шакловой в д. Кургановка Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
  174. ФП 04:1349–1350. Запись от Т. И. Коткиной в с. Косичино Людинового р-на Калужской обл. (1972г.).
  175. ФЭ 16:5863–5864. Запись от Ф. И. Белоглазовой в д. Волбаз Лузского р-на Кировской обл. (1989г.).
  176. ФЭ 09:8720–8722. Запись от Т. И. Терлоновой в д. Щипино Ленского р-на Архангельской обл. (1973г.).
  177. ФП 01:7311–7313. Запись от А. И. Якушевой. См. № 153.
  178. Чистяков, № 36.

#### V. РАЗЛУКА, ТЫ РАЗЛУКА...

179. ФП 03:0388–0389. Запись от Т. Т. Буланиной в д. Екимовка Малоярославецкого р-на Калужской обл. (1970г.). Отдельными строками, ритмом и напевом песня восходит к романсу второй половины XVIII в. «Молчите, струйки чисты», слова которого приписываются М. В. Ломоносову.
180. ФЭ 11:8028–8029. Запись от хора с. Ертома Удорского р-на Коми АССР. Переработка стихотворения М. М. Хераскова (1733–1807) «Вид прелестный, милы взоры» (1977г.).
181. ФЭ 10:8708–8711. Запись от Е. М. Дьячковой в д. Заозерье Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
182. ФЭ 01:1054–1055. Запись от М. П. Муратовой в г. Южа Ивановской обл. (1960г.). Переработка стихотворения А. В. Кольцова (1809–1842) «Последний поцелуй».
183. ФП 01:7061–7063. Запись от С. И. Трусова в с. Трушино Ромодановского р-на Мордовской АССР (1963г.).
184. ФП 04:1856–1857. Запись от М. И. Зинуковой в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).

185. ФП 01:0024–0025. Запись от А. П. Медведева в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
186. ФП 01:2045–2046. Запись от Н. Володиной в д. Усад Ляховского р-на Владимирской обл. (1961г.).
187. Розанов, с. 240. Автор – Я. П. Полонский.
188. ФП 01:0042–0043. Запись от К. П. Козловой. См. № 121.
189. ФП 01:0618–0620. Запись от А. А. Елкина. См. № 45.
190. ФЭ 11:8122–8124. Запись от хора женщин в д. Чупрово Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
191. ФП 01:3259. Запись от М. Е. Головкиной. См. № 144.
192. ФЭ 01:6771–6772. Запись от Е. И. Вагачевой и А. И. Киселевой в д. Черновка Угличского р-на Ярославской обл. (1956г.). Развернутый вариант предшествующей песни.
193. ФП 01:8882. Запись от Е. А. Силантьевой в г. Гаврилов Посад Ивановской обл. (1962г.).
194. ФП 01:9287–9288. Запись от А. А. Филатовой и А. С. Дементьевой в с. Шекшово Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (1962г.).
195. ФП 01:7394. Запись от А. И. Якушевой. См. № 153.
196. ФП 01:8154–8155. Запись от А. Р. Морозовой в д. Комлево Рузского р-на Московской обл. (1963г.).
197. ФЭ 01:0340–0342. Запись от Е. Г. Посконовой в пос. Холуй Ива новской обл. (1960г.).
198. ФП 03:9357–9358. Запись от Н. Н. Федуловой. См. № 85.
199. Гусев, II, № 769. Переработка отрывка из драмы В. С. Межевича (1814–1849) «Артур, или Шестнадцать лет спустя».
200. ФЭ 10:8576–8578. Запись от П. Н. Чуркиной и А. Н. Каюковой в д. Жердь Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
201. ФП 03:9359. Запись от Н. Н. Федуловой. См. № 85.
202. ФЭ 01:0355–0356. Запись от В. Н. Дьяковой и Ф. И. Макарычс вой. См. № 87.
203. ФП 01:8038–8039. Запись от П. В. Чекуновой в д. Накипелово За райского р-на Московской обл. (1963г.).
204. ФП 01:2014. Запись от А. Ф. Тутукиной в д. Новоселки Таврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (1961г.).
205. ФП 01:3143. Запись от М. А. Сизовой в г. Иваново (1961г.).
206. ФП 01:2029. Запись от (инициалы не указаны) Корчагиной в д. Степаньково Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (1961г.).
207. ФП 01:0992–0993. Запись от В. К. Кочиной в г. Южа Ивановской обл. (1960г.).
208. ФЭ 10:2595–2596. Запись от А. А. Фокина в д. Лубячино Вилегодского р-на Архангельской обл. (1974г.).
209. ФП 05:5374–5375. Запись от М. Ф. Павловой в с. Хозцы Козельского р-на Калужской обл. (1969г.).
210. ФП 03:9033. Запись от З. Шакловой. См. № 173.

#### VI. ЗАЧЕМ ТЫ, БЕЗУМНАЯ, ГУБИШЬ?

211. ФП 01:6075–6076. Запись от П. Е. Панюкова в д. Варущцы Суворовского р-на Тульской обл. (1962г.).
212. ФЭ 01:8002–8003. Запись от Н. А. и А. А. Тумалиных. См. № 24.
213. ФП 03:2387–2389. Запись от А. И. Ивановой. См. № 155.
214. ФП 03:8054–8056. Запись от А. А. Чурсиной в д. Стенино Козельского р-на Калужской обл. (1971г.). Вариант предшествующей песни.
215. ФЭ 10:8763– 8764. Запись от Т. Бычковой в д. Печище Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
216. ФП 03:2409–2410. Запись от А. И. Ивановой. См. № 155.
217. ФП 01:0263–0266. Запись от Е. Т. Тихоновой в с. Акиншино Мстерского р-на Владимирской обл. (1960г.). Развернутый вариант стихотворения Ф. Н. Глинки «Завянные следы».
218. ФЭ 01:3973–3975. Запись от М. К. Морозовой. См. № 148. Вариант предшествующей песни.
219. ФЭ 01:6724–6725. Запись от Е. А. Поляковой в д. Кривды Угличского р-на Ярославской обл. (1956г.).
220. ФП 03:2652–2653. Запись от Е. Е. Разговоровой в д. Мешково Медынского р-на Калужской

- обл. (1978г.).
221. ФП 01:7721–7723. Запись от К. И. Чипелевой в г. Руза Московской обл. (1963г.).
  222. ФП 01:4467–4468. Запись от М. И. Тряпольской в д. Мошоново Зарайского р-на Московской обл. (1961г.).
  223. ФЭ 11:8209–8210. Запись от А. А. Михайлина в д. Вендинга Удорского р-на Коми АССР (1977г.). Вариант песни Н. Г. Цыганова (1797–1832) с тем же названием.
  224. ФП 01:1511–1513. Запись от Ф. И. Улановой в пос. Холуй Южского р-на Ивановской обл. (1960г.). Песенный вариант стихотворения А. Н. Плещеева с той же начальной строкой.
  225. ФП 01:7913–7914. Запись от П. И. Катковой в д. Накипелово Рузского р-на Московской обл. (1963г.).
  226. ФЭ 09:8608–8610. Запись от А. В. Сухановой в д. Ирта Ленского р-на Архангельской обл. (1973г.).
  227. ФЭ 01:6611–6612. Запись от В. В. Кондратовой в д. Юрчаково Угличского р-на Ярославской обл. (1956г.).
  228. Песни Терека, № 118.
  229. ФП 01:0022–0023. Запись от Е. А. Красиковой в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
  230. ФП 01:4189–4190. Запись от М. К. Кузнецовой в с. Б. Жоково Рыбновского р-на Рязанской обл. (1961г.).
  231. ФП 01:5093. Запись от А. Г. Шкулевой в г. Руза Московской обл. (1961г.).
  232. ФЭ 01:5094. Запись от Е. Ф. Орловой в г. Н. Тагил Свердловской обл. (1952г.). Через ряд переработок песня восходит к стихотворению В. А. Жуковского (1783–1852) «Кольцо души-девицы».
  233. ФП 01:8971. Запись от К. Г. Акимовой в г. Гаврилов Посад Ивановской обл. (1962г.).
  234. ФП 03:5893–5894. Запись от Н. А. Логиновой в д. Слаговиги Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
  235. ФП 03:0992–0994. Запись от С. А. Трушина в д. Рокотино Медынского р-на Калужской обл. (1970г.).
  236. ФП 01:0232–0233. Запись от А. Г. Демидова в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
  237. ФЭ 01:9615. Запись от Л. А. Сальниковой. См. № 168. Переделка стихотворения И. З. Сурикова «Рябина». См. № 77.
  238. ФП 01:0808–0809. Запись от Е. В. Калугиной. См. № 65.
  239. ФЭ 10:2590–2591. Запись от П. Ф. Нероновой в д. Теринская Вилегодского р-на Архангельской обл. (1974г.).
  240. ФП 02:8236–8237. Запись от М. И. Печковой. См. № 103.
  241. ФП 01:9217. Запись от К. А. Небороновой в г. Гаврилов Посад Ивановской обл. (1962г.).
  242. Из коллекции Е. А. Гулыги.
  243. ФЭ 10:2306–2308. Запись от М. В. Трубачевой в д. Сосновская Котласского р-на Архангельской обл. (1974г.). Песенный вариант стихотворения П. Г. Горохова. См. также № 150 «Изменница».
  244. ФЭ 10:8957–8959. Запись от хора женщин в д. Заозерье Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
  245. ФП 04:1339–1340. Запись от Т. И. Коткиной в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).

## VII. СПИШЬ ТЫ ПОД ЗЕМЛЕЮ

246. Гусев, П, № 750. Песенный вариант баллады В. А. Жуковского.
247. ФП 03:6114. Запись от Ф. Т. Мироновой и М. Д. Грековой в д. Дракуны Козельского р-на Калужской обл. (1971г.). Переделка песни «Всю-то я вселенную проехал».
248. ФЭ 11:8064–8065. Запись от М. Ф. Устиновой в д. М. Пучкома Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
249. ФП 01:2039. Запись от А. И. Горшковой. См. № 158.
250. ФЭ 11:7826–7827. Запись от Е. Д. Бушенёвой. См. № 26. Песенный вариант стихотворения польского поэта В. Сырокомли «Ямщик», переведенного на русский язык Л. Н. Трефолевым (1839–1905).

251. ФЭ 02:2589–2590. Запись от М. И. Климовой в д. Боярщина Заонежского р-на Карельской АССР (1956г.). Одна из переделок «Кольца». См. № 232.
252. ФП 03:1020–1022. Запись от С. А. Трушина. См. № 235.
253. ФП 01:0095–0096. Запись от А. И. Рожковой. См. № 108.
254. ФП 02:7381–7382. Запись от С. К. Мокашовой. См. № 165.
255. ФП 01:6142–6143. Запись от хора женщин в д. Варущи Суворова р-на Тульской обл. (1962г.).
256. Из коллекции Е. А. Гулыги. Запись в Калужской обл.
257. ФЭ 11:3938–3940. Запись от М. С. Левкиной в д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.). Вариант предшествующей песни.
258. Из коллекции Е. А. Гулыги.
259. ФП 01:3225–3227. Запись от М. А. Сизовой. См. № 205. Вариант песни «Вы, люди добрые, поймите». См. № 221.
260. Самозапись Ф. М. Селиванова (1990г.).
261. ФЭ 11:7872–7873. Запись от А. Ф. Бухиной в д. Латыога Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
262. ФП 02:1800–1801. Запись от А. Я. Алешиной в д. Б. Санчур Меленковского р-на Владимирской обл. (1964г.).
263. ФП 02:8717–8718. Запись от Т. И. Гузеевой в д. Дешевки Козельского р-на Калужской обл. (1970г.).

#### VIII. РАЗБИТА ЖИЗНЬ МОЯ

264. ФП 03:2258–2259. Запись от Л. Н. Емельяновой. См. № 169.
265. ФП 02:8043. Запись от В. Дорониной в с. Волконск Козельского р-на Калужской обл. (1969г.).
266. ФП 01:2019. Запись от Н. А. Булавиной в д. Новоселки Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (1961г.).
267. ФП 01:0149. Запись от А. Г. Егорычевой в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
268. ФП 01:0226–0228. Запись от Т. О. Львовой в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
269. ФЭ 01:0356–0357. Запись от В. Н. Дьяковой и Ф. И. Макарычевой. См. № 87.
270. ФЭ 01:2828–2829. Запись от В. Кочубаровой. См. № 28. Контаминация (соединение двух песен): первая часть – переделка стихотворения С. Н. Стромиллова «Ожидание», вторая (со строки «Разбушевдалася погода») бытует и как самостоятельная песня.
271. ФП 01:5096. Запись от А. С. Барановой в г. Руза Московской обл. (1961г.).
272. ФП 01:3097. Запись от Н. Ф. Олеховой в г. Иваново (1960г.).
273. ФП 01:0102–0103. Запись от А. И. Рожковой. См. № 108.
274. ФП 03:2630–2632. Запись от Е. Е. Разговоровой. См. № 220.
275. ФП 01:0100–0102. Запись от А. И. Рожковой. См. № 108.
276. ФП 02:1429–1430. Запись от А. Н. Горбуновой в с. Константиново Рыбновского р-на Рязанской обл. (1964г.).
277. ФП 03:6395–6398. Запись от Е. С. Юрковой. См. № 171.
278. ФП 01:2837–2838. Запись от В. Кочубаровой. См. № 28.
279. ФП 01:2832. Запись от В. Кочубаровой. См. № 28.
280. ФП 01:9077–9078. Запись от П. Х. Максимовой. См. № 132.
281. ФЭ 01:3928. Запись от А. В. Потаповой в г. Иваново (1960г.).
282. ФЭ 01:9960. Запись от А. Ф. Ершиковой в д. Толбухино Толбухинского р-на Ярославской обл. (1955г.). Развернутый вариант предшествующей песни.
283. ФП 01:8894–8895. Запись от Н. И. Абрамовой в г. Гаврилов Посад Ивановской обл. (1962г.).
284. ФП 01:7366–7367. Запись от А. И. Якушевой. См. № 153.
285. ФП 05:5593–5594. Запись от М. Х. Якушевой и П. Ф. Александровой в д. Алешня Козельского р-на Калужской обл. (1969г.).
286. ФЭ 11:7834–7835. Запись от Е. Д. Бушенёвой. См. № 26.
287. ФП 01:0180–0181. Запись от Ф. И. Скворцовой в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
288. ФП 03:2397–2400. Запись от А. И. Ивановой. См. № 155.
289. ФЭ 11:4038–4039. Запись от З. И. Фатьяновой в с. Селище Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.).



290. ФП 01:9031. Запись от Н. И. Соколовой в г. Гаврилов Посад Ивановской обл. (1962г.).
  291. ФЭ 10:2363–2365. Запись от М. И. Строгановой в д. Петрышино Котласского р-на Архангельской обл. (1974г.).
  292. ФП 01:7491–7494. Запись от Е. Ф. Дроздовой. См. № 36.
  293. ФЭ 11:3849–3850. Запись от А. И. Текуневой в д. Олема Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.).
  294. ФЭ 10:2550–2552. Запись от хора женщин в д. Дресвянки Вилегодского р-на Архангельской обл. (1974г.).
  295. ФЭ 01:2829–2831. Запись от В. Кочубаровой. См. № 28.
  296. ФЭ 11:3863–3865. Запись от А. А. Чашевой. См. № 51.
- IX. ПРОЛЕТЕЛЯ ПОРА ЗОЛОТАЯ
297. Гусев, I, № 144. С. 228–229. Автор – В. А. Жуковский.
  298. Розанов, с. 83–84. Автор –А. Ф. Мерзляков (1778–1830).
  299. Гусев, I, № 163. Автор –А. С. Пушкин.
  300. Гусев, I, № 240. Перевод И. И. Козловым (1779–1840) стихотворения английского поэта Томаса Мура.
  301. ФЭ 10:8693–8695. Запись от А. М. Нечаев в д. Жердь Мезен ского р-на Архангельской обл. (1975г.).
  302. Гусев, II, № 693, с. 341. Предполагается, что слова песни принадлежат И. И. Макарову (1821–1852).
  303. ФЭ 01:0007–0008. Запись от П. И. Шаленкиной и К. И. Абрамовой в пос. Холуй Ивановской обл. (1960г.). Песенный вариант стихотворения И. П. Мятлева (1796–1844) «Плавающая ветка».
  304. ФЭ 11:4000. Запись от хора женщин в д. Кельчемгор Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.).
  305. ФП 01:5071. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  306. Гусев, I, № 408, с. 528. Автор – С. Н. Стромилов (1830–1840-е гг.).
  307. ФЭ 09:8595–8596. Запись от Л. А. Чуклиной в д. Ирта Ленского р-на Архангельской обл. (1973г.). Песенный вариант стихотворения Е. А. Буланиной (1876–1941). «Под впечатлением «Чайки» Чехова» (опущены первые восемь строк).
  308. ФЭ 01:0366. Запись от А. Я. Муравьевой. См. № 270.
  309. Гусев, II, № 633, с. 259. Автор –П. А. Козлов (1841 – 1891).
  310. Гусев, II, № 739, с. 373. Автор –В. Я. Ленский.
  311. ФП 01:5083. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  312. ФП 01:2040–2041. Запись от А. И. Горшковой. См. № 312.
  313. ФЭ 01:3824–3825. Запись от Н. Д. Гременицкой в г. Иваново (1960г.).
  314. ФП 01:5066. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  315. ФП 01:5078. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  316. ФЭ 01:3893–3894. Запись от И. Ф. Шарнова в г. Иваново (1960г.).
  317. ФП 03:6002–6005. Запись от А. А. Привезенцевой в с. Киреевское Козельского р-на Калужской обл. (1971г.). Развернутый вариант известного романа.
  318. ФЭ 01:2831. Запись от В. Кочубаровой. См. № 28. Вариант предшествующей песни.
  319. ФП 01:5608. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  320. ФП 01:5080. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  321. ФП 03:7019–7020. Из альбома А. Анисимовой. См. № 129. Переделка романа Н. А. Риттера «Ямщик, не гони лошадей».
  322. ФП 01:0066–0067. Запись от К. П. Козловой. См. № 121.
  323. ФП 01:1791 –1792. Запись от П. И. Балибаевой. См. № 131.
  324. ФП 03:9368–9369. Запись от Т. С. Карповой. См. № 95.
  325. ФП 01:5077. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
  326. ФП 01:2018–2019. Запись от Н. А. Булавиной. См. № 266.
  327. ФП 01:6076–6077. Запись от П. Е. Панюкова. См. № 211.
  328. ФП 01:7734. Запись от Т. Е. Холмогоровой в д. Захнево Рузского р-на Московской обл. (1963г.).
  329. ФП 01:6145–6146. Запись от хора женщин в д. Варушцы. См. № 255.

330. ФП 01:5069. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
331. ФЭ 01:2306–2307. Запись от М. А. Прохоровой в д. Курсеницы, Кижы, Карельская АССР (1956г.).
332. ФЭ 11:7987–7989. Запись от хора женщин в д. Вильгорт Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
333. ФП 01:5181. Запись от П. А. Медведевой. См. № 92.
334. ФП 03:2562–2564. Запись от Е. Е. Разговоровой. См. № 220.
335. ФЭ 11:8095–8096. Запись от В. В. Игушевой в с. Вильгорт Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
336. Из коллекции Е. А. Гулыги.
337. ФЭ 11:7999–8000. Запись от хора женщин в с. Вильгорт. См. № 332.
338. ФП 01:9165–9166. Запись от П. М. Прыгуновой в с. Шекшёво Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (1962г.). Вариант «цыганского» романса. Автор исходного текста А. А. Пугачев.
339. ФП 01:9284–9285. Запись от А. А. Филатовой и А. С. Дементьевой. См. № 194.
340. ФЭ 11:8159–8160. Запись от Т. Г. Мельник в д. Коптюга Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
341. ФП 04:1852–1854. Запись от М. И. Зинуковой. См. № 184.
342. ФП 01:9290. Запись от А. А. Филатовой и А. С. Дементьевой. См. № 194.
343. ФЭ 01:0160–0161. Запись от хора женщин в пос. Холуй Ивановской обл. (1960г.).
344. ФП 03:2257. Запись от Л. Н. Емельяновой. См. № 169.
345. ФЭ 01:3822–3823. Запись от Н. Д. Гременицкой. См. № 313.
346. ФЭ 10:8787–8788. Запись от Е. И. Митькиной в д. Ваковская Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
347. ФП 03:8071. Запись от Р. Володькиной в д. Стенино Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
348. ФП 07:0327–0328. Запись от З. В. Черновой в с. Климов Завод Юхновского р-на Калужской обл. (1988г.).
349. Чистяков, № 68.
350. Чистяков, № 41.

## X. ЗЛОЙ РОК И ЛЮДСКОЕ ЗЛОДЕЙСТВО

351. ФП 01:1954–1956. Запись от А. А. Уройдиной в д. Грибаново Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (1961г.). Песенный вариант стихотворения А. С. Пушкина «Романс».
352. Гусев, I, № 337, с. 440–441. Автор –М. Ю. Лермонтов.
353. Гусев, II, № 763, с. 390–391. В основе русских вариантов текста сводный перевод, принадлежащий Ф. А. Кони (1809–1879), ряда вариантов шведской народной баллады.
354. ФЭ 10:8724–8726. Запись от С. А. Увакиной в с. Лампожня Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
355. Гусев, II, № 751, с. 381–382. Песенный вариант стихотворении С. Т. Аксакова (1791 – 1859) «Уральский казак».
356. ФП 01:5102–5103. Запись от П. А. Медведевой. См. № 92.
357. ФП 02:6083–6086. Запись от М. Г. Одиночниковой в д. Кудиново Малоярославецкого р-на Калужской обл. (1968г.).
358. 359. ФП, тетр. I, № 178, 176. Запись от И. Е. Кораблевой в с. Николо-Макарово Макарьевского р-на Костромской обл., сделанная А. Г. Антоновой в 1966–1970-е годы и скопированная во время фольклорной практики в 1990 году.
360. ФЭ 08:2402–2403. Запись от А. Ф. Сивцевой и К. Ф. Старицкой в д. Першлахта Каргопольского р-на Архангельской обл. (1970г.).
361. ФЭ 09:8744–8747. Запись от хора женщин в д. Вандыш Ленского р-на Архангельской обл. (1973г.).
362. ФЭ 10:2601–2602. Запись от П. М. Соловьевой. См. № 73.
363. ФЭ 08:2238–2241. Запись от М. М. Залесских и А. С. Поповой в д. Подпорожье Каргопольского р-на Архангельской обл. (1970г.).
364. ФП 03:4206–4207. Переписано из песенника Т. М. Тюриной в д. Подборки Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).

365. ФП 03:0209–0212. Запись от Е. И. Федосеевой в д. Прудки Малоярославецкого р-на Калужской обл. (1970г.).
366. ФП 03:6060–6062. Запись от Н., Г., М. Прониных в с. Киреевское Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
367. ФП 02:1802–1803. Запись от А. Я. Алешинной. См. № 262.
368. ФП 04:2301–2304. Запись от З. Самохиной в д. Вербежичи Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
369. Самозапись Ф. М. Селиванова. Переделка стихотворения Д. П. Ознобишина (1804–1877) «Чудная бандура», которое, в свою очередь, является вольным переводом шведской баллады.
370. ФП 01:7180–7181. Запись от К. В. Устиновой в с. Тишино Зарайского р-на Московской обл. (1963г.). Краткий и менее известный вариант предшествующей песни.
371. ФЭ 01:6608–6609. Запись от В. В. Кондратовой. См. № 227. Песенный вариант баллады В. А. Жуковского «Громобой».
372. ФП 01:0132–0133. Запись от А. И. Рожковой. См. № 108.
373. ФЭ 08:2253–2254. Запись от Г. А. Киселева в г. Кемь Архангельской обл. (1970г.).
374. ФЭ 08:2246–2247. Запись от Николая (фамилия неизвестна) в г. Кемь Архангельской обл. (1970г.).
375. Из коллекции Е. А. Гулыги.
376. ФП 02:7325–7326. Запись от Н. Ф. Буяновой в с. Тебляши Бежецкого р-на Калининской обл. (1969г.).
377. ФП 03:9352–9353. Запись от Н. Н. Федуловой. См. № 85. Фольклорный вариант песни из оперы А. Верстовского «Аскольдова могила»; автор текста М. Н. Загоскин (1789–1852).
378. ФП 04:1847–1849. Из альбома А. Рыжкова. См. № 64.
379. ФЭ 01:0045–0047. Запись от А. А. Ракова в пос. Холуй Ивановской обл. (1960г.).
380. Гусев, П., № 756, с. 384–385. Переделка «Песни грека» Д. В. Веневитинова. Вариант см. № 54.
381. ФЭ 01:3490–3492. Запись от В. Н. Сперанской в г. Шуя Ивановской обл. (1960г.).
382. ФП 03:9158–9161. Запись от З. Шакловой. См. № 173.
383. ФЭ 10:2417–2418. Запись от К. И. Пахомовой в д. Тесовица Котласского р-на Архангельской обл. (1974г.). Переделка «Песни о коногоне». См. № 437.
384. ФП 01:4212–4213. Запись от Е. Е. Смирновой в с. Иванчиково Зарайского р-на Московской обл. (1961г.).
385. ФП 03:9148–9152. Запись от З. Шакловой. См. № 173. Переделка части стихотворения А. Н. Апухтина (1840–1893) «Сумасшедший».
386. ФЭ 11:7962–7963. Запись от группы детей в д. Б. Пысса Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
387. ФП 03:7202–7203. Запись от Н. Зобовой в д. Слаговищи Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
388. ФЭ 11:3895–3896. Запись от А. С. Матвеевой. См. № 55.
389. ФП 01:0111–0112. Запись от А. И. Рожковой. См. № 108.
390. ФП 03:0265–0266. Запись от О. В. Банной в д. Прудки Малоярославецкого р-на Калужской обл. (1970г.).
391. ФП 02:8242–8244. Запись от М. М. Мореевой в д. Клюксы Козельского р-на Калужской обл. (1969г.).
392. ФП 03:6078–6081. Запись от Н., Г., М. Прониных. См. № 366.
393. Лазутин, № 129. Песенный вариант стихотворения А. В. Кольцова «Хуторок».
394. ФП 03:4556–4558. Запись от И. И. Соскина в д. Шамордино Козельского р-на Калужской обл. (1971г.). Песенный вариант стихотворения В. В. Крестовского (1840–1895) «Ванька-ключник».
395. Гусев, П., № 779, с. 405–406. Песенный вариант стихотворения А. Н. Аммосова (1823–1866) «Элегия».
396. ФП 03:6167–6169. Запись от хора женщин в с. Киреевское Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
397. ФП 07:0339–0341. Запись от А. Е. Гайдученко в с. Климов Завод Юхновского р-на Калужской обл. (1988г.). Песенный вариант «Легенды о Марко» М. Горького (1868–1936).
398. ФЭ 08:2204–2206. Запись от А. А. Епифановой. См. № 25.
399. ФП 02:9091–9093. Запись от Е. К. Токановой в д. Матчино Козельского р-на Калужской обл.

- (1970г.).
400. ФП 03:6069–6071. Запись от Н., Г., М. Прониных. См. № 366.
401. ФП 02:6165–6166. Запись от М. Я. Трофимовой в д. Кудиново Малоярославецкого р-на Калужской обл. (1968г.).
402. ФП 01:0116–0117. Запись от О. С. Цаплиной. См. № 111.
403. ФЭ 10:2597–2598. Запись от И. В. Соловьевой в д. Игнатьевская Вилегодского р-на Архангельской обл. (1974г.).
404. ФП 03:7176. Запись от Г. А. Кирсановой в д. Пальна Козельского р-на Калужской обл. (1971г.). См. № 535.
405. ФП 04:2345. Запись от З. С. Потаповой в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
406. ФЭ 09:8538–8539. Запись от А. И. Мушовой в пос. Лыσιμο Ленского р-на Архангельской обл. (1973г.).
407. ФП 01:2015–2016. Запись от Н. А. Булавиной. См. № 266. Песенный вариант стихотворения С. Ф. Рыскина (1859–1895) «Удалец».
408. Розанов, с. 374–375. Вариант песни, автором которой является М. И. Ожегов (1860–1934).
409. ФП 02:7394–7395. Запись от Л. А. Мокашовой. См. № 409.
410. ФП 03:6073. Запись от Н., Г., М. Прониных. См. № 366.
411. ФП 02:6285. Запись от М. И. Нестеровой в д. Кудиново Малоярославецкого р-на Калужской обл. (1960г.).
412. ФЭ 01:9617–9618. Запись от Л. А. Сальниковой. См. № 168.
413. ФЭ 10:2351–2352. Запись от А. Г. Копниной в д. Рябово Котласского р-на Архангельской обл. (1974г.).
414. ФП 03:7475–7478. Запись от Т. Васильевой. См. № 104.

#### XI. ГОРЬКАЯ СУДЬБА

415. Гусев, II, № 471, с. 47–49. Автор – Н. А. Некрасов.
416. Розанов, с. 364. Песенный вариант стихотворения Н. А. Некрасова «Похороны».
417. ФП 01:0567–0571. Запись от А. А. Елкина. См. № 45. Песенный вариант стихотворения И. З. Сурикова «Доля бедняка».
418. ФЭ 01:9711. Запись от Т. Я. Лобовой в г. Ярославль (1955г.).
419. ФП 01:1164–1165. Запись от Е. Я. Голиковой в д. Русино Южского р-на Ивановской обл. (1960г.).
420. ФП 01:2036. Запись от Корчагиной. См. № 206.
421. ФЭ 10:2640–2642. Запись от А. Н. Меньшиковой и Л. П. Блиновой в с. Ильинское Вилегодского р-на Архангельской обл. (1974г.). Песенный вариант стихотворения И. З. Сурикова «Сиротой я росла».
422. Розанов, с. 368–369. Песенный вариант стихотворения И. З. Сурикова «В степи».
423. ФП 01:8001–8002. Запись от Н. А. и А. А. Тумариных. См. № 212.
424. ФЭ 11:3899–3901. Запись от А. С. Матвеевой и У. Е. Цевелевой. См. № 55.
425. ФЭ 08:2157. Запись от А. И. Ивановой в г. Онега Архангельской обл. (1970г.).
426. ФЭ 01:0320–0321. Запись от Е. И. Кирьяновой в пос. Холуй Ивановской обл. (1960г.).
427. ФЭ 01:0334–0335. Запись от К. М. Чеснокова в пос. Холуй Ивановской обл. (1960г.).
428. Из коллекции Е. А. Гулыги.
429. ФЭ 10:8929–8930. Запись от Н. Окуловой в д. Погорелец Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
430. ФП 01:0187–0188. Запись от А. Г. Демидова. См. № 236.
431. ФЭ 02:7959–7960. Запись от Г. А. Колпаковой. См. № 135. Песенный вариант стихотворения И. З. Сурикова «У могилы матери».
432. ФП 04:1627–1628. Запись от Е. М. Шаболоаевой в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
433. Нутрихин, с. 77.
434. Гусев, II, № 791, с. 415–416. Песенный вариант стихотворения С. С. Синегуба (1851–1907).
435. ФП 01:2995. Запись от Т. А. Даниловой в г. Иваново (1961г.).
436. ФЭ 01:5151–5152. Запись от Н. Г. Ермоленко в пос. Висимо-Шайтанск Свердловской обл. (1952г.).

437. Нутрихин, с. 76–77. Песенный вариант стихотворения П. Г. Горохова «Доля мастерового».
438. ФЭ 01:5159. Запись от Н. Г. Ермоленко. См. № 436. 439. Гусев, II, № 771, с. 397–399.
440. ФП 01:5087–5088. Запись от А. И. Сахаровой в г. Руза Московской обл. (1961г.).
441. ФП 01:4945–4946. Запись от М. Е. и В. П. Ровновых в г. Руза Московской обл. (1961г.).
442. ФП 01:5469–5470. Запись от А. Г. Мазурова в д. Кирилово Боровского р-на Калужской обл. (1962г.).
443. ФЭ 01:7879–7880. Запись от хора женщин в с. Угодино Ростовского р-на Ярославской обл. (1954г.).
444. ФЭ 10:8833–8834. Запись от М. И. Елуковой. См. № 35.
445. ФП 01:0123. Запись от Л. П. Панкрышевой в пос. Мстера Владимирской обл. (1960г.).
446. ФП 01:5467–5468. Запись от А. Г. Мазурова. См. № 442.
447. ФП 03:2632–2634. Запись от Е. Е. Разговоровой. См. № 220.
448. ФП 01:4943–4944. Запись от М. Е. и В. П. Ровновых. См. № 441.
449. ФЭ 01:5153–5154. Запись от Н. Г. Ермоленко. См. № 436.
450. ФП 01:7305–7306. Запись от Якушевой А. И. См. № 153.
451. ФП 01:0057–0058. Запись от К. И. Поздняковой. См. № 163.
452. Чистяков, № 60.
453. Чистяков, № 35.
454. Чистяков, № 87.
455. Чистяков, № 88.
456. Чистяков, № 44.
457. Чистяков, № 67.
458. ФЭ 10:2324–2326. Запись от Н. Г. Васильевой в д. Речково Котласского р-на Архангельской обл. (1974г.).
459. Чистяков, № 65.
460. Чистяков, № 66.
461. ФП 03:7451–7453. Запись от Т. Васильевой. См. № 104.

## XII. РАЗБОЙНАЯ ВОЛЯ И ТЮРЕМНАЯ ДОЛЯ

462. ФП 01:6074. Запись от П. Е. Панкжова. См. № 211. Переделка песни разбойников из поэмы А. Ф. Вельтмана (1800–1870) «Муромские леса».
463. Розанов, с. 347–348. Вариант «Песни узника» Ф. Н. Глинка.
464. ФП 01:8077–8079. Запись от Л. А. Бизиной в д. Ватулино Зарайского р-на Московской обл. (1963г.).
465. Гусев, II, № 774, с. 401–402. Поэт Ф. Б. Миллер (1818–1881) перевел с немецкого стихотворение Ф. Фрейлиграта «Похороны разбойника». Перевод Ф. Б. Миллера стал основой для ряда песенных переделок. Одна из них приурочена к имени Чуркина, разбойничав-шего во второй половине XIX в. в Орехово-Зуевском уезде.
466. ФП 01:0234–0235. Запись от А. Г. Демидова. См. № 236.
467. ФЭ 01:4139–4140. Запись от Е. Г. и А. В. Фирсовых в с. Климовка Новодевиченского р-на Куйбышевской обл. (1951г.).
468. ФЭ 10:2600. Запись от П. М. Соловьевой. См. № 73.
469. ФЭ 02:8335–8337. Запись от М. А. Абрамовой в д. Горка Каргопольского р-на Архангельской обл. (1958г.). Вариант предшествующей песни.
470. Гусев, II, № 777, с. 404. Песенный вариант стихотворения Д. П. Давыдова (1811–1888) «Дума беглеца на Байкале».
471. Гусев, II, № 700, с. 347–348.
472. Гусев, II, № 705, с. 350–351.
473. ФП 02:8215–8217. Запись от П. И. Гуляевой в с. Алешня Козельского р-на Калужской обл. (1969г.).
474. ФЭ 01:6728–6731. Запись от Е. А. Поляковой. См. № 219.
475. ФП 01:4719–4720. Запись от Н. Ф. Сазонова. См. № 5.
476. ФП 07:0356–0358. Запись от А. И. Черновой. См. № 138.
477. Чистяков, № 48.

478. НППК, № 495, с. 304.
479. Чистяков, № 98.
480. Чистяков, № 82.
481. ФП 01:4656–4658. Запись от А. П. Скворцова. См. № 100. Песенный вариант стихотворения А. К. Толстого (1817–1875) «Колодники».
482. ФЭ 02:8350–8352. Запись от М. А. Абрамовой. См. № 469.
483. ФП 01:4716. Запись от Н. Ф. Сазонова. См. № 5.
484. ФЭ 01:2614–2615. Запись от П. И. Сурковой в колхозе «Новый мир» Богородицкого р-на Тульской обл. (1953г.).
485. ФЭ 01:4149–4150. Запись от С. М. Федосеева в с. Климовка Новодевиченского р-на Куйбышевской обл. (1951г.).
486. Чистяков, № 39.
487. Чистяков, № 96.
488. Запись от И. Е. Кораблевой, см. № 358, там же, № 169.
489. ФП 02:7002–7003. Запись от П. Н. Колякиной в д. Мясниково Бежецкого р-на Калининской обл. (1963г.).
490. ФП 03:6399–6401. Запись от Е. С. Юрковой. См. № 171.
491. ФЭ 02:7877–7879. Запись от Ф. С. Герасимова в д. Морщихинская Каргопольского р-на Архангельской обл. (1958г.).
492. ФП 01:4675–4677. Запись от Н. Ф. Сазонова. См. № 5.
493. ФП 01:4711. Запись от Н. Ф. Сазонова. См. № 5.
494. ФП 01:0121. Запись от О. С. Цаплиной. См. № 111. Тюремный вариант песни № 142.
495. Чистяков, № 15.
496. ФЭ 01:0047–0049. Запись от А. А. Ракова в пос. Холуй Ивановской обл. (1960г.).
497. ФЭ 01:4013. Запись от И. К. Морозовой в г. Иваново (1960г.).
498. ФП 01:4448–4449. Запись от М. В. Куприянова в д. Струпка Зарайского р-на Московской обл. (1961г.). Переделка стихотворения Д. А. Клеменца (1848–1914) «Доля».
499. ФП 01:4454–4455. Запись от Н. А. Васильева в д. Моногарово Зарайского р-на Московской обл. (1961г.).
500. ФП 01:7356–7357. Запись от А. И. Якушевой. См. № 153.
501. Чистяков, № 91.
502. Чистяков, № 16. Переделка «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова.
503. ФЭ 11:3929–3938 (в тетради ошибка в нумерации). Запись от Е. Н. Матвеевой в д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.).
504. Чистяков, № 42.
505. Чистяков, № 17.
506. Чистяков, № 20.
507. Чистяков, № 12.
508. ФП 01:6110–6111. Запись от М. А. Овечкиной в с. Песцово Суворовского р-на Тульской обл. (1962г.).
509. ФП 01:5510–5512. Запись от И. И. Соловьевой в с. Ермолино Боровского р-на Калужской обл. (1962г.).
510. ФЭ 01:3962–3963. Запись от А. Т. Морозовой в г. Иваново (1960г.).
511. ФП 01:0814–0815. Запись от Е. В. Калугиной. См. № 65.
512. ФЭ 10:8768–8769. Запись от А. Бордуевой в д. Мелогора Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
513. ФЭ 11:8058–8059. Запись от хора женщин в д. Пучкома Удорского р-на Коми АССР (1977г.).
514. Чистяков, № 52.
515. ФЭ 01:5139–5140. Из альбома В. Долгоруковой. См. № 57.
516. Из коллекции Е. А. Гулыги.
517. Запись П. Г. Пустовойта в Одессе (начало 50-х годов).
518. ФП 03:4260–4261. Из альбома В. И. Башкирова в с. Подборки Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
519. ФП 01:0812–0813. Запись от Е. В. Калугиной. См. № 65.
520. Чистяков, № 43.

521. Чистяков, № 121.
522. ФП 03:4257–4258. Из альбома В. И. Башкирова. См. № 518.
523. ФП 01:3244–3245. Запись от В. М. Леукина в г. Иваново (1961г.).
524. Чистяков, № 25.
525. Чистяков, № 59.
526. Чистяков, № 29.
527. ФП 01:6129. Запись от В. М. Брюлеевой в д. Варушцы Суворовского р-на Тульской обл. (1962г.).
528. Чистяков, № 84.
529. Чистяков, № 89.
530. Чистяков, № 73.
531. Чистяков, № 23.
532. Самозапись Ф. М. Селиванова.
533. Чистяков, № 3.
534. Чистяков, № 61.
535. Из коллекции Е. А. Гулыги. «Женский» вариант песни № 404, без роковой случайности, но тоже «жестокий».
536. Чистяков, № 53. «Воровской» вариант «женской» песни. См. № 451.
537. Чистяков, № 1.
538. ФП 04:0848–0850. Запись от М. А. Лоскиной в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
539. ФЭ 10:8817–8820. Запись от Е. Н. Боковой в д. Калино Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
540. Из коллекции Е. А. Гулыги. Вариант предшествующей песни.
541. Чистяков, № 28.
542. Из коллекции Е. А. Гулыги.
543. Чистяков, № 4.
544. Чистяков, № 37.
545. Чистяков, № 30.
546. ФЭ 01:9686. Запись от Т. Я. Лобовой. См. № 418.
547. Чистяков, № 62.
548. Чистяков, № 78.
549. ФП 03:4010. Запись от В. Я. Дарьютина в д. Подборки Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
550. Чистяков, № 9.
551. ФП 03:6166–6167. Запись от хора женщин в д. Дракуны Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
552. ФП 01:0620–0622. Запись от А. А. Елкина. См. № 45.
553. Чистяков, № 63.
554. Чистяков, № 72.
555. Чистяков, № 2.
556. Чистяков, № 74.
557. Чистяков, № 8.
558. Запись Г. С. Померанца в 1990 г.; слышал песню в 1949 г. от Черкасова, сидевшего в 1936–1939 гг. на Воркуте.
559. Чистяков, № 10.
560. Жигулин, с. 144–145.

### XIII. КОЛОКОЛЬЧИКИ-БУБЕНЧИКИ ЗВЕНЯТ

561. Элиасов, № 429, с. 281–282.
562. ФП 01:1747–1749. Запись от М. Н. Кулагиной в с. Речицы Люберецкого р-на Московской обл. (1960г.). Песенный вариант стихотворения И. З. Сурикова «День я хлеба не пекла».
563. Лазутин, № 118, с. 77.
564. ФП 01:4647–4649. Запись от А. П. Скворцова. См. № 100.

565. Из коллекции Е. А. Гулыги.
566. ФЭ 02:8958–8959. Запись от С. Н. Лазерова в д. Бор Каргопольского р-на Архангельской обл. (1958г.).
567. ФЭ 09:8705–8706. Запись от К. М. Гурленова в д. Закурье Ленского р-на Архангельской обл. (1973г.). Переделка части «Песни о камаринском мужике» Л. Н. Трефолева.
568. ФП 01:1265–1267. Запись от П. М. Соловьевой в г. Южа Ивановской обл. (1960г.). Переделка другой части той же «Песни» Л. Н. Трефолева.
569. ФП 02:2207–2211. Запись от Н. З. Цветкова в д. М. Санчур Меленковского р-на Владимирской обл. (1964г.).
570. ФЭ 02:3306–3308. Запись от И. В. и П. Ф. Волковых в с. Коршево Бобровского р-на Воронежской обл. (1959г.).
571. ФП 02:7201–7202. Запись от А. К. Назаровой в с. Теблеши Бежецкого р-на Калининской обл. (1969г.).
572. ФП 01:7440. Запись от Е. Я. Цветковой в г. Волоколамск Московской обл. (1963г.). Переделка известной с конца XIII в. песни «Журнал любви» (неизвестного автора).
573. ФП 01:0192–0193. Запись от А. Г. Демидова. См. № 236.
574. Запись Ф. М. Селиванова в 1990 г. (по памяти; слышал песню в Москве в 60–80-е годы от А. И. Баландина). Переделка стихо-творения М. Н. Соймонова (1851–1888) «Бабье дело».
575. ФЭ 10:8600–8603. Запись от хора в с. Жердь Мезенского р-на Архангельской обл. (1975г.).
576. ФЭ 01:5024–5027. Запись от А. П. Новиковой в г. Н. Тагил Свердловской обл. (1952г.).
577. Из коллекции Е. А. Гулыги.
578. ФП 03:0585–0586. Запись от Т. Е. Кузнецовой. См. № 156.
579. ФЭ 11:3875–3877. Запись от А. Ф. Наумовой в д. Олема Лешуконского р-на Архангельской обл. (1976г.).
580. ФП 01:7928–7929. Запись от П. И. Катковой. См. № 225.
581. ФП 01:0122–0123. Запись от Л. П. Панкрышевой. См. № 445. Пародийная переделка песни «Хуторок». См. № 393.
582. ФП 01:5084–5085. Запись от М. С. Томилиной. См. № 83.
583. ФП тетр. 1, № 167. Запись от И. Е. Кораблевой. См. № 358.
584. ФЭ 01:0799. Запись от Е. Т. Батраковой в д. Бор Холмогорского р-на Архангельской обл. (1951г.).
585. Из коллекции Е. А. Гулыги.
586. ФЭ 02:9500. Запись от М. И. Сваричевой в д. Волохтома Кирилловского р-на Вологодской обл. (1958г.).
587. ФП 03:0151–0152. Запись от Н. Аксенова в д. Прудки Малоярославецкого р-на Калужской обл. (1970г.).
588. Из коллекции Е. А. Гулыги.
589. Самозапись Ф. М. Селиванова.
590. ФП 04:2207–2208. Запись от Е. Киселевой и Ж. Лукашевой в с. Косичино Людиновского р-на Калужской обл. (1972г.).
591. ФП 02:9074. Запись от В. Крючкова в д. Матчино Козельского р-на Калужской обл. (1970г.).
592. ФП 01:5032–5034. Запись от М. Е. и В. И. Ровновых. См. № 441.
593. Из коллекции Е. А. Гулыги.
594. ФП 03:7988–7989. Запись от И. Антонова и И. Беляева в д. Стенино Козельского р-на Калужской обл. (1971г.).
595. Из коллекции Е. А. Гулыги.

#### XIV. ПРОСНИСЬ, ДУША!

- 596, 597, 604. Мякутин, с. 178–180, 146–147, 147–150. Все записи от Г. Гуреева (1905г.).
- 598, 599, 600, 601, 602, 603, 605, 606, 608, 609. Можаровский, № 6, с. 255; № 14, с. 265; № 16, с. 266–267; № 15, с. 266; № 32, с. 279; № 35, с. 280–281; № 20, с. 271; № 13, с. 265; № 26, с. 274; № 40, с. 283–284.
607. Ильинский, № 12, с. 47–48.
- 610, 611, 612, 629. ФП 01:8781–8784; 8778–8779; 8777–8778; 8793–8795. Из рукописного



сборника Е. Е. Большаковой в с. Пушкино Ромадановского р-на Мордовской АССР (1963г.).

613. ФП 01:8796–8797. Запись от И. Н. Ланиной в с. Пушкино Ромадановского р-на Мордовской АССР (1963г.).

614–628. Запись в с. Нежитино Макарьевского р-на Костромской обл. (1990г.). Тетр. 4, №№ 128, 132, 103, 112, 135, 123, 92, 105, 116, 91, 97, 108, 130, 117, 124. Тетрадь с духовными стихами, записанными Петром Григорьевичем из Кинешмы (фамилии его жители с. Нежитино не помнят), хранится у М. Н. Кузьминой. К ней она попала от свахи, К. А. Крусиной. М. Н. Кузьмина сама видела Петра Григорьевича и разговаривала с ним. Все сельчане звали его «проро-ком». Он многое предсказал, что потом сбылось (в частности, сбылось его пророчество, что к власти придет Михаил). Петр Григорьевич, по словам знавших его, «пострадал за веру», долго сидел в лагерьях, вернулся инвалидом, но продолжал отстаивать свои духовные идеалы. Сейчас он умер. Его тетрадь с духовными стихами многие жительницы окрестных деревень скопировали и бережно хранят. По ним они поют, собравшись вместе. Вот как об этом рассказывает Т. К. Исакова, жительница села Нежитино: «У нас церковь не работала, мы на святые праздники собирались в домах, вот ко мне хоть, например. Я говорю: «Приходите, бабы, ко мне молиться!» И вот мы сойдемся – человек двадцать, может, двадцать пять и до тридцати бывало на большие праздники – полная изба соберется. И вот когда пропоем молитвы, которые положено петь, говорим: «Давайте попоем стихи». И поем. Многие стихи в подлиннике заканчиваются словом «аминь».

630. ФП 01:7006–7007. Из рукописного сборника П. И. Ремизовой в с. Ивановка Ромадановского р-на Мордовской АССР (1963г.).

## Содержание:

Ф. М. Селиванов. Народные городские песни.....	5
--	---

## I. БЫЛО ДЕЛО

1. На родной почве .....	29
2. «Ревела буря, дождь шумел...» .....	30
3. «Из-за острова на стрежень...» .....	31
4. Зазноба .....	32
5. «Точно море в час прибой...» .....	35
6. «Есть на Волге утес...» .....	37
7. «Было дело под Полтавой...» .....	37
8. «Шумел, горел пожар московский...» .....	39
9. «Дело было под Артуром...» .....	39
10. Памяти «Варяга» .....	40
11. «Слышишь, рабочий...» .....	41
12. «Товарищи, дружно, рубеж не сдавай...» .....	42
13. «Я встретил его близ Одессы родной...» .....	43

## II. СОЛДАТЫ И СОЛДАТКИ

14. «Солдатушки, браво, ребятушки...» .....	45
15. «Шел солдат с походу...» .....	46
16. «Помню, я еще молодухой была...» .....	47
17. «Звенит звонок, и тройка мчится...» .....	47
18. «Поехал далече казак на чужбину...» .....	48
19. «Раз полуночной порою...» .....	49
20. «Вы послушайте, ребята...» .....	49
21. «Деревенски мужики...» .....	50
22. «Умер бедняга в больнице военной...» .....	51
23. «От павших твердынь Порт-Артура...» .....	52
24. «Пыль клубится по дороге...» .....	53
25. «Под ракитою зеленой...» .....	53
26. «Черный ворон, черный ворон...» .....	54
27. «Последний noneшний денечек...» .....	55
28. «Последний noneшний денечек...» .....	55
29. «День и ночь сидим в окопах...» .....	56
30. «Не ветер в поле воет...» .....	57
31. «Под крепким стенам Перемышля...» .....	58
32. «Близ моря, германской границы...» .....	59
33. «Горит свеча, в вагоне тихо...» .....	60
34. «Любила меня мать, обожала...» .....	60
35. «Это было во Карпатах...» .....	61
36. «Кенареечка премлада...» .....	62
37. «Ах ты бедный, ты бедный солдатик...» .....	63
38. «Братцы, песню дружно грянем...» .....	64
39. «Под частым разрывом гремучих гранат...» .....	64
40. «Как на синий Терек...» .....	65
41. «На горизонте заря догорала...» .....	65
42. «Далеко от родимого края...» .....	66
43. «Знаю, ворон, твой обычай...» .....	66
44. «Ночь прошла в полевом лазарете...» .....	67
45. «Здравствуй, милая Маруся...» .....	68
46. «Не пора ль, дорогая, расстаться...» .....	69

47.	«У каждого дома осталась подруга...»	70
48.	«Дул холодный порывистый ветер...»	70
49.	«В чистом поле, в поле под раkitой...»	71
50.	«На опушке леса...»	72
51.	«Напрасно подружка ждет друга домой...»	73
52.	«Как быстро лето пролетело...»	73
53.	«Жил на свете хорошенький мальчик...»	75
54.	«Между гор, среди долины...»	76
55.	«Солнце жжет, тиха долина...»	76
56.	«Раскинулись рельсы широко...»	77
57.	Песня о военнопленных	78
58.	«Ой да вы, девочки...»	79
59.	«На позицию девушка провожала бойца...»	80
60.	«На позицию девушка уходила одна...»	81
61.	«Темная ночь...»	82
62.	«Тихонько поезд гроыхает...»	83
63.	«Скорей, скорей бы было темно...»	83
64.	Письмо солдата	84

### III. АХ, ЛЮБОВЬ...

65.	«Вечор поздно из лесочку...»	87
66.	«Я вечор в лужках гуляла...»	88
67.	«Что он ходит за мной...»	88
68.	«Вдоль по улице метелица метет...»	89
69.	«Вот мчится тройка удалая...»	89
70.	«Вот мчится тройка почтовая...»	90
71.	«Вот мчится тройка удалая...»	90
72.	«Тройка мчится, тройка скачет...»	91
73.	«Запрягу я тройку борзых...»	92
74.	«Скачет тройка по дорожке...»	92
75.	Новогодняя песня	93
76.	Ухарь-купец	94
77.	«Что стоишь, качаясь...»	96
78.	«Ой, полна, полна коробушка...»	96
79.	«В низенькой светелке...»	97
80.	«Не брани меня, родная...»	98
81.	«На той знакомой улице...»	99
82.	«Эта лунная ночь так была хороша...»	99
83.	«Ты еще не умеешь любить...»	100
84.	«Краснобай ты мой...»	100
85.	«Зачем твое сердце как камень...»	101
86.	«Грусть и тоска безысходная...»	101
87.	«Гаснут звезды, месяц полный...»	102
88.	«Волга-матушка широка...»	102
89.	«Весенний закат золотится...»	102
90.	«В темной аллее загloхшего сада...»	103
91.	«Если друг постоянно при встрече...»	103
92.	«Моя любовь для вас забава...»	104
93.	«Я надену веселое платье...»	104
94.	«Осыпаются пышные розы...»	105
95.	«Помнишь ли, милый, ветви тенистые...»	106
96.	«При лужке, лужке, лужке...»	106
97.	«Быстро тучи проносились...»	107
98.	«Погадай-ка мне, цыганка...»	108

99.	«Когда я в люлочке качалась...»	109
100.	«Сама садик я садила...»	109
101.	«Спрятался месяц за тучку...»	110
102.	«Спрятался месяц за тучи...»	110
103.	«Володя, ты Володя...»	111
104.	Флорида	112
105.	«Бездомный бродяга по свету скитался...»	113
106.	«На берегу сидит девица...»	114
107.	«Чайхана красивая у моря...»	115
108.	«Чудный месяц плывет над рекою...»	115
109.	«Холодна, равнодушна, небрежна...»	116
110.	«Ты слишком много мне принес...»	116
111.	«Ворожить и гадать мастерица...»	117
112.	«Полно, полно мне крушиться...»	117
113.	«Поздняя полночь пробила давно...»	118
114.	«Милые, кроткие очи твои...»	118
115.	«О чем грустишь, красавица...»	119
116.	«Нравится мне твоя поза унылая...»	119
117.	«Мама, мама, что со мною...»	120
118.	«Я по садику гуляла...»	120
119.	«Кто поверит моей скуке...»	121
120.	«Кругом, кругом ночная тьма...»	122
121.	«Глаза вы карие, большие...»	122
122.	«Вы мной играете, я вижу...»	123
123.	«Все говорят, что я многих любила...»	124
124.	Кирпичики	124
125.	Маша	125
126.	«Мне здесь скучно, моя дорогая...»	126
127.	«Тот платочек с розовой каемкой...»	126
128.	«Шел казак на побывку домой...»	127
129.	Хуторяночка	127
130.	«Тамара, Тамара...»	128

#### IV. ПУСКАЙ МОГИЛА МЕНЯ НАКАЖЕТ

131.	«Пускай могила меня накажет...»	130
132.	«Я сижу и люблюсь тобою...»	131
133.	«В голове моей мозг иссыхает...»	132
134.	«Вдали над озером в тумане...»	133
135.	«Глаза вы карие, большие...»	133
136.	«Зачем я тебя полюбила...»	134
137.	«Зачем я встретила с тобою...»	135
138.	«Не говори, что молодость сгубила...»	135
139.	«Лишь только вечер настает...»	136
140.	«Меня бранят, меня ругают...»	137
141.	«Ты вспомни комнату уютную...»	138
142.	«Отворите окно, отворите...»	138
143.	«Заразилась я чахоткой...»	139
144.	«Что так сильно, сердце, бьешься...»	139
145.	«Все говорят, что я в чахотке...»	140
146.	«Напрасно, девица, страдаешь...»	141
147.	«Ты вспомнишь, миленький, да поздно...»	141
148.	«Когда осенью листья сухие...»	142
149.	«Старик высокий, черноокий...»	142
150.	«Бывали дни веселые...»	143

151.	«Весь дом был освещен...»	144
152.	Колечко	145
153.	«Я за девушкой ухаживал три года...»	146
154.	«Когда я в люлочке качалась...»	146
155.	«По темным аллеям гуляли...»	147
156.	«По тихим аллеям гуляли...»	148
157.	«Сегодня я, милый, с тобою...»	149
158.	«Бедная девица, горем убитая...»	149
159.	«И вот подул холодный ветер...»	150
160.	«Гуляла с милым по садовку...»	151
161.	«Ночка темна, ночка темна...»	151
162.	«Любила меня мать, уважала...»	152
163.	«Ах, бедная жертва, как дорого ты...»	153
164.	«Сажусь за стол, беру я карты...»	153
165.	«Раз в цыганскую кибитку...»	154
166.	«Светит месяц так ясно...»	155
167.	«Шумел камыш, деревья гнулись...»	156
168.	«Я как вспомню, меня уважали...»	157
169.	«Ах, бедное сердце, куда ты стремишься?...»	158
170.	«В лес девицы за грибами...»	158
171.	«В эту лунную ночь...»	160
172.	«Танцевали мы танцы...»	160
173.	Лиля	161
174.	«Солнце скрылось за горою...»	162
175.	«Желтый лист задумался о чем-то...»	163
176.	«Течет речка по песку...»	164
177.	«Ах, моряк, моряк, моряк...»	165
178.	«Девушку из маленькой таверны...»	166

#### V. РАЗЛУКА, ТЫ РАЗЛУКА...

179.	«Последний час разлуки...»	169
180.	«Сама я розочку садила...»	170
181.	«Из-за Питера штафет...»	170
182.	«Что печально сидишь...»	171
183.	«Раздели ты со мной мою долошку...»	172
184.	«Все я глазки проглядела...»	172
185.	«Прощаюсь, ангел мой, с тобою...»	173
186.	«Пришел тот час, пора расстаться...»	173
187.	Песня цыганки	174
188.	«Кари глазки, где вы скрылись...»	175
189.	«Вечер догорал, а мы прощались...»	175
190.	«Не пой же, не пой, соловейко...»	176
191.	«Прощай, жестокое страданье...»	177
192.	«Скажи, скажи, когда вернешься...»	177
193.	«Зачем, зачем волшебной силой...»	178
194.	«Глаза вы карие, большие...»	178
195.	«Все птички канарейки...»	179
196.	«Все равно нам с тобой не встречаться...»	180
197.	«Ах, голубые глазки...»	180
198.	«Давным-давно я осиротела...»	181
199.	«Ты моряк, красивый сам собою	182
200.	«А со вчерашнего похмелья...»	183
201.	«Минуты горести настали...»	184
202.	«Минута горести настала...»	184

203.	«Минута горькая настала...»	184
204.	«Забудь, забудь и без упрёка...»	185
205.	«Цвела, цвела черемуха...»	186
206.	«Дым клубится над Невой...»	186
207.	«Свисточек одинокий...»	186
208.	«Поехал милый на машине...»	187
209.	«Миленький ты мой...»	187
210.	«Вечер догорал, а мы прощались...»	188

## VI. ЗАЧЕМ ТЫ, БЕЗУМНАЯ, ГУБИШЬ?

211.	«Зачем ты, безумная, губишь...»	190
212.	«Она, как статуя, стояла...»	191
213.	«Пишу письмо и жду ответа...»	192
214.	«Подул, подул холодный ветер...»	193
215.	«Пойду к цыганке погадаю...»	194
216.	«При хорошей при погоде...»	195
217.	«Над серебряной рекой...»	196
218.	«Ты любовь моя, любовь...»	197
219.	«Родимый ты, мой батюшка...»	198
220.	«Глаза вы карие, большие...»	198
221.	«Вы, люди добрые, поймите...»	199
222.	«Вспомни, вздумай, мой любезный...»	200
223.	«Не шей ты мне, матушка...»	200
224.	«Я у матушки выросла в холе...»	201
225.	«Я вечер в лужках гуляла...»	202
226.	«Мать, тебя я умоляю...»	202
227.	«Немилото, мама...»	203
228.	«Скрылось солнце за горою...»	204
229.	«На паперти народ толпился...»	205
230.	«Я знаю, ты тайно страдаешь...»	206
231.	«Я на острове родилась...»	206
232.	Кольцо	207
233.	«С прялкой девица...»	208
234.	«Я больна, я в больнице лежала...»	208
235.	«Чернобровый парень бравый...»	209
236.	«Цвети, цветочек аленький...»	210
237.	«Тонкую рябинушку...»	211
238.	«Солнышко светило...»	211
239.	«Скакал казак через долину...»	212
240.	Катя, Катерина	212
241.	«Месяц плывет над вершиной...»	213
242.	«Ах зачем эта ночь...»	213
243.	«Бывали дни веселые...»	214
244.	«По Мурманской дорожке...»	215
245.	«Вспомни, милая дорогая...»	217

## VII. СПИШЬ ТЫ ПОД ЗЕМЛЕЮ

246.	Три спутника	219
247.	«Всю вселенную я проехал...»	219
248.	«Горе мое, горяшко...»	220
249.	«Как хороша была та ночка голубая...»	221
250.	«Когда я на почте служил ямщиком...»	221
251.	«Заныло сердечко...»	222

252.	«Липа вековая...»	223
253.	«На дерновой скамье перед бледной луной...»	224
254.	Песня вдовы	224
255.	«С печальным взором у могилы...»	225
256.	«За лесом солнышко сияло...»	225
257.	«При бурной ночишке прохладной...»	226
258.	«За рошей тенистой...»	226
259.	«Когда мне было лет шестнадцать...»	227
260.	«Осыпаются пышные розы...»	228
261.	«Вечер вечерееет...»	229
262.	«На рыбалке росла и увяла...»	230
263.	«В одном городе жила парочка...»	231

## VIII. РАЗБИТА ЖИЗНЬ МОЯ

264.	«Стаканчики граненые...»	233
265.	«Горит костер, пылает...»	233
266.	«Звезды мои, звездочки...»	234
267.	«Люди добрые, скажите...»	234
268.	«Послушай, товарищ...»	235
269.	«Пойте вы, клавиши, пойте...»	236
270.	«Зачем сидишь до полуночи...»	236
271.	«Рано, рано я влюбилась...»	237
272.	«На родимую сторонку...»	238
273.	«Зачем ты, мать...»	238
274.	«Горит лампада тусклая...»	239
275.	«На горе уродилась...»	240
276.	«Любила цветы полевые...»	240
277.	«Когда б имел золотые горы...»	241
278.	«Я вспомню глазки голубые...»	243
279.	«Я вспомню глазки голубые...»	244
280.	«Не ходи так часто...»	245
281.	«Чем завлек ты меня...»	245
282.	«Чем увлек ты меня...»	246
283.	«Сухой бы я корочкой питалась...»	246
284.	«Зачем, зачем я вас узнала...»	247
285.	«Вспомни, милый, осенний тот вечер...»	248
286.	«Семнадцать лет девчонка...»	248
287.	«Меж полей широких...»	249
288.	«Однажды ночь была такая...»	250
289.	«Ноченька безвидная...»	251
290.	«Утомленная жаждой девица...»	252
291.	«Пташки-канарейки...»	253
292.	«Мне скучно жить без друга...»	254
293.	«Загорели люстры...»	255
294.	«Горит, горит лампадочка...»	256
295.	«Я вспомню, как его любила...»	257
296.	«Молодая девчонка...»	258

## IX. ПРОЛЕТЕЛА ПОРА ЗОЛОТАЯ

297.	«Минувших дней очарованье...»	261
298.	«Среди долины ровныя...»	261
299.	«Гляжу как безумный на черную шаль...»	263
300.	Вечерний звон	264

301.	«У зари, у зореньки...»	264
302.	«Однозвучно гремит колокольчик...»	265
303.	«Ах ты, ветка бедная...»	265
304.	«Ничто в полюшке не колышется...»	266
305.	«Грядой клубится белою...»	266
306.	«То не ветер ветку клонит...»	266
307.	«Вот вспыхнуло утро...»	267
308.	«Зачем отняли у меня...»	267
309.	Забыли вы	268
310.	«Вернись, я все прощу...»	268
311.	«Грустно идет моя жизнь одинокая...»	269
312.	«Угасли последние силы...»	269
313.	«Дремлют плакучие ивы...»	270
314.	«Не молись за меня, друг мой милый...»	271
315.	«Тоска, печаль...»	271
316.	«Что сидишь одиноко...»	272
317.	«Я о прошлом теперь не мечтаю...»	272
318.	«Я о прошлом теперь не мечтаю...»	273
319.	«Я помню день...»	273
320.	«Я помню ночь, луна светила...»	274
321.	«Ямщик, не гони лошадей...»	274
322.	«С коленопреклонением...»	275
323.	«Канареечка премлада...»	276
324.	«Я вспомню прежнее свидание...»	276
325.	«Черную розу, эмблему печали...»	277
326.	«Скрылось солнышко из глаз...»	277
327.	«Помнятся чудные ночи...»	278
328.	«Ох, насколько любовь зла...»	278
329.	«У меня под окном...»	279
330.	«Мы чужие теперь...»	279
331.	«Милый, помнишь ли наше свиданье...»	280
332.	«Кругом, кругом осиротела...»	280
333.	«Зачем я встретила с тобою...»	281
334.	«Зачем, зачем я вас узнала...»	282
335.	«Забытая тобою...»	283
336.	«Гитара плакала, а мы с тобой смеялись...»	283
337.	«Где эти лунные ночи...»	284
338.	«Белой акации гроздь душистые...»	285
339.	«Была весна, мы встретились с тобою...»	285
340.	«Узор судьбы чертит зеленый след...»	286
341.	«Под окном черемуха колышется...»	286
342.	«Мы случайно с тобой повстречались...»	287
343.	«Мальчишка спит...»	287
344.	«Куда я завтра днем пойду...»	288
345.	«Я слушаю тебя внимательно и чутко...»	289
346.	«Мне березка дарила сережки...»	289
347.	«Когда мне лет шестнадцать было...»	290
348.	«Тихо ночь над городом парила...»	291
349.	«Надоело целовать и плакать...»	291
350.	«Пол тоскливые звуки гитары...»	292

## X. ЗЛОЙ РОК И ВОЗМЕЗДИЕ ЗА ЗЛОДЕЙСТВО

351.	«Под вечер осенью ненастной...»	294
352.	Тростник	295



353.	«Когда-то был в Англии царь удалой...»	296
354.	«В одном прекрасном месте...»	297
355.	«Ехали солдаты...»	399
356.	«Паша, ангел непорочный...»	300
357.	«Отец старый был, дети малые...»	301
358.	«Жила девушка с родной матерью...»	302
359.	«Я кончил курс своей науки...»	303
360.	«Да что вы, граждане, припечалились...»	304
361.	Марианночка	305
362.	«Первый факт расскажу я вам...»	307
363.	Кладбище Митрофаньевское	308
364.	«Жил я в городе Калуге...»	309
365.	Надя	310
366.	«На заводе том была парочка...»	311
367.	«Напрасно Катюша ждет мужа домой...»	312
368.	«Это было совсем лишь недавно...»	313
369.	«По Дону гуляет...»	314
370.	«Девчонка-красотка...»	317
371.	Громобой	317
372.	«При долине, долине широкой...»	318
373.	«Луна красавица лениво...»	319
374.	«Далеко в притоне Сан-Францисском...»	320
375.	«Есть в Италии маленький дом...»	321
376.	«Задумал я Богу помолиться...»	321
377.	«Близко города Славянска...»	322
378.	«Капитан, и родина его — Марсель...»	323
379.	«Как в одной небогатой деревне...»	323
380.	«Между Москвой и Ленинградом...»	324
381.	«По Чуйскому тракту...»	325
382.	«Среди бушующих калин...»	327
383.	«Вот мчится поезд по уклону...»	328
384.	«Во городе во Киеве...»	329
385.	«Все васьилки, васьилки...»	329
386.	Лариса	331
387.	«Корабль под названием «Медуза»...»	332
388.	«Семнадцать лет из-под неволи...»	332
389.	«По деревне ходила со стадом...»	333
390.	«Двенадцать часиков пробило...»	334
391.	«Однажды сижу за роялем...»	335
392.	«Как в Грибьевской деревне...»	336
393.	Хуторок	337
394.	Ванька-ключник	340
395.	«Хас-Булат удалой...»	341
396.	«Звени, бубенчик мой, звени...»	342
397.	«В лесу над рекой жила фея...»	343
398.	«На Варшавском на главном вокзале...»	344
399.	«Окрасился месяц багрянцем...»	345
400.	«Где раздается запах лилий...»	346
401.	Коломбина	347
402.	«Любовь бывает хороша...»	348
403.	«Вот спою я вам песню новую...»	349
404.	«Что ты плачешь, мой маленький мальчик...»	350
405.	«Тихо сияла луна...»	351
406.	«На дворе стоит да пень березовый...»	352
407.	«Живет моя красотка...»	353

408.	«Меж крутых бережков...»	353
409.	«У нас на хуторе один мальчик жил...»	355
410.	«На столе сидит серый котеночек...»	356
411.	«Садилось солнце за горами...»	356
412.	«Вьется сокол над осокой...»	357
413.	«Как во нашей во деревне...»	357
414.	«Они дружили друг с другом с детства...»	358

## XI. ГОРЬКАЯ СУДЬБА

415.	Тройка	361
416.	«Меж высоких хлебов затерялся...»	362
417.	Доля бедняка	362
418.	«Месяц молодой...»	363
419.	«Жил я, только мучился...»	364
420.	«В одном селе жила Анюта...»	364
421.	«Сиротой я росла...»	365
422.	«Степь да степь кругом...»	366
423.	«На железную цепь ворота заперты...»	367
424.	«Пастушка юная, младая...»	368
425.	«На паперти божьего храма...»	369
426.	«Зима, метели в крупных хлопьях...»	370
427.	«Жизнь, зачем ты собой...»	371
428.	«Развяжите мои крылья...»	371
429.	«Серая осень, лист падал, кружился...»	372
430.	«По дорожке зимней, скучной...»	373
431.	«Спишь ты, спишь, моя родная...»	373
432.	«Пошла я в лес за малиной...»	374
433.	«Встань, проклятая машина...»	375
434.	«Мучит, терзает головушку бедную...»	375
435.	В ткацкой	375
436.	«Измученный, истерзанный...»	376
437.	Песня о коногоне	376
438.	Золотоискатель	377
439.	Кочегар	378
440.	«Какие нынче годы...»	380
441.	«Я думаю, что очень нужно...»	381
442.	«У входа роскошной палаты...»	382
443.	В холодную бурную ночь	382
444.	«Родила меня мать под забором...»	383
445.	«Можно ли купеческу дочку...»	384
446.	«В чудном саду, где так много приволья...»	385
447.	«В Петрограде дом обширный...»	385
448.	«По диким степям Украины...»	386
449.	«Бульваром я шел торопливо...»	387
450.	«Не ругайте меня, дорогие...»	388
451.	«Сегодня решила покончить с собой...»	389
452.	Серая юбка	390
453.	«Не плачь, подруженька...»	391
454.	«Ты говоришь, что я пьяна...»	392
455.	«В Москве ночные улицы...»	392
456.	«Не знал я мать, не знал отца...»	393
457.	«По приютам я с детства скитался...»	394
458.	«Там вдали при долине...»	394
459.	«На далекой Мурманской дороге...»	395

460.	«Вот раздался гудок паровоза...»	396
461.	Смоленский мальчишка	397

## ХП. РАЗБОЙНАЯ ВОЛЯ И ТЮРЕМНАЯ ДОЛЯ

462.	«Что затуманилась, зоренька ясная...»	399
463.	Песня узника	400
464.	«Все тучки приваесились...»	400
465.	«Среди лесов дремучих...»	401
466.	«В темнице несносной...»	402
467.	Орел	403
468.	«Звенит звонок насчет проверки...»	403
469.	«Когда я был мальчик свободный...»	404
470.	«Славное море, священный Байкал...»	405
471.	«По диким степям Забайкалья...»	406
472.	«Глухой неведомой тайгою...»	407
473.	«Уж как с вечера погода...»	407
474.	«Скажи, каторжанин, всю правду...»	408
475.	«Скажи-ка, скажи-ка, товарищ...»	409
476.	«Ах, ямщик, ты ямщик...»	410
477.	Убийство купца Четверикова	411
478.	«Говорила сыну мать...»	412
479.	«По пыльной дороге, под солнцем палящим...»	413
480.	«Черная юбка, белая кайма...»	414
481.	Колодники	415
482.	«Далеко в стране Иркутской...»	416
483.	«Как вот мать с отцом, родители...»	417
484.	«Солнце всходит и заходит...»	417
485.	«Ничего в тюрьме не слышно...»	418
486.	Комаров	419
487.	Песня каторжан с острова Сахалина	419
488.	«Разаленький цветочек...»	420
489.	«Моя маменька хворает...»	421
490.	«Вот скоро, скоро поезд тронет...»	421
491.	«Ветер дует-подувает...»	422
492.	«В камере тесной, сырой и холодной...»	423
493.	«Зачем я встретился с тобою...»	424
494.	«Отворите окно, отворите...»	424
495.	Смерть арстанта	425
496.	«Скоро буду в окружном судиться...»	426
497.	«Все подружки веселятся...»	427
498.	«Ах ты, доля, моя доля...»	427
499.	«Не для меня придет весна...»	428
500.	«Голова ль ты моя удалая...»	429
501.	Моряк	429
502.	«Спи, мой маленький мальчишка...»	430
503.	Гимназисточка	430
504.	«Горит свеча дрожащим светом...»	431
505.	«Располным-полны домзаки...»	432
506.	Исправдомовские «Кирпичики»	432
507.	«Ах, пойте вы, клавиши, пойте...»	433
508.	«Судьба большую роль играет...»	434
509.	«Прощай, мой сын...»	435
510.	«В воскресенье мать-старушка...»	436
511.	«Сию я день, сию неделю...»	437

512.	«Вот вышла заря, озарила...»	437
513.	«Среди густого леса...»	438
514.	Аржак	439
515.	«Это было давно и все правда...»	440
516.	«Стою я раз на стреме...»	441
517.	Мурка	442
518.	Жора, поддержки мой макинтош	443
519.	«Ночь, кругом все потемнело...»	444
520.	«Ах, Москва, Москва...»	445
521.	«Дни за днями шли, и навар гудел...»	446
522.	«На Молдаванке музыка играет...»	447
523.	«О милая, добрая мама...»	448
524.	«На углу Малой Лубянки...»	449
525.	Марсельеза шпаны	449
526.	Пролетарочка	450
527.	«Полюбил всей душою девицу...»	451
528.	«Полюбил всей душой Маргариту...»	452
529.	«Приходи ты на бан, я там буду...»	452
530.	Жиганские глаза	453
531.	«Луной озарены зеркальные воды...»	453
532.	«Начинаются дни золотые...»	454
533.	«Золотится серенький дымок...»	454
534.	«Сиреневый туман над нашей крышей тает...»	455
535.	«Есть в Ростове речонка Самара...»	456
536.	«Сегодня решил я покончить с собой...»	457
537.	«Когда с тобой мы встретились...»	458
538.	«Полюбил я девушку простую...»	459
539.	«Не губите молодость, ребяташки...»	460
540.	«Выпустят колечки или челочки...»	461
541.	«Вот мчится, мчится черный ворон...»	461
542.	«Много девок есть...»	462
543.	«Когда качаются фонарики ночные...»	463
544.	«Был торговый трест показательный...»	464
545.	«Скучно и мрачно в больнице тюремной...»	465
546.	«По карманам ветер воет...»	465
547.	«Споем, жиган, нам не гулять по барам...»	466
548.	«Тюрьма, тюрьма — какое слово...»	466
549.	Посылка	467
550.	«Я сiju за решеткой, за железной стеной...»	468
551.	Сережа	468
552.	«Здравствуй, мать, прими привет от сына...»	469
553.	«Мама, милая мама...»	470
554.	«Что творится по тюрьмам советским...»	471
555.	«Здравствуй, мама...»	472
556.	«Кто про Север далекий не знает...»	472
557.	«Этап на Север — срока огромные...»	473
558.	«За Полярным кругом...»	474
559.	Таганка	475
560.	Ванинский порт	475

### ХШ. КОЛОКОЛЬЧИКИ-БУБЕНЧИКИ ЗВЕНЯТ

561.	«Раз прислал мне барин чаю...»	478
562.	«Три дня хлеба не пекла...»	479
563.	«Как у нашего соседа...»	480

564.	Студенческая песня .....	481
565.	Студенческая застольная .....	482
566.	«Как имела я любовника...» .....	483
567.	«По большой Московской улице...» .....	483
568.	«Февраля двадцать девятого...» .....	484
569.	«Шел я улицей Варваркою...» .....	485
570.	«Раз Ерема в кабаке...» .....	487
571.	«Друзья, прощайте, помираю...» .....	488
572.	«В понедельник я влюбился...» .....	488
573.	«Ты послушай, голова...» .....	489
574.	«Раз полоску Маша жала...» .....	489
575.	«Расскажу я вам сейчас...» .....	490
576.	«Провожала Дуня мужа...» .....	492
577.	«На дворе стоял рождественский мороз...» .....	495
578.	Домовой .....	495
579.	«Машенька-дороженька...» .....	496
580.	«Я на бочке сижу...» .....	497
581.	«За рекой на горе...» .....	497
582.	«Помнишь, Акулька, мгновение...» .....	498
583.	«За серебряной рекой...» .....	499
584.	«Васька втрескался в Дуняшку...» .....	499
585.	Перепетуя .....	500
586.	«Лучше бы я утопился...» .....	501
587.	«В тропическом лесу купил я дачу...» .....	502
588.	«Задумал я, братишечки, жениться...» .....	502
589.	«На деревне нет красивше парня...» .....	503
590.	«Паровоз по рельсам мчится...» .....	504
591.	«Дело было в январе...» .....	504
592.	Самогон .....	505
593.	«С деревьев листья опадают...» .....	506
594.	«Ах, когда умрешь ты...» .....	508
595.	«У бабушки, под крышей сеновала...» .....	509

#### XIV. ПРОСНИСЬ, ДУША!

596.	Гора Афон .....	511
597.	Стихи о смертной памяти .....	512
598.	Стих страдальца .....	513
599.	«Видно, в мире жить скитаться...» .....	514
600.	«Я в пустыню удаляюсь...» .....	515
601.	«Время радости настало...» .....	516
602.	Стих пустынницы .....	517
603.	Покаяние пустынницы .....	517
604.	Господь - упование человека, земное - тлен .....	518
605.	Стих о прекрасном раю .....	521
606.	«Боже, жизнь мою управи...» .....	522
607.	«Умоляла мать родная...» .....	522
608.	«Чу, уныло завывает...» .....	523
609.	«Вот смерти вестник новый...» .....	524
610.	«К тебе, о Боже, я взываю...» .....	525
611.	«К чему скорбеть, о чем крушиться...» .....	526
612.	«Боже, зри мое смирение...» .....	527
613.	«Если в жизни измучен бываешь...» .....	528
614.	Иордан .....	529
615.	XX век .....	530

616.	Голос трезвого .....	531
617.	Отповедь сквернослову .....	532
618.	Не осуждай .....	533
619.	Смерть без покаяния .....	533
620.	Крик души христианской .....	535
621.	Неверам .....	537
622.	На утешение страдальцу христианину .....	538
623.	Как надо молиться .....	539
624.	Впечатление в ясный день .....	540
625.	Созерцание природы ведет нас к духовной свободе .....	541
626.	Лазурное небо .....	541
627.	На утешение матери, потерявшей своего сына-отрока .....	542
628.	Душа моя, восстань, что спишь .....	543
629.	Проснись, душа! .....	544
630.	«Снова греет солнце, только не меня...» .....	545
Комментарии .....		546
Содержание .....		566